КОГДА У СЕМЬИ
ЕДЕТ КРЫША

Инцест,
педофилия,
жестокое
обращение
с детьми

В данном издании авторы - Мартин Нисс и Пьер Сабурен, представляют внутренние механизмы совершения актов плохого обращения и инцеста, связывая их с классическими или менее известными теориями, а также с собственным опытом и повседневной практикой, являющимися следствием более 20 лет работы их парижского центра Бют-Шомон.

Перевод и издание этой книги является следствием большого интереса участников семинара, проводимого в 2009 году в Москве по теме «психологической и юридической поддержки детям – жертвам сексуального насилия» в рамках программы, координируемой БИСЕ «Профилактика насилия и сопровождение детей-жертв сексуального насилия в СНГ». Таким образом, заинтересованные специалисты, работающие в области защиты детства, могут ознакомиться с теориями и практиками, способными их вдохновить.

© Les Cunliffe-Fotolia.com

bice
International Catholic
Child Bureau
Dignity and rights of the child

www.bice.org

ISBN 978-2-914862-71-4

КОГДА У СЕМЬИ ЕДЕТ КРЫША

bice

Мартин НИСС
Пьер САБУРЕН

КОГДА У СЕМЬИ ЕДЕТ КРЫША

Инцест, педофилия, жестокое обращение с детьми

bice
International Catholic
Child Bureau
Dignity and rights of the child

Martine Nisse
Pierre Sabourin

Quand la famille marche sur la tête

Inceste, pédophilie, maltraitance

Edition du Seuil, octobre 2004
Couleur psy – Seuil
Collection dirigée par Mony Elkaïm

Мартин Нисс
Пьер Сабурен

Когда у семьи едет крыша

Инцест, педофилия, жестокое обращение с детьми

Перевод с французского
Ярослав Богданов
Наталья Руткевич
Любовь Читахова
Бруно Биссон

Москва
2013

Нисс, Мартин.
Сабурен, Пьер.
Когда у семьи едет крыша. Инцест, педофилия, жестокое обращение с детьми. / Мартин Нисс, Пьер Сабурен. — М.: 2013. 392 с.

Издание осуществленно
при финансовой поддержке
OAK FOUNDATION

Публикация BICE

bice
International Catholic Child Bureau
Dignity and rights of the child

www.bice.org
bice-europecei@bice.org

Бисе является сетью организаций, созданной в 1948 году в Париже и имеющей своей миссией продвижение достоинства и прав ребенка через распространение передовых практик хорошего обращения с помощью международных обучающих семинаров, публикаций.

Координация издания на русском языке:
Амели Кук, Диана Филатова (Бисе)

ISBN fr 978-2-020610-68-1
ISBN 978-2-914862-71-4

Предисловие

Мартин Нисс и Пьер Сабурен, соответственно педагог и психиатр, а также семейные терапевты являются соучредителями Центра Бют-Шомон (Centre des Buttes Chaumont) в Париже. Этот уникальный центр специализируется на терапевтическом сопровождении жертв и авторов семейного и внесемейного насилия.

В данном издании авторы представляют нам внутренние механизмы совершения актов плохого обращения и инцеста, связывая их с классическими или менее известными теориями, а также с собственным опытом и повседневной практикой являющимися следствием более 20 лет работы центра. Данная книга также детально представляет новейшую практику – системную сетевую терапию, основывающуюся на междисциплинарном социальном, юридическом и терапевтическом сотрудничестве, проходящем в интерактивном рабочем окружении.

Мартин Нисс и Пьер Сабурен развивают здесь основополагающую идею о том, что терапевтический процесс, в который вступает ребенок, являющийся жертвой сексуального насилия, может быть эффективным исключительно при условии понимания и включения в него глобальной системы, в которой ребенок и его семья развивались на протяжении долгого времени. Если плохое обращение, как это бывает в большинстве случаев, происходит внутри семьи, то тогда необходимо «лечить» не

только отдельного человека, но и всю систему, чтобы избежать таких рисков как воспроизводство насилия, идентификация с агрессором или повторная виктимизация.

Во время семинара, проводимого в 2009 году в Москве по теме «психологической и юридической поддержки детям – жертвам сексуального насилия», Мартин Нисс проводила тренинг для профессионалов стран СНГ в рамках программы координируемой Бисе «Право на счастье – профилактика насилия и сопровождение детей-жертв сексуального насилия в СНГ».

В свете большого интереса выраженного участниками к теме в целом и к новейшим практикам, разработанным в центре Бют-Шомон в частности, Бисе посчитало целесообразным перевести книгу «Когда у семьи едет крыша» и предоставить, таким образом, возможность русскоговорящим специалистам иметь доступ к информации и практикам способных их вдохновить.

Мы хотим сердечно поблагодарить Мартин Нисс за предоставленную ей возможность широкого распространения данной книги на русском языке для наилучшей защиты и развития прав детей.

Амели Кук,
руководитель сети партнерских
организаций Бисе в Европе и СНГ

Уведомление читателю

Все примеры, использованные в данной книге, были частично изменены в целях соблюдения конфиденциальности.

Мы также использовали «мы» для обозначения терапевтических тандемов или индивидуальных терапевтов работающих или работавших в Центре Бют-Шомон.

Содержание

Предисловие 5
1. О некоторых стереотипах 11
2. Первый телефонный звонок
(для проведения сетевой терапии) 25
3. Фрейда подвергли цензуре... 37
4. Ференци наконец опубликовали... 51
5. О решающем значении системного мышления 69
6. Обстановка проведения сетевой психотерапии 110
7. Примеры сеансов терапии 134
8. Работа со спонтанными рисунками детей 167
9. Посттравматические диссоциации 195
10. Несовершеннолетние сексуальные агрессоры 230
11. Женская педофилия 259
12. Правосудие в действии 282
13. До судебного процесса 316
14. Что делать в суде? 353
15. От одной эпохи к другой 380
Эпилог 387
Благодарности 389

Однажды, в газетном киоске Вэствуда, в Калифорнии, я сделал несколько заметок, читая статью, напечатанную в Scientific American[1] *под названием «Адские клетки. За километрами под землей, вопреки адской жаре, жизнь процветает внутри скал». Какая описательная метафора не только для редких бактерий, но и для многочисленных людских судеб.[...]Если вы решите засунуть нос в некоторые из регионов этой планеты, вы рискуете сильно обжечься. Я не перестаю думать о двух утверждениях Рильке: «Испытанное сердце богаче в страдании», но затем следует «Но после некой точки, испытанное сердце никогда не заживет».*

Джим Харрисон,
В стороне

[1] Научно-популярный американский журнал о новых и инновационных исследованиях.

1.О некоторых стереотипах

«Мы лишь предлагаем перестать твердить, что «реальность не подлежит анализу», а вместо подобных псевдонаучных благоглупостей и во имя того законного интереса, который мы проявляем к фантазиям маленьких детей, сосредоточить внимание на некоторых формах так называемого «взрослого» поведения родителей, выявляющих наличие у них склонностей к разрушению и соблазнению».

Жорж Девере [2]

С семьями, у которых едет крыша, где дети подвергаются жестокому обращению, где происходит инцест и наблюдаются психотические расстройства, – с такими семьями мы работаем вот уже более двадцати лет. Мы проводим лечение как жертв насилия самого разного рода (физического, сексуального, психического), так и насильников – несовершеннолетних насильников, их родителей, бабушек и дедушек, братьев и сестер. Применяем различные виды семейной терапии, которые наиболее соответствуют конкретной кризисной ситуации. Такую терапию мы на-

[2] G. Devereux, Essais d'ethnopsychiatrie générale, Paris, Gallimard, 1973, p. 185, «La delinquance sexuelle des jeunes filles dans une société puritaine» (conférence, 1964).

зываем сетевой, индивидуальной и парной. Именно благодаря этой множественности взаимодополняющих подходов и знанию разновидностей системы «насильник-жертва» мы научились предвосхищать некоторые импульсивные насильственные действия. Поскольку нам не раз доводилось выслушивать одни и те же возражения – зачастую почти ничем не подкрепленные, – мы решили дать здесь перечень основных предрассудков по отношению к такому повсеместно распространенному явлению, как жестокое обращение с детьми.

«ТОЛЬКО ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ ВСЕ УПРОЩАТЬ!»

Уделить пристальное внимание психической травме в самый момент ее нанесения или как можно быстрее после принятия решения о проведении терапии есть наилучший способ лечения. Причем само понятие травмы и, в частности, сексуальной травмы стоило бы обновить, так как из-за его банальности можно сделать вывод о том, что оно якобы устарело.

Ребенку фактически грозит опасность в его собственной жизненной среде, будь то в родной или усыновившей его семье, в приемной семье или в детском доме, приюте и т.п. Когда от ребенка, который был унижен, изнасилован, предан, скрывают правду, у него не остается базовых ориентиров, чтобы выжить после того, что он испытал на себе втайне от всех (угрозы и стыд). Он испытывает огромное чувство вины, которым объясняется его либо крайне подавленное состояние, либо, наоборот, гиперактивность и причины которого кроются не в его импульсивных влечениях. Если его слова, пусть даже бессвязные или содержащие ложь, не будут выслушаны должным образом – т.е. комплексно, в рамках трансгенерационного подхода, – жестокое обращение с ним будет продолжаться, и перверсии только умножатся. Бессмысленно проводить индивидуальную терапию, не принимая во внимание весь контекст жизни субъекта, испытавшего жестокое обращение, и не учи-

тывая серьезнейшую исходную трансгрессию, которая может являться правонарушением или преступлением.

Характерная реплика «Давайте не будем все упрощать!», которую можно услышать в таких ситуациях даже от опытных профессионалов, весьма показательна, ибо, во-первых, свидетельствует о дезинформации, восходящей корнями к временам их учебы, а во-вторых, о нежелании лучше разобраться в том, что они сами испытывают по отношению к таким экстремальным ситуациям, которые настоятельно требуют от каждого творческого подхода.

На самом же деле нет ничего проще очевидной мысли о ранней детской травме. Неправда, что наличие у маленьких детей сексуальности, которую так полно и комплексно сумел описать Фрейд, позволяет делать вывод о том, что ранней травмы якобы вообще не может быть. Однако именно это без зазрения совести утверждается некоторыми теоретиками, которые даже придумали бессмысленный термин «травматофилия», ставящий все с ног на голову. Использование этого понятия говорит о чудовищной недооценке непредвиденных последствий, как если бы навязчивое повторение[3], под влиянием которого бессознательно находится ребенок, подвергшийся насилию, являлось некоей спонтанно возникшей в нем новой перверсией. Тогда можно не ломать себе голову и приравнять эту псевдоперверсию ко всем прочим известным и описанным извращениям: зоофилии, некрофилии, копрофилии, педофилии и т.п.[4]

За этим псевдонаучным термином скрывается извращенная логика, и обозначают им то, чего не хотят понять, а именно, «ревиктимизацию» ребенка, пережившего жестокое обраще-

[3] Навязчивое повторение – более или менее интенсивный бессознательный механизм, описанный Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Этим термином он обозначил любые постоянно воспроизводимые мысли или действия. S. Freud, Essais de psychanalyse, Paris, Payot, coll. «PbP», 1981, p. 43.

[4] Совершение половых актов с животными, трупами, экскрементами, детьми и т.п.

ние, то есть такой механизм психологической защиты, который бессознательно побуждает ребенка к тому, чтобы вновь и вновь подвергать себя опасности со стороны людей, уже совершивших или потенциально способных совершить в отношении него агрессивные действия. Это бессознательное поведение является посттравматическим, связанным с травмой, пережитой ребенком-жертвой, который идентифицировал себя со своим агрессором-насильником. С этим выводом не так легко согласиться (и мы еще поговорим об этом подробнее), поскольку он влечет за собой признание диссоциативного расстройства личности как одного из посттравматических симптомов, описанных еще на заре психоанализа.

«ПАПА» И «МАМА»

Нередко приходится слышать, как самые различные специалисты по работе с детьми, несмотря на любые трагические ситуации, применяют для обозначения отца и матери – уже совершивших преступление или правонарушение сексуального характера, – слова «папа» и «мама». Даже когда сам ребенок уже не желает видеть ни отца, ни мать, – а это самый крайний случай, – представители органов опеки, психологи, социально-медицинские работники упорно продолжают говорить, обращаясь к ребенку: «Ты же сам видел, как твоя мама устала» или «Папа у тебя хороший, добрый, он очень скучает по тебе» и т.п. Такого рода типичные фразы, в которых используются эти нежные слова, обозначающие родителей, резко снижают тяжесть реально перенесенного детьми жестокого обращения. Эти автоматические, банальные, стереотипные обозначения, которые употребляют социальные работники, отдельные психологи и некоторые судьи, полагающие, что с детьми надо разговаривать так, как они сами разговаривают, имеют разрушительные последствия для психики ребенка, ставшего жертвой тяжелой травмы, поскольку ему не позволяют разграничить патологическое пове-

дение его родителей, которых он по-прежнему любит, несмотря на все, что они с ним сделали, и достаточно хорошее материнское поведение[5] или достаточно структурирующее отцовское поведение, о чем у него пока нет ни малейшего понятия[6].

Игнорирование этого нюанса, столь важного для психической экономики травмированного ребенка как в его настоящем, так и в будущем, вносит еще большее замешательство в его сознание и препятствует установлению доверительных отношений с его собеседниками, так как он прекрасно чувствует, что эти взрослые сами не могут расстаться с всякими идеальными образами, вроде Деда Мороза или Девы Марии, и если можно так выразиться, те патологические влечения, акты детоубийства или инцеста, которые могли испытывать такие дети душой и телом в своей повседневной жизни, буквально парализуют их разум. Вследствие всего этого откровенные, разоблачительные признания, касающиеся многообразных форм сексуального насилия и жестокого обращения с детьми, нередко остаются частично невысказанными или высказанными крайне невнятно, поскольку они непредставимы, немыслимы.

В дальнейшем мы увидим, как при проведении сетевой терапии простейшие меры лингвистического характера дают немедленный эффект по снятию такого блокирования. Мы покажем, как во время сеанса мы помогли ребенку набраться смелости и открыто выразить законную ненависть по отношению к извращенному поведению его родителей или прочих насильников, то есть она оказалась направлена не против собственного родителя как такового, о котором у него

---

[5] Понятие «достаточно хорошая мать» впервые ввел Д. Винникотт, обозначив им такое отношение матери к ребенку, которое в удовлетворительной степени способствует его нормальному развитию.

[6] Этот эффект в чем-то близок к тому, что в теории систем обозначается ключевым термином «двойное послание», «двойная связь» (double bind) или, выражаясь упрощенно, парадоксальная коммуникация. Мы рассмотрим более подробно последствия такого способа коммуникации в главе «О решающем значении системного мышления».

по-прежнему сохраняются очень ценные и полезные для него воспоминания, но против конкретных поступков этого родителя. Благодаря такому подходу во время сеансов случались неожиданные признания и разоблачения случаев насилия над маленькими детьми, причем эти акты насилия совершались во время общения с ребенком, разрешенного постановлением ювенального суда! Предполагается, что несовершеннолетний, будучи помещен в другие условия, ограждается, таким образом, от жестокого обращения, а на самом деле он продолжает подвергаться насилию чуть ли не на глазах так называемых посредников. Это просто чудовищно, ребенок от всего этого сходит с ума. Ниже мы остановимся подробнее на длительных расстройствах, порождаемых такими ультрапарадоксальными ситуациями.

Когда эти стереотипные формулировки с использованием слов «папа» и «мама» начинают бездумно повторяться во время сеанса, мы пресекаем это самым решительным образом. Спокойным, но твердым тоном мы задаем вопрос, обращаясь к тому, кто только что употребил такое выражение: «Не кажется ли вам, что ласковое слово «мама» не совсем подходит к описываемой вами ситуации?» Вопрос можно поставить и по-другому: «Учитывая жестокость действий, о которых идет речь, не лучше ли вместо слова «папа» использовать нейтральное слово «отец»? Мы же тут ведем разговор о сексуальном насилии, об инцесте, а «папа» – это добро, нежность...» Такие напоминания о контексте делаются намеренно для дестабилизации социального работника, поскольку в первую очередь они направлены именно на него, но в то же время они создают эффект неожиданности для детей, что позволяет им без лишних затруднений войти в процесс терапии. Дети мгновенно хватаются за этот «сезам», ведь когда они к нам поступают, они бесконечно далеки от адекватного понимания того, что творится в их семьях, и неспособны провести различие между

жестокими насильственными действиями родителей, которые нужно отбросить, и проявлениями доброжелательности со стороны тех же самых родителей, которые следовало бы бережно хранить в памяти. Приступая к делу именно таким образом, мы создаем некое нетрадиционное пространство терапии, где происходит переосмысление идеализированных образов родителей, и в котором дети спонтанно находят свое место, самостоятельно формируя необходимые четкие представления о пережитом ими жестоком обращении.

Работа над законной ненавистью[7], испытываемой детьми, проходит быстрее, когда им предлагают нарисовать карикатуру на их насильника, стимулируют игру слов с использованием неприличных обозначений для обзывания его, например, так: «Он совсем на своей сексуальной пипиське кукукнулся» – выражение, отчасти заимствованное из комиксов про Титефа, любимого героя детей 8-10 лет[8].

В дальнейшем мы увидим, что эти дети находились буквально на пороге фундаментальных изменений, когда терапевт разрешил им распахнуть дверь и выразить свое возмущение словами. Для них это ново и непривычно, ведь раньше им никогда не разрешалось под страхом наказания выплескивать в присутствии взрослых свое негодование, свой по-настоящему праведный гнев. Поначалу нам приходится подбадривать их, когда они в нерешительности умолкают, поглядывая на свою мать или на озадаченную соцработницу. Потом мы стараемся похвалить их за изобретательность, когда они находят, например, забавное прозвище для деда-насильника «дедка-тошнотик» (ниже мы расскажем о том, как проводилась терапия с одним из детей, придумав-

[7] F.Guyer, M.Nisse, P.Sabourin, La Violence impensable, Paris, Nathan, 1991, 2004, p. 165

[8] C.Goldberger, «Derrière l'insulte... Pétasse, mais encore?», Marie-Claire, octobre 2003.

ших это прозвище). От сеанса к сеансу такие проявления гнева становятся все менее резкими, что позволяет лучше подготовить детей к даче показаний в суде. Нам нередко доводилось видеть, как председатель суда присяжных выражает благодарность таким детям за достойное поведение на процессе по делу их родителей-преступников, однако достичь этого удавалось после нескольких лет терапии.

Еще сложнее бывает проводить терапию в тех случаях, когда кто-то из родителей совершил убийство. Так, на первом сеансе с двумя мальчиками, у которых был якобы фобический симптом, состоявший в том, что они не желали больше видеть свою мать-убийцу, соцработница начала объяснять нам ситуацию, сразу же заявив в присутствии детей: «Мама убила папу».

Их мать действительно убила своего сожителя – отца мальчиков, который зверски избивал их, – а затем разрубила труп на куски и выбросила в реку. В этом ей помогал ее отец. Выйдя из тюрьмы, она не могла спокойно выносить, когда ей напоминали о совершенном ею преступлении, более того, обвиняла собеседников в насилии по отношению к ней самой... В результате соцработники попадали в ловушку «двойной связи», или «двойного послания»: она становилась жертвой своих сыновей, поскольку они не желали больше ее видеть. Очевидная задержка развития[9] у этих детей в сочетании с серьезными проблемами со здоровьем явно свидетельствовала об их невыразимом страдании, и терапию с ними можно было проводить не иначе, как помогая детям преодолеть отчаяние, смириться с безвозвратной утратой, даже двойной утратой, ибо они потеряли и отца, и мать-убийцу и ощущали себя круглыми сиротами, но также, помогая соцработникам свыкнуться с мыслью о том, что они должны перестать заниматься самовнушением и навеки

[9] D. Rapoport, A. Roubergue-Schlumberger, Blanche-Neige, les sept nains et… autres maltraitances. La croissance empêchée, Paris, Belin, 2003.

расстаться со своими стойкими иллюзорными представлениями о «папе» и «маме».

СОХРАНЕНИЕ СВЯЗИ

Одним из самых вредных стереотипов, подлинным предрассудком, за которым стоит целая идеология и который разделяется соцработниками, ссылающимися, в свою очередь, на решения ювенальной юстиции, является пресловутое «сохранение связи» между родителями и детьми. И связь эта априори считается благотворной! А что гласит закон? «Всякий раз, когда это представляется возможным, несовершеннолетнего следует оставлять в прежней среде»[10]. Сформулировано ясно, однако понятие «возможного» довольно расплывчато и предоставляет судьям большой простор для различных толкований. То, что должно было бы способствовать благополучию, оборачивается иногда трагедиями и сломанными судьбами. Как часто нам приходилось сталкиваться с семейными делами, где в результате неправильной оценки ребенок оставался в крайне опасной ситуации! Употребленное законодателем понятие «возможности» само по себе превосходно, но, к несчастью, оно сплошь и рядом воспринимается с такой отвлеченностью от действительности, которая граничит с неосознанным садизмом. Совсем недавно специальный докладчик ООН счел необходимым выступить с резким осуждением Франции за «серьезные недостатки в системе правосудия в отношении детей, ставших жертвами сексуального насилия, а также лиц, пытавшихся защитить таких детей»; он «рекомендует применять принцип предосторожности во всех юридических процедурах, в рамках которых высказываются утверждения о сексуальном насилии над детьми, причем обязанность предъявления доказательств должна лежать на той стороне, которая намерена убедить суд в том, что ребенок не

[10] Статья 375-2 Французского Гражданского кодекса (Закон от 4 июня 1970 г.)

подвергается риску насилия»[11]. То есть жертва не обязана доказывать, что она является жертвой. Мы еще вернемся к этому.

Само собой разумеется, что мы больше всего на свете желали бы сохранения эмоциональных связей между родителем и его ребенком, в которых проявлялись бы нежность и уважение, особенно если эти семейные связи доброкачественны. Но в том-то и дело, что семьях, которые потеряли голову, такие связи всегда двусмысленны, губительны и предосудительны в сексуальном плане... В общем, ничего особенно доброго от них ждать не приходится.

Отдельные решения органов правосудия приводят, на наш взгляд, к совершенно катастрофическим последствиям, хотя в краткосрочной перспективе они, в самом деле, могут быть экономически целесообразными. Вопрос этот не столь безобидный, как кажется, так как финансовые аспекты «оставления в прежней среде» скорее всего, оказываются решающими при принятии некоторых административных решений. Однако в конечном счете это оборачивается гораздо большими затратами, когда возникает необходимость помещения детей на долгие годы в специализированные учреждения для лечения последствий жестокого обращения с ними в их естественной среде, которую необоснованно сочли приемлемой. Дети сами прекрасно могут сказать, что они категорически не желают по-прежнему находиться рядом с тем человеком, который причинил им зло. В замечательной работе специального докладчика ООН, чей визит во Францию уже привел к ощутимым результатам, особо подчеркивается необходимость уважать волю ребенка:

> *Если ребенок в присутствии компетентных и квалифицированных специалистов по правам ребенка ясно выразил желание больше не проводить время вместе с предполага-*

[11] Специальный докладчик ООН по проблемам торговли людьми, детской проституции и порнографии Хуан Мигель Пети, Доклад о визите во Францию 25-29 ноября 2002 г. (дополнительный параграф от 14.10.2003 г.)

емым виновником насильственных действий, это желание следует уважать[12].

Таким образом, именно психосоциальная оценка и диагноз должны способствовать вынесению адекватного суждения о материнской связи и о наличии в ней какой-либо патологии, равно как и об отцовской связи и о наличии в ней какой-либо перверсии и наоборот, причем одно не должно исключать другого. Вопреки распространенному мнению, если один из родителей является главным патогенным фактором, то это вовсе не значит, что другой просто ангел во плоти. Психоанализ учит, что такие семейные драмы являются результатом соединения личных драм прежней жизни каждого из родителей, предшествующих образованию супружеской пары. Теория систем учит принимать во внимание круговую причинность[13] жестокого обращения с детьми. Когда запрет инцеста перестает действовать, к этому причастны различные степени родства по линиям обоих родителей ребенка. Совершенно необходимо подвергнуть исследованию «предположительно хорошую связь» той части семьи, которая кажется здоровой и нетрансгрессивной. Повторим еще раз: полный учет всего сложного комплекса данных той или иной семейной проблемы должен достигаться соединением социального, юридического и терапевтического подходов.

Мы увидим, в каком опасном заблуждении могут пребывать, сами о том не подозревая, специалисты по охране детства, когда они не определяют того, что жестокое обращение с ребенком практикуется семьей как системой. Мы изучим драматические последствия, которыми чреваты такие ошибки для детей, причем это ошибки технические, и их вполне можно избежать, пройдя специальную подготовку.

---

[12] ibid.

[13] О круговой (циркулярной) причинности см. главу «О решающем значении системного мышления».

Как разрушить механизм сознательного и бессознательного манипулирования, проекции на ребенка желаний взрослого, отказа и отрицания собственных страданий?

Как размышлять над этим, не обращаясь к истокам описанного Фрейдом влечения к обладанию, игнорируя теоретическую и клиническую эффективность современных понятий, таких как циркулярность или парадоксальная коммуникация, проливающих свет на проблемы этих семей? Ниже мы подробно остановимся на важных нюансах, выявляемых исследованием двух аспектов межличностной коммуникации – послания и отношения. Если одно противоречит другому, то у всей семьи едет крыша.

«ПОДОЖДЕМ, ПОКА САМИ НЕ ОБРАТЯТСЯ...»

Рассмотрим еще одну стандартную фразу, которую можно услышать очень часто и за которой, к сожалению, скрывается весьма приблизительное понимание того, как работает психоанализ: «Давайте подождем, пока сами к нам не обратятся!» Дело в том, что когда к психоаналитику обращается взрослый человек, желающий разобраться в хитросплетении испытываемых им трудностей, перед нами действительно личное решение, которое иногда принималось человеком далеко не сразу и с большим трудом, но в его основе лежала индивидуальная, личная просьба. Она не сводима ни к какой-либо потребности, ни к сильному желанию: это просьба взрослого человека, обращенная к другому взрослому человеку. Это договор на проведение анализа. А вот когда психоанализ (вне зависимости от характера патологии) проводится с ребенком, тот переживает важнейший момент в своих попытках обрести внутреннее равновесие. Его решение подвергнуть себя анализу является плодом его постепенной психической автономизации, идет ли речь о неврозе, расстройствах характера, психосоматических расстройствах или о начинающемся психозе.

Что касается детей, растущих в семьях, где практикуется жестокое обращение с ними, то если упустить из виду само по-

нятие жестокого обращения и с самого начала, не изучив особый контекст повседневной жизни ребенка, ошибочно направить его на индивидуальную терапию – будь то психоанализ или что-то другое, – можно заранее сказать, что все закончится плохо.

Семьи, где детей избивают, где царит полный хаос в сочетании с жесткими, суровыми правилами, – такие семьи не имеют ни малейшего представления о терапевтической помощи, они даже никогда не пытались обратиться к кому-то за помощью, чтобы добиться определенных изменений в укладе их жизни. Вообразить себе, что такая семья самопроизвольно попросит помочь одному из ее членов, есть не более чем иллюзия. Но можно, конечно, ждать у моря погоды...

Впрочем, даже если допустить, что такое случится, все равно терапия прекратится при первых же проявлениях самостоятельности ребенка: если он не слушается, как раньше, сопротивляется, ищет столкновения с родителем, грубит, то мать своим решением прерывает терапию.

Такого рода случаи прекращения работы с ребенком на ранних стадиях знакомы каждому детскому психотерапевту, и они позволяют сделать вывод о том, что решение начать индивидуальную терапию ребенка, было принято поспешно, без правильной оценки контекста жестокого обращения с ним.

Мы констатируем, что семьи с тяжелыми нарушениями, в конце концов, соглашались обратиться к терапевту только после активной поддержки со стороны профессионалов, которые вместе с такими семьями тоже переживают во время сеансов опыт психологического изменения. В этом заключается одна из особенностей сетевой терапии, о которой мы еще подробно поговорим в дальнейшем.

После этого – и только после этого – ребенок или подросток почувствует себя вправе обратиться за помощью самому себе, причем такая терапия будет, как правило, проводиться

в государственных детских психиатрических учреждениях (УВПМЦ)[14] или у частнопрактикующих психотерапевтов.

При такой организации специализированной работы с системами, порождающими жестокое обращение с детьми, не может быть и речь о том, чтобы сидеть, сложа руки в ожидании просьбы о помощи. Вопреки еще недавно бытовавшим представлениям, полноценная просьба об оказании помощи ребенку может поступить лишь тогда, когда уже проводится работа по устранению серьезнейших нарушений в функционировании всей семейной системы.

Если такого рода нарушения приводят к уголовно-наказуемым деяниям или преступлениям, то тут все меняется: трансгрессии становятся нарушениями закона, поэтому терапевт должен действовать строго в юридическом поле, отбросив иллюзорные представления о том, что лечение касается исключительно внутрипсихической реальности его пациента-ребенка. Особенно если ребенок после сеансов возвращается к себе домой, а там вновь и вновь подвергается насилию или с ним жестоко обращаются по выходным, раз в две недели. Наивность у таких горе-специалистов прекрасно уживается с верой в утопию.

Как это ни печально, но приходится констатировать, что в огромном количестве случаев на приемах у психолога, психиатра или психоаналитика даже не поднимается вопрос о формах домашнего насилия. Просто потому, что эти терапевты не владеют правовыми аспектами собственной деятельности, а это уже очень опасно. Ни один специалист по психологии не может себе позволить начинать заниматься терапией с детьми, пострадавшими от домашнего насилия, не изменив свою точку зрения, свой образ мыслей и практику. Он обязан играть активную роль при проведении терапии, должен с предельной точностью выявить все элементы травматизма, поскольку ранняя травма во многом схожа с уничтожением – виктимологам это известно гораздо лучше, чем многим терапевтам.

[14] Учебно-воспитательный психиатрический медицинский центр.

2.Первый телефонный звонок (для проведения сетевой терапии)

«Понимаете, это для вас все легко и просто, а мы к такому не привыкли!»

Один соцработник

Соцработник оставил сообщение на автоответчике Центра Бют-Шомон с просьбой перезвонить ему.

Терапевт: *Алло! Вы звонили нам по поводу оказания помощи специалистами нашего Центра...*

Соцработник: *Да, я звонил по поводу записи на прием семьи X. Мы с ними уже этот вопрос обговаривали, имеется согласие инспектора (ОССПД)[15]. Мальчик уже несколько месяцев проживает в приемной семье, но пока проводить терапию было нельзя.*

ВСТРОИТЬ ИСХОДНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В НУЖНЫЙ КОНТЕКСТ

Пока наш собеседник рассказывает о ситуации в семье данного ребенка, мы сразу же приступаем к заполнению регистрационной карточки, быстро записываем в особую тетрадь основные

[15] ОССПД – Окружная служба социальной помощи детям. Ср. параграф 4 статьи 375-3 Французского Гражданского кодекса: «Если необходимо удалить ребенка из прежней среды, судья может решить доверить его Окружной службе социальной помощи детям». Это учреждение направляет к нам и финансирует семейную сетевую терапию доверенных им детей. Сеансы проводятся в присутствии соцработников или социальных педагогов-воспитателей, знакомых с условиями семьи, в которой рос ребенок.

данные и там же карандашом делаем набросок генограммы, который позволит нагляднее представить драматизм ситуации на протяжении трех поколений. К сожалению, во время первого разговора ответы соцработника, как правило, не удовлетворяют требованиям применяемого нами трансгенерационного подхода к семейным конфликтам. Некоторые обычные для нас вопросы будут приводить собеседника в замешательство. Это происходит потому, что мы стараемся одновременно разобраться как в семейном контексте жестокого обращения с ребенком, так и в социально-правовых аспектах дальнейших действий. В данном случае речь идет о подростке по имени Жерар, который был помещен в приемную семью. У него есть старшая сестра и младший брат, они остались жить дома, в семье, где уже и так немало проблем. Мать – единственная дочь, в свое время оторванная от родной семьи. Отец Жерара умер, но живы бабушки и дедушки с обеих сторон.

Т: Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

С: Там с мальчиком совсем плохо.

Т: А вы что-нибудь знаете о нашем Центре? Знаете нашу специализацию?

С: Вообще-то нет. Мне коллега посоветовала к вам обратиться.

Т: Слушаю вас внимательно.

С: Так вот, значит, Жерар сейчас находится в приемной семье.

Дальше, как в школе, нам сообщают дату рождения ребенка, и приходится в очередной раз быстро считать в уме точный возраст: иначе нельзя, ведь до 13 лет несовершеннолетние не несут уголовной ответственности, а если вдруг окажется, что мы имеем дело с несовершеннолетним насильником, то такое уточнение будет решающим обстоятельством для организации терапевтической работы, поскольку параллельно подростку может грозить уголовное наказание.

ВЫЯСНИТЬ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПОДРОСТОК ЖЕРТВОЙ ИЛИ ВИНОВНИКОМ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Больше или меньше 13 лет?

С: Его друзья рассказывали, что к нему приставали. Идет следствие.

Т: Кто приставал?

С: Мужчина один, из их деревни.

Т: Вы точно знаете, что к нему приставали? Откуда вы это знаете?

С: Знаю, он сам признался в изнасиловании! (Очень двусмысленное заявление: разве жертва «признается» в изнасиловании? И разве «приставать» и «насиловать» - это одно и то же?!)

Так сразу же выясняется, что у соцработника нет соответствующей подготовки и он, как обычно, имеет смутное представление о разнице между защитой интересов ребенка и уголовным наказанием за совершенное правонарушение или преступление.

Т: Изнасиловании кого?

С: Жерара! Но сам ничего такого не помнит.

Т: О каком виде изнасилования идет речь? Фелляция или педикация?

С: Гм... Педикация... (Беспокойства в голосе пока не слышно).

Т: Судебно-медицинская экспертиза проводилась?

Соцработник настораживается, поняв, что не готов точно отвечать на вопросы.

С: Кажется, нет. Мне нужно посмотреть, я так по памяти не могу сказать, я же не знал, что вы мне будете задавать столько вопросов... (Тон уже слегка раздраженный).

Соцработник уже не так уверен, что помнит всю историю вопроса.

Т: Ладно, не страшно, разберемся во время сеанса.

Вернуть уверенность собеседнику («ладно, не страшно») совершенно необходимо, хотя это и кажется парадоксальным, поскольку нам обязательно нужно будет потом тщательнейшим образом изучить все юридические детали и по-другому действовать просто невозможно.

Но, с другой стороны, мы же сами преднамеренно вывели его из равновесия. Правда, мы очень надеемся на то, что наш пристальный интерес к юридической стороне дела, на которую обычно не обращают никакого внимания, заставит соцработника или воспитателя отнестись к своей работе по-другому. Для того чтобы прояснить все правовые аспекты, необходимо способствовать созданию и поддержанию атмосферы доверия, что является весьма нелегкой задачей на начальном этапе сетевой терапии. Указывая на разного рода недочеты, недосмотры, ошибки в работе, игнорирование очевидного, разбираясь в страхах и манипуляциях внутри самих социальных служб, мы побуждаем людей выходить на новый, непривычный для них уровень работы. Соцработники становятся более наблюдательными, внимательнее слушают – словом, неожиданно для самих себя начинают творчески подходить к своим профессиональным обязанностям, а это очень ценно для нас, потому что все происходит на глазах у детей, во время сеансов сетевой терапии.

Т: Жерар уже давал показания?

С: Да, было же постановление суда...

Т: Я имею в виду допросы у следователя.

С: Я не в курсе.

Во время терапии мы очень часто говорим о том, что нужно уметь четко различать прерогативы ювенальной юстиции (защита прав несовершеннолетних, помещение в приемные семьи) и работу следствия (для уголовного наказания преступника). Соцработник показал, что слабо разбирается в этих вопросах, впрочем, как и большая часть его коллег, а также психологов и врачей, упорно не желающих влезать во все эти юридические тонкости.

ВЫЯСНИТЬ СИМПТОМЫ

Т: Как он сейчас себя чувствует?

С: В школе с ним после этого никто не общается, потому что он ведет себя агрессивно, не желает и слышать об этом деле. Того тридцатилетнего мужчину посадили, он в камере предварительного заключения, а Жерар, когда его спрашивают, говорит, что ничего такого и не было, а потом вдруг выходит из себя.

Чтобы дать нам представление о том, насколько это тяжелый случай, воспитатель уточняет: «Он даже инсценировал повешение».

Сказано это трагическим тоном, как будто даже наигранным. Скорее всего, не намеренно: просто отголосок обсуждений этого случая с коллегами. На самом деле, даже по телефону чувствуется, что молодой воспитатель отнюдь не безразличен к страданиям несчастного подростка, который отвергает любую искренне предложенную помощь с его стороны. Похоже, положение становится невыносимым, поэтому его начальство и поручило ему обратиться к специалистам.

Соцработник сообщает некоторые подробности об обстоятельствах жизни Жерара: его отец, хронический алкоголик, умер в прошлом году, семья живет очень бедно, и вся окружающая обстановка неблагоприятная.

ВЫЯСНИТЬ, КАК ОБЕСПЕЧЕНА ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Вновь направляем наш диалог в юридическое русло.

Т: У подростка есть адвокат?

С: Да, в суд подавала мать, а ей положена бесплатная юридическая помощь.

Т: То есть, адвокат есть не у самого Жерара, а у его матери...

Нам хорошо известно, что именно матери принадлежат права на имущество несовершеннолетнего сына, однако в некоторых

семьях, где, как выяснялось в ходе судебного разбирательства, мать являлась сообщницей насильника, защита прав несовершеннолетнего оказывалась под угрозой. К этому мы еще вернемся. Неслучайно некоторые территориальные органы власти все чаще получают от органов следствия полномочия так называемого «специального поверенного»[16]; это делается для предупреждения непредвиденных последствий, возникающих из-за двусмысленного положения истца (например, матери-сообщницы), а также для возможного назначения отдельного адвоката ребенку. Затем мы выясняем, в достаточной ли степени мать, которая вроде бы намерена защищать своего сына, способна отстаивать его права, так как по опыту прошлых лет мы знаем, что ребенок, ставший жертвой постороннего насильника-педофила, нередко растет в семье, имеющей параинцестную структуру.

Т: А что можно сказать о поведении матери по отношению к сыну?

С: С ней все очень непросто. После смерти мужа пыталась покончить с собой, теперь шантажирует социальные службы, требует оказать финансовую помощь. На детей кричит (точнее соцработник выражается так: «мама» орет на детей)*, разговаривать с ними не умеет.*

ОЦЕНИТЬ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА

Мы обращаем внимание собеседника на то, что, учитывая поведение этой матери, ласковое слово «мама» к ней не подходит,

[16] Статья 87-1 Уголовно-процессуального кодекса Франции гласит: «Судебный следователь, действующий согласно уголовному иску по факту преднамеренных деяний в отношении несовершеннолетнего ребенка, совершенных лицами, осуществляющими родительскую власть, или одним из них, может назначить специального поверенного, который имеет право от имени ребенка выступать в качестве истца. В этом случае по поручению судьи ребенку назначается адвокат, если он до этого не выбрал себе адвоката». Такие же решения могут быть приняты прокурором (ст. 706-50 УПК Франции).

и предлагаем называть ее словом «мать». Реакция на это наше замечание немедленная и неизменная: крайнее удивление, собеседник на какое-то время замолкает. На самом деле он внезапно осознает, что только сейчас начинает по-настоящему задумываться над той ситуацией, которая так волнует его самого.

Продолжаем оценивать степень влияния системы, практикующей жестокое обращение с ребенком, на систему защиты прав ребенка. Иногда в одном телефонном разговоре приходится шесть-семь раз прерывать собеседника, потому что он не в состоянии расстаться со словом «мама» – это выше его сил. При виде такого сопротивления мы можем представить себе, какой долгий путь нам предстоит проделать с такой системой защиты прав детей, одним из действующих лиц которой является данный воспитатель, чтобы хоть в чем-то изменить образ мыслей, чтобы пресечь пагубное воздействие этого стереотипа на работу с ребенком. Такой способ обозначения соцработниками биологической или приемной матери («мама») является отражением самогипноза идеализированным материнским образом.

СОБРАТЬ СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЫДУЩИХ ПОКОЛЕНИЯХ СЕМЬИ

Т: Эта семья «известна социальным службам»?

С: Еще бы! Муж постоянно избивал жену.

Т: Жерар присутствовал при этом? Или даже хуже, был свидетелем сцен изнасилования его матери?

С: Не знаю, может быть...

Т: Вы что-нибудь знаете о детских годах его матери?

С: В департаменте социальной защиты эту семью все знали...

Классический ответ – «в департаменте (или в социальной службе) их знали», – в котором резюмирована жизнь неблагополучной семьи, отсутствие заботы, заброшенность, безнадзорность детей. Он может так же означать, что семья постоянно что-нибудь вы-

прашивает, прежде всего, какие-нибудь пособия, выплаты. Одновременно становится понятно, что в архивах социальных служб мы сможем получить немало сведений о родителях, бабушках и дедушках, что нам очень пригодится для работы с этой семьей.

ОЦЕНКА СВЯЗИ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Т: Согласна ли мать проходить терапию вместе со всеми детьми, в вашем присутствии, а также в присутствии представителей ОССПД и попечительской службы?

С: Я не знаю. Могу только сказать, что с детьми эта женщина обращается грубо и часто жалуется на свое плохое самочувствие.

В такой уклончивой манере соцработник сообщает нам, что мать любит говорить только о себе – подразумевается, что и приходить она будет именно для этого, – после чего спокойным тоном продолжает:

С: Я хотел еще добавить, что когда она приходила к нам в последний раз, то я заметил, что ходит она с трудом. А потом она мне по секрету призналась, что у нее геморрой, и что дочь мажет ее мазью...

НАМЕТИТЬ ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕРАПИИ

На основании всего услышанного мы склоняемся к тому, что мать вполне может быть сообщницей насильника или даже нести прямую ответственность за случившееся.

Мы встраиваем в нужный контекст[17] симптомы, проявившиеся у детей и у взрослых с тем, чтобы увидеть смысл в непонятном на первый взгляд поведении (в данном случае, Жерар приходит в ярость при одном упоминании о том, что ему пришлось испытать, но ведь у него должны быть серьезные причины, чтобы категорически отказываться отвечать на вопросы).

[17] См. главу 5 «О решающем значении системного мышления».

Звонивший воспитатель еще пребывает в изумлении от того, что он, оказывается, нам поведал. Мы предполагаем, что до этого он не видел ситуацию настолько отчетливо. Его напряжение несколько спадает, когда мы говорим ему, что придется также заняться довольно необычной связью, которую мать поддерживает с дочерью посредством эрогенной зоны своего тела. Связь матери с сыном тоже будет внимательно изучена. Что скрывается за упорным молчанием Жерара о гомосексуальном изнасиловании? Как вообще обстоит дело с гомосексуальными контактами в этой семье? Намечая таким образом направления будущей сетевой терапевтической работы, мы именно в этот момент придаем новый смысл обращению к нам со стороны социальной службы. Теперь речь идет уже не только о проблеме подростка, ставшего жертвой какого-то педофила, а о неполноценности целой семейной структуры, которая, возможно, и допустила преступное вторжение в нее. Это наш, можно сказать, фирменный «бют-шомоновский» подход к делу: за какой-то проблемой сексуального характера вероятнее всего скрывается какая-то другая проблема, относящаяся к предшествующим поколениям семьи. В данном случае за сексуальным нападением педофила может скрываться какое-то подобное происшествие внутри семьи. Все это лишний раз убеждает соцработника в том, что он не напрасно обратился к нам. Последний вопрос, который мы быстро обсуждаем по телефону: поведение этой матери инцестуальное или инцестное? Постановка вопроса неожиданная, воспитатель заинтригован, хочет разобраться, и это поможет ему лучше справиться с неизбежным смущением во время первого сеанса со всей семьей. Бывает, что от первого телефонного звонка до первой встречи проходит немало времени, но в любом случае такой телефонный разговор достаточно эффективно помогает сдвинуть дело с мертвой точки: обе системы – и социальная, и семейная – начинают движение в правильном направлении.

О САМОМ ГЛАВНОМ

Впервые за всю свою профессиональную жизнь социальный работник может сделаться партнером по сетевой терапии. Во время сеансов ему предстоит пережить моменты сильного эмоционального напряжения, о чем он пока и не догадывается. Его роль и степень его участия в терапии будут меняться, и потребуется некоторая реорганизация, чтобы затем позволить ему успешно работать на стыке двух областей – социально-воспитательной, с одной стороны, и психотерапевтической, с другой. Бывает и так, что после предварительного разговора никакой официальной просьбы о проведении терапии не поступает.

Вся традиционная система подготовки соцработников подталкивает их к тому, чтобы не вмешиваться в психотерапевтическую область, оставляя ее полностью психотерапевтам. Лишь в последние годы, благодаря успехам системной терапии, их позиция наконец-то становится более открытой. Уходят в прошлое времена, когда от работников социально-психологической службы можно было услышать такое шутливо-презрительное замечание: «Не собираетесь же вы вместе с вашими подопечными «подставляться» под эту бют-шомоновскую психотерапию!»

На начальном этапе работы следует организовать специфическую горизонтальную защитную сеть для братьев и сестер и/или индивида. Первый телефонный звонок кладет начало этому процессу. В дальнейшем, по степени сопротивления или воодушевления мы сможем предположить, насколько трудно будет проходить лечение (при несогласии, сопротивлении) или обнаружатся факторы, облегчающие работу (содействие, уступчивость). Когда у членов такой защитной сети складывается новое восприятие глобального вмешательства в системы, порождающие жестокое обращение с детьми, мы замечаем, что дети прогрессируют равномерно, стабильно, в течение длительного времени и довольно часто впечатляющими темпами.

Удивление и сразу же возникающий интерес к неожиданному предложению включить соцработника в терапевтическое поле способствуют тому, что в 95% случаев обратившиеся к нам отвечают согласием.

Если бы дело обстояло по-другому, и заявление о фактах жестокого обращения с детьми не поступило бы в компетентные органы, то, несмотря на очевидность трансгрессии, мы отказались бы начинать работу до тех пор, пока о таких фактах формально не сообщили бы прокурору или заместителю прокурора по делам несовершеннолетних[18].

Сейчас, в 2004 году, нам все реже случается прибегать к отказу в лечении по этой причине юридического характера. Однако 18 лет назад соцработники были хуже подготовлены, и мы то и дело сталкивались с попытками переложить на наш Центр ответственность за подачу такого заявления. Сегодня считается вполне приемлемым подать заявление и продолжать работать с данной семьей, несмотря на поданное заявление. Болезненный опыт массовых доносов в годы немецкой оккупации Франции не прошел бесследно для людей, для их бессознательного. В результате французы продолжают путать такие понятия, как предательство, доносительство и заявление о том, что ребенок в опасности. Последствия этого до сих пор чувствуются в разговорах некоторых соцработников, а, следовательно, сказываются и на их поведении.

В зависимости от собеседника телефонный разговор может касаться вопросов теории или клинической практики, чтобы дать возможность соцработнику аргументированно обосновать перед его начальством необходимость обращения к

[18] Согласно статье 226-14 УК Франции (на основании закона от 10 июля 1989 г.), если имеются убедительные доказательства сексуального насилия или жестокого обращения с детьми, то лицу, которому при исполнении служебных обязанностей стало известно о фактах жестокого обращения с детьми, разрешается нарушить профессиональную тайну и заявить о таких фактах административным органам или органам юстиции. В случае несоблюдения этого принципа данное лицо может быть привлечено к ответственности за сокрытие преступления.

нам. Если соцработника заранее пугают трудности, связанные с необходимостью найти средства на оплату лечения, если он опасается упорного сопротивления со стороны традиционных психологов, то мы стараемся сделать все, чтобы ему помочь. Нами движет внутренняя уверенность в том, что ход вещей можно изменить, – недаром мы по-прежнему существуем вопреки фатализму некоторых специалистов, которые без малейшего смущения говорят: «Если был инцест, то тут уж ничего не сделаешь» или «Это слишком тяжело» или «Понимаете, это для вас все легко и просто, а мы к такому не привыкли!» На что мы отвечаем прямо и просто: «Ничего, скоро и вы привыкнете!» Если собеседник выразит удивление, мы тут же с ним согласимся: «Ну да, ведь это совсем новый подход к лечению». А когда он кивнет, мы добавим: «Я вас понимаю: ведь он существует всего каких-то двадцать лет...»

Мы всех готовы поддержать и предлагаем даже пройти у нас курс обучения: так они смогут затем обучить и свое начальство... В телефонной трубке молчание. Затем с нами прощаются – дружеским тоном, в котором чувствуется заинтригованность.

Чтобы лучше понять, почему мы сразу занимаем такую решительную позицию в первом же телефонном разговоре с растерянным воспитателем, не знающим, как быть в сложной ситуации, вернемся к извилистым путям, которыми когда-то шли первооткрыватели и основоположники и по которым прошли и мы – вдвоем и каждый самостоятельно, психиатр и воспитательница, – прежде, чем стали в 1982 году семейными психотерапевтами.

3.Фрейда подвергли цензуре...

«[…] Ранние травмы надо выводить логическим путем.»

Зигмунд Фрейд[19]

Без Фрейда мир стал бы совсем другим... Он первый осмелился увидеть истоки психических нарушений у взрослого человека в ранних детских переживаниях до полового созревания: сильнейший испуг перед сексом, шок, или, наоборот, сексуальное наслаждение в слишком раннем возрасте. Однако Фрейд столько раз вносил уточнения в свои принципиальные положения, что многие в них теряются. Мы можем проследить, как он это делал, прочитав подряд фрагмент его знаменитой работы «Введение в психоанализ»[20], в котором несколько раз одни утверждения сменяются прямо противоположными. В главе «Пути образования симптомов» особенно наглядно видно, как Фрейд последовательно меняет одну позицию на другую, причем все четыре раза его рассуждения оказывают на читателя почти гипнотическое воздействие.

Первое положение, хотя оно по-прежнему подвергается критике, стало на сегодня классическим; по сравнению же с закоснелыми представлениями, господствовавшими в ту эпоху в

[19] S. Freud, Correspondance Freud-Ferenczi, t. III. Les Années douloureuses, 1920-1933, Paris, Calmann-Lévy, 2000, p. 450

[20] З. Фрейд, Введение в психоанализ, СПб., Алетейя СПб, 1999

психиатрических кругах Вены, Парижа и Нью-Йорка, оно было абсолютно революционным. Сам Фрейд был тогда ревностным поклонником французского профессора медицины Жан Мартена Шарко и его идей о сексуальном происхождении истерии. О своей книге Фрейд пишет: «Это точное изложение лекций, которые я читал в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. врачам и неспециалистам обоего пола».

ФРЕЙД 1: СОВРАЩЕНИЕ ВЗРОСЛЫМ ЛИЦОМ

«Первый» Фрейд воспроизводит во «Введении в психоанализ» собственную концепцию, развитую им еще в «Трех очерках»[21] и приводившую к совершенно недвусмысленному выводу о том, что сексуальное совращение ребенка вызывает у того «полиморфно-перверзную» реакцию. Напомним это положение:

> *Далее опыт показал нам, что внешнее влияние соблазна может привести к преждевременному нарушению латентного времени до прекращения его, и что при этом половое влечение ребенка оказывается фактически полиморфно-перверзным: далее, что всякая подобная ранняя сексуальная деятельность понижает способность ребенка поддаваться воспитанию*[22].

В немецком оригинале используется более точное выражение inder Tat, что означает «фактически», «в силу этого»; в переводе же осталось «при этом», что было истолковано как хронологическая последовательность, а не причинно-следственная связь... С этим положением нелегко согласиться, но оно является фундаментальным и остается таковым по сей день.

---

[21] З. Фрейд. Три очерка по теории сексуальности, Москва, Просвещение, 1990

[22] Указ. соч.

Итак, первый Фрейд развивает свою главную мысль:

Среди обстоятельств, всегда повторяющихся в юношеской истории невротиков и, по-видимому, почти всегда имеющих место, некоторые приобретают особую важность, и поэтому я считаю, что их следует особо выделить из других. В качестве примеров такого рода я приведу следующие факты: наблюдение полового сношения родителей, совращение взрослым лицом и угрозу кастрацией. Было бы большой ошибкой полагать, что они никогда не имеют материальной реальности; наоборот, ее часто можно с несомненностью доказать при расспросах старших родственников. Так, например, вовсе не редкость, что маленькому мальчику, который начинает неприлично играть со своим членом и еще не знает, что такое занятие нужно скрывать, родители или ухаживающие за детьми грозят отрезать член или грешную руку. При расспросах родители часто сознаются в этом, так как полагают, что таким запугиванием делали что-то целесообразное; у некоторых остается точное, сознательное воспоминание об этой угрозе, особенно в том случае, если она была сделана в более поздние годы. Если угрозу высказывает мать или другое лицо женского пола, то ее исполнение они перекладывают на отца или врача.

И тут Фрейд не отказывает себе в удовольствии напомнить об одной назидательной истории из популярнейшей в свое время книжки с картинками для детей «Штруввельпетер» франкфуртского психиатра Гофмана (в русском варианте она называлась «Степка-растрепка»). История эта довольно недвусмысленная. Мама Конрада («Петруши»), уходя по делам, строго-настрого запретила сыну сосать в ее отсутствие палец. Ребенок, разумеется, ослушался, и тогда пришел портной и отстриг мальчику большие пальцы своими острыми ножницами:

Крик-крак! Вдруг отворилась дверь,
Портной влетел, как лютый зверь;
К Петруше подбежал, и — чик!
Ему отрезал пальцы вмиг.
Кричит Петруша: ай, ай, ай!
В другой раз слушаться ты знай![23]

ФРЕЙД 2: ВООБРАЖАЕМАЯ УГРОЗА

«Второй» Фрейд производит «диалектическое переворачивание», чтобы смягчить категоричность своего утверждения, причем не с клинической точки зрения, а просто апеллируя к здравому смыслу:

В высшей степени невероятно, чтобы детям так часто грозили кастрацией, как это можно было бы заключить, исходя из анализа невротиков. Вполне уместно предположение о том, что такую угрозу ребенок воображает себе, во-первых, на основании некоторых намеков, во-вторых, на основании знания, что аутоэротическое удовлетворение запрещено, и наконец, под впечатлением, которое на него произвело открытие женских гениталий. Точно так же никоим образом не исключено, что маленький ребенок, пока его считают – причем не только в пролетарских семьях, – не имеющим ни понимания, ни памяти, может стать свидетелем полового акта родителей или других взрослых, и нельзя отказаться от мысли, что впоследствии ребенок может понять это впечатление и реагировать на него. Если же это сношение описывается с самыми подробными деталями, представляющими трудности для наблюдения, или если оно оказывается сношением сзади, more ferarum[24]*,*

[23] Пер. Д.Д.Минаева.
[24] Подобно животным (лат.)

как это часто бывает, то не остается никакого сомнения в соединении этой фантазии[25] с наблюдениями за сношением животных (собак) и в мотивировке ее той неудовлетворенностью, которую ребенок, получивший исключительно визуальные впечатления, начинает испытывать в период полового созревания. Крайним случаем такого рода является фантазия о наблюдении полового акта родителей во время пребывания в материнской утробе еще до рождения.

Как можно убедиться, этот «второй» Фрейд возражает первому, категорически не приемля возможности выдумывания ребенком угрозы, когда он говорит, что она была. Если абстрагироваться от контекста этого логического рассуждения, то возникает впечатление, что Фрейд чуть ли не отказывается от собственных утверждений. При поверхностном прочтении можно даже легко перескочить от фантазма (или предполагаемого «выдумывания»[26], как это передано во французском переводе) к таким понятиям, как ложь или мистификация, а то и к различным наспех сделанным псевдонаучным построениям адептов теории «ложных утверждений»[27]. Сегодня очень многие, как мы знаем, отказываются верить тому, что рассказывает ребенок. Так было в начале XX века, так обстоит дело во Франции и сто лет спустя.

Продолжим внимательно читать текст и обратим внимание на то, что вслед за вышеприведенным рассуждением Фрейд немедленно и удивительным образом утверждает нечто противоположное:

---

[25] Сегодня сказали бы «этого фантазма».

[26] Чаще всего немецкое слово Phantasie означает «фантазм», но в той или иной степени подразумевает «выдумывание». Янкелевич, переводчик «Введения в психоанализ» на французский язык, поочередно использует оба слова (фантазм и выдумывание), без каких-либо дополнительных уточнений.

[27] E. Loftus, K. Ketcham, Le Syndrome des faux souvenirs et le mythe des souvenirs refoulés, Paris, Exergue, 1997. Это понятие («ложные утверждения») даже сейчас пользуется большим успехом во Франции, благодаря своему анестезирующему воздействию на мыслительные способности.

Особый интерес представляет собой фантазия о совращении[28], потому что слишком часто это не воображаемое событие, а реальное воспоминание[29].

Что это? Позднейшее опровержение, с чем мы не раз сталкиваемся в других его работах? Важно учесть, что в тот период, когда Фрейд читал лекции в США, на них присутствовал Юнг, который до этого в одном из своих писем Фрейду с трогательной откровенностью признался, что в детстве был изнасилован неким «мужчиной, которому поклонялся»:

Это чувство отвращения происходит от того, что, будучи еще маленьким мальчиком, я не устоял перед гомосексуальным покушением на меня со стороны одного мужчины, которому я прежде поклонялся[30].

Фрейд вроде бы так ответил Юнгу:

Вы совершенно правы, восхваляя юмор как единственную приемлемую реакцию на неотвратимое[31].

Оригинал письма не сохранился[32]... Однако вернемся к «Введению в психоанализ» и не будем терять чувства юмора. Понятно, что читатель Фрейда может быть отчасти сбит с толку такими вариациями. Похоже, Фрейд не может четко идентифицировать родительское насилие, имплицитно содержащееся в угрозах ка-

---

28 Часто переводится как «соблазнение», что звучит двусмысленно, тогда как этимологически немецкое слово значит именно совращение, т.е. «сворачивание в сторону».

29 З. Фрейд, Введение в психоанализ, СПб. Алетейя СПб, 1999

30 S. Freud, C. G. Jung, Correspondance Freud-Jung, vol. 1, Paris, Gallimard, 1975, lettre du 28 octobre 1907, p. 149

31 Ibid, lettre du 8 novembre 1907, p. 151.

32 P. Sabourin, Ferenczi, paladin et grand vizir secret, Paris, Editions Universitaires, 1985, p. 28. См. также на сайте автора http://pierresabourin.free.fr.

страции, и делает вид, будто ему неизвестно, что такие угрозы весьма часто сопровождаются и подкрепляются битьем. Между тем, на основании лишь одного этого отрывка, кое-кто из психоаналитиков, психологов и психотерапевтов приходит к (неверному!) выводу, что, с точки зрения Фрейда, родительское насилие является выдумкой. По большей части это теоретики-догматики, чей клинический опыт нередко сводится к лечению взрослых людей. Да и вся фрейдовская психоаналитическая теория базируется в своих основах на анализе взрослых. Не составляет исключения и статья «Ребенка бьют», где можно прочесть следующее:

> *Там, где мы встречаем у взрослого какое-то сексуальное отклонение - перверсию, фетишизм, инверсию, - там мы с полным правом ожидаем путем амнезического исследования раскрыть подобное фиксирующее событие детского периода*[33].

Действительно, вместо родительского насилия Фрейд, частично находясь во власти пуританских воззрений своего времени, предпочитает, как мы только что видели, говорить о собаках, которые совокупляются на глазах у детей, вызывая то самое «запрещенное аутоэротическое удовлетворение», которое, по его мнению, якобы все объясняет... Говорит он и о «первичной сцене», т.е. сцене родительского секса, наблюдаемого ребенком, но этот факт обычного наблюдения иногда превратно понимается сегодняшними психоаналитиками и трансформируется в фантазм первичной сцены. Все выглядит так, будто Фрейду зачем-то понадобилась именно такая конструкция, хотя она одновременно означает, что он берет назад все сказанное им ранее. Глядя с таких позиций, получается, будто дети только тем и заняты, что выдумывают всякие байки, стараясь закамуфлировать удо-

[33] З. Фрейд. «Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений.

вольствие, получаемое ими от мастурбации, и превращают свою историю получения удовольствия в одиночку в некую легенду о преследовании со стороны взрослых. Это идеалистическое конструирование Фрейдом мира детства, включая сюда и «детскую сексуальность», – основу основ ортодоксального психоанализа, – подчас совершенно официально принимается в качестве некоего глобального объяснения теми, кто хотел бы поставить крест на скандальных признаниях детей. Те, кто искусственно изолирует эту гипотезу второго Фрейда от трех других его позиций, логически выводят из нее такую теоретическую конструкцию, которая, в конечном счете, граничит с полным отрицанием реальности. Нестандартные реакции детей, ставших жертвами насилия, просто игнорируются, и дальше при всем желании становится невозможно избежать трагических ошибок.

ФРЕЙД 3: ВЫДУМАННОЕ СОВРАЩЕНИЕ

«Третий» Фрейд переходит на другой уровень рефлексии, чтобы преодолеть противоречия, с которыми он неизбежно сталкивается, сопоставляя противоположные утверждения.

Продолжим чтение этого текста:

> *Но к счастью, оно все-таки не так часто реально, как это могло бы сначала показаться по результатам анализа. Совращение старшими детьми или детьми того же возраста случается еще чаще, чем взрослыми, и если у девушек, рассказывающих о таком событии в истории своего детства, соблазнителем довольно часто выступает отец, то ни фантастическая природа этого обвинения, ни вызывающий его мотив не подлежат никакому сомнению. Выдумывая совращение, когда ничего похожего на совращение не было, ребенок, как правило, прикрывает аутоэротический период своей сексуальной деятельности. Он избавляет*

себя от стыда за мастурбацию, перенося в фантазии желанный объект на эти самые ранние времена.

Подразумевается, что ребенок лжет, однако Фрейд предпочитает не говорить это прямо, используя немецкое слово Verfürhungsphantasien[34], переведенное как «выдумывание совращения», что является очевидным искажением смысла, поскольку буквально речь идет о «фантазме совращения». Из-за этого неточного перевода возникает огромная проблема с приданием законной силы воспоминаниям о травме.

Однако, продолжая чтение, мы видим, как Фрейд вновь отрицает, путем очередного «диалектического переворачивания», только что сделанное им категорическое утверждение:

Не думайте, впрочем, что использование ребенка как сексуального объекта его ближайшими родственниками мужского пола относится непременно к области фантазии. Многие аналитики лечили случаи, в которых такие отношения были реальны и могли быть с несомненностью установлены; только и тогда они относились к более поздним детским годам, а были перенесены в более ранние.

Стоит ли вновь подчеркивать, что, говоря о ребенке, Фрейд подразумевает детство того взрослого, который проходил у него лечение, т.е. речь не идет о психоанализе ребенка...

Фрейд виртуозно владеет искусством всегда приземляться на ноги! Психоаналитик ошибаться не может, следовательно, ошибаться должен ребенок. Если основываться на том, что имеют место выдумывание-фантазм совращения или выдумывание угроз или ошибка в точной датировке актов насилия, не следует ли из этого, что ребенок страдает расстройством памяти?

---

[34] S.Freud, Gesammelte Werke, t. XI, Franfurt am Main, Fischer Verlag, S. 384.

Некоторые нынешние авторы без зазрения совести используют это сомнение, чтобы построить целую псевдотеорию «ложных воспоминаний», хотя, постулируя это понятие, они выступают против того, что писал сам Фрейд, для которого воспоминание никогда не бывает ложным, а может выступать лишь как «покрывающее воспоминание»[35]. Фрейд писал, что покрывающее воспоминание «имеет ценность не из-за собственного содержания, а благодаря тому отношению, которое имеется между ним и каким-то другим подавленным содержанием». Так что тут все гораздо тоньше.

Фрейд невозмутимо продолжает:

> *Возникает впечатление, что такие события в детстве каким-то образом требуются, с железной необходимостью входят в состав невроза. Если они имеются в реальности – тем лучше; если реальность отвергает их, то они составляются из намеков и дополняются фантазией. Результат один и тот же, и до настоящего времени нам не удалось доказать различия в последствиях в зависимости от того, являются ли такие события в детстве произведением фантазии или реальностью.*[36]

Тем лучше для кого? Для психотерапевта, который в поисках сравнительно простых причин расстройства у своего пациента, с удовольствием выстраивает какую-нибудь теорию. Но ведь самому пациенту от этого вряд ли лучше!

Все представлено таким образом, будто у Фрейда была возможность сравнить с научной точки зрения последствия событий, по поводу реальности которых у него якобы имелись некие доказательства, с последствиями аутентичных фантазмов...

---

[35] См. З. Фрейд. О воспоминаниях детства и покрывающих воспоминаниях.
[36] З. Фрейд, Введение в психоанализ, СПб. Алетейя СПб, 1999

Последняя фраза из приведенной выше цитаты, с клинической точки зрения, не выдерживает никакой критики. Скорее всего, это вообще наименее обоснованное утверждение во всем собрании сочинений Фрейда, равносильное тому, как если бы он сказал: все есть во всем и наоборот... Вот только юмора в его словах нет. Это чисто спекулятивное суждение. Само по себе оно интересно – и даже очень, – когда мы знаем, к каким опасным последствиям приводит подчас его недобросовестное использование некоторыми психоаналитиками, оборачиваясь некоей разновидностью «негационизма» применительно к реальности фактов сексуального насилия, жертвами которого бывают дети.

ФРЕЙД 4: ПРАВДА ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И ПРАВДА ДОИСТОРИЧЕСКАЯ

За только что рассмотренным малоубедительным рассуждением следуют размышления «четвертого» Фрейда, которые тоже имели большой успех, ибо они больше вообще никак не соотносятся с детской реальностью: их референтом выступает реальность доисторических времен всего рода человеческого, чтобы таким образом, как он пишет, «восполнить пробелы в индивидуальной правде». Фред задается вопросом:

> *Откуда берется потребность в этих фантазиях и материал для них? Невозможно сомневаться в мотивах, но необходимо объяснить факт, что каждый раз создаются одни и те же фантазии с одним и тем же содержанием. У меня готов ответ, но я знаю, что он покажется вам рискованным. Я полагаю, что эти прафантазии*[37] *- так мне хотелось бы назвать их и, конечно, еще некоторые другие - являются филогенетическим достоянием. Благодаря*

[37] Urphantasien: первоначальные фантазмы (у Фрейда) или «архетипы» (у Юнга).

ним, индивид, когда его собственная жизнь становится слишком рудиментарной, вновь погружается в доисторические времена. Мне кажется вполне возможным, что все, что сегодня рассказывается при анализе как фантазия, - совращение детей, вспышка сексуального возбуждения при наблюдении полового сношения родителей, угроза кастрацией - или, вернее, кастрация, - было реальностью в первобытной человеческой семье, и фантазирующий ребенок просто восполнил доисторической правдой пробелы в индивидуальной правде.

Что иное обозначается тут прилагательным «рудиментарный», как не жизнь пролетарских семей, как будто буржуазия и аристократия никогда не применяли насилия в воспитательных целях, не знали ни половых извращений, ни инцеста? Можно с уверенностью сказать, что таким образом сам Фрейд восполняет пробелы в своем восприятии патологии при помощи некоего знания высшего порядка. По нашему мнению, речь тут идет о самой настоящей проекции, которая только запутывает дело. Словно ему хочется объявить недействительным все, что он до этого констатировал. Как он пишет несколькими годами ранее в письме Флиссу, «хватит уже об этой моей похабщине»[38]. Кому из психотерапевтов не знакомы такие минуты уныния и кому не хотелось бы в какой-то момент заполнить провал в памяти пациента неким предвосхищаемым знанием? Эти утопические мечтания, иллюзия, в которую он сам верит, похоже, лишь ка-

[38] Во французском издании La Naissance de la psychanalyse. Lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans (1887-1902), publié par M.Bonaparte, A.Freud, E.Kris, Paris, PUF, 1956 (пер. с нем. А. Бермана) немецкое слово Schweinereien, употребленное в письме Фрейда Флиссу от 22 декабря 1897 г., было подвергнуто цензуре. В английском издании это необычное для Фрейда выражение было переведено так: «Enoughofmysmut» (The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887-1904, J.M. Masson, trans., Cambridge (Mass.) and London, The Balknap Press of Harvard University Press, 1985, p. 289). По состоянию на 2004 г., это ценное издание так и не вышло во французском переводе.

кое-то время, помогают ему искать универсальную концепцию, способную вознести его над всякими мерзостями клинического опыта.

«Четвертый» Фрейд завершает свою лекцию последним пируэтом, предлагая «обратный путь от фантазии к реальности: искусство». Успешное творчество художника позволяет Фрейду завершить эту фреску образования симптомов – но только при истерии, настаивает он. Взрослый человек, добившийся успеха, подлинный художник придает своим собственным фантазиям живописную форму, что дает и другим возможность черпать из этих источников наслаждения и

> *достигать благодаря своей фантазии того, что он сначала имел только в фантазии: почести, власть и любовь женщин.*

Несмотря на все диалектические акробатические трюки, которые Фрейд проделывает на своих лекциях, он всегда и прежде всего, был увлечен поисками истины в ее историческом измерении, т.е. факты, события, даты. До конца жизни он не отречется от своей основной концепции ранней сексуальной травмы у ребенка, как об этом свидетельствуют такие значительные последние его работы, как «Краткий очерк о психоанализе»[39] и «Моисей и монотеизм»[40].

Если проследить за колебаниями Фрейда, прочитать/сочетать их в контексте его времени, не забывая, при этом, например, о внимательном и критическом отношении к нему Юнга, ставшего, как мы видели, в детстве жертвой сексуального насилия, то останется ощущение живой диалектической мысли, которая постоянно подвергает сомнению саму себя.

---

[39] В З. Фрейд, Основные психологические теории в психоанализе, СПб, Алетейя, 1998

[40] З. Фрейд, Моисей и монотеизм, Ваклер, 1998

Но французский читатель и не подозревает, что, ко всему прочему, письма Фрейда были цинично подвергнуты цензуре, о чем мы уже мимоходом упоминали. Цензурные купюры встречаются вплоть до текстов 1930 г. Например, в одном из ключевых писем Фрейда одному из самых творчески одаренных его учеников Шандору Ференци, где прямо говорится о необходимости логической дедукции в работе психоаналитика: «Ранние травмы надо выводить логическим путем», – объясняет Фрейд своему другу. Сегодня наконец-то – благодаря команде переводчиков психоаналитического журнала «Coq-Héron» («Удод»)[41] – издано полное собрание трудов Ференци, оригинальнейшего психоаналитика, чьи работы вдохновляют нас в лечении попавших в беду семей.

[41] Equipe du Coq-Héron dirigée par Judith Dupont, Ferenczi, Œuvres complètes (4 volumes), Paris, Payot, 1968, 1970, 1974, 1982; Journal clinique (janvier-octobre 1932), Paris, Payot, 1985; Correspondance Ferenczi-Groddeck, Paris, Payot, 1982; Correspondance Freud-Ferenczi (3 vol.), Paris, Calmann-Lévy, 1992, 1996, 2000.

4.Ференци, наконец, опубликовали...

«Детям свойственно стремление сглаживать разнообразные семейные конфликты и взваливать на свои хрупкие плечики груз забот всех членов семьи. Но они это делают не совсем бескорыстно, ибо, в конечном счете, желают обрести утраченный покой, чтобы вновь наслаждаться теплотой и нежностью»

Шандор Ференци[42]

Как приятно, что сегодня можно запросто открыть и прочитать любую книгу Ференци! А сколько он познал жгучих сомнений, периодов мучительной неуверенности в своей правоте на фоне ослепительных вспышек фрейдовской мысли. Его обвиняли в неумеренном желании добиваться полного излечения пациентов (furorsanendi), что в ту эпоху считалось непозволительным для психоаналитика, а между тем он сумел ясно увидеть, куда уходит корнями насилие над детьми: в страсти и извращения взрослых. Незаслуженно забытый, скомпрометированный и при этом – вот парадокс! – ставший добычей плагиаторов, Ференци сделался для нас главным авторитетом в области теории, настолько его учение динамично и эффективно применительно к клинической практике. Как и положено поступать

[42] Ференци Ш. Смешение языков между взрослыми и ребенком. Язык нежности и страсти (1933)

любому ответственному психотерапевту, он описывает себя припертым к стенке практическим осуществлением своих методов лечения.[43]

Возможно, что без Фрейда у Ференци не пробудилась бы такая творческая активность. Он работал экспертом судебной палаты в Будапеште, врачом неврологического отделения, где лечили проституток. К 1908 г., когда он впервые встретился с Фрейдом, он опубликовал уже целый ряд авангардистских статей о сновидениях, такие работы, как «О любви в науке», «Об ошибках в диагнозе», «О консерватизме в медицинской корпоративной среде»[44].

СТРАСТЬ КАК МОТИВ ПОВЕДЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Дети обычно не выдумывают угрозы и попытки сексуального совращения со стороны взрослых. Это клиническая реальность, радикально отличная от ситуации, при которой любимые родителями дети без проблем справляются со своим эдиповым комплексом!

Даже не пытаясь «выдумывать совращение», в соответствии со злополучной гипотезой, вычитанной в плохом переводе фрейдовской лекции 1916 г., такие дети, изнасилованные кем-то из родственников, всячески скрывают то, что их мучили и унижали родная мать, родной отец или и тот, и другой. Они упорно хранят свою страшную тайну, потому что стыдятся ее, а если и начинают говорить, то урывками, преуменьшая

---

[43] P. Sabourin, Ferenczi, paladin et grand vizir secret, Paris, Editions Universitaires, 1985, p. 19-37.

[44] G.Antonowicz, Agressions sexuelles, la réponse judiciaire, Paris, Odile Jacob, 2002. По данным детского адвоката Ж. Антоновича, «за последние четверть века количество исков по поводу изнасилований и других преступлений на сексуальной почве выросло в три раза. Треть приговоров судов присяжных только за один 1999 г. касалась дел об изнасиловании несовершеннолетних. С 1984 по 1999 г. число приговоров за изнасилование несовершеннолетних моложе 15 лет увеличилось в 7 раз. […] По состоянию на январь 2000 г. осужденные за изнасилование (всех категорий) составляли 21,8% всех заключенных в тюрьмах Франции» (ibid., p.8).

значение случившегося. Все это надолго укрепляет в них комплекс вины.

В 1909 г. Ференци вместе с Юнгом сопровождал Фрейда в поездке с лекциями по США, но в отличие от Юнга после этого не разорвал отношений с Фрейдом. Он поддерживал их вплоть до самой своей смерти в 1933 г. У него тоже была веская причина – детская психическая травма, – обострявшая его интерес к теоретическим построениям Фрейда. Ференци даже наивно надеялся добиться полнейшей откровенности в их отношениях, но Фрейд так и не ответил ему взаимностью...

Кроме весьма значительной научно-исследовательской работы по контртрансферу, профессиональному лицемерию и жесткости в психоанализе, Ференци дал подробное описание того пространства клинической работы, которое до него было непаханой целиной, – всего, что связано с жестоким обращением с детьми.

Во Франции даже и сейчас есть немало психоаналитиков, в том числе детских, которые так и не научились отличать реальные насильственные действия от метафорических, реальный инцест от инцеста в мыслях, воспоминание от фантазма, идею инцеста, фобию инцеста от фактически совершенного инцеста.

Восторженный ученик Фрейда, отличавшийся особой добросовестностью и приближенный к учителю в качестве друга, чуть ли не одного из самых дорогих ему людей, Ференци быстро завоевал всеобщее признание как потенциальный мэтр практического психоанализа. Эмпирическое у него превалировало над спекулятивным, он упорно искал эффективные стратегии терапии, будучи пылким сторонником революционного развития психоаналитической мысли. Ференци был инициатором создания в 1910 г. Международной психоаналитической ассоциации, Фрейд назы-

вал его своим «паладином» в начатом им поистине эпическом предприятии, столь неоднозначном в политическом смысле и к тому же едва не закончившемся катастрофически для психоанализа как такового. Ференци умер 22 мая 1933 г. на шестидесятом году жизни. После его безвременной смерти, о дружной семье психоаналитиков нечего было и мечтать, но Фрейд, еще задолго до этого опасавшийся последствий своего собственного ухода, и, несмотря на долгую историю отношений с Ференци и впечатляющую переписку[45], не видел его во главе движения в качестве своего преемника. К тому же Ференци умер первым[46].

Знаменитый венгерский психоаналитик Михаэль Балинт, ученик и друг Ференци, единственный наследник прав на все его творчество, не счел нужным тогда же опубликовать его «Клинический дневник» 1932 года: по-видимому, международное психоаналитическое сообщество единодушно предало анафеме этот неудобный для многих текст. И лишь в 1998 году состоялся первый международный съезд психоаналитиков, полностью посвященный теме «Ференци и современный психоанализ».

Смешение языков между взрослыми и ребенком

Некоторые из главных концепций Ференци представляются нам «кардинально важными для психоаналитика, работающего с ранними сексуальными травмами»[47], как в рамках психотерапии, так и при проведении сетевой терапии, которую мы практикуем в нашем Центре Бют-Шомон.

---

[45] Переписка Фрейда и Ференци, в 3-х тт.

[46] P. Sabourin, Ferenczi, paladin et grand vizir secret, Paris, Editions Universitaires, 1985, p. 28.

[47] P.Sabourin, «Douze concepts ferencziens incontournables pour le traitement psychanalytique des enfants victimes d'abus sexuels», Le Coq-Héron, n° 154, 1998, p.81.

В статье «Смешение языков между взрослыми и ребенком. Язык нежности и страсти»[48], написанной Ференци в самом конце жизни, содержится обобщение его клинических наблюдений над отношениями родителей и детей. Кстати, первоначальное название этой основополагающей работы гораздо более красноречиво: «Страсти взрослых и их влияние на формирование характера и сексуальности ребенка». Ференци и Фрейд были первыми, кто сумел описать патологический ответ взрослых – мотивированный страстью, сексуальностью и одновременно провоцирующий дисфункции, – на детское желание нежности, любви, материнской защиты и заботы. Этот взрослый «язык страсти» неосознанно приводит некоторых родителей к всевозможным архаическим формам соблазнения (в смысле «совращения»), физического насилия, запущенности, инцестуозным действиям перверзного типа или даже трагедии детоубийства, необходимым для залечивания их собственных нарциссических ран. Слово «страсть», которое использует Ференци, отсылает не к сильному любовному переживанию, а к страданию[49], поэтому лучше говорить о поведении, движимом, мотивированном страстью, что по-французски передается прилагательным «passionnel», прямо отсылающим к психозам определенного типа, известным в психиатрии. Такое перверзно-нарциссическое позиционирование взрослого всегда имеет целью полностью завладеть любовью ребенка или психически (а иногда физически) устранить его. Ребенок в таких случаях лишается статуса субъекта, отдельного от родителей.

То, что мы диагностируем как «преждевременное посттравматическое созревание», у Ференци выражено изящной метафорой:

---

[48] Эта работа представляет собой текст выступления Ференци на Международном конгрессе по психоанализу в Висбадене в 1932 г.

[49] Leidenschaft (нем.), от глагола leiden (страдать)

Так и видишь переспелое яблоко, особенно душистое из-за того, что его когда-то клюнула птица; или червивое, и оттого созревшее быстрее других.

В другом месте этой же статьи он поясняет:

Вместе с тем, для нашей теории очень важно предположение, что слабая, неразвитая личность отвечает на внезапное огорчение не защитной реакцией, но исполненной тревоги идентификацией и интроекцией того, от кого исходит угроза или насилие.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПСИХИКИ

Фрейд, как известно, занимался, прежде всего, изучением раздвоения личности (Я) и раздвоения объекта, расстройств памяти при неврозах, психозах и перверзиях у взрослых. Ференци, занимаясь посттравматическими процессами, в разных формулировках выражал основное понятие «фрагментации психики»[50], которое схватывает самую суть последствий жестокого обращения с детьми. Чтобы описать варианты распада личности ребенка после перенесенной травмы, Ференци говорит об «атомизации», «раздроблении»[51] или «саморазрыве», а также о «потере личностью (Я) собственной формы», включая зрительный образ своего тела: после перенесенного «сотрясения психики»[52] ребенок как бы становится «мешком муки» или куклой, набитой опилками.

Ференци удалось привлечь основное внимание к психической стороне шока, его теория фрагментации психики позволяет выйти за пределы физической модели травмы, используемой в травматологии. В работе «Размышления о

[50] См. работу «Размышления о психическом травматизме».
[51] Zersplitterung (нем.)
[52] Erschütterung (нем.), производное от Schütt «обломки», «мусор».

психическом травматизме» он указывает, что шок «эквивалентен уничтожению чувства себя, способности сопротивляться, действовать, мыслить с целью защиты своего Я». Эти формулировки и сейчас поражают нас своей точностью и современностью.

Калейдоскоп

Одна из наших пациенток, Сара, симпатичная двадцатилетняя девушка, была в восьмилетнем возрасте изнасилована своим отцом. Отца тогда приговорили к длительному тюремному заключению, причем он так и не признал свою вину. У Сары наблюдается отчетливая фрагментация личности. То она разыгрывает из себя невинную жертву, приходит вся заплаканная, постоянно жалуется. То, наоборот, является с накрашенными черными губами и ногтями, демонстрируя стопроцентную уверенность в себе, – этакая Вампирелла, проводящая время в ночных дискотеках, в компании таких же готов. Между двумя этими крайними вариантами нам случается видеть Сару романтическую, всю в ожидании прекрасного принца, т.е. ее собственного несуществующего мужского двойника. Бывает, она предстает в образе студентки-отличницы, настолько внутренне зажатой, что не может общаться с однокурсницами, или вдруг, наоборот, перед нами Сара - «королева университетских аудиторий», которая так бесцеремонно, по-хамски ведет себя с понравившимся ей парнем, что тот, разумеется, начинает избегать встреч с нею. В течение нескольких лет терапии мы терпеливо способствуем укреплению какой-то одной из этих ее ипостасей, которая помогает ей оказывать помощь самой себе: теперь это и есть некий внутренний, «интери-

оризированный психотерапевт»[53], оберегающий ее от навязчивых мыслей о самоубийстве и, в конечном счете, сочувственно собирающий в одно целое все прочие грани ее личности.

То, что показано нами на этом примере, у Ференци выражено в сжатой форме:

> *Оставшаяся незатронутой часть личности берет на себя заботу об умершей, убитой своей части и оберегает ее, как ребенка[54].*

Не забывает он и об окружающих ребенка людях, которые обладают или не обладают способностью принять его страдание, проявляя, как он пишет, «понимание, нежность и – что крайне редко встречается, – полнейшую искренность». Ибо, как он объясняет,

> *самое опасное — это непризнание, отпирательство [со стороны взрослого], лживые утверждения, что ничего не случилось, что ему [т.е. ребенку] не было больно, и даже ругань и побои, когда проявляется травматический паралич мысли или движений. Именно такое поведение делает травму патогенной[55].*

Поэтому мы разработали и применяем особый, специфический подход к лечению связи мать-ребенок, что и будет показано ниже.

---

[53] О термине «интериоризированный терапевт» (innerselfhelper) см. R.P. Kluft, R.J.Loewenstein, F.W. Putnam, «The dissociative disorders», in Dissociation, Progress in the Dissociative Disorders, vol. III, n°3, sept. 1990.

[54] S. Ferenczi, Œuvres complètes, t. 4, Psychanalyse (1927-1933), op. cit., «Réflexion sur la plaisir de la pssivité», p. 274.

[55] Ibid, см. «Психоанализ детей применительно к взрослым»(1931).

Маму тоже

Мелани было десять лет, когда она стала жертвой инцестных действий со стороны своего отчима. На следующее утро, за завтраком, она все рассказала матери, но та ей не поверила.

Мелани больше об этом не говорила, вытеснив на долгие годы, воспоминание о травме. В подростковом возрасте она стала испытывать серьезные трудности с общением, регулярные расстройства приема пищи, в частности, неудержимые приступы рвоты. Во взрослом возрасте Мелани начинает психоанализ и во время одного из сеансов рассказывает о том, что с ней когда-то произошло, но психоаналитик не обращает внимания на ее рассказ: это второе непризнание[56]. Она прекращает психоанализ и обращается в Центр Бют-Шомон. Только в тридцать лет, после того, как она подала заявление в прокуратуру о насилии над ней в детском возрасте, (и это несмотря на срок давности по таким деяниям, действовавший в то время[57]) ей удалось, наконец, во время сеанса, проходившего в присутствии ее матери, поставить ту перед фактом, который та так долго не признавала. Благодаря такому разговору на сеансе терапии, мать сама призналась, что в раннем детстве ее тоже изнасиловали, о чем она никогда не говорила ни своей матери, ни кому-либо еще. Сразу же после этого сеанса у Мелани прекратились расстройства приема пищи. Впоследствии она призналась нам: именно в тот день у нее наконец-то – впервые за всю ее жизнь – появилась уверенность в том, что и у нее есть «мама».

---

[56] Ibid., см. работу «Повторение во время психоанализа опаснее первичной травмы».

[57] В главе 12 мы ознакомим читателя с изменениями во французском законодательстве в интересах пострадавших от сексуального насилия в детском возрасте.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ С АГРЕССОРОМ (НАСИЛЬНИКОМ)

Это одно из самых известных и конструктивных понятий, созданных Ференци[58]. Им описывается ключевой момент в динамике первичной травмы у ребенка, а также afortiori у подростка и взрослого. После сексуального шока, который ребенок вначале переживает пассивно и с испугом (в точном терминологическом смысле, который придавал этому слову Фрейд[59]), он начинает воспроизводить его, причем теперь уже активно, компульсивно и, будучи не в состоянии остановиться самостоятельно. Так он может в свою очередь сделаться агрессором; в таком случае это и есть обращение влечения в свою противоположность, как его описывал Фрейд[60]. Это же лежит в основе знаменитой и якобы врожденной «полиморфной перверзности» ребенка, которая развивается после этого – и только после этого – в силу того факта, что такой ребенок уже испытал «внешнее влияние соблазна»[61].

Однажды Ференци рассказал Фрейду историю Арпада. Она привела Фрейда в восторг: «Это наблюдение – подлинное лакомство, у него великое будущее![62]» Этот маленький пятилетний пациент приходил в маниакальное возбуждение, когда возвращался на ферму, где проводил лето: он кудахтал по-куриному, отказывался нормально разговаривать, выражал буйную радость, когда резали кур, приставал ко всем женщинам, что его окружали, – в общем, становился в некотором роде «деревенским петухом». Иногда, наоборот, он вдруг впадал в глубокую депрессию. В случае с этим «маленьким человеком-петухом»[63]

---

[58] S. Ferenczi, «Confusion des langues…»

[59] Sexualschreck (нем.) См. З. Фрейд. Рождение психоанализа. Письма Вильгельму Флису. Письмо от 10 октября 1895 г

[60] S. Freud, Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, «Pulsion et destin des pulsions»

[61] См. З. Фрейд. Три очерка по теории сексуальности.

[62] Переписка Фрейда и Ференци, т. 1. письмо от 1 февраля 1912 г.

[63] Ференци Ш. Полное собрание сочинений (франц. издание), т.2, с. 72. Фрейд использовал это клиническое наблюдение Ференци,чтобы привести Арпада как «редкий случай положительного тотемизма» (см. З. Фрейд. Тотем и табу).

можно было говорить о декомпенсации в форме острого, заторможенного психоза, поддающегося лечению. Ференци объяснял, что «следует помнить, что за год до этого петух клюнул его в половой член, когда он мочился в курятнике». Во время этого эпизода произошла сильнейшая регрессия, и Арпад идентифицировал себя со своим сексуальным агрессором – петухом. Путем фрагментации своей личности, своего Я, ему удалось приспособиться к фиксации на этой сексуальной травме. Во время сеанса он беспрестанно играл с маленьким бронзовым тетеревом, стоявшим на письменном столе Ференци, и тот интерпретировал это как разрешение посттравматической фиксации.

Нападение петуха на этого мальчика, как это часто бывает с сексуальными нападениями, жертвами которых оказываются дети, прошло совершенно незамеченным взрослыми или же окружающие просто не придали этому особого значения.

Как только происходит такая «идентификация с сильнейшим противником»[64], на первый план сразу выходят механизмы стыда и вины. Это «обращение влечения в свою противоположность», после чего законная ненависть в принципе может найти себе выражение и стать направленной против истинной своей цели – в этом и будет состоять одна из задач психотерапии. В ожидании такого результата в психике ребенка-жертвы будет доминировать инкорпорация или интроекция чувства вины, чего как раз не испытывает взрослый насильник. Ференци первым описал такую интериоризацию насильника под одновременным влиянием страха и сильного возбуждения.

> *Высшая точка страха вынуждает их автоматически подчиняться и следовать любым желаниям насильника и даже отрешенно идентифицировать себя с ним. Через идентификацию - или скажем так, интроекцию насильника - ис-*

[64] Ференци Ш. Полное собрание сочинений (франц. издание), т.4, «Размышления о наслаждении от пассивности».

чезает внешняя реальность нападения, переключающаяся в интрапсихическую[65].

Колено женщины-психотерапевта

Феликсу десять лет. У него серьезные психические нарушения: психоэмоциональная незрелость, неуспеваемость в школе, неконтролируемость эмоционального состояния и постоянное сексуальное возбуждение, выражающееся в провоцирующем поведении в отношении детей и взрослых. Этих симптомов вполне достаточно для обращения к нам. На одном из первых сеансов он с улыбкой подошел к женщине-терапевту и внезапно вошел в физический контакт с ней, прижавшись эрегированным половым членом к ее колену. Несмотря на свое удивление, она сказала очень уверенным тоном: «Меня это не интересует». «Правда?» – в свою очередь изумился мальчик. Как выяснилось впоследствии, этого ребенка мучили, почти подвергали пыткам: например, его отчим насиловал его с применением овощей фаллической формы, которые затем, угрожая, он заставлял мальчика заглатывать... На первом же этапе лечения Феликс понял, что не все взрослые – сексуальные насильники. К нему стали возвращаться воспоминания о причиненных травмах, за ними последовали разоблачительные признания и, как следствие, заявление в прокуратуру об изнасиловании. Дело кончилось тем, что насильник был посажен в тюрьму, а Феликс избавился от мучений.

Вытеснение, одна из «судеб влечений»[66], приводит к раздроблению воспоминания о травме, заставляет его временно исчез-

---

[65] S. Ferenczi, «Confusion des langues…»

[66] S. Freud, Métapsychologie, Paris, Gallimard, 1968, «Pulsion et destin des pulsions». Фрейдом описаны четыре судьбы влечений: обращение на себя, обращение в свою противоположность, вытеснение и сублимация.

нуть из сознания; оно появляется только в повторяющихся снах или проявляется в виде своего рода вспышек в раздробленной памяти. Мы работаем именно с такой неустойчивой картиной.

Согласно концепции Ференци, повторяющиеся сны и кошмары выполняют исцеляющую функцию, и это очень конструктивно для проведения клинической работы с пациентом, перенесшим травму. Пациенту становится лучше, когда он начинает понимать, как действуют его собственные бессознательные психические механизмы выживания, что и проявляется в его повторяющихся снах. Такая техника психотерапии более подходит взрослым пациентам, однако в виде исключения мы применили ее в работе с ребенком, для которого не представляло больших трудностей вести записи своих снов.

Карман на голове

Халеду восемь лет. В течение многих месяцев ему снятся повторяющиеся сны. Каждую ночь в его кошмарах отец подвергает его разным пыткам. Надо заметить, что это происходило задолго до показа по телевидению страшных кадров из американских тюрем в Ираке.

При поддержке психотерапевта Халед начинает, преодолевая муки, записывать свои ночные кошмары:

«Воскресенье: он все время мне делаит всякие пративные вещи, а никто ничиво ни видит и я тоже ничиво сказать ни магу потомушто боюсь.

Вторник: он меня бьет и надел на голову корман я дышать ни магу и задыхаюсь уже а на помощ тоже позвать ни магу.

Среда: он всевремя меня трогает за пипиську я кричу громка громка а меня никто ни слышет».

Из объяснений Халеда на сеансе стало понятно, что карман – это пластиковый пакет для заморозки.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ГИПНОЗ

Изучая семейный контекст, в котором происходит жестокое обращение с ребенком, наблюдая, как и мы, характерное поведение родителей, Ференци вводит понятие «родительский гипноз»[67], которое призвано объяснить стойкий эффект физического или сексуального насилия над ребенком. Уже в 1913 г. он уточняет свою мысль, выделяя гипноз «путем запугивания», который он определяет как отцовский гипноз, и гипноз «путем вкрадчивых намеков», менее грубый, но более коварный, который он определяет как материнский. Обе формы внушения могут сосуществовать, отчего их действие только усиливается.

Дева Мария

Отец шестилетней Франсуазы, изнасиловав ее, потребовал, чтобы она молчала об этом, и заставил поклясться Девой Марией, что она ничего не будет рассказывать матери, иначе он ее убьет. Франсуаза находилась под гипнотическим воздействием этого приказа в течение целых десяти лет, несмотря на то, что по заявлению матери было возбуждено уголовное дело. В результате отца оставили на свободе. В подростковом возрасте, пережив эпизод депрессивной декомпенсации, Франсуаза вновь обратилась к психотерапевту, которая с ней работала, когда ей было шесть лет, и на этот раз она нашла в себе силы поведать ей свою тайну. Тогда обнаружилось, что гипнотическое воздействие поддерживалось и усиливалось благодаря тому, что ее отец регулярно присылал ей открытки с текстами литургических песнопений во славу Девы Марии.

[67] Ференци Ш. Полное собрание сочинений (франц. издание), т.4, с. 346.

Иногда ребенка таким способом держит в страхе и принуждает к молчанию не отец и не мать, а кто-нибудь из членов семьи, преступное воздействие которого, недооценивается со стороны. В следующем примере метод, примененный дядей, чтобы гарантировать молчание племянницы, основан на эксплуатации ангельской наивности родителей девочки, которые ничего не замечают, что только усиливает изначальную психологическую обработку жертвы.

Провансальский вертеп

Девятилетняя девочка Синди получала от своего дяди письма, украшенные картинками с изображениями сантонов, т.е. разных персонажей традиционного провансальского рождественского вертепа. В этих письмах дядя просил ее не забывать во время летних каникул повторять пройденную школьную программу, выполнять домашние задания. Родители Синди недоумевали, почему девочка наотрез отказывается читать письма своего «доброго дядюшки», где постоянно упоминались цветочки, а также какие-то «зверушки и черепашки». Теперь мы знаем, что все эти «зверушки-черепашки» означали мужской член в различных его состояниях, а «цветочки» - гениталии девочки. Став взрослой, Синди подала в суд на дядю. Тот был приговорен к тюремному заключению за неоднократные изнасилования во время выполнения летних домашних заданий.

Гипнотизирующее воздействие может осуществляться в форме эмоционального шантажа депрессивной матерью, которая твердит ребенку: «Я хочу, чтобы это осталось в семье, между нами». Есть и другие технические способы влияния: например, насильник-отец разыгрывает из себя несчастного, буквально выпрашивая у своей дочери «немного любви и ласки»; полная перемена ролей оборачивается чудовищным смятением чувств у ребенка.

Так хочется любви

Как-то раз в субботу, вернувшись домой из магазина, мать Дженни с удивлением обнаружила, что дверь их с мужем спальни заперта изнутри. Она потребовала, чтобы муж открыл дверь, и застала следующую сцену: ее пятнадцатилетняя дочь выбегает из комнаты на балкон, а муж стоит весь красный, всклокоченный и бормочет: «Мне так хочется любви». Совершенно растерявшись, ничего не понимая, мать просто решила, что со стороны ее дочери это «уж как-то слишком», – и благополучно вытеснила на целых двадцать лет эту красноречивейшую сцену инцеста. Из-за такого самоослепления матери, сама Дженни, всеми брошенная, точнее преданная, выжила психически только ценой идеализации родителей. Поскольку не могло быть и речи о том, чтобы взглянуть на ситуацию критически, она продолжала хранить пассивную сексуальную верность своему отцу даже в течение многих лет после того, как вышла замуж. Точно так же беспрекословно она подчинялась всем домашним требованиям со стороны матери. Фрагментация ее психики сохранялась до того времени, пока ее мужу, деятелю оппозиции из одного тоталитарного государства, не удалось с большим трудом побудить ее задуматься над происшедшим. Это произошло на сеансах психотерапии, в которых он тоже принимал участие. Именно тогда Дженни смогла, наконец, восстать против мощной семейной диктатуры и обратиться в прокуратуру, несмотря на то, что срок давности уже истек. Прокурор, приняв во внимание тот факт, что отец Дженни продолжал заниматься репетиторством с детьми школьного возраста, дал указание приступить к расследованию этого дела. Так Дженни нако-

нец-то почувствовала, что ее официально признали жертвой насилия.

Самопожертвование разума/ идеализирующее самовнушение

Нам часто приходится констатировать, как то, что мы называем «идеализирующим самовнушением» и что является последствием фрагментации психики, развивается под гипнотическим воздействием со стороны семейной среды, где имел место инцест. Кроме этого, под действие механизма идеализации попадают окружающие жертву люди, особенно младшие братья и сестры, не говоря уж об индивидуальных психотерапевтах и соцработниках. К этому мы еще вернемся.

Ференци нашел сжатую формулировку для обозначения этих сложных понятий. Он писал, что дети, которые подверглись насилию, прибегают к «самопожертвованию цельностью собственного разума во имя спасения родителей»[68]. Дети пытаются таким образом спасти хотя бы на время идеальный образ родителя-насильника, будь то отец или мать. Пользуясь этим раздвоением личности ребенка, агрессор-взрослый избегает ответственности за свои действия.

На сеансах мы часто мы наблюдаем следующее: когда пациенты начинают рассказывать о различных уловках, при помощи которых насильники манипулировали их сознанием, у них внезапно меняется цвет лица, точнее одна половина лица белеет от гнева, другая густо краснеет от стыда. Иногда на лице проступают красные полоски, как будто от слез, хотя пациент не плачет, или же появляется сардоническая гримаса, рот растягивается в садистскую усмешку, хотя пациент продолжает говорить жалобным тоном. Все это - невербальные средства выражения, симптомы истерической конверсии, следы пост-

[68] См. «Повторение во время психоанализа опаснее первичной травмы».

травматической диссоциации, которые мы всегда переводим в слова, разъясняя пациентам, какие противоречивые чувства владеют ими, говоря им, что это проступают невидимые до этого эмоциональные шрамы. У одной пациентки половина тела была поражена истерической контрактурой, из-за которой она передвигалась какой-то клоунской походкой. Одной реплики терапевта – «половина за папу, половина за маму» – оказалось достаточно, чтобы такой яркий симптом мгновенно исчез прямо на сеансе.

Вслед за Фрейдом мы с уверенностью заявляем, что концепции, созданные Ференци, исключительно плодотворны и ждут своего применения. Они настолько просты и при этом оригинальны, что не использовать их для подготовки современных специалистов – это настоящая трагедия. Именно поэтому мы будем постоянно на них ссылаться – чтобы лучше лечить, понимать, анализировать, исцелять.

5.О решающем значении системного мышления

«Власть заключена в самих правилах игры»[69].
Мара Сельвини

Всегда одинаковые и, как всегда, невероятно эффективные! Способы психологического домашнего насилия всякий раз поражают нас своей стереотипностью. Родители-насильники везде – как в мелкобуржуазных и аристократических, так и в неблагополучных семьях, – пользуются одним и тем же словесным ядом: «Ты мой самый любимый... я так тебя люблю... ты ведь не фригидная, как твоя мать... это будет нашей общей тайной... все папы так делают...» В этих двусмысленных фразах отчетливо выявляется одно из вреднейших свойств такого психологического воздействия. Инцестный родитель оправдывает себя такими аргументами, как сексуальное воспитание ребенка, проявление любви к ребенку и т.п. В то же время он полностью отрицает преступный или правонарушительный характер своих многократно повторяемых действий, вдобавок сопровождаемых угрозами смерти или ухода из семьи. Ребенок не в состоянии вырваться из семейного круга, он оказывается в ловушке, поддавшись психологической обработке, которая действует весьма эффективно и, в конце концов, достигает своей цели: подвести ребенка вплотную к страстному трансгрессивному желанию взрослого. Тогда достаточно одного тайного знака со

[69] M. Selvini Palazzoli, L. Boscolo, G. Cecchin, G. Prata, Paradoxe et contre-paradoxe, Paris, ESF, 1978, p. 14.

стороны насильника – щелчка пальцами, выразительного взгляда, оставленной приоткрытой двери спальни, – и загипнотизированная, безвольная жертва беспрекословно повинуется. Причем ярость потрясенной, беспомощной, парализованной паникой жертвы непременно будет направлена против нее же самой.

Поэтому на первом этапе объектом терапии нельзя делать одного только ребенка или его предполагаемого насильника-родителя: изменена должна быть вся тайная организация связи между ними. Лечить следует всю семейную систему, порождающую домашнее насилие.

Эти новые перспективы психотерапии были открыты благодаря исследованиям парадоксов коммуникации, которые проводил гениальный антрополог Грегори Бейтсон[70]. Впоследствии, вместе с Милтоном Эриксоном[71], развивавшим медицинский гипноз, он заложил основы современной экосистемной теории коммуникации. Исследования Пало-Альтовской школы строились вокруг следующего наблюдения:

> *Улучшение состояния здоровья того или иного члена семьи могло иногда вызвать какие-то проблемы со здоровьем у другого члена семьи; бывало и наоборот, когда некоторые психотерапевты […] констатировали цепную реакцию улучшения состояния здоровья. Такие противоречивые данные клинической практики побудили исследователей задаться вопросом о возможности существования потенциальных связей между проблемами индивида и комплексом проблем всей семьи в целом […][72].*

---

[70] Г.Бейтсон, вместе с психиатрами Дж.Уиклендом, Дж. Хейли, У. Фраем и Д. Джексоном, исследовал, в частности, особенности реакций ветеранов вьетнамской войны. В свое время Фрейд тоже интересовался тем, какое влияние оказала Первая мировая война 1914-18 гг. на солдат, воевавших на фронте.

[71] J. Haley, Un thérapeute hors du commun, Milton H. Erickson, Paris, Desclée de Brower, 1995.

[72] Mony Elkaïm (dir.), Panorama des thérapies familiales, Paris, Le Seuil, 1995, p. 17 (в этой книге см. гл. «Первые шаги семейной терапии: темы и люди»).

ВВЕДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЮ «ДВОЙНОЙ СВЯЗИ»

Детальное изучение заснятых на кинопленку взаимодействий между матерью и ее ребенком-шизофреником привело Грегори Бейтсона к созданию важнейшей для нас концепции «двойной связи»[73].

Мара Сельвини, основательница знаменитой Миланской школы семейной терапии, пишет:

> *Власть не принадлежит ни тому, ни другому. Власть заключена в самих правилах игры, постепенно сложившихся в прагматическом контексте тех, кто оказался ее участником*[74].

В ходе терапевтической работы с системами, порождающими домашнее насилие, нам предстоит методично разбивать оковы этой власти.

Для твоего же блага

Концепция «двойной связи» показывает необычайную эффективность в работе с детьми, подвергшимися насилию, а также с их насильниками. Ведь именно двойную связь с самого начала использует инцестный родитель, когда говорит, обращаясь к дочери или сыну: «Это для твоего же блага», – а сам при этом насилует или избивает. Ребенок в это время внутренне разрывается между страхом, болью или сексуальным удовольствием и смыслом произносимой фразы. Эта фраза стала знаменитой благодаря книге Алисы Миллер[75], которая использовала ее для описания парадоксов во взаимоотношениях родителей и детей, возникающих при применении так называемой «черной

---

[73] Существует несколько вариантов перевода термина double bind: «двойная связь», «двойная связка», «двойная завязка», «двойное послание», а также более редкие «двойная обязанность», «двойная ловушка», «двойной зажим».

[74] M. Selvini Palazzoli, L. Boscolo, G. Cecchin, G. Prata, Paradoxe et contre-paradoxe, op. cit., p. 14.

[75] A.Miller, C'est pour ton bien, Paris, Aubier, 1984.

педагогики», т.е. определенных типов негуманного воспитания[76]. Ребенок оказывается в ловушке, хотя чаще всего у него развивается не хронический психоз (как это было в классическом примере Бейтсона[77]), а посттравматический невроз.

ЯЗЫК НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Это твоя нога злится

Первый сеанс терапии. Подросток в кожаной куртке сидит, втянув голову в плечи, не проронив ни слова, только глаза исподлобья мечут молнии, да нога время от времени отбивает такт. Что ж, мы решаем обратиться к этой ноге, метафорически отделив ее от тела подростка, чтобы установить непосредственный контакт с этой диссоциированной несогласной частью его личности (Я). Обычно после этого наступает разрядка напряжения. «Как дела?» Парень цедит сквозь зубы: «Нормально...» И тут же с удивлением слышит, как терапевт произносит: «А нога твоя так не думает, она злится!» Парень улыбается вместо ответа. Нога перестает стучать. На какое-то время контакт установлен, можно приступать к терапии.

«Обратившись» напрямую к ноге этого подростка, мы разбиваем парадокс семейной коммуникации, входим в контакт с травмированным пациентом, который сразу же прекрасно чувствует, что психотерапевты поняли, как он одинок и что он вынужден прибегать к диссоциации, чтобы выжить.

Семейное насилие всегда предполагает господство языка невербального общения. У детей, приученных к беспрекословному повиновению, развивается сверхбдительность в

---

[76] Ibid.

[77] G. Bateson, Vers une écologie de l'esprit, t. II, Paris, Le Seuil, 1980, chap. «Vers une écologie de la schizophrénie» (en collab. Avec D. Jackson, J. Haley, J. Weakland).

отношении жестикуляции взрослых – так они пытаются предугадать, чего именно следует опасаться в следующую минуту. Что касается взрослых-насильников, то никто из них не обращает ни малейшего внимания на невербальные средства коммуникации у терроризируемых ими детей. Они только отдают приказы, распоряжения, вводят абсурдные, противоречивые ограничения, которые постепенно складываются в целую систему жестоких правил, навязанных всем членам семьи. Однажды нам пришлось иметь дело с неким отцом семейства, который спокойным тоном рассказывал о своих методах воспитания, казавшихся ему совершенно нормальными: «В нашей семье мальчики-подростки должны ходить по дому одетыми по пояс, а девочки-подростки – всегда раздетыми по пояс». Такой внутрисемейный распорядок представляет собой разновидность сексуального насилия, инцестный вуайеризм, причем отец навязал его своим детям, совершенно не считаясь с их аналоговой реакцией: они совершенно беззвучно плакали. Отец унизил, раздавил, травмировал собственных детей.

Пауль Вацлавик и ученые из его института доказали, что

> *любая коммуникация имеет два аспекта: содержание и отношение. Посылая любое сообщение, мы должны иметь в виду, что в нем будут не просто сосуществовать, но дополнять друг друга два способа коммуникации. Вероятнее всего, содержание послания будет передаваться цифровым, или дигитальным[78] способом, тогда как отношение будет по своей природе аналоговым[79].*

---

[78] J.-C. Benoit, J.-A. Malarewicz, J. Beaujean, Y. Colas, S. Kannas, Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, Paris, ESF, 1988, p. 68: «Определение «дигитальный», заимствованноеиз кибернетики, относится к искусственным языкам, которые используются компьютерами (или для общения с ними) ипредставляют собой двоичную систему знаков».

[79] P. Watzlawick, J. Helmick Beavin et D. Jackson, Une logique de la communication, Paris, Le Seuil, 1972, p. 61.

За этим следует важное добавление:

> *Мы полагаем, что символизация происходит и там, где дигитализация перестает быть возможной; мы также считаем, что именно это со всей очевидностью и происходит, когда отношение рискует возникнуть в таких областях, над которыми тяготеют социальные или моральные табу. Характернейшим примером является инцест*[80].

Иными словами, аналоговая (т.е. невербальная) коммуникация доминирует над цифровой, или дигитальной (т.е. вербальной, словесной), когда та оказывается лишенной всякого смысла.

При проведении терапии, посттравматическая сверхбдительность пациентов, детей или взрослых, ставших жертвами физического или сексуального насилия, вызывает у них целый ряд действий, важность которых становится понятной именно в аспекте аналоговой коммуникации. Например, рефлекторное движение от страха, которое наблюдается чаще всего, и в котором вроде бы нет ничего особенного, тем не менее, впечатляет: стоит терапевту немного приблизиться к пациенту, как тот резко поднимает руку, словно защищаясь от удара. Иногда это бывает просто какая-то рефлекторная гримаса. Все эти реакции до такой степени не соответствуют ситуации, что мы включаем их терапию в качестве одного из динамических элементов, превращая их в некую интерактивную игру с пациентом. Если это ребенок, пострадавший от насилия со стороны матери, то рефлекс направляется на терапевта-женщину, если со стороны отца, то симптом адресуется терапевту-мужчине.

С первого же сеанса, с первых же контактов с нами пациенты должны обнаружить, что мы почти мгновенно и пре-

[80] Ibid., p. 60: «Аналоговая коммуникация – это практически любая невербальная коммуникация».

дельно точно расшифровываем сигналы, посылаемые ими для установления связи. Трудно переоценить важность таких моментов, когда путем взаимного признания происходит сближение пациента с системой терапии.

На первом этапе работы от нас требуется повышенная активизация внимания для установления контакта с диссоциированными частями личности пациента-жертвы, поскольку лишь аналоговая коммуникация сохраняет смысл, которого уже полностью лишена коммуникация вербальная. Судя по нашей практике, внимание не может быть плавающим, так как от него напрямую зависит успех лечения. Сокровенный, тайный язык нужно расшифровать как можно быстрее.

ГОМЕОСТАЗ

Таким образом, на первом же сеансе некое новое семейное равновесие, или, прибегая к точной терминологии, некий новый гомеостаз должен быть наложен на прежний гомеостаз семейного насилия.

Недавно ушедшая от нас Самира Беллиль[81] в свое время испытала на себе весь ужас того, что некоторые СМИ, вслед за насильниками, называют «каруселью». Эта симпатичная молодая женщина стала активисткой и медиафигурой женского протестного движения «Мы не шлюхи и не рабыни». Например, 14 июля 2003 г. ее портрет в образе Марианны, символа Франции, был вывешен на здании Национального собрания (французского парламента). Она была близка к движению «SOS Расизм», став воплощением борьбы жертв группового изнасилования. Ее место во французском обществе, наряду с Эвой Тома, в свое время впервые осмелившейся заговорить о жертвах инцеста, обозначает собой исторический поворот в борьбе женщин за равноправие.

[81] S. Bellil, Dans l'enfer des tournantes, Paris, Denoël, coll. «Impacts», 2002. Мы называем фамилию психотерапевта с согласия Самиры Беллиль.

Самира выросла в неблагополучном районе, но ей тоже хотелось «такой же свободы, как у парней, хотелось дышать свободно, радоваться жизни»[82]. Она опубликовала книгу о девушках, ставших жертвами группового изнасилования – первую книгу на такую тему, – написанную с большим чувством и посвященную «подружкам по несчастью»[83]. В этой книге описана ее первым встреча с психотерапевтом Мартин Нисс:

> *Мне уже стукнуло восемнадцать. По идее, когда тебе восемнадцать, ты должна быть веселой, беззаботной, должна наслаждаться жизнью. А мне тяжко, горько, я уже такого в этой жизни навидалась – жить не хочется. Меня вообще нет. Я просто дышу. Как-то раз, листая журнал «Мари-Клер», наткнулась на статью об изнасиловании, об инцесте. Вырвала эту страницу – там был адрес центра семейной терапии. Может, хотя бы мать согласится пойти туда вместе со мной, ради эксперимента. Отец точно никуда не пойдет. Мать позвонила, записалась, пошли вдвоем. Обычный домик на Бют-Шомон, ничего особенного. Внутри приятно, даже уютно, хотя мебели немного. Докторша мне сразу понравилась: чем-то напоминает киноактрису шестидесятых годов. Очки бабочкой. Приветливая, расспрашивает все время. Мне нравится, что она не ходит вокруг да около – называет вещи своими именами. Похоже, она в курсе того, что творится в наших неблагополучных пригородах, знает о групповых изнасилованиях. Она располагает к себе. Думаю, стоит попробовать довериться ей. У меня снова появилась надежда. […] Выхожу после консультации – на душе как-то легче. Что-то во мне просыпается, лучик надежды. Кажется, здесь я, наконец, найду решение своих проблем*[84].

---

[82] L. Le Vaillant, «Tourner la page», Libération, 7 octobre 2002.

[83] A. Garcia, «Un témoignage sur l'enfer des tournantes, dédié aux frangines de galère», Le Monde, 25 octobre, 2002.

[84] S. Bellil, op. cit., p. 181.

Работать не с одним только «идентифицированным пациентом»[85], а с семьями или хотя бы с матерью, как в приведенном примере, – во Франции так работать начали относительно недавно, и хотя этот метод постепенно пробивает себе дорогу, отнюдь не везде он встречает поддержку.

Пьер Сабурен заинтересовался этим новым направлением работы в 1966 году, еще будучи интерном экспериментального психиатрического отделения:

> *Американский психиатр Росс В. Спек, а затем канадец Вудберри и его сотрудники начали с того, что собирали в одном большом помещении членов семей и первичных сетей душевнобольных пациентов, – до 50 человек. Это было новаторским решением для французской психиатрии того времени (а в Париже вообще такое происходило впервые), ведь тогда почти все придерживались ортодоксального психоанализа […]. Итак, в Париже, в Консультационном центре, расположенном в 13-м округе, под руководством д-ра Филиппа Помеля началась экспериментальная работа по этому новому направлению: семейной терапии психических больных. Задолго до мая 68-го этот подход был самым творческим, причем благодаря многомерности в трактовке психического здоровья кое-кто тогда считал, что в него можно включать семантические понятия, используемые Феликсом Гваттари, – такие, как «трансверсальность», а позднее и «хаосмос», – встраивая его в политическую контркультуру*[86].

---

[85] Jacques Miermont (dir.), Dictionnaire des thérapies familiales. Théories et pratiques, Paris, Payot, 1987: «Идентифицированный пациент – член семьи, с просьбой о лечении которого обратились один или несколько членов семьи и/или соответствующие социальные службы. И.п. является носителем симптома (болезнь, безумие, правонарушение, дебильность), который в большей или меньшей степени совпадает с одними или несколькими диагнозами специалистов, уполномоченных констатировать болезни, расстройства или отклонения от нормы […] Симптоматическое поведение индивида рассматривается как результат какой-то дисфункции семьи» (p. 402).

[86] M. Nisse, P. Sabourin, «La thérapie de réseau», in G. Lopez et A. Sabouraud-Seguin (dir.), Psychothérapie des victimes, Paris, Dunod, 1998, p. 136.

На практике работа в этом центре было чем-то средним между работой участкового врача и специалиста в клинике: с одной стороны, посещение больных на дому, в одной бригаде с санитарами и соцработниками, с другой – наблюдение и лечение психических больных в стационаре «Eau vive» («Живая вода») г. Суази-сюр-Сен[87] – парадоксальное сочетание интернатуры с экстернатурой.

Десятью годами позже, Мартин Нисс, начинавшая как педагог-воспитатель при ювенальном суде, сначала в Лилле, затем в Париже, столкнулась с тем, что ей приходится в одиночку, как и большинству соцработников, пытаться хоть как-то помочь детям, лишенным ласки и подвергавшимся жестокому обращению в неблагополучных семьях. Беседуя с членами этих семей, она часто убеждалась, что перед ней преступники или душевнобольные люди с деструктивным поведением. Однако ей было не под силу что-либо изменить в таком положении вещей, потому что на просьбу направить этих людей к психотерапевту начальство неизменно отвечало: «Надо подождать, когда они сами к нам обратятся». И тем хуже для детей, у которых уже были признаки декомпенсации. И неважно, что в дальнейшем это оборачивалось огромным количеством проблем в повседневной работе с такими неблагополучными семьями.

В ситуациях семейного насилия ждать обращения за помощью – не самый лучший выход из положения, как мы уже говорили. Обращение к специалисту следует обычно лишь тогда, когда нарушается закон молчания, а это происходит только после вмешательства закона. В дальнейшем мы увидим, как наша терапевтическая работа увязывается с уголовной или гражданской процедурой для борьбы с семейным гомеостазом, противостоящим любым попыткам изменить внутренний распорядок, порождающий насилие.

[87] Психиатрический стационар Научного центра психического здоровья, расположенного в 13 округе Парижа.

Впрочем, уже в те времена социальные службы располагали соответствующей научной литературой, чтение которой могло бы кое-что изменить в мировоззрении соцработников, в их понимании психоанализа или семейных психических расстройств... Однако тогда еще сильны были механизмы инфантилизации, заставлявшие пренебрегать книгами, в которых подвергались сомнению господствовавшие стереотипы, догмы, ортодоксальные взгляды. Люди рассуждали следующим образом: A + B = C, т.е. если ребенок ведет себя буйно, значит, этот ребенок трудновоспитуемый или у него психоз; раз он трудновоспитуемый, нужно отправить его к психотерапевту; если мать алкоголичка, ее надо отправить на принудительное лечение; если у отца депрессивный синдром, ему надо пройти психотерапию... Следовательно, каждому нужен свой психотерапевт, что и требовалось доказать! Но при этом еще надо было ждать, пока они сами к нему обратятся! Заколдованный круг, да и только... Руководители социальных служб признавали в то время существование только линейных причинно-следственных связей, а их понимание психоанализа было карикатурным и неэффективным. Пришлось ждать, пока знаменитая работа Миланской школы «Парадокс и контрпарадокс» во французском переводе получит достаточное распространение, чтобы начало меняться восприятие функции симптома, проявившегося у «идентифицированного пациента» из дисфункциональной семьи. И чтобы, благодаря этой модели, можно было выявлять «игру, состоящую из неявных подстрекательств»[88]. В 1982 г. на Конгрессе семейной терапии в Ницце упомянутые психиатр и педагог-воспитатель, воодушевленные новыми подходами, приняли решение отныне работать вместе. Сейчас такое сотрудничество, совместно про-

[88] Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 262. Мара Сельвини описывает различные психотические семейные игры, в том числе неявное подстрекательство, т.е. действие, скрыто нацеленное на стимуляцию агрессивности одного члена семьи против другого.

водимая терапия является безусловной необходимостью в работе с семьями, о которых идет речь.

Среди тех, кто впоследствии повлиял на формирование теоретической основы нашей работы, следует упомянуть Сальвадора Минухина[89], который писал:

> *Дисфункции в семье поддерживаются путем длительного использования родителями ребенка для того, чтобы избегать или не признавать наличия семейных конфликтов. Это может быть триангуляция, когда каждый из родителей заключает союз с ребенком против другого, или измененная подсистема, когда родители объединяются в своем отношении к симптомам ребенка, или, наконец, устойчивая коалиция между одним из родителей и ребенком[90].*

Этот взгляд на симптом, проявившийся у ребенка, как на один из показателей определенного гомеостаза, повлиял на наш собственный подход и позволил более взвешенно оценивать различные ситуации: побег из дома, упорное непослушание, симптомы неврозов, психологические кризисы у подростков, подвергавшихся эмоциональному, психическому, физическому или сексуальному насилию.

> *Семейный гомеостаз – это стремление семьи как системы к поддержанию сплоченности, устойчивости и безопасности в определенном физическом и социальном окружении. В жестких системах малейшая попытка изменения вызывает вспышки, иногда губительные для кого-то, но позволяющие укрепить статус-кво всей системы и как бы вывести ее за пределы времени и пространства[91].*

---

89 S. Minuchin, Familles en thérapie, Paris, Delarge, 1979.
90 Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 558.
91 Ibid., p. 266.

В ПУТАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

При любых попытках изменить положение вещей гомеостаз, породивший насилие, резко активизируется. Самира Беллиль приводит свой разговор с матерью после первого сеанса у психотерапевта:

Обижаешься, как маленькая!

– Ну, как тебе?

– Вроде она ничего.

– А мне она понравилась! Она меня понимает. Она сказала, что для начала одного раза в месяц достаточно.

– Понимаешь, Сами...

– Да ладно, не продолжай, все понятно.

Когда она начинает говорить таким тоном, я заранее знаю, что будет.

– Погоди, выслушай! За одну консультацию она берет триста франков, а медицинская страховка это не оплачивает.

Да причем тут эта страховка!

– Но у нас же есть деньги!

– Ну и что же, что есть?! Нельзя же из-за этого...

Я ее уже не слушаю, я ее не слышу. Пускай орет на здоровье, сколько хочет.

– Вот всегда ты так! Чуть что не по тебе, обижаешься, как маленькая!

– Давай, давай, говори, сколько хочешь! А я не слушаю, а я не слышу!

Меня просто убили эти слова матери. Все понятно, я ничего не стою. Не заслуживаю, чтобы на меня тратили деньги. Я забыла, что мать вообще не любит тратить бабки. Когда-то нам действительно не хватало денег, но сейчас ведь все по-другому. Мы, конечно, не миллионеры, но на жизнь вполне хватает.

Очень характерный диалог, показывающий, как жесткий, жестокий порядок, заведенный в этой семье, проявляет тенденцию к тому, чтобы оставаться неизменным, едва только появляется возможность обретения нового равновесия.

Психологическое воздействие – тон, которым начала говорить мать, – сохранило свою эффективность. Дочь снова обратилась в наш Центр лишь много лет спустя, после того, как наш знакомый адвокат направил ее к Мартин Нисс для консультации в связи с тупиковой ситуацией, в которой она оказалась из-за невозможности повторного обращения с иском в комиссию по возмещению морального ущерба жертвам насилия. Дело в том, что адвокат ассоциации, в которую она обратилась с просьбой помочь ей отстоять ее права как жертвы группового изнасилования, даже не предупредил ее о дате слушания ее дела в суде, а к тому же потребовал в качестве возмещения морального ущерба символическую сумму в 1 франк! Ко всем несчастьям девушки добавилось еще это проявление жестокости в институциональной форме. Именно поэтому для Самиры было так важно, чтобы комиссия приняла ее иск, признала нанесенный ей моральный ущерб и помогла ей таким образом обрести уверенность в своей правоте. «Один франк за все мои мучения! Неужели я так дешево стою?» – спрашивала она. Ниже мы еще вернемся к этому юридическому вопросу.

ИНЦЕСТНЫЕ ТРАНСАКЦИИ

Подстрекательство к инцесту

Хотя Мара Сельвини впоследствии отчасти пересмотрела свои взгляды[92], новаторский подход к лечению шизофреников и их семей, разработанный этим блестящим и авторитетнейшим итальянским психиатром, тогда поражал воображение. Стало воз-

[92] European Family Therapy Association (EFTA), III congrès, Barcelone, 1997.

можно заранее предвидеть некоторые ретроактивные действия со стороны семьи. Появилась новая терминология, прекрасно приспособленная для проведения семейной терапии. Стало возможно активно готовиться к проведению сеансов, чтобы добиваться быстрейших изменений. Acontrario, оглядываясь назад, трудно себе представить, до какой степени затруднена была деятельность соцработников, скованных по рукам и ногам различными условностями тогдашних подходов к психоанализу. Системное мышление позволило высвободить немалую творческую энергию, сделав, наконец, возможным подлинную демократизацию всей сферы человеческих взаимоотношений. Это течение, пришедшее к нам из США, открыло перед соцработниками перспективы завоевать уважение благодаря реализации их новаторских идей. Раньше, соцработники во Франции жили почти в условиях «Старого Режима», в полной зависимости от некоей привилегированной касты «всезнающих и всемогущих» психоаналитиков, которые, в ответ на просьбу о помощи, начинали разговаривать между собой на совершенно непонятном языке...

Вдохновленные работами ученых Миланской школы, мы стали называть семью, где проявились серьезные извращения, семьей «с инцестными трансакциями». У нас вошло в привычку использовать неологизм «l'incestigateur»[93], который позволяет сделать акцент на активной роли родителя-ненасильника в совершении инцестных действий. Подстрекательство к инцесту может проявляться как в форме неосознанного попустительства, так и в форме пособничества или соучастия в юридическом смысле слова. Понятие «инцестированный ребенок» было создано нами, чтобы подчеркнуть пассивную роль ребенка-жертвы в акте инцеста и отличить его от «инцестного ребенка», т.е. родившегося в результате кровосмеше-

[93] F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence impensable, Paris, Nathan, 1991, 2004, p. 191. Этим неологизм испльзуется для обозначения подстрекателя к совершению инцеста.

ния. В настоящее время эти термины активно используются профессионалами, потому что они заполнили собой некий семантический вакуум. То же относится к терминам «инцестный родитель/родственник» и «инцестор», которые (в зависимости от степени тяжести деяния) обозначают другого партнера по этой семейной драме, в которой череда подстрекательств-насилий может растягиваться на несколько поколений. Три года спустя после публикации нашей первой статьи[94], Поль-Клод Рекамье уже пишет в своей работе: «... многие инцестированные дети, как я называю детей, вовлеченных в инцестные отношения»[95]. Как видим, у известного клинициста точно такой же взгляд на вещи.

Эти сложные трансакции могут также наблюдаться в тех случаях, когда выявляется внесемейное насилие со стороны педофила. Если против ребенка совершается акт сексуального насилия каким-то посторонним человеком, то иногда оказывается, что семейная система бывает в это вовлечена неосознанно, в силу того, что происходило когда-то давно в семьях обоих родителей. В таких семьях царит не инцестная, а скорее «инцестуальная атмосфера»[96]. Межпоколенческие границы не играют своей роли, а нарциссические расстройства у родителей делают возможным почти беспрепятственное вторжение извне педофила-хищника, особенно в том случае, если он обладает необходимыми качествами для того, чтобы обворожить родителей. При сексуальной агрессии между несовершеннолетними в структуре семьи есть некоторые особенности, к которым у нас еще будет возможность обратиться.

---

[94] M. Nisse, P. Sabourin, «Evaluation des transactions incestueuses», Cahiers critiques de thérapies et de pratiques de réseau, n° 10, Toulouse, Privat, 1989.

[95] P. C. Racamier, «Blessures du Moi et sédition narcissique», Bulletin du Groupe lyonnais de psychanalyse, n° 21, juin 1991, p. 21.

[96] Понятие «инцестуального» введено П.К. Ракамье (P. C. Racamier, Inceste et incestuel, Paris, Editions du Collège, 1995).

Бассейн

Задолго до недавних громких дел о педофилии среди учителей младших классов мы работали с семьей, в которой оба ребенка стали жертвами действий сексуального характера со стороны близкого друга отца семейства. Оба работали учителями, относились друг к другу с огромным уважением и даже, можно сказать, «дружили страстно», что и объясняет полную потерю бдительности со стороны этих родителей. У «друга семьи» и по совместительству школьного учителя их детей был бассейн, послуживший предлогом, а затем и приманкой для того, чтобы завлечь к себе маленьких брата и сестренку. После того, как девочка совершила попытку суицида, наконец-то вскрылось, что в течение многих лет этот мужчина насиловал детей. В дальнейшем в этой параинцестной семье ситуация начала исправляться. Отец проделал над собой трудную внутреннюю работу, чтобы вырваться из-под чужого психологического воздействия, и осознал, что его привязанность к своему «такому приятному» коллеге определялась гомосексуальными мотивами. Вместе с женой он поддерживал детей в ходе судебного процесса по делу насильника, а потом, тоже при содействии жены, создал ассоциацию для оказания поддержки семьям, столкнувшимся с проблемой педофилии.

Эффект медового месяца

В ряде инцестных ситуаций отношения между матерью и насильником ее ребенка или каким-нибудь другим мужчиной, выступающим в качестве двойника насильника, могут развиваться по принципу «еще больше того же самого»[97]. Такой сценарий обычно застает врасплох всю систему защиты де-

[97] Системная аксиома школы Пало-Альто.

тей, особенно когда со стороны все выглядит как пламенная любовь.

> *Мы констатировали, что одно из самых неожиданных ретроактивных действий со стороны семейной системы, которое мы называем «эффектом медового месяца», наблюдается почти сразу же после того, как в дело вмешивается Закон. Оно принимает форму резкой активизации любовных чувств между супругами. Возьмем наиболее часто встречающийся случай – инцест отец-дочь. Жена регулярно навещает мужа в тюрьме, причем старается приводить на свидание детей, и зачастую ей удается добиться примирения дочери с отцом. Результатом этого, как правило, является отказ от прежних показаний. Из этого можно сделать вывод, что семейная игра с Законом продолжается независимо ни от чего. Несмотря на то, что отца сажают в тюрьму, мать-«подстрекательница инцеста» продолжает как бы «испытывать на прочность» различные внешние системы воздействия, ожидая, пока они докажут на деле, что негласное внутрисемейное правило беспрекословного подчинения закону инцеста более не действует*[98].

От насильника к насильнику

Пятнадцатилетнаяя Аврора, при поддержке своей подруги из приемной семьи, дала показания против своего отца, насиловавшего ее и ее братьев. Отец, к всеобщему удивлению, почти сразу же признал свою вину и был посажен за решетку еще до суда. Мать этих детей, так и не поверившая показаниям Авроры, влюбилась в другого мужчину, который, как оказалось, тоже был насильником. Вскоре после того, как они стали жить вме-

[98] M. Nisse, «Vous avez dit inceste?», Résonances, magazine de thérapie familiale et de pratiques de réseaux, n° 1, 1991, p. 22.

сте, против этого мужчины было возбуждено уголовное дело по фактам инцеста с детьми его предыдущей сожительницы. Аврору эта история очень насторожила и недаром: «эффект медового месяца» сработал у матери не только в отношении насильника ее собственных детей, но и в отношении этого другого мужчины, который чем-то неосознанно напомнил ей предыдущего; впрочем, и от Авроры эти черты не ускользнули. Таким образом, мать перешла от одного насильника к другому, как бы продлевая свой «медовый месяц» с насилием как таковым. Спустя три года, набравшись решимости, Аврора призналась, что каждый раз, когда отец насиловал ее, мать находилась в той же постели. Она заявила: «Я посажу свою мать в тюрьму, потому что она представляет опасность для моих братьев и сестер». Вопреки непониманию со стороны ее педагога-воспитателя, ей хватило смелости довести дело до конца, исключительно для защиты братьев и сестер, причем с риском быть неправильно понятой и ими тоже, поскольку они продолжали находиться во власти иллюзорных представлений об идеальной семье...

Такие случаи не единичны. Наоборот, то и дело встречаются матери-«подстрекательницы инцеста», у которых было несколько партнеров-педофилов, последовательно насиловавших детей от предшествующих сожительниц. Иногда можно наблюдать чью-то спонтанную попытку вырваться из такого преступно-инцестного пространства, в котором мать чувствует себя предельно комфортно.

Любовь с первого взгляда во Дворце правосудия

Мари-Жанн, участвовавшая в многократном изнасиловании собственной дочери и приговоренная за это

к тюремному заключению за соучастие в совершении преступления (инцеста), с первого взгляда влюбилась в мужчину, сидевшему с ней рядом, в наручниках, как и она сама, перед кабинетом судебного следователя, в ожидании допроса... Мужчина не был педофилом, и, выйдя из тюрьмы, она поселила его у себя дома, в полной уверенности, что ее детей он не тронет. Она не ошиблась: их он и в самом деле не тронул. Но, вернувшись однажды домой, она обнаружила, что из дома вынесли абсолютно все. Оказалось, что этот мужчина – мошенник. Когда она разыскала его, он сломал ей нос, проколол шины и разбил ветровое стекло ее автомобиля... Мужчина оказался человеком жестоким, полным двойником ее бывшего мужа, который поддерживал прежнюю диктатуру в семье, терроризируя эту женщину угрозами и битьем.

ИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ ПАЦИЕНТ И ЖЕРТВА ИНЦЕСТА

В 1982 г., на конгрессе в Ницце, Диана и Луи Эверстин[99] представили применявшуюся ими методику терапии семей, в которых жестоко обращались с детьми, и, в частности, инцестных семей. США тогда захлестнула первая волна разоблачений, связанных с преступлениями на сексуальной почве. Эти два специалиста по системной терапии дали нам представление о революции, произошедшей в сознании американцев и сопровождавшейся, как это принято за океаном, широкомасштабной кампанией в СМИ. Во Франции эти проблемы обходили полным молчанием. Первая телепередача на тему инцеста выйдет в эфир только в сентябре 1986 г., вслед за публикацией скандальной книги нашей верной подруги Эвы Тома[100] *Le Viol du silence* (*Изнасило-*

[99] D. et L. Everstine, «L'inceste et la thérapie familiale», Génitif, vol. 5, n° 4, 1985, p. 45-60.

[100] A. Jammot, Les Dossiers de l'écran, Antenne 2.

вание тишины), и тогда в нашей стране поднимется такая же волна интереса, как и в США.

В США об инцесте, домашнем насилии, педофилии говорилось много и отнюдь не только в среде интеллектуалов; это давало представление о немалом количестве семейных историй жестокости и насилия, скрытых за плотной завесой тайны. Не было никаких оснований думать, что Франции каким-то чудом удалось избежать таких семейных дисфункций. Предвидя возможную волну разоблачений, которая вот-вот должна была подняться во Франции, мы официально обратились за содействием к государственным органам. На нашу просьбу о субсидировании один крупный начальник из Министерства здравоохранения отреагировал так: «Уж не думаете ли вы, что по каждому новому симптому мы будем создавать отдельную структуру?»

Лишь в 1990 г., при поддержке нескольких частных фондов – от «Fondation de France» до фонда кампании «Apple», – мы смогли в подходящих условиях начать соответствующую переподготовку специалистов. С тех пор в Центре Бют-Шомон, в 19-м округе Парижа в одном месте оказались собраны все виды деятельности: обучение, сетевая терапия, семейная терапия и индивидуальная терапия.

Нам уже было известно немало ригидных семейных систем, похожих на те, что были описаны Миланской школой. Мы понимали, в чем сила изобретенных там парадоксальных методов работы, но искали собственный метод, при помощи которого можно было бы убедить именно «наши» дисфункциональные семьи принять желаемые изменения. Следует добавить, что достаточно быстро мы выступили против опасного представления об отсутствии «жертвы» во взаимоотношениях, поскольку все, якобы, включается в циркулярный процесс. И хотя «у самого Бейтсона это слово заключено в кавычки, чтобы подчеркнуть циркулярный характер взаимо-

действий»[101], мы продолжаем считать большой ошибкой, когда инцест рассматривается как обычный, рядовой симптом. Придерживаясь такой точки зрения, специалисты-системщики того времени, одержимые циркулярностью, старались во что бы то ни стало придать инцесту позитивные коннотации во имя сохранения сплоченности семьи и при этом пытались добиться каких-то изменений, хотя заранее было понятно, что это совершенно невозможно! Что же касается психоаналитиков и психиатров традиционных направлений, считавших сексуальное насилие над ребенком симптомом дисфункции желания самого ребенка, то они были в плену представлений о линейных зависимостях, и это не могло привести к полному прекращению актов сексуального насилия в семье. Обе эти теоретические посылки практически принуждали к действиям вне правового поля, поскольку игнорировалась уголовно-наказуемая сторона инцеста.

КОНТЕКСТ

Нам необходимо было создать некий терапевтический альянс с этими инцестными семьями, одновременно провоцируя нарушение порядка внутри их системы, нужное для ее трансформации.

Сознавая эффективность этого метода, разработанного Миланской школой, мы приступили к поискам рычагов, способных взламывать ригидные и трансгрессивные семейные системы. Первый этап: понять важность семейного контекста[102], из глубин которого вышло наружу разоблачение инцеста, а затем подобрать соответствующие средства для исправления положения, прибегнув к новаторской психотерапевтической практике. Именно так, на втором этапе мы расширили поле

[101] Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 122 (статья «Двойная связь»).

[102] Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 88: «Контекст – живое целое, экосистема, состоящая и зорганизма и его окружающей среды, неразделимо связанных постоянством отношений».

нашего исследования, включив в него социально-правовой и медиаконтекст, и тут наша исследовательская работа стала еще более увлекательной.

Мы встречались с представителями судебно-правоохранительных органов, с адвокатами, с экспертами, сопоставляя нашу точку зрения с их профессиональной логикой. Эта работа увенчалась созданием протокола социальных, юридических и психотерапевтических действий[103], инновационное содержание которого повлияло на дух закона. Но об этом ниже. С годами к нам все чаще стали обращаться видные политические деятели, небезразличные к проблемам защиты детей от семейного насилия и желавшие добиться соответствующих изменений в законодательстве.

Так, Мартин Нисс и Фредерик Грюйе имели удовольствие встретиться с госсекретарем по вопросам семьи Элен Дорлеак де Борн в период подготовки закона от 10 июля 1989 г., которым устанавливалось право несовершеннолетнего быть представленным собственным адвокатом, а также увеличивались сроки давности по фактам инцестного изнасилования. Была встреча и с министром юстиции Мишелем Меэньри при подготовке закона 1993 г., которым устанавливались тюремные сроки, не подлежащие сокращению (так называемый закон о «реальном пожизненном заключении» по преступлениям, совершенным педофилами). Кроме этого, Мартин Нисс и Пьер Сабурен принимали докладчика комиссии по законодательству Фредерик Бреден при подготовке закона от 17 июня 1998 г. для обсуждения вопроса о новом продлении сроков давности по делам об изнасиловании, а также о возможности сочетания уголовного наказания насильников с прохождением ими психотерапевти-

[103] F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, Protocole d'intervention social, judiciaire et thérapeutique pour la protection des enfants maltraités et victimes des abus sexuels du Centre des Buttes-Chaumont, Paris, diffusion Fondation pour l'enfance, 1990. Этот протокол является заключением книги La Violence impensable, op. cit.,p. 230-257.

ческого лечения, что представляло бы собой наказание, дополняющее обычное тюремное заключение. Мы подробно остановимся на правовых вопросах в следующих главах.

В 1986 г., когда был создан Центр Бют-Шомон, статус ребенка как жертвы насилия еще не был признан, да и права ребенка в целом не были по-настоящему определены: Конвенция ООН о правах ребенка была ратифицирована во Франции только в 1990 г. С тех пор права ребенка также пишутся без кавычек.

ПАРАДОКС ПОЗИТИВНОЙ КОННОТАЦИИ СИМПТОМА

Какое влияние оказало системное мышление на нашу работу с семьями, находящимися в глубоком кризисе?

> *Семьи, обратившиеся с просьбой о проведении психотерапии, находятся в состоянии разрыва с гомеостатическим равновесием, которое существовало до разоблачения. Неписаные правила полного подчинения диктаторскому закону, позволявшему обеспечить видимость сплоченности семьи, временно перестали действовать в силу самого факта признания совершения изнасилования, что имело катастрофические последствия для прежнего состояния равновесия. Наше терапевтическое вмешательство основывается на использовании тех же самых неписаных правил полного подчинения авторитету, но парадоксальным образом: мы просим мать продолжать подчиняться закону, однако прежний закон теперь заменяется другим. Нужно в некотором роде спровоцировать демократизацию системы, которая предоставит ребенку, как и любому индивиду, право сказать «нет». С этой целью мы усугубляем кризис, помещая семейную систему в правовое поле, где защита прав несовершеннолетних регулируется законом. При*

этом психотерапевты объясняют, что таким образом они сами вовлекаются в семейный кризис и значит будут вынуждены искать выход из него в тесном сотрудничестве с данной семьей. Мы особенно настаиваем на том, что и нас тоже могут привлечь к ответственности, если мы не заявим официально о фактах насилия, и не раз подчеркиваем это обстоятельство, поскольку семье очень нелегко осознать, что молчание отныне означает соучастие в совершении преступления[104].

Оглядываясь на пройденный путь, мы можем сказать, что наша позиция очень близка к конструктивизму в семейной терапии, который практикуют Линн Хоффман[105], Луиджи Босколо и Джанфранко Чеккин: «не система создает проблему, а проблема создает систему». Для инцестной семьи абсолютно невозможно самой обратиться за консультацией так, как это делает – с большим или меньшим трудом – семья, один из членов которой оказывается в очень трудном положении (например, у человека бредовые состояния или он страдает тяжелым алкоголизмом). Дело в том, что сложность ситуации с инцестом осложняется тайной, покрывающей такие трансакции, которые тем самым ускользают от наблюдения.

Наша специализация не раз ставилась под вопрос: так, на начальной стадии нашей работы нас упрекали в том, что мы якобы подталкиваем своих пациентов к ложным утверждениям, когда позиционируем себя в качестве специалистов по лечению жертв семейного насилия. Но ведь новая система психотерапии не могла сама по себе создать проблему из ничего!

---

104 F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence impensable, op. cit.,p. 151.

105 M. Elkaïm, Panorama des thérapies familiales, op. cit., p. 157. О Линн Хофманн в этой книге сказано так: «Она отказалась от соблюдения принципа нейтралитета и соглашается делиться с семьями тем, что переживает и понимает сама. Такие беседы в ходе терапии содержат в себе большой потенциал изменения семейных отношений».

Мы стали специализироваться как раз потому, что проблема, безусловно, существовала задолго до нас, однако ее непозволительным образом замалчивали.

АМПЛИФИКАЦИЯ КРИЗИСА ЗАКОНА

Первая бифуркация: начать рассказывать

Еще одна концепция, на этот раз из области химии, привлекла наше внимание. Речь идет о концепции открытых систем, находящихся вдали от равновесия, которую часто использует в своих исследованиях неутомимый Мони Элькаим:

> *И. Пригожин[106] отводил большую роль времени и истории, но на первом плане у него стоит случайность, поскольку, с этой точки зрения, невозможно заранее знать, какая из многочисленных возможных флуктуаций будет усилена, амплифицирована после изменения определенного параметра […] На своей практике я очень скоро убедился в том, что амплифицированные флуктуации состоят не из одного особого элемента, но составляются из нескольких особенностей, присущих как членам семьи, проходящей терапию, так и самому психотерапевту[107].*

Поступившая к нам инцестная семья переживает серьезнейший кризис. Мы усиливаем, амплифицируем этот кризис таким образом, чтобы помочь данной системе произвести глубокие изменения. Единственный путь – подтолкнуть преступную систему в сторону Закона. Такой кризис – кризис закона[108] – происходит из-за того, что «закон молчания», позволявший

---

[106] I. Prigogine et I. Stengers, La Nouvelle Alliance, Paris, Gallimard, 1979. Илья Пригожин является лауреатом Нобелевской премии по химии.

[107] M. Elkaïm, «Description d'une évolution», dans Panorama des thérapies familiales, op. cit., p. 594.

продолжать насилие прекращает свое действие. Процесс психотерапии будет заключаться в том, чтобы усилить, амплифицировать флуктуации, возникшие вследствие нарушения тайны, но при этом постоянно ссылаться на принципы, лежащие в основе законов о защите детей от насилия. Это и есть первая необходимая бифуркация на пути к признанию запрета на инцест как основополагающего закона жизни в обществе.

> *Точкой бифуркации называют некое критическое значение параметров системы, начиная с которого может возникнуть некое новое стационарное состояние этой системы. Бифуркация (от латинского bifurcus - раздвоенный, вилообразный) предполагает наличие выбора между несколькими возможными результатами, априори слабопредсказуемыми […] Это понятие было с математической точки зрения теоретически разработано А. Пуанкаре (1854-1912), его систематически использовал Рене Том в своей теории элементарных катастроф[109] для изучения феноменов прерывности одного или нескольких параметров динамической системы[110].*

Вторая бифуркация: изложить в письменном виде

Хранить молчание после обнаружения инцеста означает становиться сообщником данной инцестной системы, а, с точки зрения термодинамики, не позволять возникнуть малейшему нарушению устойчивости. Сразу же зачитав закон и объяснив, что это означает и к чему ведет, мы, таким образом, принима-

---

[108] Мы остановимся более подробно на понятии «кризис закона» в главах, посвященных юридическим аспектам сексуальных правонарушений в отношении детей. La Violence impensable, op. cit.,p. 151-152.

[109] Интересно отметить, что по-венгерски именно так (Katastrofak) называется книга Ференци (S. Ferenczi, Thalassa. Psychanalyse des origines de la vie sexuelle, Paris, Payot, coll. «PBP», 1962).

[110] Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 67.

ем на себя ту же меру ответственности, что и родители, и также опасаемся строгости закона об инцесте, о фактах которого нам только что стало известно. Начиная с этого момента мы, как это постоянно рекомендуют делать Мони Элькаим и Эдит Голдбетер, отслеживаем «особенности поведения, нарушения устойчивости – пусть и еле заметные – в динамике семьи, которые, будучи усилены, амплифицированы, могли бы увести данную семейную систему достаточно далеко от обычного ее равновесия». Мы, прежде всего, обращаем внимание на страх ребенка, страх матери, страх соцработника перед уголовной ответственностью, перед полицией, судьями и т.д. (мы сами не разделяем этих страхов, но по собственному опыту знаем, какие риски сопутствуют подаче такого рода исков), – ведь именно это поможет данной семье начать отдаляться от постоянного страха перед отцовской (чаще всего) или материнской (как иногда бывает) диктатурой, препятствовавшей любой эволюции. Иногда мы говорим матерям, что им нужно будет «переселиться на другую планету». Это находит отклик даже у самых запуганных матерей и ведет к тому, что соцработник делает соответствующее заявление в правоохранительные органы, а мать подает официальный иск, чего раньше не могла сделать из-за сильнейшего страха. А переселиться на другую планету означает просто стать ближе к собственному ребенку. На то, чтобы добиться столь ценных ретроактивных действий по защите ребенка, оказавшегося в опасности, уходит, в конце концов, не так много времени, при условии, что система психотерапии окажется именно до такой степени вовлеченной в ситуацию. Это и есть вторая бифуркация, развивающая успех первой.

На лекции, с которой выступал на медицинском факультете парижского университета Карл Уитакер[111], Мартин Нисс

[111] Лекция и ролевая игра -«Travailler avec la folie du thérapeute?», Paris, 1990

задала ему вопрос, как он поступает в случае обнаружения инцеста. Обращаясь к полной аудитории, застывшей в ожидании ответа, американский профессор, с присущим ему юмором и не изменив флегматичного выражения лица, произнес:

> *Снимаю телефонную трубку, звоню в полицию, говорю семье, что этим должны заниматься полицейские, а затем начинаю работать с этой семьей*[112].

Крайнее изумление аудитории! Такое простое решение было совершенно не в привычках французов. И даже в профессиональной среде такой рефлекс, позволяющий разом покончить со всякой путаницей, тогда встречался отнюдь не часто. А между тем опыт нам постоянно говорит о том, что это единственный логичный поступок, после которого – и только после которого – становится возможной работа с взаимоотношениями в семье. Разумеется, лучше звонить не в полицию, а в прокуратуру, а затем подтвердить это письменным заявлением. Иногда наилучшим способом передачи является факс. Вот та вторая бифуркация, которая станет краеугольным камнем дальнейшей работы. Без этого все обрушится.

Вопрос: доколе в профессиональной среде будут господствовать ангельское восприятие действительности и иллюзии относительно идеальной семьи?

Третья бифуркация: публичное выступление

Принцип амплификации кризиса мы распространили и на работу со СМИ: совместно с журналистами мы организуем интервью наших пациентов (не называя их настоящих имен), чтобы произошла амплификация в точке бифуркации терапии в

[112] M. Nisse, «Vous avez dit inceste?», op. cit., p. 20.

направлении интеграции в общество. Таким образом, на этом этапе происходит новая компоновка[113], ускоряющая терапевтический процесс[114] и позволяющая выходить из социальной ингибиции, характерной для предшествующего периода, который Мартин Нисс называет «замораживанием времени». Над функцией темпоральности в психотерапии также работал Ги Ауслоос, психиатр из Квебека, проводя сравнительное изучение «остановленного времени» в семьях с ригидными трансакциями и «событийного времени» в семьях с «хаотическими»[115] трансакциями. Два этих типа часто накладываются друг на друга, как это очень точно описано нашим другом Хорхе Баруди[116], т.е. благодаря медиатизации уходит ощущение исключенности из общества.

Поначалу мы настороженно относились к просьбам журналистов разрешить им взять интервью у пациентов-детей, однако, приняв во внимание тот факт, что по-другому не удавалось привлечь общественное внимание к страданиям детей, мы все-таки пошли на это. У нас были предшественники: многие помнят первые передачи «Пси-шоу», где Мони Элькаим и журналистка Паскаль Брюньо в прямом эфире беседовали с супружескими парами, у которых были серьезные проблемы. Мони Элькаим любил рассказывать, как его динамичная партнерша по ведению передачи незаметно толкала его ногой под столом, когда считала, что ему надо что-то сказать или, наоборот, промолчать...

---

[113] Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 24: «Компоновка – термин, которыйиспользуетМ. Элькаим для описания того, что происходит при возникновении терапевтической системы между психотерапевтом и семьей, проходящей терапию. Компоновка – это процесс, в который вовлечено, на каком-то этапе, неисчислимое количество элементов, причем далеко не все из них поддаются учету».

[114] M. Nisse, «La thérapie familiales et les médias» (conférence), EFTA, Xe congrès, Budapest, 2001.

[115] Panorama des thérapies familiales, op. cit., p. 524.

[116] J. Barudy, La Douleur invisible de l'enfant. Approche éco-systémique de la maltraitance, Paris, Erès, 1997.

Жертвы насилия и телевидение

Сабина вместе со своими сестрами и братом были первыми несовершеннолетними пациентами сетевой психотерапии жертв насилия, с кем мы пустились в СМИ-авантюру[117]. В ноябре 1996 г. в первой телепередаче под названием «Еженедельное обозрение с Мишелем Фильдом» на Canal+ акцент был сделан на том, какую выдержку и упорство пришлось продемонстрировать жертвам, чтобы пережить все этапы длительной судебной процедуры и довести дело до конца. Затем, уже не скрывая своего лица, Сабина участвовала в передаче «Специальный корреспондент» на канале France2 в 2000 г., а позднее, в 2001 г и вновь на Canal+, в передаче «Это надо прояснить». Она сама выражала желание продолжать выступать на телевидении с рассказом о том, что с нею произошло, чтобы помочь другим жертвам насилия нарушить обет молчания и больше не мучиться от стыда. Мы предлагаем пациентам принять участие в такого рода телепередачах, потому что они переживают переломный момент в их терапевтической работе, причем, вопреки распространенному мнению, такое сообщение другим о своей боли вовсе не удерживает их ни «внутри» инцеста, ни «внутри» эксгибиционизма, ни «внутри» сверхвиктимизации. Все происходит ровно наоборот, но, чтобы уяснить это, требуются соответствующие инструменты концептуализации. Как бы то ни было, сегодня Сабина – счастливая молодая женщина, раскрепощенная и повернувшаяся лицом к людям, а ведь когда-то жизнь ее состояла из череды несправедливостей и сексуальной эксплуатации. Журналисты сумели понять и донести до зрителей всю серьезность проблемы.

[117] M. Nisse, Enfant maltraité, du bon usage de l'indiscretion, Paris, Ramsay, 2004.

Мони Элькаим подчеркивает:

> *В таких контекстах психотерапевт помогает системе удалиться от равновесия, он способствует амплификации флуктуаций, а те, в свою очередь, могут состоять из компоновок, интегрирующих самые различные элементы, не сводимые к одним только индивидуальным аспектам […] В таких компоновках могут участвовать культурно-социальные элементы масс-медиа*[118].

ГЕНОГРАММА

С самого начала терапии надо иметь возможность исследовать семейную историю на протяжении нескольких поколений.

Мы взяли за правило разрабатывать генограмму семьи с помощью всех, включая соцработников, если это необходимо. В следующей главе мы увидим, как это делается.

Генограмма в графическом виде представляет семейное созвездие на нескольких поколенческих уровнях. Рисуется она в виде перевернутого генеалогического древа. Следуя логике, мы начинаем ее с идентифицированного пациента, располагая вокруг него его братьев и сестер, а в вверху – предков (родителей, бабушек и дедушек). Трех поколений бывает достаточно для того, чтобы выявить базовые элементы проблемы, существующей на данный момент. Такое схематичное изображение структуры семьи постепенно будет постепенно дополняться для создания общей картины. Элементы информации добавляет каждый член семьи, даже дети, на вид совершенно заторможенные. Вокруг составления генограммы выстраивается общение с пациентами: вслед за обычными биографическими данными (даты рождения, смерти, заключения брака, фактического разрыва, развода) быстро

[118] M. Elkaïm, «Description d'une évolution», dans Panorama des thérapies familiales, op. cit., p. 595.

и вперемешку начинают выходить на поверхность семейные тайны предшествующих поколений: психическое заболевание, самоубийство, убийство, тюремное заключение за преступление против нравственности, незаконнорожденные дети, аборты, рождение детей от неизвестных родителей и т.д. Очень характерно при этом необыкновенное изумление соцработников, которым раньше казалось, что они все знают о семье данного ребенка.

Каждая форма насилия представляется особым образом, пропорционально и на положенном месте. Когда повторяющиеся из поколения в поколение, пусть и в смягченной форме, акты насилия предстают так наглядно, это производит немедленный освобождающий эффект на детей в самом начале терапии. Шок, испытанный соцработниками, парадоксальным образом будет побуждать их к тому, чтобы между сеансами продолжать работать над семейной историей, вместе с их подопечными. На последующие сеансы они будут приносить все более полные варианты генограммы, составленные чаще всего с помощью матерей семейства.

Что касается ребенка, то даже если он до этого не понимал, зачем его приводят на сеансы психотерапии, теперь, благодаря генограмме, он видит все черным по белому. Он убеждается в том, что он не один такой, что он вписан в генеалогию немыслимых страданий, в долгую историю двух проблемных семей – по отцовской и по материнской линиям, – и что именно из-за них его забрали от его родителей и привели на терапию.

Метаморфоза, происшедшая с Гарри

Шестилетний мальчик, в круглых очечках в металлической оправе, помещен в приемную семью. Уже на втором сеансе он взял карандаш, словно волшебную палочку, и заявил, что сейчас нарисует всю свою семью, причем разницу между мальчиками и девочками

он изображал при помощи неких символов собственного изобретения. «Это я рисую, как было до того», – пояснил он, хотя его никто ни о чем не просил. «До того» значит до помещения в приемную семью, когда мать с отцом при разводе решили поделить и детей тоже: девочку матери, мальчика отцу.

Активно участвуя в игре в генограмму, Гарри показал, что он начинает вписываться в некую хронологию, из которой он был как бы вычеркнут родителями с их абсолютно беспорядочной жизнью: драки, избиения, хронический алкоголизм матери, беспрерывные унижения и т.д. Уже между первым и вторым сеансами он избавился от симптома компульсивной мастурбации, сообщив своей приемной матери: «Знаешь, с тем дядей и с той тетей (т.е. психотерапевтами) все хорошо получилось, я теперь больше не дрыгаюсь». Старшая сестра Гарри подтвердила: он стал спать спокойно, их двухъярусная кровать не качается по ночам, как раньше.

Конечно, такое немедленное прекращение симптома знаменует собой лишь начало длительного процесса, но показывает, что мальчик хорошо реагирует, поскольку с первого же сеанса произошел трансфер, перенос на терапевта и предлагаемую обстановку.

Наша гипотеза следующая: столь быстрое изменение при столь серьезном симптоме является результатом работы с генограммой. Она позволила начать говорить о постыдных тайнах, об алкоголизме матери, о жестокости отца, т.е. о гораздо более стыдных и разрушительных тайнах, чем мастурбирование. Ребенку теперь не нужно нести в одиночку эти тайны – его тайны! – а благодаря приемной матери он сможет окончательно избавиться он неконтролируемого полового возбуждения, которого он стыдился.

Психолог из социальной службы, присутствовавший на сеансе, был просто поражен. Ему такая эволюция психики показалась просто каким-то волшебством, магией. Кстати, именно поэтому мы здесь называем этого мальчика Гарри, как знаменитого Гарри Поттера. И действительно, этот ребенок сам произвел собственное мгновенное превращение – терапевты просто немного помогли ему в этом. Мара Сельвини не преминула бы сказать по этому поводу: «маги без магии»[119].

Тандем-терапия

Мы решили не заимствовать классическую системную модель, когда один или несколько терапевтов, расположившись за зеркалом Гезелла, наблюдают за сеансом. Дело в том, что у дисфункциональных семей, где часто наблюдается вуайеризм, такая техника может привести, незаметно для самих терапевтов, к активизации мании преследования со стороны родителей. Наш опыт показывает, что система тандем-терапии достаточно эффективна и к тому же обладает тем преимуществом, что позволяет «попеременно выполнять двойную функцию «наблюдателя-участника»[120]. Модель тандем-терапии, предложенная Карлом Уитакером, более удобна для работы с семьями. Состав тандема может меняться в зависимости от задач терапии. У каждого тандема свои особенности, свой тон, своя творческая манера. Терапевтическая система по-разному стимулируется каждым из нас, особенно в такие тяжелые дни, когда мы одну за другой принимаем несколько семей, в которых жестоко обращаются с детьми.

---

[119] M. Selvini, in M. Selvini Palazzoli et al., Le Magicien sans magie ou comment changer la condition paradoxale du psychologue dans l'école, Paris, ESF, 1980.

[120] Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, op. cit., p. 142.

«Все как-то сбоку...»

На приеме – десятилетняя Вероника, ее дедушка по материнской линии, мать, которую зовут Мария, виновница сексуальных злоупотреблений, недавно выписавшаяся из психиатрической больницы, отец Вероники и социальный педагог. Речь идет об инцесте мать-дочь. Мать уже раньше призналась, что находясь в смутном онирическом состоянии, совершала таинственные ритуалы над телом своей дочери. По причине ментального отсутствия Марии на сеансе и в связи с тем, что маленькая Вероника, уже живущая в приемной семье, ведет себя все более самостоятельно, дедушка пытается подорвать терапию и еще более утвердить свою власть. Обращаясь к своей дочери, он говорит ровным властным тоном, в нашем присутствии: «Родная, скажи им, что ты не можешь нормально разговаривать, потому что ощущаешь себя во враждебном окружении, которое тебя осуждает». Агрессивное выражение, употребленное дедушкой по отношению к паре психотерапевтов, немедленно вызывает у Вероники вопросительное ретроактивное действие. Указывая рукой на троих своих союзников (двух терапевтов и соцработника), она со смехом спрашивает: «Это они враждебные?» Мы глядим на нее с одобрением. Девочка явно рада, что смогла выступить против деда, всемогущего и при этом тонкого диктатора. Она дистанцировалась от него, удалилась на безопасное расстояние, когда он в очередной раз пытался опорочить других людей. Он упорно отказывался признавать факты инцеста своей дочери по отношению к своей внучке, отрицал душевную болезнь дочери. Психическая ригидность этого человека, настоящее эмоциональное злоупотребление с его

стороны требовали немалых усилий со стороны обоих терапевтов, чтобы постоянно и динамично вводить его в рамки дозволенного, чуть ли не после каждого его выступления. То, считая себя лучшим психиатром, чем врачи, то экспертом по коммуникации, он вынуждал нас все время подчеркивать неуместность и нелогичность его умозаключений. Вероника резюмировала это на редкость толково, что особенно удивительно для девочки с легкой умственной отсталостью: «Дедуля что ни скажет, все как-то сбоку». Настоящая словесная находка – точная этимология термина «паранойя», который как раз и означает «думать около, сбоку», т.е. безумие.

ВИДЕОКАМЕРА

Этим детям пришлось принимать участие в скабрезных сценах сексуального насилия, которые зачастую фотографировались или снимались на видео их насильниками. Видеокамера в помещении, где проводится психотерапия, становится инструментом терапии, причем дети пользуются ею сами и совершенно другими способами, чем те, с которыми им приходилось, к сожалению, сталкиваться… Видеокамера вызывает у детей повышенное любопытство: они пробуют снимать сами, просят снимать их, играют в операторов. Это ни в коем случае не импровизация с нашей стороны: все продумано и приспособлено для более успешного проведения сеанса. Дети снимают на камеру своих родителей, задавая им вопросы, как будто берут у них интервью, и таким образом узнают тайные подробности детства родителей. Иногда камера нужна в особенно важный момент сеанса, когда ребенок рисует свои воспоминания и при этом рассказывает о пережитом ужасе. На достаточно продвинутом этапе терапии, когда дети чувствуют себя гораздо лучше, они сами просят запечатлеть на видео то, что они теперь умеют

делать: спеть песенку, рассказать стишок или просто покривляться перед объективом. Видеоматериал служит доказательством того, что мы считаем их самостоятельными личностями и радуемся их успехам, независимо от семейного кризиса.

ЮМОР, ИГРА, ПРОВОЦИРОВАНИЕ

Благожелательное завышение оценки потенциала эволюции

Как ни странно, несмотря на переживаемые всеми сильные эмоциональные перегрузки, на консультациях царит атмосфера доброжелательности, хорошее настроение, за исключением некоторых трагических моментов, ипохондрических раптусов или приступов меланхолии. В большинстве случаев переносы происходят с опорой на союз то с одним, то с другим терапевтом попеременно. Разрядка на сеансе наступает каждый раз, когда в ребенке признают наличие каких-нибудь способностей. Следуя разработкам М. Нисс и С. Фалль, мы намеренно, подчеркнуто и благожелательно завышаем потенциал эволюции ребенка. Такая предикативная установка призвана активизировать в ребенке самоуважение. Тем самым мы с большой эффективностью амплифицируем его креативность и резильентность.

Вокруг этого понятия – «резильентность» или «упругость» психики – по-прежнему ломается немало копий. В физике оно обозначает способность материала выдерживать удар. В социальных науках, как указывает Борис Цирюльник, оно исходно обозначало

> *способность добиваться успеха, жить и развиваться в положительную сторону приемлемым, с точки зрения общества, образом, несмотря на стресс или противодействие извне, которые обычно сопряжены с серьезным риском негативного исхода*[121].

121 B. Cyrulnik, Un merveilleux malheur, Paris, Odile Jacob, 2002, p. 10.

Еще Ференци, используя метафору «мешок с мукой», имел в виду такую особую внутреннюю пластичность, способность адаптироваться. Благожелательное завышение оценки потенциала эволюции детей, один пример которого мы сейчас приведем, является конструктивной стратегической установкой, учитывающей эту замечательную способность жертв насилия.

Джеймс и пахан

Джеймсу 15 лет, он умственно отсталый, психозом не страдает. Его насиловал отец-гомосексуалист, который теперь отбывает длительное тюремное заключение. Парень рослый, работящий, но компенсирует почти полную потерю самоуважения тем, что строит из себя этакого супермена, постоянно толкается, при этом повторяя, будто заклинание, с целью запугать: «Ну, ты че, ща как дам!» На самом деле в нем борются противоположные модели отцовского поведения: с одной стороны, «пахан», главный авторитет в тюрьме, с другой – «опущенный», на себе испытывающий жесткость воровского закона о насильниках...

На свиданиях с отцом в тюрьме он мечтает о том, что добьется успеха в жизни, у него даже будет дом с бассейном. Отец говорит ему на это: «Отлично, приду к тебе поплавать». Джеймс реагирует немедленно: «Только с моего разрешения». При помощи этой метафоры – собственный дом с бассейном – он дает понять отцу, что он теперь сам себе хозяин, хозяин своего тела, своих желаний, точно так же, как он хозяин воображаемого бассейна. За несколько недель до этого Джеймсу удалось отбиться от приставаний бывшего сокамерника своего отца – то ли его любовника, то ли сутенера, – который, едва выйдя из тюрьмы и надеясь на легкую добычу, попытался было совратить пар-

ня. Мужчина-психотерапевт, с целью амплификации стремления Джеймса к самостоятельности, к отдалению от перспективы быть вовлеченным в мутный мир гомосексуализма и проституции, предрекал ему – и не совсем безосновательно, учитывая уже достигнутые результаты, – успешную учебу в школе, необычайные успехи во всех начинаниях, скорую встречу с красивой девушкой, дом с бассейном и т.д. Тогда Джеймс только ухмыльнулся в ответ: «Да ты че, ну ты ваще даешь!» Как будто такая уверенность в своих силах, будучи намеренно амплифицирована, была перенаправлена, возвращена в виде восхищения способностью психотерапевта сильнее, чем он сам, верить в его будущее.
Мы можем наблюдать на примере этого проблемного подростка, как между ним и терапевтом начинается игра, в основе которой лежит его способность откликнуться на чрезмерные обещания – с юмором, по-дружески, по-мужски. Это позволяет ему метафорически обращаться к серьезнейшей семейной проблеме, гомосексуальному инцесту, из которой он постепенно выходит, согласившись навещать отца в тюрьме, в сопровождении воспитателя. Джеймс теперь может демонстрировать свою способность говорить «нет», т.е. отвергать инцест и гомосексуальность.

Такого рода случаи стали для нас очень показательными, и с самого начала нашей работы приучили нас предвосхищать губительные последствия длительного психологического воздействия. Изменилось и наше собственное поведение: повысилась наблюдательность, улучшилось умение слушать, способность действовать быстро и четко. Многих участников нашей сетевой терапии это дезориентировало, приводило в растерянность, однако именно такой ценой, как мы имеем смелость утверждать,

нам удалось повысить эффективность концепций, опирающихся на теорию систем. Кому-то иногда требуется работать с нами на протяжении многих лет, чтобы проникнуться нашими нестандартными подходами и тоже начать применять их. Мони Элькаим пишет:

> *Когда семейная терапия делала первые шаги, ее упрекали в неуважении к авторитетам и в непрофессионализме. Прошло сорок лет, семейная терапия завоевывает все большее официальное признание на международном уровне […], но во многом остается такой областью, внутри которой продолжают цениться критика устоявшихся порядков, прагматизм и отсутствие благоговения перед авторитетами*[122].

[122] M. Elkaïm, (dir.), Panorama des thérapies familiales, op. cit., p. 20.

6.Обстановка проведения сетевой психотерапии

Сетевая психотерапия как разновидность терапии, на первый взгляд, устроена очень просто, однако в своем осуществлении она исключительно сложна – в той же степени, что и проблема, которой она занимается. Сетевая терапия позволяет избежать настоящей катастрофы с тяжелейшими последствиями – нарциссического расстройства и фрагментации личности ребенка, ставшего жертвой сексуального насилия. Наряду с психотерапевтами в ней участвуют и другие специалисты, причем все они объединены стремлением лечить ребенка в обстановке уважения и внимания к нему. Сетевая терапия выполняет функцию своеобразного каркаса, совершенно необходимого для координации практической работы многих людей и одновременно вполне самодостаточного, при условии, что общество и правоохранительная система работают как следует.

Учитывая, что родительские фигуры оказались в высшей степени трансгрессивными – т.к. стали виновниками правонарушений и даже преступлений, – перенос, трансфер на новую обстановку, обстановку психотерапии, приобретает не меньшую важность, чем перенос на психотерапевтов.

Есть семейные терапевты, например, в Лилле и Страсбурге, которые организуют свою деятельность несколько иначе. Одни – «передвижным» способом, как Жан-Пьер Брюньо в Лилле, где он вместе с нашим другом Мишелем Местром руководит работой консультационного центра «Псиком», и психо-

терапевты там постоянно меняют обстановку, в зависимости от того, какое учреждение обратилось к ним за помощью. Другие – например, Брижитт Дорфленже из страсбургского Центра консультирования семей – принимают у себя соцработников по крайней мере на первом сеансе. Все признают эффективность такого подхода к проведению терапии, поскольку он позволяет даже крайне неблагополучным семьям преодолеть страх перед психиатрией благодаря сопровождению в процессе лечения.

УЧАСТНИКИ

Тайна, которой поделились

Чаще всего мы работаем вдвоем, мужчина и женщина, «тандем для переноса», к которому мы подключаем различных специалистов, занимающихся проблемой данного ребенка, которые, благодаря разнообразию своих реакций и взаимодополняющим функциям, лишний раз доказывают важность сочетания терапевтического и правового аспектов в работе данного социального механизма.

Следует различать несколько типичных ситуаций.

Первая ситуация: ребенок по-прежнему остается в своей семье, но с ним проводится социально-воспитательная работа. В этом случае задача семейной терапии заключается в том, чтобы изменить в нужную сторону связь родитель-ребенок: в терапии будут участвовать родитель, под опекой которого находится ребенок, а также кто-нибудь из бабушек и дедушек и соцработник из социальной службы данного территориального округа.

Вторая ситуация: ребенок помещен в приют и находится под защитой государства. Тогда с нами сотрудничают психолог, психиатр, наблюдающий данного ребенка, воспитатель и соцработник. Такая разнообразная поддержка увеличивает шансы ребенка, а также его братьев и сестер, если они есть, несмотря на имевшую место диссоциацию личности. Кроме того, такая

поддержка действует теперь и в промежутках между сеансами, благодаря постоянному присутствию кого-то из специалистов, входящих составными элементами во вновь созданную обстановку. Признания ребенка, вначале неуверенного в себе и забирающего назад свои слова, выслушиваются и принимаются во внимание всеми, поскольку они всегда доводятся до сведения прокурора – ключевой фигуры нашего предприятия, – и именно тогда сеть защиты ребенка действует максимально эффективно, чтобы добиться нужной бифуркации.

Стереотипные опасения того, что сотрудничество с судебно-правоохранительными органами будет якобы представлять собой некое «насилие над психикой», поскольку тайна, поведанная на сеансе терапии, будет разглашена, представляют собой бездумное смешение понятий, амальгаму между тайной, которой ребенок поделился с другими, и тайной, которая была силой навязана ребенку. Не замечать, – во имя иллюзии конфиденциальности, – того, что перед нами характернейший случай исключения из правила соблюдения профессиональной тайны в медицине, значит ставить себя вне закона.

Третья, самая распространенная ситуация: ребенок устроен в приемную семью. Тогда на сеансе появляются два новых персонажа – приемные родители: приемная мать («тетя») и ее муж («дядя»). Она – главная материнская фигура, воплощение нежности и понимания; он – главное референтное лицо мужского пола, отцовская фигура, которая отныне воплощает собой нечто другое, нежели всемогущество извращенных сексуальных желаний взрослых. Оба представляют собой два главных шанса ребенка на новую жизнь[123]. Их присутствие рядом с нами во время терапии абсолютно необходимо.

Когда ребенок находится в тяжелом состоянии – приступы ярости, всевозможные припадки, регрессии, беспрерывное ма-

[123] D. Rapoport, A. Roubergue-Schlumberger, Blanche-Neige, les sept nains et… autres maltraitances. La croissance empêchée, Paris, Berlin, 2003.

стурбирование, побеги из дома, попытки суицида, – повседневную жизнь рядом с ним спокойной не назовешь. Это настоящая Голгофа для приемных матерей, которые чувствуют себя глубоко виноватыми в том, что не могут, при всей своей любви к ребенку, добиться быстрых успехов. Бывает, что разрыв становится неизбежным, и тогда приходится искать другую приемную семью или помещать ребенка в приют, чтобы избежать заранее известного драматического исхода: превращения в преступника и/или помещения в психиатрическую лечебницу. Тогда вместе со всеми другими участниками мы оцениваем перспективы данного ребенка: можно ли будет избежать психоза, ввести правонарушителя в более или менее приемлемое русло, ограничить расстройства характера или посттравматический невроз, вывести ребенка из псевдодебилизма или мутизма?

Предикативное завышение оценки

Психотерапевтическая работа на сеансе вместе с членами сети защиты ребенка гарантирует циркуляцию благотворных эффектов от времени, проведенного в общении с нами. Среди таких благоприятных последствий – рост и быстрая эволюция, достигаемая с помощью тех, кого Борис Цирюльник называет «тьюторами резильентности». В нашем случае это приемная семья, которая будет проходить терапию в течение многих месяцев и лет. Для этого воспитателям нужно будет освоить приемы благожелательного завышения оценки потенциала развития ребенка-жертвы. Необходимо твердо верить в успех, не давать себе сползать в пустоту и хаос, действующие наподобие спирали несчастья и являющиеся гипнотизирующим отражением патологии биологических родителей ребенка. Благодаря такому предикативному завышению оценки, в ребенке развивается резильентность, и пусть для достижения этого используется гипнотическое воздействие, но оно укрепляет структуру личности, самости такого пострадавшего ребенка. Здесь

более важно не то, что воздействие является гипнотическим, а то, что оно стратегическое и позволяет избавить ребенка от самомучений[124].

До чего же им самим трудно, без нашего оптимистического взгляда, оценить по достоинству те микрошаги, едва заметные изменения, которые говорят о том, что движение психики в сторону освобождения действительно началось! Если человек приходит на терапию, то значит, ему плохо! Как же ему, в тот самый момент, когда он только и делает, что жалуется (а это совершенно необходимо!) одновременно принять другую логику – позитивную – и начать извлекать пользу из лечения? Вот очередной контрпарадокс …

Временная сеть терапии

Когда ребенок, ставший жертвой сексуального насилия, в свою очередь становится насильником в силу действия механизма идентификации с агрессором, создается временная сеть терапии, когда используются допросы и слушания дела работниками ювенальной юстиции, чтобы помочь юному правонарушителю осознать требования закона и запрет на инцест. Во Дворце правосудия юного правонарушителя сопровождают приемная мать, воспитатель из приюта и соцработник из детского дома, что впоследствии позволит избежать разрывов в цепочке действий, совершаемых с постоянной опорой на требования закона в отношении защиты несовершеннолетних.

Это момент кризиса закона в прежней семейной системе, и нашим ответом на это является системное понимание преступных трансакций, заложником которых данный ребенок был с самого своего рождения и даже еще до зачатия. Закон молчания подменил собой закон запрета на инцест. Мы предлагаем дру-

[124] S. Ferenczy, Œuvres complètes, t. IV, Psychanalyse (1927-1933), Paris, Payot, 1985, «Reflexion sur le traumatisme», p. 147.

гие модели, которые помогут ребенку легче осознать, что такое истинный закон.

Мы очень дорожим тем, чтобы каждому была гарантирована полная свобода высказывания, чтобы соблюдались специфические профессиональные требования, чтобы действия каждого дополняли действия других. Все это должно обеспечить пусть и временную, но очень интенсивную и искреннюю вовлеченность всех в общее дело.

Выяснить истину

Благодаря такой обстановке, такому специализированному рабочему контексту становится возможной «тонкая настройка» всего механизма терапии, когда анализируются рисунки, игры, приступы или перверсивное поведение. Созданный нами «ансамбль» участников стремится к одному – выяснить истину, установить, что действительно произошло с ребенком; этим и объясняется немедленное установление контакта с судебно-правоохранительными органами и с адвокатом ребенка. Если имеют место ложные утверждения, то они включаются в общую клиническую картину, наряду с различными фобиями, мегаломаническими фантазиями, эпизодами бреда, поведением избегания и реактивным перверзным поведением. Постановка правильного диагноза не составит труда, если клиницист не будет находиться во власти какой-нибудь запутывающей дело теоретической идеи, которая может привести к смешению инцестного желания с реальными фактами инцеста.

Бред инцеста

Оливии одиннадцать лет, она неполовозрелая девочка. Ее отец – фотограф, он с самого раннего детства часто использует дочь как модель в постановочных сценах в своей фотомастерской. Декорации для таких сцен хра-

нятся в спальне девочки, причем между фотомастерской и спальней нет двери, так что девочка ощущает себя под постоянным наблюдением, словно ею все время манипулируют. С некоторых пор вдвоем с подружкой они сочинили целый фантасмагорический сценарий, в котором их обеих якобы изнасиловал отец Оливии. Девочка дала детальное описание таких сцен с большим количеством непристойных подробностей.

Отца сначала заключили под стражу до выяснения всех обстоятельств, затем выпустили, так как ни судебно-медицинская, ни психологическая экспертизы не позволили обнаружить следов или доказательств изнасилования, так подробно описанного девочкой...

Что тут перед нами? Сексуальное желание, бред преследования, приступ бреда в раннем возрасте или начало шизофрении?

После госпитализации и тщательного обследования ни врачами, ни психологами отделения педиатрии, ни нами не было выявлено никаких признаков какого-либо прямого насилия над Оливией. Зато вполне вероятно, что поведение отца не было адекватным ситуации: неосознанный вуайеризм привел к созданию инцестной атмосферы, имевшей отравляющее, вредное влияние на развитие данного ребенка. Мать, которая ни разу не была встревожена опасным поведением отца, не выполнила свою защитную функцию, и в результате девочка воспитывалась в совершенно неподходящих условиях. Оливия, находившаяся в предпсихозном состоянии, стала наблюдаться у психиатра, ей также понадобилась помощь социального педагога-воспитателя, назначенного ювенальным судьей в связи с опасностью и психогенностью такой инцестной семейной атмосферы.

ПОРОГИ

Выходы маленькие и большие

В работе Поля-Клода Ракамье[125], опубликованной посмертно, употребляется понятие «пороги» применительно к обстановке проведения психотерапии, но при работе с психозами у взрослых пациентов. В нашей сетевой терапии есть момент «входа» (запись первого телефонного разговора, набросок генограммы), а есть и моменты «выходов», обозначающие собой не конец терапии, а только определенные ее этапы.

«Маленькие выходы» более или менее ритуализованы: ребенок выходит в туалет. Это совершенно обычное дело при проведении психотерапии, когда впрямую находит себе выход напряжение, возникшее в эрогенных зонах вследствие того, что в словесной форме было непосредственно затронуто все, что имело отношение к испытываемому страданию.

Хлопнув дверью

«Большой выход» всегда импульсивен, это знак невозможности справиться с наплывом эмоций: подросток ведет себя так, будто с него живьем сдирали кожу. В каждом таком случае надо пойти и вернуть ушедшего, ведь он пытается взорвать защитную обстановку потому, что на карту поставлена сама его личность. Часто в этот момент находятся под угрозой и его отношения с братьями и сестрами. Иногда – крайне редко – такое поведение, вызванное отчаянием, переходит всякие границы, и тогда следует, повысив голос, категорически запретить подобные выходки, потребовать сдерживать приступы жестокости, нарушающие пространство терапии, и, если требуется, применить физическое воздействие, чтобы сдержать гипоманиакальное состояние. Подобные кризисы являются показателями того, что защита ребенка в его повседневной жизни не работает

[125] P. C. Racamier, L'Esprit du soin, le cadre, Paris, Editions du Collège, 2001.

как следует. Необходимо срочно исправить ситуацию, попытавшись найти, что именно послужило настоящей причиной кризиса. Как правило, словесного объяснения причин кризиса бывает достаточно для выхода из данной ситуации.

ЦЕЛИ

Окошко надежды

Цели сетевой терапии должны разделяться всеми ее участниками, но бывает, что это не происходит самопроизвольно: кое-кто колеблется, не понимает новых задач, которые не сводимы к перемешиванию воспитательных и терапевтических элементов на том или ином отрезке терапии.

Иногда соцработники заявляют, что не в состоянии справиться с такими трудностями и таким объемом работы, иногда кто-то не понимает, зачем нужна вся эта сложная конструкция. Однако очень быстро, убедившись в том, что ребенку действительно становится лучше, они приспосабливаются, хотя, бывает, и наоборот, они покидают нас в полной растерянности перед явными изменениями к лучшему, которые так и остаются для них совершенно необъяснимыми.

Нам приходится постоянно решать проблемы самого разного рода. Прежде всего, это глубокое недоверие, с которым такие дети относятся ко всем взрослым: они уже обожглись, пережили страшное унижение, прошли через мучения и пытки, весь ужас которых открывается очень постепенно. Недостаточная степень сплоченности работников различных социальных служб, которым поручена охрана детства, нередко объясняется расхождениями между таким-то инспектором ОССПД[126], таким-то директором приюта, таким-то воспитателем, не имею-

[126] Инспектор ОССПД, имеющий юридическую подготовку, отвечает за общую ориентацию и важнейшие решения по вопросам социальной помощи детям своего департамента. Ни одно решение воспитателей, соцработников или психологов не может быть принято без формального одобрения этого ключевого действующего лица в сети социальной защиты детей.

щим достаточной подготовки и вовлеченным в контрперенос. Все они могут даже не замечать, как их конфликты оказываются зеркалом[127] патологического функционирования семьи.

Наконец, мы сталкиваемся и с угрозами убийства в адрес детей, начавших рассказывать о том, что они пережили. Детям угрожают в промежутках между сеансами, и часто таким угрозам не придается должного значения, а между тем они серьезно блокируют и мысль, и речь. Мы знаем, что из-за скрытых угроз, признания бывают очень отрывочными и складываются в единую картину лишь постепенно, по мере проведения сетевой терапии и обретения ребенком доверия.

Защита несовершеннолетнего вступает в фазу прямого действия. По мере возникновения новых опасностей мы принимаем все новые встречные меры, и пострадавший ребенок получает возможность лично убедиться в этом прямо во время сеанса, что открывает перед ним окошко надежды. Каждый делает выбор: быть или не быть на его стороне.

Перенос (трансфер) на всех участников порождает невероятную, ранее неведомую надежду у этих детей, находившихся на грани полного разрушения психики. Мы сопровождаем их до, во время и после судебного процесса по делам их насильников.. Наше выступление на процессе в качестве свидетелей также является важнейшим моментом для этих детей, поскольку обозначает собой продолжение нашей терапевтической работы. Кое-кто может быть удивлен этой нашей решимостью выступать в качестве свидетелей, однако опыт каждый раз показывает, насколько мы были правы, когда последовательно шли по этому пути.

ПРОСТРАНСТВО/ВРЕМЯ

Комната, где проводится терапия и куда дети приходят раз в месяц, становится любимым местом для этих детей, познавших

[127] M. Nisse, L'Enfant maltraité, du bon usage de l'indiscretion, Ramsay, 2004.

в жизни столько горя. Они с нетерпением ждут назначенного дня встречи, им очень нравится игровой уголок, куда они сразу же направляются, чтобы проверить, все ли на месте: куклы-матрешки, пожарные машины, плюшевые игрушки, покемоны. Дети внимательно относятся к ритуалу рассадки всех участников и дорожат своим местом ровно посередине дивана.

Им нравится доска с перекидными листами и цветными фломастерами, они видели, как на ней все более ясно предстает генограмма их семьи, они знают, что смогут снова и снова выплескивать свою ярость по отношению к насильнику, не опасаясь ответных мер, вновь и вновь будут разыгрываться сцены экзорцизма их законной ненависти.

Они говорят, молчат, кричат, катаются по полу, но их все равно выслушивают, какова бы ни была мимика и жестикуляция, тогда как раньше никто и не пытался понять, что с ними случилось. Мы охотно разделяем их радость, когда, уже будучи школьниками, они добиваются каких-то успехов, во что до этого никто не верил: каждый раз это победа над влечением к саморазрушению.

Комната психотерапии должна быть просторной, способной вмещать 8-10 человек.

На знакомой доске с перекидными листами, где на первых сеансах шла работа над генограммой, дети затем делают спонтанные рисунки, которые расшифровываются, словно некий особый язык, старающийся быть максимально выразительным. В пространстве/времени сеанса доска – это экран, который дети очень ценят, потому что на нем проступает скрытый смысл их страданий. Листы с «каляками-маляками», изображающими насильника, с яростью рвутся на клочки и неистово или наоборот торжественно выбрасываются в корзину для бумаг. Составление списка грязных ругательств, которые им так хорошо известны, представляет собой яркий пример снятия табу. Кстати, это оборачивается улучшением успеваемости в школе!

Мы уже говорили, что в комнате намеренно устанавливается видеокамера. Она служит попеременно для записи какого-то ключевого момента сеанса или чаще для игры, которой дети отдаются самозабвенно: снимают, играют в кинооператора, просят, чтобы их сняли на видео в какой-то важный для них момент.

В комнате царит теплая атмосфера, она заботливо украшена, все книги в открытом доступе, есть самые разные игры, ковры, драпировки, часто стоят горшки с цветами, и за ними ухаживают, как за детьми. К стене прикреплен ростомер, и самые маленькие к нему подбегают, чтобы убедиться, как быстро они растут... И еще одно невербальное послание: дети часто проверяют, «настоящие» ли цветы и хорошо ли они пахнут. С нашей же стороны все эти эстетические детали служат невербальными посланиями, выражающими желание защитить и поддержать.

ЧАСТОТА ВСТРЕЧ И ПРАВИЛА

Достаточно встречаться один раз в месяц, и даже это бывает слишком часто, когда ситуация улучшается. Тогда можно доводить перерывы между сеансами до трех месяцев. Если же накапливаются какие-то трудности, если какой-то не слишком подкованный судья вдруг решит оставить ребенка под присмотром насильника, то можно встречаться чаще. Какое-нибудь новое признание, крайне тревожное состояние ребенка, реакция отторжения со стороны окружающих его людей, – все это может представлять для него опасность. Перед началом судебного процесса нужно уделить особое внимание подготовке ребенка к нему и пригласить на сеанс его адвоката.

Правила внутреннего распорядка для оптимальной организации обстановки проведения терапии нельзя назвать сложными: пунктуальность каждого участника, свобода выражения с нашей стороны – вещи надо называть своими именами, – чтобы постепенно снимались табу с сексуального поведения взрослых и детей,

– это способствует совершенно новому стилю общения. «Тут они говорят нормальными словами, так, что дети все понимают», – сказала одна маленькая пациентка, обращаясь к сопровождавшей ее женщине-соцработнику, выходя от нас после первого сеанса. Разрешается выходить из комнаты, не слушать, уходить в зал ожидания, сидеть в наушниках, поворачиваться к нам спиной, прятать лицо в воротник рубашки, не здороваться и не прощаться.

Если ребенок не желает приходить на следующий сеанс, он знает, что может не приходить; необходимо, чтобы он это точно знал, ведь болен не он, а вся его семейная система, самого же его ломали и корежили с раннего детства, он жертва, и у него есть права. Все это ясно проговаривается, и дети открывают для себя совершенно новый мир.

Ребенку дается разрешение какое-то время открыто выражать свою ненависть, давать выход своему гневу, желанию убить агрессора, отомстить ему, будь то его законный отец, родная мать или какой-то человек, на которого произошел перенос: ненавидимый (а значит, совершенно необходимый) воспитатель; мужчина-психотерапевт, кому предназначается сексуально-провокационное поведение и который при этом получает ругательную кличку «доктор даун»; женщина-терапевт, которая становится объектом прямых эротических провокаций со стороны четырехлетнего мальчика.

Еще одно важное правило заключается в том, чтобы видеоматериалы начальных этапов терапии могли быть позднее пересмотрены по просьбе ребенка, чтобы все смогли убедиться в произошедших существенных изменениях. Сам ребенок почти все забыл, он не помнит, как он сидел с непроницаемым лицом, или как гримасничал, или в какой депрессии находился, или каким был недоразвитым физически. Однако теперь, когда его эмоции прояснились, ему можно возвратить картины его же собственного прошлого, фрагменты его раскрошенной памяти, и это будет безопасно для него.

УСТАНОВИТЬ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ [128]

Когда создана оптимальная обстановка проведения терапии, становится, наконец, возможным нормальный разговор о сексуальном аспекте жестокого обращения с детьми. Ребенок, которому нанесены тяжелые раны, только сейчас начинает по-настоящему открывать для себя такие понятия, как любовь, будущее. Ему предстоит научиться думать самостоятельно, он получит возможность испытывать настоящие чувства и ощущения, не стыдясь их. Когда заканчивается период «кризиса закона», и насильника приговаривают не только к тюремному заключению, но и к дополнительной мере наказания в виде принудительного психотерапевтического лечения (закон 1998 г.), ребенку возвращается чувство собственного достоинства, его Я больше не находится под сильнейшим психологическим воздействием другого человека, и он может стать, наконец, полноценным субъектом своего желания. Кстати, благодаря новому закону, осужденный насильник, которой часто сам когда-то был жертвой, тоже получает шанс, пройдя терапию, начать другую жизнь. Терапия дефектной семейной системы, расставляя по своим местам разные поколения и тем самым восстанавливая межпоколенческие границы, осуществляет и гарантирует подлинную защиту детей со стороны взрослых. Именно в этот момент могут начать поступать просьбы о проведении индивидуальной терапии ребенка, который тем временем начинает вступать или уже вступил в подростковый возраст. Учитывая значительные позитивные изменения в клинической картине, это благоприятный момент для обращения к психотерапевту. Теперь другой специалист может принять эстафету у нашего Центра.

Когда резкая дисгармония в развитии ребенка-жертвы и в образе его тела сглажена, то можно заняться какой-то другой,

[128] S. Minuchin, Familles en thérapie, Paris, Delarge, 1979.

вполне излечимой дисгармонией, поскольку теперь уже речь не идет о дисгармонии эволютивной – этим эвфемизмом часто пользуются, говоря о детских психозах.

Видение мира у ребенка-жертвы изменилось благодаря «творческому и структурирующему уплотнению сети социальной системы при помощи открытого комплексного подхода. Это процесс самоэкореорганизации[129]».

Наш ежедневный клинический опыт учит нас, до какой степени важно верить в успех, быть глубокими, убежденными оптимистами!

Сей парадокс дается нашим стажерам с превеликим трудом.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА: ТРИ ГОДА ПЛЮС ЕЩЕ ОДИН

С 1991 г. мы ежегодно принимаем на обучение в нашем парижском Центре около двадцати работников социальной сферы[130], в широком смысле слова, со всей Франции и из других стран. Некоторые проходят краткий годичный курс введения в системный подход к семейным патологиям, но большинство проходят полное трехлетнее обучение, из расчета два дня занятий в месяц, которое направлено на изменение их способа мыслить, на формирование у них желания изменить методы работы с неблагополучными семьями, – той самой работы, которой они уже героически занимаются. Четвертый год подготовки – факультативный, он позволяет выйти на уровень нормативов ЕС, касающихся институтов семейной терапии. В течение этого года слушатели получают углубленные знания в области теории и клинической практики, пишут и защища-

[129] O. Cura, G. Perriot, C. Mathieu-Cura, J.-P. Chabannes, «Grandeurs et servitudes du réseau en psychiatrie: l'exemple de la schizophrénie», Nervures, juin 2003.

[130] Имеются в виду все, кто действует в социальном поле: работники социальных служб, специальные воспитатели, патронатные воспитатели, психосоциологи, члены приемных семей.

ют дипломную работу. Конечно, мотивация для прохождения такой подготовки бывает самой разной, однако, думается, общим для многих является некое смутное ощущение, что должны, наверное, существовать и другие ответы на вопросы, которые встают со всей остротой накануне очередной встречи с ребенком, пережившим жестокое обращение. Очень часто при работе со случаями инцеста, со всем комплексом проблем, возникающих при таком типе функционирования семьи, остается привкус какой-то ошибочности в самом подходе к делу. Люди упустили что-то важное и хотят овладеть новыми умениями.

Необходимый шок

На первом году обучения слушатели знакомятся с основными понятиями, которые позволят им лучше оценивать конкретные ситуации: понятие травмы, различные формы и последствия травм, соучастие со стороны достаточно хороших (на первый взгляд) матерей или их скрытая педофилия, повсеместный характер сексуальной перверзии и ее тормозящее, подавляющее воздействие на разум жертв и тех, кто работает с ними.

Серьезное отношение слушателей к учебе определяется их искренним желанием не только самим начать работать по-новому, но и привлечь коллег на свою сторону, создать группу единомышленников. К сожалению, первоначальный энтузиазм дебютантов остывает при виде полного равнодушия и даже противодействия, нередкого в психотерапевтической среде, не привыкшей к тому, чтобы соцработники выступали с возражениями, да еще подробно аргументировали свою позицию. Стажеры сетуют на презрительное отношение к ним со стороны психотерапевтов, не желающих откликаться на настоятельные просьбы соцработников подробнее изучить тот или иной случай. Сколько еще есть психотерапевтов, способных ввести в заблуждение неподготовленного соцработника

намеренной семантической путаницей: например, инцест как деяние незаметно подменяется идеей инцеста или какими-нибудь фобическими расстройствами инцестного типа... И пусть соцработник попробует тут разобраться, а еще лучше, пусть молчит, когда его не спрашивают! Мы уже останавливались на том, какой вред может принести следование одному из утверждений «третьего» Фрейда, который считал, что будто бы не существует разницы между последствиями реальных фактов и фантазмов[131].

Мы уже привыкли к тому, что соцработники в большинстве своем испытывают такую огромную психологическую усталость от бесплодности своей работы с дисфункциональными преступными семьями, что даже не находят в себе сил почитать, поразмышлять или посмотреть специальные телепередачи на эти темы, а могут только отмахнуться: «Да мне и так всего этого хватает на работе!» И это относится не только к проблемам тех семей, которыми они занимаются по долгу службы, но и к тем случаям, о которых можно прочитать в прессе, в последние годы регулярно сообщающей о делах, связанных с сексуальными злоупотреблениями в отношении детей.

Под психологическим влиянием

На втором году обучения удивление перед тем, что открылось, и энтузиазм перед новыми подходами к работе сменяются удовольствием от полученного знания, смешанным с болью при воспоминании о том, сколько грубых ошибок они допустили в своей предшествующей профессиональной деятельности. Часто это бывает мучительным испытанием – при коллективном разборе конкретного случая вдруг с ужасом осознать, что в течение многих лет тобою, оказывается, манипулировала ка-

[131] См. гл. 3 «Фрейда подвергли цензуре...»

кая-нибудь перверзная бабушка. Бывает, что после такого открытия, соцработник долго не может прийти в себя; один слушатель так нам рассказывал об этом: «Придя домой вечером после занятий, сел, обхватив голову руками, а в голове вертелась только одна мысль: «Как же так! Не может быть, такого быть не может!...»

И еще одно испытание поджидает наших стажеров: решиться сообщить о каком-то случае в прокуратуру, а не просто доложить своему начальству, чье бездействие иногда было действительно равносильно соучастию.

Доказательства исчезли

Семилетний мальчик сообщил соцработнику о том, что его мать занимается проституцией и что ему приходилось быть свидетелем таких сцен. Соцработник, несмотря на опасения, решил, как обычно, сообщить об этом своему начальнику, хотя знал, что тот терпеть не может, когда кто-нибудь ставит под сомнение его твердую уверенность в том, что любая родная мать – это непорочная Дева Мария. Вскоре соцработник с горечью констатировал, что родителей мальчика поставили в известность не только о самом факте сообщения, но и указали на того, кто осмелился раскрыть семейную тайну, что отец ребенка является сутенером матери-проститутки. И, разумеется, когда полиция собралась начать расследование, все материальные доказательства уже исчезли...

Соцработникам приходится сталкиваться и с запугиванием, которое может иногда принимать форму публичного унижения: «Да у вас у самой психоз на сексуальной почве!» или «Вам повсюду мерещится инцест!» Печально, что такие безаппеляционные заявления нередко позволяют себе психотерапевты,

а это иногда приводит к тому, что соцработник «перегорает» и может надолго впасть в подавленное состояние.

Вновь обрести вкус к творческой работе

На третьем этапе обучения постепенно приобретаются навыки преодоления сопротивления изменению сети, появляется некоторая уверенность в действенности новых подходов, которая позволяет стажеру учиться превращать сопротивление в сотрудничество.

Следует особо подчеркнуть, что за время обучения происходит кардинальное изменение восприятия страданий ребенка и глубокое осознание психологического воздействия агрессора на всю сеть.

Внезапно, стойкие профессиональные стереотипы постепенно рушатся, и каждый начинает проводить ревизию неудач из собственного прошлого, что само по себе не очень-то приятно. Через испытанный таким образом шок слушатель может теперь ощутить, путем переноса, что реально произошло с таким-то ребенком. Тогда же соцработник начинает понимать, до какой степени он и вся его команда неосознанно поддались чужому психологическому воздействию. Прежние слепота и глухота сменяются внезапным инсайтом[132], который пробудит в человеке творческое начало, казалось бы давным-давно угасшее в рутине.

Эта первая бессознательная идентификация себя с ребенком-жертвой – такая понятная и часто встречающаяся, – должна быть, как можно быстрее подвергнута анализу. В противном случае может закрепиться проективная идентификация[133], так же бессознательно, как и первая, а она, в

[132] A. De Mijola (dir.), Dictionnaire international de psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy, 2002, p. 821: «Интуитивное понимание существенных внутренних конфликтов».

[133] Ibid., p. 782. «Крайнее средство избавления от внутренней катастрофы путем изгнания ее из себя […] способ несимволической коммуникации [Bion, 1962].

свою очередь, может обернуться садистскими установками, которые будут, разумеется, закамуфлированы самым благовидным поведением, но это все равно скажется на любом действии или инициативе.

Броня бесчувственности, которую стажеры стараются продемонстрировать поначалу, представляя разбор того или иного конкретного случая, сменяется тем, что они начинают чутко прислушиваться к собственным эмоциям: теперь они могут сообщать другим о том, что испытывают сами, и таким образом избегать вредной идентификации с детьми или подростками-жертвами, о которых им поручено заботиться. Стремясь как можно точнее охарактеризовать свое прежнее состояние эмоциональной анестезии и связанной с ним потери вкуса к творческой работе, одна из воспитателей-стажеров выразилась следующим образом: «Мы сделались полными импотентками». Другой слушатель, убедившись, насколько трудно дается психологическая работа над собой и самореферентность, простодушно заметил: «Это уж точно: без страданий ни шагу вперед не сделаешь!» Так удается выйти из-под губительного воздействия самовнушения и идеальных представлений о родителях.

Впрочем, у соцработников, как и у психологов в данном случае есть одно смягчающее обстоятельство: в первые годы их учебы им категорически воспрещалось доверять собственной субъективности...

КОНТРОЛЬНЫЙ ПРОСМОТР И «РАЗБОР ПОЛЕТОВ»

Когда терапевт или стажер оказывается в роли наблюдателя, контролирующего и разбирающего процесс терапии, это помогает ему «лучше определить для себя, что представляют собой на деле терапевтическая система, обращение семьи за помощью, симптом и его связь с семейной системой, как найти «входную дверь» в данную семью, каковы будут его аналоговый (невер-

бальный) язык, рабочие гипотезы, ценность и уместность его мнения, возможная стратегия»[134].

Для успешной повседневной клинической деятельности абсолютно необходимо уметь размышлять о возможных эффектах переноса и контрпереноса в терапии и социальной работе.

> *Правильная дистанция, которую терапевту нужно держать с данной семьей, должна подлежать постоянному пересмотру: он должен находиться ни слишком далеко, ни слишком близко*[135].

Так как:

> *семья должна испытывать по отношению к терапевтам [а также к соцработникам] то, что каждый день приходится переживать ребенку. Поэтому крайне важно проводить анализ личных ощущений терапевта после сеанса, а соцработников – между сеансами, для этого мы просим их связываться с нами по телефону каждый раз, когда это необходимо. Как они почувствовали, например, то или иное влечение у кого-то из родителей или родственников? Что ощущали, находясь под гипнотизирующим взглядом инцестного отца? Замечали ли попытки соблазнения или заключения союза с тем или иным членом семьи? и т.д.*[136]

Превосходные примеры приводятся в учебном видеофильме о детях, находящихся в опасности, который снял Бернар Бетремье и который называется «Послушаем то, что нам не хочется слышать»[137]. В ходе обучения мы активно применяем метод контрольного просмотра и «разбора полетов» с использова-

---

[134] J.-C. Benoit, J.-A. Malarewicz, J. Beaujean, Y. Colas, S. Kannas, Dictionnaire clinique des thérapies familiales systémiques, Paris, ESF, 1988, p. 484.

[135] F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence impensable, Paris, Nathan, 1991, 2004, p. 144.

[136] Ibid., p. 142.

[137] je.tu.il… info@jetuil.sso.fr, www.jetuil.asso.fr.

нием видеоматериалов и с участием всей группы. Через такой важнейший опыт, такую поверку теории практикой должен пройти каждый, кто задействован в системе защиты детей.

Добавим, что перед зачислением на обучение слушатели проходят собеседование, во время которого будущего стажера спрашивают, в частности, не подвергался ли он сам в детстве насилию. В случае утвердительного ответа, в обязательном порядке должна быть проведена индивидуальная работа над травмой. Если уже в процессе обучения у стажера вдруг всплывает забытое воспоминание о каком-либо случае жестокого обращения с ним в детстве, то работа над этой проблемой ведется с глазу на глаз, в кабинете психотерапевта, вне учебной группы.

Следует также заметить, что мы уделяем особое внимание связям, возникающим под неосознанным психологическим воздействием при конфликтах между различными общественными институтами – «зеркальных конфликтах». Мони Элькаим пишет о «трансверсальных пересечениях, которые могут случайным образом возникать между членами одной системы, [так называемых] «резонансах», которые могут как способствовать изменениям, так и делать их невозможными».

Мони Элькаим настоятельно подчеркивает это и полагает, что

открыв, благодаря трудам Пригожина, системный подход к непредсказуемости, [он именно тогда] захотел добиться признания важности индивидуального выбора, а значит, этического аспекта и личной ответственности[138].

Ровно такую же цель ставим перед собой и мы в целях защиты детей...

С 2003 г., по просьбе Национальной высшей школы магистратуры, мы принимаем на стажировку судебных аудиторов,

[138] M. Elkaïm, A quel psy se vouer? Psychanalyses, psychothérapies: les principales approches, Paris, Le Seuil, coll. «Couleurspsy», 2003, p. 156.

т.е. молодых юристов, прошедших конкурсный отбор и зачисленных в эту школу. Стажировка начинается через три недели после принятия присяги «быть достойным и честным судебным аудитором» и сразу же перед началом теоретической подготовки в Бордо. Это очень интересный опыт для пациентов, для нас и для будущих работников судебно-правоохранительных органов. Стажировки в нашем Центре проводятся в соответствии с рекомендациями ООН, которые констатируют:

> *Большинство представителей судейского корпуса, занимающиеся разбором такого рода дел, проходили обучение в ту эпоху, когда не придавалось должного значения проблеме сексуального насилия в отношении детей. Отныне специальная подготовка в этой области должна стать составной частью высшего юридического образования […]. Решение этой задачи поручено Национальной высшей школе магистратуры […], судебные аудиторы в ходе обучения проходят базовую подготовку в области детской психологии, сексуального насилия в отношении детей, жестокого физического и психологического обращения с детьми. Эта подготовка осуществляется специалистами в области судопроизводства, врачами, психиатрами и психологами […]*[139].

Вот какой отзыв оставила Стефани Иссенлор, первая слушательница-аудитор, проходившая у нас десятинедельную стажировку:

> *[…] в полном погружении в мир системной терапии […]. Хорошая теоретическая и клиническая подготовка по проблематике жестокого обращения с детьми позволяет*

[139] Специальный докладчик ООН по проблемам торговли людьми, детской проституции и порнографии Хуан Мигель Пети, Доклад о визите во Францию 25-29 ноября 2002 г. (пункты 55, 56, 57).

понять взаимодополняющие функции психотерапевтов и судебных работников. Нет сомнений, что они обязательно должны работать в одной связке. Они взаимно оптимизируют работу друг друга...

И далее:

Для меня участие в сеансах семейной психотерапии стало совершенно естественным, поскольку облегчалось специальной подготовкой и знакомством с особенностями работы Центра […]. Столкнувшись с крайне тяжелыми случаями, я, разумеется, не могла не среагировать на них. Реакция была сильной как в плане физического состояния (побледнение, дрожь), так и психического (плохое самочувствие, кошмары, бессонница). Мне удалось справиться с этим благодаря регулярным «разборам полетов», которые мы проводили всей командой.

Работа по подготовке всех, кто занят в этой сфере, только начинается, как об этом говорится в ответе Министерства юстиции Франции специальному докладчику ООН:

Процесс начат, но, скорее всего, пройдет некоторое время, прежде чем результаты станут ощутимыми[140].

[140] Там же, пункт 55.

7. Примеры сеансов терапии

«Хочу, чтобы Психоквак сидел тут, не хочу, чтобы он отсюда уходил, обещай, что никто его не возьмет».

Виолетта, 11 лет

В классической системной терапии используют видеокамеру, зеркало Гезелла и микрофон. Это делается как в пропедевтических целях, так и для того, чтобы лучше уловить и понять психологические механизмы, которые выявляются во время сеанса: проекцию, резонансы, разного рода подстрекательские игры и т.д.

Дети используют видеокамеру или стремятся ее использовать для того, чтобы зафиксировать ключевые моменты собственного развития. Сейчас мы детально рассмотрим несколько фрагментов из наших сеансов терапии[141].

UGLY FAMILY[142]

Братья и сестра: Виолетта (11 лет), Симон (10 лет) и Жереми (9 лет).

Мартин Нисс (МН) и Пьер Сабурен (ПС) уже в течение нескольких месяцев регулярно принимают у себя в Центре этих двух мальчиков и их сестру, которых с самых первых дней жиз-

[141] Запись во время сеанса ведет Тереза Буше (ТБ).

[142] Ugly Family от англ. – уродливая (противная, скверная) семья

ни периодически помещали то в больницу, то в ясли-сад из-за физического и психологического насилия и страшных издевательств, которым они подвергались в своей родной семье.

Сейчас дело рассматривается судебно-правоохранительными органами. Родителей уже один раз лишали родительских прав, потом им их вернули, и с детьми вновь жестоко обращались во время разрешенных свиданий в выходные дни. Сейчас свидания запретили.

Дети малорослые, хилые, по всей видимости, от недоедания и разного рода лишений. Двое старших детей помещены к одной приемной матери, младший брат Жереми - к другой. Обе приемные матери присутствуют на сеансе, также как социальный педагог, которому поручено наблюдать за развитием детей в приемных семьях и поддерживать контакт с ювенальным судьей.

Приемная мать (ПМ) двух старших детей, очень возмущенная поведением Виолетты и Симона, едва усевшись, заводится с пол-оборота и бросается в атаку.

ПМ: Мне стыдно за них! Сколько можно терпеть такое хулиганское поведение! ПС сразу же вмешивается, т. к. нельзя ни в коем случае позволять ПМ использовать терапию для того, чтобы критическими замечаниями дисквалифицировать, позорить ребенка.

ПС: А можно узнать, в чем конкретно выражалось это хулиганское поведение? И давно ли оно имеет место?

ПВ рассказывает, как Симон и Джо (14 лет), еще один мальчик, устроенный в эту семью, в сельском магазинчике набили полные карманы конфет и пытались уйти, не заплатив. В этом предприятии им помогал родной сын ПМ.

ПМ (оправдывающимся тоном): *А ведь я ни в чем им не отказываю, у них есть все, что нужно.*

ПС: А как вы реагировали на все это? ПС продолжает подробное расследование реакции ПВ.

ПМ (в гневе)*: Так же, как сейчас.*

ПС: И, наверное, даже хуже. Вы же сами только что сказали, что это случилось месяц назад, а вы, похоже, до сих пор не можете успокоиться. Позитивное коннотирование ее жестокости с ее нарциссической раной. Метакоммуникация, предметом которой является ее невербальное поведение (сильное раздражение).

ПМ: Да, они втроем там были. Я ничего не говорю, может, это Джо их подучил, но все равно, так же нельзя! Вообще-то, по-моему, они это все сами! ПМ слегка растеряна.

Кажется, приемная мать точно не знает, какую ей занять позицию по отношению к этому делу. Она несколько раз повторила, что ей очень стыдно. Она теперь не знает, как себя вести дальше, как налаживать отношения с владельцем магазина. В то же время создается впечатление, что она не может удержаться от того, чтобы не попытаться выгородить своего сына, хотя и признает, что он был замешан в этой истории с кражей конфет.

Все это время дети рисуют на доске. Один из них вывел крупно: «Я».

МН (возвращается к затронутой теме, обращаясь к ПМ)*: **Джо уже четырнадцать лет, он самый старший из всех, и, судя по вашим словам, это он в некотором смысле инициатор, он втянул остальных.*** (Привлечение ПМ в качестве союзницы, чтобы попытаться снизить, в ее представлении, степень ответственности младших детей).

ПС: Какое наказание им за это было? Вопрос задан нейтральным тоном: позитивное коннотирование продолжается.

ПМ: Двадцать раз написать в тетради: «Я больше никогда не буду красть». Глупость этого наказания никак не комментируется, чтобы не дестабилизировать ПМ.

МН, ни к кому в отдельности не обращаясь, объясняет, что детей разлучили шесть лет назад, что с тех пор они практически

не встречаются, кроме как в Центре Бют-Шомон, и что цель сеансов психотерапии как раз и заключается в том, чтобы установить новые связи между братьями и сестрой. Возвращение к главной теме: заброшенность и одиночество этих детей.

ПС (поворачиваясь ко второй ПМ): ***А как у вас идут дела?*** Удачная попытка установления многонаправленного терапевтического отношения. Обычно этим термином Иван Борсомени-Надь и Хельм Стирлин обозначают способность психотерапевта привлекать в качестве союзника любого из членов одной и той же семьи.

ПМ2 (с утомленным видом человека, много повидавшего на своем веку)*: Да, прямо скажем, ничего хорошего. Со мной он ведет себя вызывающе, грубит, и вообще он агрессивный, беспокойный.*

За это время дети успели повернуть доску с перекидными листами к стене, чтобы взрослые не видели, что они там пишут; то и дело они прыскают со смеху, пишут все втроем одновременно, тесно прижавшись друг к другу. Терапевты, с улыбкой и дружеским тоном, просят показать, что они написали. В конце концов, дети поворачивают доску обратно. На ней написано: «Мы больше не хотим сюда приходить».

МН: До чего же весело писать такие вещи на доске! Поскольку ПМ2 в таком же отчаянии, что и ПМ, МН метакоммуницирует по поводу свободы, с которой дети решились противостоять терапевтам, да еще в письменном виде.

ПС (обращаясь к ПМ2): ***В чем же выражается его грубость?*** ПС выказывает сочувствие, стремясь избежать потери союзницы.

ПМ2: Только что-нибудь не по нему, он заводится с пол-оборота: сразу «да пошла ты!» и дальше все в таком роде. Говорит, что не хочет больше называть меня мамой. Он очень задиристый мальчик, учительница тоже

говорит, что за ним все время глаз да глаз нужен. Вот, к примеру, они всем классом были на море, так он там одного мальчика ударил ракеткой по голове, в другого камнем запустил... Ну, когда вернулись оттуда, вроде поспокойней стал себя вести с одноклассниками. Терапевту удалось сохранить ПМ2 в качестве союзницы, и она, почувствовав, что ее понимают, начинает подробнее рассказывать о том, что ее особенно шокировало в поведении Жереми.

ПС: Вы хотите сказать, что после возвращения он стал вести себя с ними как с людьми? ПС знает, что ребенок подвергался таким издевательствам, от которых можно потерять человеческий облик, и интуитивно формулирует свой вопрос так, чтобы установить связь с бессознательными причинами, по которым Жереми ведет себя агрессивно.

ПМ2: Не знаю, но представьте себе: вы, ни о чем не подозревая, идете встречать ребенка, который провел две недели на море, а вам заявляют, что он чуть не убил двоих одноклассников. Будешь тут в шоке!

МН: А почему же никто из школы не предупредил вас о таких серьезных вещах? МН имплицитно перекладывает часть ответственности на других, чтобы ослабить сильнейшее чувство вины у ПВ2.

ПМ2: Не знаю. Не получилось.

Терапевты замечают, что Жереми, во время их разговора, пишет на доске: «Мы больше не хотим сюда приходить, в этой комнате все уродливо».

МН: И что же уродливо в этой комнате? Повышенное внимание к выразительному поведению детей в то время, когда взрослые разговаривают между собой: таким образом, дети понимают, что любое их движение имеет смысл, а значит, и ценность.

ЖЕРЕМИ (говорит нараспев, словно читает известный стишок Жака Превера)*: Комната уродливая, доска уродливая, телик уродливый, кресла уродливые!*

ПС (подхватывая)***: Мы тоже уродливые!*** Позитивное коннотирование трансферной атаки (переноса в агрессивной форме) Жереми, чтобы добиться двойного эффекта: и ПМ2 стало легче, и дети расслабились.

Все трое детей хохочут и не спорят с утверждением ПС. Затем терапевты обсуждают с ПМ двоих старших детей, не стоит ли им ходить на специализированные консультации в больнице города Б.

В самом деле, ездить в Париж только ради сеансов терапии очень утомительно для детей: на дорогу туда и обратно уходит очень много времени. Находится другой вариант: Жереми будет продолжать консультации в Париже, его брат и сестра – в Б., а время от времени будет устраиваться сеанс для всех них в Центре Бют-Шомон.

ПС (продолжая начатую тему): ***Здесь говорится о таких уродливых вещах, что все в этой комнате делается уродливым.*** Еще одна позитивная коннотация.

МН: Но сегодня просто какой-то исключительно редкий случай: дети осмеливаются бунтовать против авторитета взрослых – и ничего! Никто их не трогает! МН обращается сразу ко всем, добавляя новое, позитивное измерение к садистскому переносу на ПС и МН.

Как бы подтверждая сказанное, Симон, которому помогает его брат, пишет на доске большими печатными буквами: «ВСЕ ВОНЮЧКИ».

Тем временем девочка садится на диван. Вид у нее сердитый, нахмуренный. Она явно желает показать свое недовольство.

МН: Что случилось? Этот вопрос является ответом на невербальную коммуникацию Виолетты, тем более ценную, что она до этого вообще ничего не говорила.

ВИОЛЕТТА: Домой хочу.

Произнося эти слова, она теребит какого-то пластмассового человечка, которого держала в руках с самого начала сеанса.

МН: А кто это у тебя в руках?

ВИОЛЕТТА:....

Из разговора с присутствующими мы понимаем, что это один из «Симпсонов», т.е. персонаж мультсериала о приключениях семейки, по правде говоря, довольно противной («ugly»), но детям очень нравится. Такой разговор взрослых придает ценность значимой коммуникации ребенка и его молчанию.

МН (комментируя поведение Виолетты)***: Чувствуется, что ты очень недовольна, ну просто очень-очень... Мы тут такого еще не видели.*** Амплификация кризиса противодействия у Виолетты.

ПС: Ну и что ж, что недовольна, зато она умеет контролировать свое недовольство. Инвертированная коннотация с потенциальной способностью к самоконтролю – в отличие от ее родителей и брата.

Двое мальчиков суетятся у доски с перекидными листами: рисуют сложную сцену, в которой участвуют какие-то человечки, собаки и собачьи какашки. Смеясь, они объясняют – нам и себе, – о чем идет речь в их произведении. Сестра подходит к ним и тоже участвует в объяснениях. Терапевты комментируют происходящее.

ПС (обращаясь к МН)***: Они рисуют комикс о нас из их истории с нами, в переносе.*** Обе ПМ не понимают, насколько важны спонтанные рисунки детей, поэтому пояснения даются вслух, чтобы попытаться подключить их к работе.

ПС: У вас в памяти, наверное, много таких собачьих какашек?

МН: Там ведь было много собак – там, где вы раньше жили? «Буквальная» интерпретация спонтанных рисунков.

ВСЕ ТРОЕ ДЕТЕЙ (хором)*: Да-а!* Такое немедленное подтверждение исторической правды означает подключение к работе.

МН: Когда вас запирали одних в доме, собаки какали, да?

ВСЕ ТРОЕ ДЕТЕЙ (хором): ДА-А!

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ: Причем, собаки были очень крупные, а дети маленькие. Должно быть, это сильно их впечатлило. Педагог уловил, что происходит, и тем самым подтвердил, что терапевты на верном пути: идет реактивация пережитого жестокого обращения.

МН: Очень может быть, что собаки на них еще и писали, – ведь дети были привязаны к ножкам кровати! МН четко говорит на сеансе о том, что ей известно об издевательствах, которым подвергались эти дети.

Не успела она договорить, как Жереми, самый младший, впадает в самоагрессию – совершенно необъяснимую, если не связывать ее с историей его семьи: он со всего размаху бьется головой о подлокотник кресла, на котором сидит его ПМ. У него уже шишка на лбу. Этим приступом бессознательной самоагрессии прерывается слишком болезненная процедура воспоминаний о пережитом.

Жереми плачет, ПМ2 берет его на руки и начинает укачивать.

ПС: Так тяжело выслушивать все, о чем мы тут говорим, что Жереми набросился на кресло.

ВИОЛЕТТА: Не надо больше об этом говорить. Из-за неизбежно возникшего конфликта лояльности девочка пытается прекратить воспоминания о перенесенных когда-то страданиях.

Тем временем МН принесла лед. ПМ2 прикладывает лед ко лбу плачущего мальчика, гладит его по голове. ПС возвращается к теме агрессивного поведения Жереми во время пребывания с классом на берегу моря.

ПС: Скажи, а у того мальчика, в которого ты бросил камень, на голове была кепка или нет? ПС намеренно подчеркивает наличие связи между жестокостью родителей Жереми и его собственной, чтобы освободить ребенка от этой идентификации.

ЖЕРЕМИ: Была, но он сказал, что если бы не было, то у меня были бы большие проблемы. Ребенок все прекрасно понимает: он сам устанавливает связь с судебной ответственностью за свои поступки («большие проблемы»).

МН: Все правильно, родители могли подать в суд.

Дальше развивается тема агрессивного поведения Жереми и связи его агрессивности со страшными издевательствами, которым подвергались эти дети.

МН, заметив напряженное выражение лица ПМ2, поворачивается к ней.

МН: Вам кажется, что от терапии нет никакой пользы? Полезная интерпретация невербального сообщения ПМ2.

ПВ2: Совершенно верно. Пока я вижу, что Жереми становится только хуже. На это очень больно смотреть.

Под самый конец сеанса Виолетта берет маленькую плюшевую игрушку, одну из тех, что постоянно находятся в этой комнате и предназначены для детей, приходящих к нам в Центр. Эту игрушку зовут Психоквак, это Покемон, который очень нравится всем детям, приходящим были. Виолетта хочет взять его с собой и вступает в переговоры с ПС по этому поводу. Наткнувшись на терпеливую, но прочную оборону со стороны ПС, она требует заверений, что Психоквак останется тут.

ВИОЛЕТТА: Хочу, чтобы Психоквак сидел тут, не хочу, чтобы он отсюда уходил, – говорит она, усаживая своего любимца на этажерку. – Обещай, что он тут будет сидеть и что никто его не возьмет.

Таким способом приобретается уверенность в неизменности этого места, где дети могут свободно выражать себя, не боясь

насилия, и постепенно, шаг за шагом, вновь обретают некоторое доверие к взрослым вообще. Впрочем, можно предложить и еще одну интерпретацию: Виолетта пытается воспроизвести авторитарное, деспотичное поведение своей матери по отношению к себе – когда мать держала ее маленькую привязанной к спинке кровати целыми вечерами. А ведь еще за несколько минут до этого Виолетта не желала сюда больше возвращаться и отказывалась говорить на болезненные темы.

На этом сеансе удалось добиться того, что присутствовавшие соцработники волей-неволей приняли участие в работе. Удалось четко проговорить ряд деталей тех садистских злоупотреблений, которым подвергались дети в раннем возрасте, причем на сеансе имели место активная проекция и перенос. Перенос на патронатных родителей продолжается в течение многих недель совместной жизни, есть он во время поездок с классом на море, но вне специализированной обстановки он никогда не будет таким активным.

Терапия позволила детям действовать заодно, и это было связано с удовольствием, которое они испытывали, вместе провоцируя присутствующих взрослых. Спонтанность в выражении их внутреннего мира, засоренного разной мерзостью (ugly), которая унаследована ими от биологических родителей с серьезнейшими расстройствами, позволяет сделать решительный прорыв в работе с влечениями, чтобы освободиться от унизительных манипуляций, которым подвергались все трое.

Виолетта сблизилась с Покемоном, Симон вволю рисовал на доске, Жереми, благодаря присутствию брата и сестры, начал разговаривать гораздо лучше, чем когда он был один. С ним будут заниматься отдельно. Спустя год Жереми по-прежнему выказывал сильное напряжение по отношению к приемной семье, которая, несмотря на сильную привязанность к мальчику, явно проявляла реакцию отторжения. Вместе с педагогом было принято решение устроить его в небольшой приют, где были

его ровесники, а также новая для него, и, следовательно, более гибкая «родительско-воспитательская» среда. Результаты не заставили себя ждать: Жереми увлекся информатикой и добился успехов, без всяких проблем играл с другими детьми, нашел оптимальную дистанцию с новыми воспитателями.

Спустя два года картина на сеансе терапии была совершенно другая: дети явно подросли, они спокойны, активно участвуют, отчетливо видна индивидуальность каждого из них троих. Они улыбаются, охотно подыгрывают нам, спонтанно рассказывают о своей жизни. Виолетта по-прежнему борется с несправедливостью, подтверждая свою роль лидера: «Это я все сказала!» Она не совсем забыла Психоквака, но ей больше нравится вспоминать плюшевого дельфинчика, которого тут больше нет. Но ведь и ее тут больше нет. Трагедия осталась позади.

КИБЕЛА И КАЗНЬ КОТЕНКА

Это первое интервью в рамках сетевой терапии Кибелы, девочки одиннадцати с половиной лет, и ее воспитательницы Лейлы, которая занимается с этой девочкой, устроенной в особую приемную семью для детей душевнобольных родителей. Присутствует также директор соцучреждения, сам являющийся врачом-психиатром. Есть предположения, что с Кибелой жестоко обращались с самого раннего детства, но имеются и признаки того, что девочка была жертвой сексуального насилия, так как уже долгое время она ведет себя провокативно по отношению к старшим мальчикам. В школе она сильно отстает.

С Кибелой уже проводится индивидуальная терапия, но она почти не продвигается вперед, чем и вызвано обращение к нам в Центр. Мартин Нисс объясняет Кибеле, почему она здесь вместе с соцработниками, которые уже давно занимаются ею. Они помогут ей начать говорить о болезненных вещах. МН делает эту преамбулу для всех участников, поскольку к нам на консультацию приходят именно потому, что сталкиваются с

трудностями в установлении фактов насилия над ребенком и потому что не могут их точно назвать.

Мы узнаем, что в первый раз Кибелу поместили в патронатную семью, когда ей было всего 10 месяцев. Ею занималась приемная мать мадам Х. Психиатр поясняет, что он решил забрать ребенка из семьи г-жи Х., потому что «все было не очень хорошо».

МН: «Не очень хорошо» означает жестокое обращение с ребенком? МН немедленно исправляет двусмысленную формулировку врача, чтобы разговор шел только о том, что касается Кибелы.

ВРАЧ: Да.

И дальше он объясняет, что его кое-что насторожило в поведении маленькой Кибелы. Вроде бы приемная мать ее била и часто шлепала. Оба соцработника, похоже, не решаются подробнее рассказать о том, что там было. «Да в общем-то ничего определенного, – говорят они. – *Ничего серьезного г-же Х мы тогда предъявить не могли». Еще большая двусмысленность, сопротивление четкому определению темы, попытка аннулировать собственные действия.*

ВРАЧ (продолжает свой рассказ): *Эта дама – большая соблазнительница по натуре, про нее говорят, что она вроде бы «пыталась всю округу себе подчинить»...* ТБ, присутствующая на сеансе в качестве наблюдателя, так и не сможет понять в течение всей беседы, продолжают ли социальные службы устраивать детей в эту семью.

МН (соцработникам): ***Как г-жа Х. вела себя по отношению к вам, когда вы посещали эту семью?*** МН делает все, чтобы не уклоняться от главной темы, и хочет получить информацию от соцработников, а не из деревенских слухов.

КИБЕЛА (отвечает спонтанно): Она очень странно смотрела на воспитателей. И на учительницу в школе она тоже очень странно смотрела. Ребенка удалось привлечь

в качестве союзника. Кибела поняла, что МН не очень довольна тем, как повели себя соцработники. Вопрос: кто же тут за кем наблюдает?

МН: Нам бы хотелось получше себе представить, что такое «странно смотрела». Что ты имеешь в виду? Кибела сообщает новую деталь: ПМ недоброжелательно следила за соцработниками.

КИБЕЛА: Она очень-очень сильно смотрела, как будто шпионила за ними.

МН: Ты хочешь сказать, что она тайком подслушивала, когда они разговаривали?

КИБЕЛА: Да, точно. Гипотеза подтвердилась.

МН: В каком классе ты учишься? Переходим на новый уровень общения.

КИБЕЛА: В спецклассе[143].

МН: Ты хорошо себя там чувствуешь? Спокойно? Учительница добрая? Девочку доброжелательно возвращают на ее место – место ребенка.

КИБЕЛА: Да.

МН: Когда точно ты разговаривала с Лейлой о г-же Х.? Поскольку переход на следующий уровень прошел успешно, возобновляем разговор на исходную тему: установление подробностей физического насилия.

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА (отвечая на поставленный вопрос): *Когда Кибела только к нам поступила, она сразу же мне сказала, что ей было страшно, когда ее запирали в комнате.* Воспитательница поняла специфику работы во время терапии и поддерживает нас.

Не заостряя внимания на сказанном, МН начинает составлять вместе с девочкой генограмму ее семьи, чтобы установить свя-

[143] Специальный класс начальной школы для детей с различными физическими, психическими, умственными и/или социальными нарушениями, затрудняющими обучение в обычной школе.

зи, насколько это представится возможным, между предполагаемым насилием в приемной семье и жестоким обращением в биологической семье. Кибела хорошо ориентируется в своей семье и спонтанно сообщает уточняющие детали о семейных трудностях: бабушка – хроническая алкоголичка, мать часто госпитализировали.

МН: Раз бабушка пьет, то, может быть, и у матери тоже проблемы с алкоголем?

КИБЕЛА (отвечает без всяких затруднений): *У мамы нет, а у отчима есть.*

ЛЕЙЛА (подхватывает): *Я так поняла, что когда он выпьет, то ведет себя агрессивно.* Подтверждение со стороны Лейлы, которая уже согласилась с тем, что тут можно говорить прямо и откровенно.

МН: А как она действует, когда он напивается?

КИБЕЛА (отвечает на вопрос): На улицу его выгоняет.

Психиатр поясняет, что мать Кибелы сама росла в приемных семьях и подолгу находилась в спецучреждениях. Судя по этой фразе, можно строить самые разные предположения о характере расстройств у матери Кибелы. Врач не знает, как ему лучше сказать о душевной болезни матери, не травмируя ребенка, поэтому он и использует двусмысленные формулировки.

МН хочет узнать, как теперь живется девочке в новой приемной семье. Кибела, широко улыбаясь, описывает других детей, «тетю» и «дядю», который рассказывает ей всякие смешные истории. Они итальянцы, и Кибела учится разговаривать на этом новом для нее языке.

МН: Значит, тебе у них хорошо? Ты часто смеешься?

КИБЕЛА: Да.

МН: Значит, ты смешливая девочка?

Кибела кивает в знак согласия, с кокетливым выражением лица и широкой улыбкой. Контакт достаточно хороший, девочка не напряжена, общается доверительно. Это позволяет затронуть

еще один аспект, который тревожит соцработников – сексуальные провокации со стороны девочки.

МН: Ты дружишь с каким-нибудь мальчиком?

КИБЕЛА: Да, он китаец, он очень добрый.

МН: А почему он тебе понравился?

КИБЕЛА: Он меня смешит. Такой ответ – приятный сюрприз: мальчик оказывается в том же регистре общения, что и «дядя» – он ее смешит.

Психиатр уточняет, что мальчик – ее ровесник – совершенно изменил жизнь Кибелы, которой раньше нравились мальчики гораздо старше и выше ее ростом. Врач тоже ведет себя более естественно, показывает Кибеле, что она ему интересна, отмечает ее успехи.

МН возвращается к первому телефонному разговору, который у нее был с врачом.

МН: Когда вы говорили мне о сексуальных злоупотреблениях, что вы имели в виду? МН возвращается к главной теме, чтобы подключить врача к терапевтическому процессу.

ВРАЧ: Проблема в том, что у нас немало сомнений на этот счет и несколько возможных кандидатов.

МН: Кандидатов? Что вы хотите этим сказать? МН повторила это слово как бы от лица девочки, потому что слово «кандидат» ребенку совершенно непонятно, а тон слишком легкомысленный для разговора на такую тему. (Обращаясь к Кибеле): ***Какое твое самое-самое давнишнее воспоминание?***

КИБЕЛА (натянуто улыбаясь): *Не знаю. Мимика Кибелы подтверждает, что психиатр допустил оплошность.*

МН (обращаясь к соцработникам)***: Не могли бы вы помочь Кибеле вспомнить, что было давно-давно? Вы ведь знаете ее с раннего детства?*** Практически прямой приказ не бросать ребенка одного.

Тут Кибела вспоминает кого-то «большого», который приставал к ней в ванной у г-жи Х.

МН: Большой – это взрослый?

КИБЕЛА: Нет, он молодой.

МН: А как он к тебе приставал? Трогал тебя?

КИБЕЛА (сдавленно, еле слышно)*: Да...* Кибела показывает голосом, что вступает в очень болезненную для нее зону.

МН: Можешь нам сказать, за какое место он тебя трогал?

МН понижает голос, придвигается поближе к Кибеле (аналоговая коммуникация) и почти не дышит во время этого разговора, который проходит почти по-эриксоновски[144]. Это как бы изолирует ребенка и терапевта от других участников и производит «сужение поля сознания»[145], которое позволит Кибеле указать то место на своем теле, через которое она испытала унижение.

КИБЕЛА: Я не знаю...

МН: Если ты не можешь сказать, тогда, может быть... ты можешь нам показать?

КИБЕЛА (приблизительным жестом она указывает на низ живота, вероятно, на гениталии)*: Посередине.*

МН спрашивает девочку, рассказывала ли она об этом своей патронатной матери.

КИБЕЛА: Тогда г-жа Х. очень рассердилась, она стегала меня ремнем по спине.

Как можно было понять, с того дня битье стало еще более регулярным и интенсивным. *«У меня даже следы оставались на спине»,* – жалуется девочка.

После этого Кибела прерывистым от волнения голосом рассказывает, как тот «большой» убил ее котенка, которого ей подарила «бабуля» – возможно, мать г-жи Х.

---

144 См. главу «О решающем значении системного мышления».

145 Технический прием регрессивного гипноза.

Мы узнаем от Кибелы, что г-жа Х. вместе с «тем большим из ванной» мучили котят: закапывали их живыми в землю, а потом отрубали головы.

Кибела показывает нам мимикой, как из земли торчит голова котенка и как ее отрубают.

МН: А ты сейчас иногда вспоминаешь… про тех котят? Эмпатия, проявленная МН для того, чтобы побудить девочку рассказать все это, вызывает, в свою очередь, эмпатию соцработников, узнавших о таком садизме пары мать-сын. По их лицам хорошо видно, что они испытывают, слушая рассказ ребенка.

КИБЕЛА: Да, я часто плачу перед сном.

МН: Я очень хорошо понимаю, что ты оплакиваешь бедных котят, это все очень-очень тяжело, и пока ты не привыкнешь к мысли, что их больше нет, пока ты с этим не смиришься, они тебе будут мешать спокойно засыпать. МН завершает работу, которая по технике похожа на «разбор полетов»[146] и в то же время дает эффект абреакции.

После этого психиатр вслух выражает удивление тем, что здесь, в Центре Бют-Шомон, Кибела рассказала все, о чем раньше не хотела говорить – ни с ним, ни с психологом, с которым она регулярно видится с глазу на глаз. Этот врач и по совместительству директор, показав, что уважает принципы «честной игры», одновременно использует «двойную связь»: дисквалифицируя сам себя, он, в конечном счете, ставит высокую оценку сложной работе, к которой сам только что примкнул.

МН объясняет, что с момента составления генограммы, ребенок получает возможность лучше ориентироваться в своей истории, а это, в свою очередь, позволяет ему представлять

[146] Обычно «разбор полетов» проводится по горячим следам», как можно скорее после травмирующего события с целью предотвращения аффектов посттравматического стресса.

хронологию событий. Именно поэтому ребенок вновь находит воспоминания, спрятанные в самых глубинах памяти, всякого рода вытесненные факты, которым он раньше просто не умел найти подходящее место в своей истории. Иногда он даже думает, что они ему приснились, и не осмеливается говорить о них. МН просит Кибелу пообещать ей, что при следующей встрече со своим психологом, она продолжит рассказ обо всех страшных вещах, которые ей пришлось пережить. МН берет слово с соцработников, что они заявят в прокуратуру о новых фактах сексуальных злоупотреблений, и пользуется случаем, чтобы положительно охарактеризовать работу социальных служб с Кибелой, а также индивидуальную психотерапевтическую работу с этим ребенком.

Два года спустя у Кибелы отмечается существенное улучшение, она полностью доверяет своему персональному психотерапевту, ее страхи уменьшились, сексуально окрашенного поведения больше не отмечалось. Раньше даже в спецклассе девочка сильно отставала от других, сейчас она учится в специальной профессионально-общеобразовательной школе[147], и для нее это действительно немалое достижение. После подачи заявления прокурору Кибела не пугалась, отвечая на вопросы жандармов, которым было поручено расследование. Еще через год выяснилось, что самый первый случай изнасилования имел место у той же ПМ, отличавшейся жестоким обращением с детьми, и совершил его один из ее случайных любовников... Кибела продолжает вспоминать давние травмы, о которых никто не знал, и благодаря этому можно теперь лучше разобраться в давних проблемах. Ей по-прежнему очень нравится ее итальянская приемная семья, а сама она гордится тем, что скоро будет учиться в медицинско-педагогическом профессиональном училище-интернате[148].

---

147 SEGPA
148 IMPRO

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЧЕТВЕРКА И КОНКУРС РУГАТЕЛЬСТВ

Действующие лица: Наташа, Анвар, Ванда, Даниэль и другие... Четверо юных красавцев, от 14 до 20 лет, грациозных, как все молодые антильцы, с дружным хохотом вваливаются в наш кабинет и сразу же оккупируют диван, с которого так и не встанут до окончания сеанса. Они беспрерывно закидывают ногу на ногу, то в одну сторону, то в другую, ежеминутно трогают себя то за плечи, то за руки, то за лицо. И постоянно набрасываются на всех: «Вы мне это обещали, вы мне-то обещали...»

Уже семь лет минуло с того дня, как они впервые пришли на консультацию вместе с директором детского лагеря, куда их устроили всех четверых после смерти родителей. Тогда имелись основания подозревать, что дети стали жертвами сексуального насилия, но одновременно были сомнения, что они говорят правду... Речь шла о том, чтобы поставить в известность прокуратуру, но сделали это терапевты нашего Центра Бют-Шомон; в том детском учреждении по-прежнему не вполне доверяли показаниям братьев и сестер, поскольку обвинения касались их сотрудниц: одной соцработницы и помощницы по хозяйству.

Идет подготовка к процессу против тех двух насильниц. Детям помогает адвокат, назначенный властями департамента. С ними пришли еще две женщины – психолог и социальный педагог, – и обе в один голос сетуют на бьющую через край энергию подростков и какую-то необыкновенную резильентность[149], которую они неутомимо демонстрируют. Итак, вот они снова тут, перекидываются шутками, общаясь на каком-то своем, особом, непонятном для взрослых языке, на манер близнецов.

[149] Это понятие обычно используется в позитивном смысле для характеристики благоприятного протекания процессов после травмы. Однако степень резильентности бывает иногда настолько высокой, что оказывает дестабилизирующее воздействие на окружающих.

– *Кто не сечет – от винта!* – со смехом поясняет Анвар.

МН объясняет, что у братьев и сестер, которые вместе подвергались сексуальному насилию, эротическое возбуждение, испытанное давно, переживается заново, когда эти дети встречаются. Эта форма повторного переживания может дестабилизировать неподготовленного человека, однако для них это всего лишь способ – шумный и провоцирующий – обозначить свое присутствие.

Настроены они весьма решительно, намерены активно участвовать в судебном разбирательстве. Ожидание процесса показалось очень долгим, юридическая процедура - утомительной. Они хотят, чтобы насильники были наказаны как можно скорее, и не понимают, почему все так долго тянется.

– *А че тут ваще делать-то?* – цедит сквозь зубы Наташа.

– *Да это все та карга старая – ну, помнишь, к которой мы ходили, – это она сказала сюда прийти,* – разъясняет Ванда.

– *Во дура бабка, прикинь!* – все трое громко хохочут. Характерный диссоциирующий смех.

МН сразу же предлагает перечитать текст заявления на имя прокурора. В нем на двух страницах перечисляются многочисленные факты насилия, о которых дети рассказывали семь лет назад, - длинный перечень издевательств.

МН спрашивает адвоката, почему дело слушается в исправительном суде, а не в суде присяжных, учитывая тяжесть содеянного: например, Наташу ежедневно после душа насиловали пальцем, у нее шла кровь; Анвара запирали на несколько дней в комнате, без еды, он был вынужден мочиться и испражняться в раковину, а потом его принуждали все это убирать. Их всех подолгу не кормили или бросали им пищу в рот, или заставляли есть с пола, как зверей. Анвар и Даниэль страдали энурезом, и их заставляли спать без матраса, на голой сетке. Однажды Наташу пытались удушить, и она потеряла сознание. Она может показать шрамы на ногах от побоев, причем она чуть не умерла

от заражения крови, потому что нагноившуюся рану никто не дезинфицировал.

В заявлении на имя прокурора упоминаются также удары кулаком в лицо с выбиванием молочных зубов!... И ледяные ванны для детей, посреди зимы, и надписи на лице фломастером, да с таким нажимом, что чернила проникали под кожу и получалось что-то вроде татуировки, – все с целью унижения этих детей, которым тогда было от семи до двенадцати лет.

Бывало и такое: возбудив мальчиков, одна из этих женщин принималась измерять линейкой длину их пенисов в состоянии эрекции, по которым затем била их той же линейкой! Настоящая камера пыток...

Как объясняет адвокат, он рад уже и тому, что выиграл предварительные юридические баталии и довел дело хотя бы до исправительного суда. Ему кажется, что он сделал все возможное, и теперь он боится рисковать, обжалуя компетентность суда, поскольку это может поставить под угрозу весь процесс, а он уже так близок.

Наташа тем временем достает из сумочки зеркальце и передает его другим или они вырывают его у нее из рук. Они смотрятся в зеркальце и попеременно оценивают внешность друг друга.

Анвар то и дело отпускает иронические замечания по поводу внешности сестер.

– *Ну, ты даешь, овца!..*

– *На себя глянь, придурок!* – тут же парирует Ванда, и они начинают шуточную потасовку, но с эротическим уклоном. Адвокат, видимо привыкший к такому буйству чувств, невозмутимо продолжает. На этапе предварительного следствия жандармы были уверены, что дети лгут и что они выдумали все эти истории, «чтобы привлечь к себе внимание». Они, мол, сговорились. По логике жандармов, подобную солидарность дети могли демонстрировать только в коллективной лжи, – таков

горький комментарий адвоката, имеющего огромный опыт защиты интересов детей, пострадавших от насилия[150].

АДВОКАТ (с усталым видом умудренного опытом человека): *Детям не поверили, потому что они – родные братья и сестры: считается, что им легче сговориться. Семь лет назад все так думали, это было обычным делом.*

МН: И еще потому, что в педофилии подозревалась женщина. До сих пор людям трудно себе представить, чтобы женщина могла кого-то изнасиловать, однако наш каждодневный опыт в Центре Бют-Шомон доказывает обратное.

НАТАША (отрывая взгляд от зеркальца)*: А что, сюда и другие дети приходят из-за того же самого?*

До сих пор многие медики и соцработники избегают прямого разговора о сексуальном насилии со стороны женщин, однако для ребенка, ставшего жертвой, это единственная возможность высказаться от собственного имени.

ПСИХОЛОГ (пытается контролировать ситуацию, несмотря на шумное поведение молодежи)*: Кстати, обвиняемая соцработница всем говорила, что это она пострадала от этой банды извращенцев.* Женщина-психолог объединяется с адвокатом против МН, поскольку не ожидает, что МН станет обсуждать юридические аспекты дела во время сеанса, а тем более подвергать сомнению избранную стратегию, в соответствии с которой юных истцов представляет этот адвокат[151].

---

[150] Мы согласны с этим адвокатом; с каждым годом крепнет надежда на то, что опыт, накопленный в деле защиты прав детей, приведет к качественным изменениям в подготовке различных профессионалов, чтобы свидетельства детей были, наконец, услышаны.

[151] Оплата адвоката производится из бюджета Генерального совета соответствующего региона, который одновременно является работодателем и для всех социальных работников, задействованных в этом процессе. Такой порядок финансирования парадоксальным образом может оказать дурную услугу ребенку, если соцработники будут несогласны с действиями адвоката. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

Далее она уверяет, что дети так рады встрече и возможности быть вместе для решения общих проблем, что они всех дестабилизируют своим экспансивным поведением. Психолог несколько отступает, так как не хочет терять союзников в лице терапевтов. Стремясь получить помощь от терапевтов, она продолжает говорить о сложности своей работы с этими детьми, но несколько смущается вследствие того, что столкнулась с конфликтом лояльности по отношению к своей начальнице – инспектору ОССПД.

ПСИХОЛОГ: Дети недавно были на приеме у нашего инспектора, и когда она увидела, что они так оживленно себя ведут, она сказала, чтобы они постарались выглядеть более несчастными, иначе обвиняемых могут оправдать!

МН (обращаясь к подросткам): ***Помните, как вы приходили к нам в Центр семь лет назад?*** МН подчеркивает приоритетное значение терапии.

НАТАША (игривым тоном): *Я вас очень хорошо запомнила.* Наташа мгновенно становится союзницей МН.

ВАНДА (самая младшая, с торжествующим видом): *А я тогда победила в конкурсе ругательств!* Ванда еще более определенно подтверждает терапевтический эффект проведенной тогда работы. (Поворачивается к доске, словно желая проверить, не остались ли еще на ней грязные ругательства). *Я тогда глазам своим не верила.* Тот конкурс ругательств, которые надо было записать на доске, был самой первой терапевтической процедурой, направленной на освобождение детей от законной ненависти к насиловавшим их женщинам.

Тут они наконец-то умолкают, приготовившись слушать.

МН (продолжает начатую тему): ***Семь лет назад, когда мы с ними познакомились, они были абсолютно парализованы чудовищным страхом. Это соревнование, кто сможет найти самые подходящие, самые грубые слова,***

позволило вам выйти из полного молчания, к которому вас принудили угрозами те две женщины.

Адвокат подтверждает сказанное и добавляет неизвестный ранее факт: оказывается, директор социальной службы, устроивший детей в то учреждение, где работала приемная мать-садистка, был ее любовником! Дети, от изумления, приходят в состояние буйного веселья, прочие же присутствующие сильно бледнеют... Если учесть, что тот директор, любовник их мучительницы, всегда присутствовал на допросах, становится понятнее, почему дети до конца не доверяли взрослым и не отвечали на вопросы полицейских! Этот комментарий, сделанный МН, позволяет расставить по своим местам каждого из взрослых участников драмы, включая того директора.

НАТАША (в полном восторге)*: Эх, знать бы тогда, что она трахалась с директором...*

МН просит адвоката продолжить, и тот, объясняя юридическую сторону дела, говорит, что от имени истцов будет требовать возмещения морального ущерба[152].

Подростки радостным смехом встречают это известие, открывающее перед ними невиданные перспективы.

«Еще не факт, что мы эти деньги получим», – скептически замечает Анвар, обращаясь к сестре. По опыту всем четверым известно, что лучше никому не доверять.

«Нет, пусть она заплатит! Хочу много-много бабок!» – решительно заявляет Наташа. Адвокат смеется. Наконец удалось добиться разрядки: возникла новая судебная перспектива, которую наметил именно юрист, хотя он прекрасно знает (поэтому и смеется), что исход дела от него не зависит. Дети же, на первом этапе молчавшие, хотя при этом веселившиеся, теперь сосредоточились и с воодушев-

[152] Оценка морального и иного ущерба целиком зависит от решения суда, выносимого по ходатайству истца.

лением участвуют в разработке плана возмещения причиненного им ущерба в судебном порядке.

Незадолго до этого была организована очная ставка в кабинете следователя, к которой адвокат и социальные службы тщательно готовились.

«*Все прошло очень хорошо*», – отвечают они хором на вопрос, заданный МН. Между тем обвинение той женщины в совершении преступления (изнасилования) было все-таки отклонено.

«***Почему?***» – снова спрашивает МН у адвоката. МН намеренно проявляет настойчивость в беседе с адвокатом, чтобы помочь подросткам выразить глубоко затаенную злость и, может быть, рассказать о других фактах издевательства.

«*Я делал ставку на полную искренность*», – отвечает адвокат.

Наташа с горячностью вмешивается: «*А всю еду, которую она нам не давала, когда наказывала ни за что, пусть выставят перед нами – мы теперь все это съедим*». Эта деталь, касающаяся лишения детей еды, никогда до этого не была представлена с такой точностью.

Наташа продолжает, уже полностью погрузившись в воспоминания о себе, маленькой девочке, которую подвергали жестоким мучениям:

«*А вы записали, мадам, как она засовывала мне пальцы в рот, чтобы меня вырвало?*» Дополнительное снятие вытеснения, основанное на уверенности в том, что тут ей поверят.

МН заверяет девочку, что присутствующий адвокат тщательно фиксирует любую новую информацию, которая станет известна сегодня, и после этого они принимаются наперебой рассказывать о грубом обращении с ними во время допросов в полиции, когда им все время повторяли, что они врут.

В дисквалификации их признаний чувствуется также привкус расизма.

«Мне помнится, она в душевой измеряла члены у мальчиков», – продолжает МН.

«Да, члены в состоянии эрекции», – спокойно поясняет Анвар.

«Судя по твоему спокойному тону, могу отметить, что ты сделал большие успехи: раньше ты совсем не мог об этом говорить – ты становился серым от волнения.»

Они смеются, представляя себе этот серый цвет. Никто здесь не упоминает о цвете их кожи, поскольку вполне возможно, что в основе жестокого поведения их насильницы лежали также и расистские мотивы: она чернокожая, как и они. После этой метакоммуникации по поводу цвета кожи, МН возвращается к конкурсу ругательств, чтобы вызвать какую-нибудь новую эмоцию.

«Скажи-ка, Ванда, ты могла бы сейчас припомнить, что ты испытывала, когда началось соревнование, кто лучше умеет ругаться?

– Это было просто супер! Я так удивилась! – отвечает Ванда.

–Анвар, а тебе попадались другие женщины-педофилы? – спрашивает МН. Амплификация проблемы; потенциально у этого юноши с внешностью и телосложением топ-модели могла уже развиться сложная сексуальность, которая весьма привлекательна для взрослых мужчин и женщин, неравнодушных к такому типу красоты.

– Нет, – скупо реагирует юноша, с непроницаемым выражением лица.

– А я, если ее встречу, убью на месте, – заявляет Наташа.

МН спрашивает по очереди каждого из детей, что бы они сделали, встретившись с какой-нибудь другой женщиной-педофилом. Проверка упругости психики, потенциальной резильентности.

– *А как узнать-то, педофил она или нет?* – интересуется хитроумный Анвар. Этот парадоксальный вопрос задан с присущим Анвару чувством юмора, чтобы немного потянуть время.

– После всего, что вы пережили, это будет не так уж трудно сделать. Так как же вы поступите? – настаивает терапевт.

– *Я ей пальцы отрежу,* – говорит Наташа, познавшая на себе сексуальные издевательства с применением именно пальцев. Как можно более четкое выявление фантазмов справедливой мести совершенно необходимо, дабы избежать укоренения таких садистских фантазмов по модели посттравматической фиксации.

– *А я не знаю,* – говорит Анвар.

Тут Даниэль, наиболее сдержанный из этой четверки, наконец, прерывает молчание:

– *Правда, не знаешь?*

– *Правда.*

– *А я знаю: всажу ей пулю в лоб.* Эхом к только что прозвучавшему признанию – аналогичное снятие вытеснения у этого пятнадцатилетнего паренька, который, вероятнее всего, испытывал ужас неминуемой смерти, когда над ним издевались.

Процесс состоялся. Женщин-насильниц приговорили к длительным срокам тюремного заключения. По отзывам психолога и воспитателя, дети вели себя в суде активно и, выступая в качестве потерпевших, держались с исключительным достоинством. Обе женщины-педофила подали апелляцию, обжалуя решение суда, что вызвало продолжительную депрессию у Наташи, Даниэля и Ванды. От соцработников потребовалось немало стараний и творческой энергии, чтобы помочь им вновь обрести уверенность в своих силах и доверие к жизни. Только Анвар не терял уверенности в конечном успехе судебной процедуры. Те-

рапия продолжалась до рассмотрения апелляции. Средства, полученные в качестве возмещения причиненного ущерба, были потрачены детьми на обеспечение своего будущего: получение водительских прав, обучение, срочный банковский вклад.

Достаточно быстро, эффективно и с решимостью идти до конца этой «великолепной четверке» с замечательной упругостью психики удалось заставить всех профессионалов, занимавшихся этим делом, проявить самые лучшие свои качества, поскольку им постоянно напоминали о данных обещаниях: «Вы мне обещали сделать то, вы обещали сделать это...»

Все четверо детей, забота о которых по административному решению была поручена попечительскому совету по делам сирот, смогли взять в свои руки заботу о своей судьбе. Например, судебный процесс по рассмотрению апелляции обвиняемых дважды откладывался, что потребовало от детей огромного терпения, но ни разу их сплоченность не дала трещину и никто не забрал назад исковое заявление. И это достойно уважения, ибо от первого заявления в прокуратуру до вынесения приговора прошло долгих десять лет...

СЫН СВОЕГО ДЕДА: ЖЕРТВА ИНЦЕСТА - РЕБЕНОК ИНЦЕСТА

В педиатрическом отделении клиники Пьер Сабурен консультирует Жака, мальчика 11 лет, и его тетю (сестру матери) Матильду, у которой он воспитывается. Отношения между ними на грани полного разрыва, настолько дерзко ведет себя этот мальчик, жертва инцеста со стороны собственного деда, – и так безотрадна история всего этого семейства. Заботливая тетушка взяла к себе Жака, своего «племянника-брата», два года назад, после смерти его матери от рака. Мать Жака тоже стала жертвой инцеста в очень юном возрасте и забеременела от того же насильника – своего отца, т.е. деда Жака. Несколько лет назад, не прекращая сексуальных отношений с дочерью, этот мужчина не постыдился изна-

силовать также и Жака – своего внука и одновременно сына. Но на этом семейная драма не заканчивается: сама Матильда чудом выжила после того, как муж чуть не застрелил ее (пуля попала в легкое), а затем покончил с собой. С тех пор она страдает от хронических дыхательных расстройств. Как часто бывает у детей инцеста, у ее племянника-брата врожденный альбинизм[153], а кроме того, что и неудивительно, серьезнейшие коммуникативные проблемы. О своем происхождении он знает, однако никакой специфической терапии по его родственным связям не проводилось.

Жак начинает говорить первым. Он объясняет, что психиатр из УВПМЦ[154], с которым он регулярно встречается, был очень недоволен, когда узнал об этой консультации в клинике. Матильда добавляет, что ее племянник не хочет больше продолжать ходить к этому психиатру. На вопрос ПС, в чем причина, Жак отвечает, что этот врач с ним не разговаривает и не отвечает на его вопросы.

ПС: У тебя такое впечатление, как будто ты разговариваешь со стеной?

ЖАК: Да.

ПС: Понимаю, понимаю... Когда человеку пришлось, как тебе, пережить такие страшные вещи, а психиатр не отвечает на вопросы, это ненормально, так нельзя... Но не волнуйся, я с ним созвонюсь и посмотрю, что можно сделать. А где живет твой дедушка?

Он живет недалеко. Никаких жалоб на него никогда не поступало. Разговор сразу же заходит о хирургической операции, недавно перенесенной этим дедом и дважды насильником: ему был наложен искусственный задний проход[155].

---

[153] Полное или частичное отсутствие пигментации, обусловленное генетическими причинами.

[154] См. гл. 1, прим. 13.

[155] Выведение наружу ободочной кишки (колостомия), после удаления прямой кишки, предполагает затем постоянное ношение пациентом особой емкости для сбора каловых масс.

ПС: Сколько времени он уже носит колостому?

ЖАК (отвечает сразу же): *С тех пор, как я живу с ним...*

По этой странной формулировке можно понять, что мальчик живет со своим дедом в том смысле, в каком живут друг с другом любовники.

ПС переспрашивает и просит уточнить.

ЖАК (уточняя)*: Ну, с тех пор, как я его знаю.* Мальчик прекрасно понял двусмысленность первой формулировки и предлагает – вполне уместно – другую, менее шокирующую.

Матильда меняет тему разговора и начинает рассказывать о трудной жизни своей сестры, которая умерла в сорок один год. Своего «сына-брата» она отвергала. К тому моменту, когда она ушла из дома «отца-любовника» и переселилась к Матильде, у нее уже был ребенок, но вроде бы от какого-то другого мужчины...

Пока не представляется возможным подробнее поговорить о вероятном инцестном происхождении этого ребенка, поскольку на первом плане – Жак и его проблемы. Того первого ребенка отдали бабушке по отцовской линии, причем «ее все боялись». Тетя Жака объясняет все это как бы для самой себя, но ей хочется, чтобы терапевт разделил ее взгляд на вещи, ее понимание сути проблем сестры, которая, как она выразилась, «пустилась во все тяжкие, стала сильно пить, подсела на наркотики, да еще и СПИД подцепила».

Матильда полагает, что сожительство сестры с ее отцом объясняется ее желанием отомстить матери и бабке за то, что они отняли у нее первого сына! Она не может остановиться, жалуясь на поведение сестры. Между собой они постоянно ссорились. Насколько можно понять из ее сетований, Матильда работала без устали, чтобы обеспечить всю семью, а ее сестра все это время «танцевала-веселилась». Тем не менее, еще до болезни сестры, Матильда стала замечать, что она вроде бы пыталась наладить нормальную жизнь, вот только не успела – умерла. Но умерла, по ее словам, «тихо-мирно».

МАТИЛЬДА (продолжает)*: Трудно мне с Жаком!*

ПС: Почему?

МАТИЛЬДА: Он постоянно врет, мне говорит одно, другим другое или наоборот... По-моему, он не хочет быть членом нашей семьи. Ужасная фраза, худший вариант «двойной связи». Видя, что разговор заходит в тупик, ПС пробует подойти с другой стороны.

ПС: А как складываются отношения у вас и у Жака с вашим новым другом?

МАТИЛЬДА: Очень хорошо.

ПС (обращаясь к Жаку)***: Как тебе кажется, ты справишься?***

ЖАК:...

ПС: Мы знаем, что тебе очень тяжело, поверь! Всегда можно найти какой-то выход из положения – приемную семью или интернат, например... Амплификация кризиса, с опорой на буквальный смысл заявления Матильды, которая, похоже, с трудом переносит своего племянника. Цель – добиться реакции, которая может быть полезной для этого мальчика.

ПС: А как успехи в школе?

МАТИЛЬДА (отвечает вместо племянника)*: В школе ему всегда было очень хорошо, вот только он там болтает много лишнего, всякую чушь городит!* Тетя по-прежнему не желает отдавать инициативу и нагнетает напряжение.

ПС: И какую же чушь он городит? ПС делает вид, что стал союзником Матильды, но лишь затем, чтобы впоследствии дестабилизировать ее.

МАТИЛЬДА: Ну, например, говорит, что мы его целый день нарочно продержали на солнце, чтобы он сгорел и получил солнечный удар...

Нам хорошо известно, что при врожденном альбинизме кожа становится особенно нежной. Однако агрессивная реакция

Матильды, ее повышенный тон говорят о том, что она эмоционально реагирует на амплификацию кризиса между ней и ребенком.

Мысль о том, что племянника могут забрать у нее и передать в приемную семью, невыносима для этой женщины, которая уже много сил отдала ему. Предложение терапевта она воспринимает как провокацию. Но и обвинения Жака причиняют ей боль, поскольку она думает, что он ей за что-то мстит.

> *МАТИЛЬДА* (продолжает, не останавливаясь): *Жак рассказывает своим приятелям и вообще всем подряд, что он родился от инцеста, что он сын своего дедушки, что у него мог быть СПИД, потому что мать была серопозитивная. Ну, и конечно, никто не хочет с ним общаться.*
>
> ***ПС*** (отвечая на это)***: Вот как бывает, ребенок говорит чистую правду, а его обвиняют в том, что он чушь городит!*** (Обращаясь к Жаку). ***А тебе надо научиться держать язык за зубами, а правду говорить не всем подряд, а врачам, воспитателям и соцработникам.***

Жак не имеет права публично разглашать тайну своего происхождения[156]: это запрещено законом, так как речь идет об абсолютном инцесте.

При повторном упоминании о перспективе быть устроенным в приемную семью мальчик краснеет, опускает голову, едва сдерживает слезы. Видно, что он сильно переживает.

По окончании консультации, Матильда отзывает терапевта в сторону и говорит ему почти шепотом: «Я сейчас ничего не сказала, просто я поняла, что вы хотите немножко надавить на него, но так и знайте: я его никуда отдавать не собираюсь! Он и так уже настрадался, бедненький мой...» Действуя парадоксальным образом, ПС усилил единственную живую связь любви, которая осталась у этого ребенка. Прочие элементы разногла-

[156] Статья 334-10 Гражданского кодекса Франции.

сий, ставшие известными во время консультации, были намеренно проигнорированы.

По всей видимости, тетя поняла смысл действий терапевта, который высказал вслух то, чего ребенок боялся больше всего: остаться вообще без семьи. Она проявила нежность и решимость оставить у себя этого ребенка – племянника и брата в одном лице. Примеры «болтовни» Жака, приведенные Матильдой, вовсе не бессмысленны: это проявление компульсивного желания говорить о своем инцестном происхождении, чтобы понять, кто он есть на самом деле.

Как и Жак, дети, рожденные в результате инцеста, нередко испытывают потребность громко заявлять о своем происхождении. Иногда они выражают свою боль в аналоговой форме, рисуя сердце, разорванное пополам. Иногда на сеансах это принимает форму игры в «коробочку с секретами», которую они оставляют в кабинете психотерапевта и к которой обязательно возвращаются в следующий раз, подкладывая туда все новые «секреты».

Год спустя психиатр связался с ПС и сообщил, что ситуация в этой семье нормализовалась и что в школе мальчик продолжает хорошо учиться...

8.Работа со спонтанными рисунками детей

«Ваш отец сошел с ума. Ничего такого не было и быть не могло. Человек его круга и религиозного образования никогда такого не сделает».

Niki de Saint Phalle[157]

В кабинетах для проведения консультаций установлены доски с перекидными листами и разноцветными фломастерами. На первых сеансах доска нужна для составления генограммы; на втором этапе в этот «уголок творчества» устремляются дети и на каждом сеансе увлеченно, самозабвенно принимаются рисовать. Некоторые дети спрашивают нас, что мы собираемся потом делать с их рисунками; бывает, что они хотят подарить свой рисунок кому-либо из присутствующих или, наоборот, хотят забрать его с собой. Если рисунок красноречиво свидетельствует о пережитом насилии, то мы честно говорим ребенку, что его рисунок будет приложен к заявлению на имя прокурора. Среди работников прокуратуры, занимающихся делами несовершеннолетних, попадаются опытные люди, которые благодарят нас за то, что мы передали им рисунки, графически, метафорически или буквально проясняющие обстоятельства дела.

Надо сказать, что дети так серьезно пострадавшие от насилия, из всех цветов чаще всего выбирают красный и чер-

[157] N. de Saint Phalle, Mon secret, Paris, Editions de la Différence, 1994.

ный – цвета их гнева и анархии, – а также флуоресцентный желтый, практически невидимый на белом фоне, как симпатические чернила, чтобы показать и одновременно спрятать свои тайны, свои страдания. Они пишут и рисуют на обороте листов, спрятавшись за доской, а то и на обратной стороне доски, там, где обычно ничего не пишут, – когда им невыносимо стыдно при воспоминаниях об анальном изнасиловании. Такое случается нередко.

Каждое графическое произведение сопровождается комментарием, точность и уместность которого нередко вызывает у нас восхищение. Часто от сеанса к сеансу мы имеем дело с серией рисунков, наподобие комиксов, которые становятся своеобразными вехами, обозначающими улучшение по ходу терапии[158].

МОЯ ТАЙНА

Недавно умершая Ники де Сен-Фаль, знаменитая художница и скульптор, представитель так называемого «нового реализма», уже давно привлекала наше внимание необычностью своих творческих работ. Ее своеобразное мироощущение, как нам казалось, имело что-то общее с взглядом на мир, характерным для детей, ставших жертвами инцеста. Наше ощущение сначала подкреплялось наблюдением за рисунками одной нашей маленькой пациентки, невероятно похожими на произведения художницы, а затем нашло свое подтверждение после прочтения альбома «Моя тайна», где уже пожилая Ники Сен-Фаль, воспроизводя свой детский почерк, наконец-то рассказывает:

> *Я принялась писать эту книгу для самой себя, чтобы попытаться наконец, освободиться от той драмы, что сыгра-*

[158] Ср. Рисунки нас.

ла в моей жизни решающую Роль. Я – Избежавшая Смерти, и мне было необходимо дать, наконец, слово маленькой девочке, сидевшей во мне. Мой текст – это крик отчаяния той маленькой девочки.

В этом тексте, украшенном буквицами в форме змей, она, в частности, пишет:

Отца потрясло известие о том, что меня положили в психиатрическую больницу. Его мучили угрызения совести, он хотел, чтобы я простила его: «Ты, конечно, помнишь, как я хотел сделать тебя своей любовницей, когда тебе было одиннадцать лет», – писал он. А я ничего не помнила, я все забыла, и это меня защищало от невыносимых воспоминаний... Я показала это письмо психиатру, который меня тогда лечил. Он чиркнул спичкой и сжег письмо, сказав при этом: «Ваш отец сошел с ума. Ничего такого не было и быть не могло. Человек его круга и религиозного образования никогда такого не сделает»[159].

Сейчас можно позволить себе особо подчеркнуть творческую силу этой современной художницы, которая в самом графическом оформлении текста – заглавные прописные буквы в виде змей фаллической формы, впрямую отсылающие к изнасилованию, смерти, отверстиям, – использует абреакцию своей ранней травмы через контаминацию символов.

Психиатр когда-то давно заявил этой девочке, жертве инцеста, сжигая письмо с признаниями ее отца-инцестора: «Ваш отец сошел с ума!». Однако то, что он пытался скрыть – возможно, и от своего собственного взгляда, – вышло на поверхность в рисунках и картинах его бывшей пациентки и предстало взору потомков.

---

[159] N. de Saint Phalle, Mon secret,op. cit.

КАЛЯКИ-МАЛЯКИ И «МАТ. ПОМ.[160]»

Во время сеансов, о которых сейчас пойдет речь, пятилетняя девочка Ализе немедленно реагировала быстрыми психическими движениями, едва только взрослые затрагивали опасные темы из ее прошлого, в котором таились тяжелые травмы.

Г-жа Б., алжирского происхождения, как и Ализе, совсем недавно взяла эту девочку к себе на воспитание. Ей нелегко заниматься этим чрезвычайно активным ребенком, у которого немало серьезных проблем, но она справляется со своими обязанностями очень спокойно и доброжелательно. Г-жа Б. – приемная мать с большим опытом, которой социальные службы доверяют безоговорочно.

Вот уже минут пятнадцать Ализе играет с матрешками, не произнося ни слова, но и не теряя визуального контакта с нами. Она молчит, чтобы не упустить ничего важного из разговора взрослых.

Г-жа Б. для начала удивила нас сообщением о слухах, которые ходят по поводу «скандальной» репутации нашего Центра: «Говорят, тут у вас детей подучивают заниматься мастурбацией в туалете!»

Для нас это большая новость, нужно будет поразмышлять...

На лице этой очень достойной женщины читается серьезная обеспокоенность: от этих «психов» она ждет всего, что угодно, и заранее настроена крайне недоверчиво.

Поэтому приходится сразу же объяснить ей, зачем терапевты во время сеанса говорят прямо, без обиняков, используя такие слова, которые оказываются самыми подходящими для детей, испытавших много горя: очень часто компульсивное мастурбирование, в одиночку или в присутствии взрослого, яв-

[160] Мат. пом. - Так фамильярно специалисты в области детства называют между собой материнскую помощницу, которая с недавних пор официально называется «родительской помощницей» (еще одна форма сопровождения во французской системе).

ляется одной из главных проблем повседневной жизни с таким ребенком.

«Мат. пом». ведут нескончаемую борьбу со скатологически и сексуально окрашенным языком таких детей, из-за которого ежедневные гигиенические процедуры превращаются в непристойные сцены, и это выводит женщин из равновесия. Между тем, сами того не замечая, эти приемные матери позволяют детям весьма чувственно тереться о разные части их собственного тела и воспроизводить таким образом все те сексуальные извращения, которые совершались с ними в их родной семье. Воспитание таких женщин мешает им уловить смысл того, что происходит при переносе на них. Наверное, действительно кто-то «из этих, из Бют-Шомон» однажды произнес, что мастурбация – это занятие сугубо личное, которому предаются в одиночку, без какого бы то ни было участия других, будь то взглядом, или жестом: но ведь именно с таким требованием постоянно обращаются изнасилованные дети к остолбеневшим от ужаса взрослым – приемным матерям и отцам – или к другим детям, которые живут с ними в приемных семьях. Совершенно не понимать смысла такого сексуально окрашенного поведения детей – это огромное упущение.

Ровно на этом месте Ализе попросилась в туалет. Нас это успокоило: девочка внимательно слушала разговор и сделала соответствующие выводы.

Ализе реагирует

Она не возвращается уже довольно долго. Г-жа Б. сама решает пойти посмотреть, что происходит. Мы воздерживаемся от комментариев.

Вернувшись в комнату, девочка подходит ближе к взрослым и без всяких побуждений с нашей стороны принимается рисовать.

Первый лист исписывается быстро, но это простые, плохо структурированные, отрывистые черты и линии. При этом она

то ли хрюкает, то ли бормочет что-то невнятное, потом сосредоточенно рисует «каляки-бурмаляки», по-видимому, изображающие ее насильника, о котором могла ей косвенно напомнить наша беседа, поскольку речь шла о мастурбации.

Этот акт мести преступнику, изображенному очень условно – от стыда или от сильного озлобления, – может совершаться только в укромном месте, поэтому Ализе проворно проскальзывает за доску. Боязливо поглядывая на нас искоса, она доставляет себе извращенное удовольствие, яростно царапая фломастером обратную сторону доски, ту, где нет бумаги. Совершив этот отважный акт медиатизированного нападения и, вернувшись поближе к нам, она без всяких колебаний и очень схематично рисует человечка с примечательной особенностью: у него огромные красные губы. Вот так сюрприз! А тут еще следует пояснение изумленной воспитательницы: душевнобольная мать Ализе, кроме всего прочего, яростно малевала губы дочери ярко-красной помадой!

Тюбик губной помады

Незадолго до этого от матери пришла открытка, но соцработники решили не передавать ее девочке, так как это была эротическая фотография вызывающе накрашенных губ, да еще и с тюбиком губной помады на переднем плане... Значит, перверзная суггестия осуществляется этой матерью и при помощи переписки. Без спонтанной реакции воспитательницы мы бы ничего так и не узнали и не поняли.

Нарисованный на наших глазах двусмысленный – из-за своей двойной половой принадлежности – человечек дополняется рисунком кровати, на которой лежит некто: нарисован нечетко, но только красным цветом. Тут же следует вторая атака, на сей раз против женщины-терапевта, которая в этот момент стоит совсем рядом с девочкой, помогая ей выразить в словах смысл всех этих штрихов и значков, которые рисуются с нео-

быкновенной быстротой. Кровать и человечек названы, и один из присутствующих терапевтов комментирует красную помаду и непонятную половую принадлежность человечка... Ализе не выдерживает и показывает язык женщине-терапевту – от досады, но и, как бы играя: она ведь отлично знает, что никакой санкции не последует, можно продолжать неприличную игру с этой взрослой тетей, которой она полностью доверяет.

Г-жа Б. держится немного в стороне, но она наготове, настороже. Тревожное напряжение нарастает, состояние ребенка близко к гипоманиакальному, девочка крайне возбуждена, стремительна, суетлива, она по очереди залезает под кресла всех участников, неподвижно лежит там некоторое время, ожидая нашей реакции, потом выползает оттуда с довольным кудахтаньем – признак регрессивного удовлетворения. Все повторяется снова и снова, она уже не в силах остановиться, как при компульсивном мастурбировании, аналогом чего и является такое поведение.

Вот она принимается пищать, как новорожденный ребенок. Воспитательнице становится совсем неудобно за девочку, но мы жестом приказываем ей не вмешиваться, и это ее успокаивает: оказывается, для ее маленькой воспитанницы есть какой-то скрытый смысл во всем этом... В том, чтобы подлезть под сиденье, т.е. под ягодицы каждого сидящего, как бы воссоздавая этой поведенческой пантомимой некие групповые сцены сексуального характера. Труднее всего сохранять спокойствие, когда Ализе, оказавшись точно под сиденьем и по-прежнему попискивая, поднимает лицо кверху, словно сиденья над ней нет... Видно, что Ализе не собирается прекращать игру, тирански насаждая свой закон в этот момент сильнейшего отчаяния, заново переживаемого на сеансе.

Разумеется, в течение всего этого эмоционально нагруженного отрезка времени мы комментируем происходящее и, не вдаваясь в долгие объяснения, говорим, что именно требуется

выразить ребенку через эту импровизированную психодраму. Ализе между тем подтаскивает стул вплотную к единственной двери комнаты, с намерением помешать войти обратно женщине-терапевту, только что вышедшей, чтобы встретить другую семью. Впрочем, когда та возвращается, Ализе спокойно впускает ее: значит, смысл игры заключается в том, чтобы никого не выпускать. Это уже вторая поведенческая пантомима, на сей раз воссоздающая, по-видимому, сидение взаперти. Речь тут не идет о какой-то игре воображения: запирание детей в комнате является одним из психопатических, перверзных ритуалов в семьях, теряющих голову.

Г-жа Б., ободренная нашим отношением, совсем не похожим на то, что она слышала от недоброжелателей, и что ее настораживало, спонтанно припоминает: по дороге к нам, Ализе задремала в машине, а потом, проснувшись, на какое-то время потеряла голос, и сумела сказать только: «В голове всякое разное» и еще «Голова болит». До этого девочка уже была у нас, но без г-жи Б., и в тот первый раз она вела себя еще более разнузданно в экспрессивной абреакции, чем на описываемом сеансе.

Вопли прекратились...

Г-жа Б., для которой это первый опыт сетевой терапии, рассказывает о сильнейших приступах озлобления у Ализе в первые недели жизни у них в доме, о ее страшных воплях неизвестно отчего, о судорогах по всему телу; она ни за что не позволяла дать себя обнять, утешить, топала ногами, строила рожи; было видно, что она в полнейшем отчаянии, потом внезапно впадала в состояние полной прострации. Эта добрая, отзывчивая женщина призналась, что была поражена, когда увидела, что после первого сеанса эта впечатляющая клиническая картина больше не повторялась. Констатация такой реакции переноса с первого же раза придает уверенности не только г-же Б., но

и нам. Мы стараемся как можно убедительнее разъяснить ей наше видение проблемы, наставляем ее, как нужно разговаривать с ребенком, чья психика находится в таком откровенно бедственном состоянии, ведь г-жа Б. будет находиться в ежедневном контакте с девочкой и сможет наблюдать эволюцию ее самочувствия. Мы можем положиться на ее эмоциональную мудрость и наблюдательность, чтобы не пропустить ничего важного. Подробно поговорив о поведении Ализе, г-жа Б. может теперь сама разбираться с трудностями, которые ее смущали, и сознательно исполнять свои функции в процессе терапии.

Мы видим, как у этой высококвалифицированной приемной матери спонтанно появляется сознание полноценного соучастия в терапии после непосредственного контакта с нашей работой. А для Ализе сеанс закончен: «Тетя, давай уже, пойдем домой». Приятно уходить, сказав на прощание «до скорой встречи».

На следующем сеансе, ровно через месяц, мы узнаем, что управляться с Ализе стало еще труднее: в течение первых двух недель она упрямо и систематически сопротивлялась буквально всему, и конца этому не было видно. В школе, по словам учительницы, поведение было тоже совершенно не контролируемым, а однажды дома, в присутствии пяти-шести человек – взрослых и детей – вновь повторилась сцена эксгибиционизма и публичной мастурбации.

Только четкие и решительные действия приемной матери позволили разрядить обстановку. Увидев, что происходит, г-жа Б. взяла Ализе за руку, отвела в ее комнату и сказала ей, чтобы она прекратила это делать на публике. Все правильно, а значит, эффективно. Кратко характеризуя этот нелегкий период, г-жа Б. не могла удержаться от образного сравнения, хотя и сомневалась, что нам интересно ее мнение: «Как будто воду в луже палкой помешали...»

Была вода мутной – стала чистой

Третий сеанс. Ализе рада, что пришла к нам снова, но ведет себя по-прежнему беспокойно, сразу же направляется к доске. Постепенно на листе появляется дом, но круглой формы – очень правдоподобная картина нынешнего состояния ее психики: в доме поселяются сначала разрезанные пополам животные (змея, улитка), затем и люди – человечек, стоящий у окна; вновь это существо бесполое, но без особых примет, вроде огромных красных губ, как на предыдущем сеансе. Затем она рисует дверь, дверную ручку и в довершение всего дверной глазок, чтобы видеть, кто пришел... Количество окон в доме увеличивается, и сами они становятся все больше, чтобы в дом попадало больше солнечного света. Внизу появляется подпись автора картины, но сделанная справа налево, как бы по-арабски, т.е. на языке ее родителей.

Мы не задерживаем внимание на тревожных состояниях, из которых Ализе быстро научилась выходить самостоятельно, буквально отрубив от себя опасных животных. Страх кастрации оказывается менее грозным, нежели страх быть брошенной, ужас перед сексуальными злоупотреблениями или конкретизированными угрозами убийством. В первую очередь мы подчеркиваем знаковое появление окон – символа постепенно открывающегося будущего. И этот комментарий, нацеленный на усиление нарциссизма, тут же срабатывает.

Подчиняясь внутренней ассоциации, девочка немедленно перекодирует то, что было нарисовано и сказано, в движение, в действие: смотрит на опущенные жалюзи, просит помочь ей поднять их, и когда комната заливается светом, Ализе приходит в восторг. Эмоциональная разрядка подтверждается тем, что девочка громко портит воздух и просит «воспиталку» отвести ее в туалет.

По возвращении ей удается на какое-то время обуздать себя и одной играть с матрешками и машинками, но за этим

следует новая вспышка регрессии: Ализе по очереди залезает под кресла соцработницы и своей «тети», г-жи Б. Словно прощаясь со старыми симптомами, которые стали теперь анахронизмом.

На наши замечания по поводу происходящего – мы выражаем согласие с ее «тетей», – и на наши уверенные заявления, что уж теперь-то сеанс пойдет спокойно, девочка отвечает тем, что как ни в чем не бывало устраивается на коленях у г-жи Б., продлевая таким способом благотворное воздействие переноса, при котором появляется ощущение безопасности (границы, оберегающая любовь) и открывается «запасной выход», восполнение недостатка материнской нежности. Судя по последним известиям о состоянии ее матери, там речь идет о скрытой психиатрической декомпенсации. По поводу дверного глазка мы замечаем, что это похоже на дверь тюремной камеры, когда надзиратель смотрит, что делается внутри. Ализе на это отвечает, что видела фильм по телевизору и что там были люди, которые сидят в тюрьме. К сожалению, заявление в прокуратуру на этот раз ни к чему не привело: отца Ализе отпустили за недостаточностью улик. Против матери, ввиду ее сильного психического расстройства, уголовное дело не возбуждалось.

Сетевая терапия лишилась подкрепления, по причине полного бессилия юридической системы, однако даже эти первые сеансы, благодаря исключительным качествам г-жи Б. и спонтанному участию Ализе – ее поведенческим пантомимам, рисункам и пояснениям, – дали надежду на лучшее будущее. Как говорила сама Ализе: «Я свою тетю люблю...»

МОРКОВКИ, РЕБЕНОЧЕК-ТОШНОТИК, СОСИСКА И ЗМЕИ

Сабине семь лет. Она второй ребенок из трех детей, которых насиловал их дед. Ранее он насиловал их мать, за что уже был осужден судом присяжных.

После первых сеансов, проходивших в Центре Бют-Шомон, было возбуждено новое уголовное дело. Представители социальных служб, которым были доверены эти дети по решению суда, подали заявление в прокуратуру, но, несмотря на то, что изнасилования совершались в форме фелляций, дело было переквалифицировано и, как это нередко бывает, передано в исправительный суд. Деда приговорили к шести месяцам тюремного заключения. На наш взгляд, таким переквалифицированием дела служители закона, в сущности, дезавуировали[161] показания детей.

В случае с Сабиной сексуальные издевательства совершались в ванной комнате; насильник запирал дверь на защелку, но дети, стоя за дверью, прекрасно слышали, что происходило внутри. Этот дед, типичный истязатель, добивался своего, сажая ребенка в ванну и заставляя его открыть рот. При этом он угрожал, что убьет ребенка, если тот не подчинится, и ребенок панически боялся, что его действительно убьют на месте. Каждый из троих детей поочередно подвергался этой пытке, поэтому, стоя за дверью, они отчетливо представляли себе, что за ней творилось. Это многократно усиливало гипнотическое психологическое воздействие семейного диктатора на каждого из детей.

С тех пор брат Сабины страдает водобоязнью, сестра цепенеет от ужаса, едва кто-нибудь просто заговорит громче. Сама же Сабина, о которой пойдет речь, периодически впадает в сильную депрессию, у нее задержка речевого развития и компульсивное сексуальное поведение. Кроме того, она самопроизвольно подвергает свою жизнь опасности, периодически проделывая непредсказуемые акробатические трюки на подоконниках.

---

[161] Фелляция приравнивается к изнасилованию в том случае, если жертву принуждают совершать ее; если жертва выступает в качестве пассивной стороны, то фелляция квалифицируется как правонарушение. Мы вернемся к проблемам, связанным с передачей в исправительный суд дел о сексуальных преступлениях против несовершеннолетних в главе «Судебный процесс – что дальше?»

Разновеликие морковки

На одном из сеансов терапии, пока ее брат возится с чем-то в углу комнаты, а старшая сестра что-то шепчет на ухо женщине-терапевту, Сабина, не переставая вертеться и извиваться (очевидный признак сильного возбуждения), рисует на доске целую серию морковок разной величины... Терапевт-мужчина смотрит на нее с одобрением и просит пояснить, что это значит. Улыбаясь и посасывая фломастер, девочка начинает объяснять. «Это мой младший братик», – говорит она в ответ на немой вопрос терапевта, показывающего пальцем на самую короткую морковку. «А это папа», – так сказано о морковке, которая будто бы приготовилась взлететь. А та, что еще крупнее? «Это дедка-тошнотик». Наконец, не дожидаясь жеста терапевта, с улыбкой до ушей и с триумфальным видом она тыкает в морковку гигантских размеров: «А это – я!»

И сразу же, как бы покончив с этим, несется к игрушечной пожарной машине, садится на нее верхом и зажимает между ног поднятую вверх длинную пожарную лестницу: еще один пантомимический вариант выражения ее генитального возбуждения.

На предыдущих сеансах всем троим детям – подавленным, заторможенным – разрешили свободно говорить об их насильнике, называя его самым подходящим словом, выражающим их отвращение. Дети немного пошептались; соцработники спокойно ждали результатов совещания. Мы использовали это время, чтобы объяснить им, насколько важной для детей является эта возможность беспрепятственно выразить их законную ненависть к деду-насильнику. И это была настоящая находка: «дедка-тошнотик». С того момента дети только так и называли его – и мы тоже.

Этот набор разновеликих морковок неизменно заставляет вспомнить галлюцинации маленькой пациентки Юнга, по поводу которой он обратился за советом к Фрейду. Юнг написал тогда Фрейду о своих затруднениях в интерпретации

поведения одной маленькой девочки, которую привели к нему по поводу «постоянного мастурбирования и вранья» после «развратных действий, якобы совершенных ее отцом-кормильцем». «Даже под гипнозом невозможно добиться от нее рассказа об изнасиловании», – уточняет Юнг в своем письме (напомним, что на заре психоанализа гипноз был обычной практикой) и добавляет, что «при переносе все происходит немедленно: галлюцинация о маленькой сосиске, которая увеличивается и увеличивается в размерах». «Где же?» – спрашивает Юнг. «На докторе[162]», – отвечает девочка. Ответ Фрейда, должно быть, обескуражил Юнга:

> *Вы сами уже могли удостовериться, что это покушение – фантазия, ставшая осознаваемой [...] Задача терапии заключается в том, чтобы отыскать источники, из которых ребенок почерпнул знания в области половых отношений [...] Необходимо провести исследование семьи; если удастся это сделать, то анализ даст интереснейшие результаты[163].*

Этот фрагмент переписки – яркий образец парадоксальной коммуникации, но вместе с тем и хороший стимул к работе с семьями, а в нынешних условиях, когда дело касается детей, устроенных в приемные семьи, еще и дополнительный импульс к работе со всей сетью социального обеспечения детей и несовершеннолетних.

Вернемся к изучению выразительных рисунков этой девочки на нашем сеансе сетевой терапии.

Нарисованный пенис младшего брата не имеет никаких садистских, фаллических или эректильных коннотаций, так как ее шестилетний братишка просто является здоровым но-

[162] Переписка З. Фрейда с К. Г. Юнгом, письмо от 13 мая 1907 г.
[163] там же, письмо от 23 мая 1907 г.

сителем этого полового признака, без каких-либо эротических ассоциаций. Так Сабина, в своей детской непосредственности, представляет себе разницу полов и поэтому серия морковок открывается именно им. Однако, выражая в рисунках свои навязчивые идеи, она приходит во все большее возбуждение. Следующее изображение – «взлетающая морковка» – уже явно связано с эрекцией, и девочка немедленно соотносит его со своим отцом. Эскалация фантазма продолжается, и вот уже Сабина создает символический образ отвращения в виде фаллоса деда-насильника, которого все братья и сестры окрестили к тому моменту «тошнотиком». Наконец, ее собственное тело предстает в образе «гигантской морковки», что можно истолковать как идеализированное изображение своего «Я», более значительного по размерам, чем все остальные. Таким образом, все, что пережито ею как бессмыслица, абсурд, компенсируется фантазией мегаломанического[164] характера. Мужчины этой семьи полностью извратили представления Сабины о фаллической функции, которая для нее оказалась бессознательно связанной с ее нарциссизмом и формирующейся личностью.

В приемной семье у Сабины наблюдаются эмоциональная нестабильность, гипоманиакальная расторможенность, частая бессонница. Все это негативно отражается на повседневной жизни. К этому надо добавить сексуально-провокативное поведение по отношению к любым взрослым, что крайне разрушительно сказывается на ее контактах с окружающими. Кстати, это является одной из характерных особенностей таких патологий, связанных с расстройствами личности жертвы, когда какая-то часть личности ребенка – в данном случае, интериоризированный дед – разыгрывает в активной форме то, что жертва действительно пережила пассивно.

---

[164] Мегаломаническая фантазия о «гигантской морковке» является компенсацией ее комплекса кастрации, следуя одному из фрейдовских определений фантазии (фантазма): «то, что остается после угрозы кастрацией».

Полиморфно-извращенный ребенок

Согласно определению Фрейда, Сабина – самый настоящий полиморфно-извращенный ребенок. В этом качестве она обращает свои пассивные влечения в активные, а последние обращает против самой себя, подвергая себя опасности и рискуя убить себя. Подобно многим, поначалу беспомощным маленьким жертвам, Сабина не ограничивается одним только поведенческим миметизмом, простым подражанием сексуальной перверзии взрослых мужчин ее семьи – она идет дальше, ищет новые формы, использует всю гамму средств: постоянно врет, скрывает свои истинные мысли и чувства, часами может кричать и рыдать, а к тому же беспрестанно мастурбирует. На сеансе мы наблюдаем резкие скачки поведения: сначала Сабина буквально требует, чтобы приемная мать ее приласкала, и тут же совершенно неожиданно бьет ее по лицу.

«Теперь я буду жульничать»

Несмотря на то, что дед-насильник Сабины находится за решеткой, эта девочка, пока не подверженная психозу, совершенно не защищена юридически от манипуляций и жестокости со стороны ее отца. Пока Сабина продолжает рисовать, воспитательницы рассказывают нам, как однажды, во время свидания в присутствии посредников[165], ее отец стал играть с нею в карты. Поначалу он играл нормально, а потом вдруг громогласно заявил, ни к кому не обращаясь: «А теперь я буду жульничать!» Между взрослыми – например, завсегдатаями бистро – это прозвучало бы как шутка или некий сигнал, понятный только посвященным. Но в данной ситуации, с точки зрения Сабины, это - прежде всего напоминание о всемогуществе и своеволии отца, который ведет себя сообразно только собственной прихоти и

[165] В интересах ребенка осуществление права родителя на свидание с ним производится в присутствии работников служб защиты детей в предположительно нейтральной обстановке.

в любой момент устанавливает любые правила. Соцработники констатировали, что после такого резкого изменения правил Сабина немедленно прекратила игру и расплакалась от обиды.

Однако отец Сабины этим не ограничился. Он принес с собой карамель на палочке и, как ни в чем не бывало, протянул одну из них воспитательнице, но та, заподозрив неладное, отказалась от такого двусмысленного подарка. Тогда отец Сабины сказал: «Чего вы боитесь? Я же не извращенец какой-нибудь...» Шокированная воспитательница до сих пор не может забыть взгляд, которым мужчина сопроводил свою реплику.

В контексте сетевой терапии, с учетом рисунков Сабины и ее пантомимы с посасыванием фломастера, можно выдвинуть гипотезу, что карамель на палочке вероятнее всего активировала у Сабины травматическое воспоминание об инцесте в форме орального секса, и это не фантазия первичной сцены, а реально пережитое педофилическое сексуальное вторжение в ее тело. При свидании в присутствии посредников отец атаковал границы, предохраняющие ребенка, и таким образом вновь заявил о себе как о личности провокативной, вторгающейся в чужую психику. Он переворачивает ситуацию в свою пользу, устраивая театрализованное отрицание своей перверзии – «Я же не извращенец какой-нибудь...», – и даже обвиняет молодую женщину в том, что она испугалась, немедленно вызывая в ней чувство вины. Он как бы намекает на то, что у нее нездоровая фантазия, тем самым подчеркивая невинность своих намерений, и одновременно демонстрирует дочери свою власть над воспитательницей, которую ему удается испугать.

Прослушав весь этот рассказ на сеансе, Сабина перестает играть с пожарной машиной, снова берет фломастеры и под серией морковок рисует маленького ребенка. Кто же он? Это «ребеночек-тошнотик», отвечает она.

Этим ребенком – ее собственным ребенком, – которого она рисует очень тщательно, она безбоязненно расширяет про-

странство своего фантазма. Двухлетний возраст, который она приписывает этому фантазматическому инцестному ребеночку, совпадает с двумя годами, прошедшими с предполагаемой даты первого изнасилования. Благодаря этому уточнению, которое Сабина делает в нашем присутствии, можно представить себе воображаемую степень испытываемого ею страха оплодотворения через рот.

Форма отношений этой девочки со всеми мужчинами ее семьи – дядей, братом, дедом, отчимом, – жестко определяется особенностями течения исходного эдипова комплекса. В данном случае мы имеем дело с предельным насыщением эдиповых желаний через акт инцеста и с метаморфозой этих желаний из-за перверзий ее деда-насильника. В качестве реакции и появляется этот ребенок, причем данное ему имя – «ребеночек-тошнотик», – имеет прямую коннотацию со всей мерзостью, которая исходит от деда, а также выражает невозможность думать об этом и сильнейший испуг от реального надругательства над ней и ее телом.

«Это может уже прекратиться!»

На следующем сеансе, нарисовав человечка в штанах с характерно выступающим бугром спереди, который отчетливо напоминал увеличившийся в размерах мужской член, Сабина принялась ритмичными движениями вставлять в рот и вынимать большой фломастер, искоса поглядывая на мужчину-терапевта, склонив голову набок и с обольстительной улыбкой на лице. Она все продолжала свое занятие, в какой-то момент спрятавшись за доской, пока, наконец, женщина-терапевт не сказала твердым голосом: «Это может уже прекратиться, дед-тошнотик не будет все время сидеть у Сабины внутри... Он теперь уйдет обратно к себе в тюрьму».

Без колебаний обозначив интериоризированного агрессора прозвищем, которое придумала сама девочка, и, в доступ-

ной для нее форме добавив, что он может уходить обратно в тюрьму – где он и находится после вынесения приговора, – терапевт способствует активизации процесса диссоциации-реассоциации. Перед нами случай метакоммуникации по поводу фрагментации личности Сабины – ее идентификации с агрессором. Решительное поведение женщины-терапевта позволяет временно прервать симптом переноса на терапевта-мужчину путем отыгрывания (acting out)[166], совершаемого ребенком через эротическое поглядывание и движение взад-вперед фломастера во рту. Агрессор, действовавший у нее внутри, теперь назван, и влечения Сабины могут отныне сублимироваться, поскольку сняты два защитных механизма: вытеснение (она говорила о морковках, а не о членах в состоянии эрекции) и фантазм (оплодотворение через рот). Третий постинцестный фантазм – беременность вследствие поцелуя («ребеночек-тошнотик»). В ходе сеанса Сабина изгоняет из себя, абреагирует эти трагические события. Она вызывающе ведет себя по отношению к терапевту-мужчине, строит ему глазки, соблазняет пантомимой фелляции, но при этом бессознательно ожидает, что кто-нибудь вмешается и полностью изменит такое проникнутое инцестом восприятие мира, где дети существуют лишь для того, чтобы доставлять садистское наслаждение взрослым.

Сабина воспитывалась матерью, которая сама была жертвой инцеста и не могла защитить дочь от сексуальных извращений ее деда и отца. Девочка находилась в ожидании появления такой материнской фигуры, которая будет осуществлять настоящую заботу и сможет избавить ее от неконтролируемого возбуждения. Чужое эротическое психологическое воздействие заставляло ее устраивать пантомиму фелляции как игру, основанную на переносе, где она частично идентифицировала себя с агрессором в откровенно перверзной жестикуляции. Необхо-

[166] Психоаналитический термин, обозначающий переход к активному действию во время сеанса.

димо было вмешаться в эту реальность посредством запрещающего выражения, одновременно смягченного и оптимистического – «Это может уже прекратиться!», – которое давало ей возможность принять это распоряжение на свой счет.

После этого мог быть приведен в действие ее собственный механизм символизации. Спустя два года Сабина стала нормально учиться в школе и продолжает индивидуальную терапию.

Ниже мы приводим другой рисунок маленькой девочки, тоже ставшей жертвой инцестного насилия. Во время сеанса она спонтанно стала рисовать змей все большего размера. Это проявление тех же личностных проблем, что и у Сабины.

РОБОТ ЖЮЛЬ

Жюль, мальчик 10 лет, по решению суда устроен в приемную семью. Его родители в разводе. Приход на консультацию вызван тем, что с недавних пор поведение этого ребенка стало отчетливо сексуально окрашенным, и это создает проблемы в повседневной жизни семьи. Школа его отвергает, он не успевает по всем предметам. Однако невозможно не пожалеть этого отвергнутого всеми ребенка: голова втянута в плечи, взгляд побитой собаки, полное молчание. Никаких признаков психоза нет. На сеансах сетевой терапии он ведет себя очень сдержанно, но сама терапия

не могла бы проводиться без присутствия воспитателя – профессионально грамотного, тонкого и по-матерински заботливого.

Иван Борсомени-Надь[167], американский специалист венгерского происхождения (как и Ференци) всегда уделял особое внимание этической стороне психотерапии. Одна из его моделей позволяет нам выделить в семейных патологиях четыре главных аспекта: факты жизни, психическая жизнь пациента, семейные транзакции и закон запрета инцеста. Эти четыре плана нужно разрабатывать всегда. В конце главы мы представим эти планы в виде наглядной схемы, которую мы назвали системно-аналитической.

Факты жизни

Жюль неоднократно подвергался сексуальному насилию со стороны его деда по отцовской линии, которого зовут Амеде и которого приговорили к трем годам тюремного заключения и к пятнадцати месяцам условно.

Недавно дед Жюля вышел на свободу. Значение этого события не было соответствующим образом оценено воспитателями: они не понимают, что даже если насильника сажают в тюрьму, это не избавляет его жертву от постоянного бессознательного страха. Поэтому они не в состоянии увидеть связь между освобождением деда и сексуально окрашенным поведением Жюля, которое появилось как раз в силу действия механизма идентификации с агрессором.

Надо учесть полнейшую заброшенность Жюля. Его мать Соланж заявила ювенальному судье: «Поздно. Я свою жизнь построила заново». У Жан-Клода, нового мужа Соланж, уже есть двое детей. Они никогда не навещают Жюля в приемной семье.

---

[167] Y. Borszomeny-Nagy, G.M.Spark, Invisible Loyalties. Reciprocity in Intergenerational Family Therapy, New York, Brunner/Mazel, 1984. Иван Борсомени-Надь является основателем контекстуальной семейной терапии.

Жюль ведет себя нагло и грубо с приемным отцом Жаном и его подругой Мюриэль, а для своего сводного брата Франсуа он просто опасен. Воспитатели считают, что он может убить Франсуа: например, он садится ему на голову, и ребенок задыхается, а Жюль ведет себя совершенно безучастно. Отсутствие какого-либо выражения на лице Жюля действительно впечатляет, притом, что поведение его очень провокативно. В школе он называет учительницу «козочка моя», запускает руку под юбку уборщицы со словами: «Фу, воняет». В школьном дворе ведет себя как рекетир по отношению к другим детям, в бассейне набрасывается на какого-нибудь одноклассника и пытается его утопить, изо всех сил держа его голову под водой. Сам себя он тоже постоянно подвергает опасности и не слушает никаких предостережений: переходит улицу в любом месте, не оглядываясь по сторонам, гуляет по краю обрыва и т.п.

Его душевная жизнь

Жюль испытывает сильный страх, потому что его дед вышел из тюрьмы. Он провоцирует всех вокруг, чтобы попытаться поставить под контроль и изгнать из себя исходную пассивность, которую он переживал во время сексуальных нападений своего деда. Когда он пытается задушить своего братишку, приемный отец его отталкивает и наказывает, причем на вопрос, почему он так поступает, Жюль отвечает: «Не знаю». Точно так же ведет себя и его дед, который заявляет, что не знает, почему его посадили в тюрьму. Жюль страдает фрагментацией личности. Он не в состоянии объяснить мотивы своих агрессивных или сексуальных действий: запускание рук под юбки женщин, попытки утопить одноклассников в бассейне. В одну секунду он превращается в смертельно опасного робота. Его неожиданные нападения на других людей являются видимыми проявлениями так называемого «пере-

ключения» (switch)[168]: это выход на поверхность какого-то другого фрагмента личности, мгновенное переворачивание личностных установок в тот момент, когда видимое спокойствие жизни, разделяемое с другими удовольствие становится невыносимым. Такое бессознательное воспоминание о гармонии, разрушенной ранней травмой, является негативным стимулом, который толкает Жюля к диссоциации. Это обращение влечения в свою противоположность: из пассивного оно становится активным. Периодически повторяющиеся резкие изменения поведения привели к тому, что мальчика отвергают во всех группах, в которые он мог бы войти. Падение его успеваемости просто головокружительное. Если бы Жюля не поддерживала сетевая терапия, в которой активно участвует его замечательный воспитатель, то он, скорее всего, убил бы сам себя – или убил бы кого-то другого? – настолько сильна в нем тяга подвергать себя опасности. И, учитывая глубочайшее отчаяние, в котором пребывает мальчик, это похоже на стремление принести себя в жертву.

Инцестные транзакции в семье

Недавно его дед, зайдя к сыну постирать свое грязное белье, застал внука за мастурбированием. «Хочешь, я помогу тебе? – предложил он Жюлю. – Хочешь, кончу тебя?..» Последняя фраза просто ужасна: это «двойная ловушка», так как Жюль от нее буквально цепенеет, становится полностью пассивным, а его дед выражает и проецирует на мальчика собственное желание «кончить его» – в обоих смыслах этого слова. Нам известно, что он уже знакомил Жюля с гомосексуальными практиками, а этим своим новым предложением он отрицает преступный характер прежних развратных действий с внуком и пытается вновь диктовать свою извращенную волю. Может ли Жюль

[168] Мы остановимся на этом понятии в следующей главе.

внятно рассказать об этом отцу, который даже не собирается соблюдать категорический запрет посещения дедом-насильником своей жертвы? Пригласив Амеде к себе в дом стирать его грязное белье в семейной стиральной машине, отец неосознанно выступает соучастником сексуального насилия и нарушает постановление суда. Именно так, буквально, и истолковывает эту ситуацию дед, который, делая сексуальное предложение внуку, становится рецидивистом.

Нарушение запрета инцеста

Дед так отзывается о вынесенном ему приговоре: «Это ошибка правосудия». Бесследно исчезнувшая Соланж под любым предлогом отвергает попытки социальных служб восстановить связь между матерью и сыном: «Слишком поздно». Отец Жюля признает только грубую силу: «Я своего хозяина палкой отдубасил», – похваляется он во время сеанса, а его хозяин тем временем лежит в больнице... Как мы и предполагали, он сам в детстве пострадал от жестокого обращения с ним его родителей. Когда он подрос, то встал на защиту матери, угрожая отцу кухонным ножом. Вполне вероятно, сейчас он находится в бессознательном сговоре со своим отцом, под влиянием чувства вины, возникшего у него после той давней стычки, когда он действительно мог убить отца[169]. Резюмируя, можно сказать, что в семье Жюля контекстуальная этика не действует уже на протяжении нескольких поколений.

Чтобы нагляднее представить себе характерные транзакции, возникающие в таких дисфункциональных семьях, какой является семья Жюля, и чтобы оценить их воздействие на дина-

[169] A. Bentovim, «L'influence des expériences précoces d'abus sexuels sur la formation des choix sexuels à l'adolescence», in Les Atteintes sexuelles sur les enfants. Quels soins pour les auteurs? Journées d'études du 24 novembre 1997 à Caen (association «Echanger autrement», Neuilly-le-Malherbe): «У мальчиков младшего возраста риск [совершения полового акта] является максимальным в том случае, если они были свидетелями проявления безмерной жестокости в семье».

мику психического развития ребенка, мы разработали так называемую «системно-аналитическую схему», т.е. такую схему, в которой объединяются понятия психоанализа и те концепции теории систем, которые полезны для лучшего понимания инцестного взаимодействия.

Системно-аналитическая схема №1: контекстуальная этика не действует

Как это сказывается на ребенке?

Закон запрета инцеста нарушен фактическими насильственными действиями (фелляция), жертвой которых стал ребенок, а также угрозой убийством («Хочешь, кончу тебя?..»). Глумление над контекстуальной этикой продолжается уже на протяжении жизни нескольких поколений. Двойные связи (секс и убийство) побуждают ребенка к попыткам принести самого себя в жертву. Его память фрагментирована («стробоскопическая па-

мять»), личность подверглась диссоциации. Механизм вытеснения действует необычайно интенсивно.

В сравнении с данной ситуацией на схеме обычной семьи нет характерных взаимоналожений основных сфер жизненного опыта.

В нетрансгрессивной семье контекстуальная этика соблюдается. Сферы фактов жизни и транзакций проходят по касательной к зоне запрета на инцест. Следовательно, нет ни угроз убийством, ни грубых нарушений закона. В двух других сферах, конечно, наблюдается детская амнезия и двойные связи, однако они не обязательно являются патологическими. Из этого следует, что ни творческое начало, ни самостоятельность мышления ребенка не подавляются, а значит, в такой семье у ребенка нет склонности к самопожертвованию.

Системно-аналитическая схема № 2: контекстуальная этика соблюдается

Стирка грязного белья

Чтобы цепь постоянного воспроизводства насилия могла, наконец, быть порвана, мы попросили отца Жюля прекратить символически «обелять» своего отца, позволяя тому стирать свое грязное белье в одной машине с бельем всей семьи.

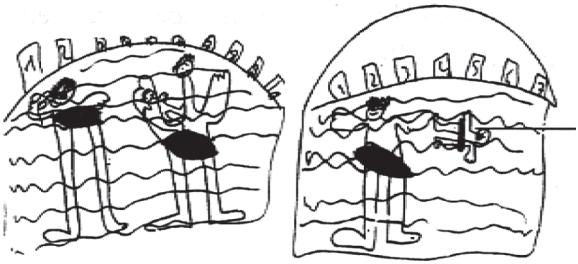
Это прямое терапевтическое предписание выявляет парадоксальность положения отца Жюля: его сыновняя лояльность своему отцу – а значит, соучастие в сексуальном насилии над Жюлем, – уживается с его же отцовским лояльным отношением к своему сыну. Наше предписание возымело действие: отец Жюля прекратил «семейную стирку грязного белья», и поведение сына стало менее агрессивным, более редкими стали и проявления самоагрессии. У Жюля вновь появился вкус к учебе. Вмешательство ювенального судьи, выступившего в роли арбитра в конфликте лояльности отца, стремящегося защитить сына, а также терпеливая и внимательная работа воспитателя создали условия для продолжения терапевтического процесса в промежутках между сеансами.

Сам Жюль, прежде носивший на лице маску робота, лишенного каких-либо эмоций, наконец, позволил себе регрессию: он с удовольствием барахтается в бассейне, а воспитатель подстраховывает и защищает его (свои плавки он теперь раскрашивает красным, а плавки воспитателя – синим, так что нет никакой путаницы). На сеансах Жюль потихоньку начал откликаться на настоятельные просьбы нарисовать сначала то, что ему пришлось пережить, затем то, в чем он чувствует себя виноватым, и наконец то, как хорошо чувствовать себя защищенным. Жюль постепенно становился все более человечным, самостоятельным и осмотрительным. Мы всячески способствовали процессу регрессии в рамках терапии, которая продолжалась при заботливом участии сестры Жюля, подтвердившей – в отличие от отца, – что дед по-прежнему остается опасным в сексуальном плане, а мать и отец не в состоянии защитить Жюля. Таким образом, каждый

из участников обрел свое место благодаря координации действий социальных служб, органов правосудия и терапевтов. Жюль так стремительно пошел на поправку, что на последнем (по времени) сеансе воспитатели даже забыли упомянуть о том, что мальчик полностью избавился от агрессивного поведения!... Такая «забывчивость» вполне естественна, когда жизнь налаживается!

Инцестный контакт

Жюль хочет раздавить братишку



*Вместе с воспитателем в бассейне**

* Читатель, которому интересно субъективное восприятие Жюля, сам может раскрасить рисунок так, как это сделал Жюль: плавки воспитателя – синим цветом: безопасность; плавки Жюля – красным цветом: опасность.

9. Посттравматические диссоциации

«Меня удивляет то, что монстр стал проявлением моих нервов. Меня удивляют эти страницы, где моя рука задрожала: «Я - Жиль де Ре». Но более всего меня удивляют эти флуктуации моей личности, ее способность жить ритмами, чуждыми тому «я», которое я считал истинным; ее переменчивость.»

Изабелль Соренте[170]

ДИССОЦИАЦИЯ

Психологическая диссоциация – это уход от банальной реальности в ее самом обыденном понимании. «Факт процесса диссоциации – это совершенно естественный и здоровый процесс, основополагающий акт мышления»[171]. Таковы, например, дневные грезы, творческое вдохновение, автоматические жесты, поведенческие автоматизмы и так далее. Сказать одно слово вместо другого – это оговорка, перепутать ключи, открывая дверь дома – это подавленное желание[172]. Таким же образом, различные формы юмора, каламбуры и опыт, полученный каждым из нас, свидетельствуют о моментах легкой и транзиторной диссоциации.

---

[170] I. Sorente, Le cœur de l'ogre, J.-C. Lattès, 2003, Paris, p. 134

[171] Jacques Miermont (dir.), Dictionnaire des thérapies familiales. Théories et pratiques, Paris, Payot, 1987, «La dissociation» (J.M.), p. 472

[172] З. Фрейд, Психопатология повседневной жизни.

Другой формой диссоциации, на сей раз терапевтической, является гипнотический транс, в который врач вводит пациента для приведения его в состояние бессознательной расслабленности, требуемой для лечения[173].

Эриксон, страдающий полиомиелитом, описывает то, как он использовал воображаемые механизмы гипноза, чтобы по ночам регулировать приступы боли, а также для физического и психического восстановления. «Восприимчивость Эриксона к индивидуальным колебаниям, его увлечение спонтанным обменом привели к его почти полному уходу из сферы теоретического знания»[174]. Этот уход стоил ему упреков недоброжелателей, которые, кажется, неспособны оценить всю тонкость его взглядов, терапевтических по своей сути.

Несмотря на то, что понятие диссоциации является древним и классическим, его нет в самом последнем словаре по психоанализу[175], где отсутствуют данные об этом понятии. Фрейд говорит о расщеплении между «Я» и «Объектом». У Винникотта понятие диссоциации восходит к разделению между настоящей и ложной «самостью», self, и используется для описания некоторых видов ложной «самости», которые развиваются вследствие ранней и постоянной неблагоприятности окружающей среды. В семейной терапии это понятие приводит к концепциям «семейного расщепления» у Штирлина и «расколотой лояльности» у Божомени-Надя.

Как известно, понятие диссоциации очень часто используется в психиатрии для обозначения одного из клинических элементов шизофрении: психического расстройства, глубоко затрагивающего личность субъекта, начиная с подростково-

---

[173] J. Haley, Un thérapeute hors du commun, Milton H. Erickson, Paris, Desclée de Brouwer, 1995.

[174] H. d'Assignies, «L'hypnose ericksonienne», dans A quel psy se vouer? Psychanalyses, psychothérapies: les principales approches, Paris, Le Seuil, coll. «Couleur psy», 2003, p. 317

[175] A. de Mijola (dir.), Dictionnaire international de psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy, 2002.

го возраста. Это слово происходит от греческих слов σχιζειν (skizein), что буквально означает «раскалывать» и φρην (phrene) - «душа», «разум». Шизофрения – это психическое заболевание, для которого характерны разлад, диссоциация личности, но не идентичности, и ряд других расстройств, таких как: бред, галлюцинации, постепенное снижение умственных способностей. Клиническая картина становится хронической и требует длительного психиатрического лечения.

В отличие от этого тяжелого психического расстройства, обычная диссоциация, как правило, завершается спонтанным восстановлением целостного самосознания. В свою очередь, диссоциативные расстройства идентичности - целый ряд посттравматических реакций - являются следствиями защитной стратегии, которые не исчезают сами по себе и требуют совершенно особого психотерапевтического вмешательства.

СОСТОЯНИЕ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА (ПТСР)

В США диагноз посттравматического стресса был официально признан лишь в 1980-ые годы[176], когда долгосрочные травматические последствия войны во Вьетнаме стали очевидными для ветеранов. Даже не имея личного опыта участия в военных действиях, мы все знаем, что военное положение влечет за собой крайне тяжелые физические и психические последствия как для бойцов, так и для гражданского населения, причем на протяжении жизни нескольких поколений. Но не все знают о том, что «война траншей» может порой идти внутри семьи и что ее последствия могут быть такими же трагическими: психические декомпенсации, самоубийства, несчастные случаи, жестокое обращение с последующими поколениями.

[176] B. Van der Kolk, A. McFarlane, L. Weisaeth (ed.), «Traumatic Stress», dans B. Van der Kolk, A. McFarlane, The black Hole of the Trauma, New-York, London, The Guilford Press, 1996.

Война 1914-1918 в Европе заставила Фрейда (остававшегося в Вене, так как в армию он уже не годился из-за возраста, но имевшего трех сыновей на фронте) найти объяснение расстройствам его пациентов-солдат и задуматься об особой форме патологии, связанной с войной.

> *Военные неврозы […] должны восприниматься как травматические неврозы, возникшие или обострившиеся вследствие внутриличностного конфликта. […] Конфликт происходит между прежним мирным «Я» солдата и его новым воинственным «Я», и он обостряется, как только мирное «Я» солдата осознает, какой смертельной опасности оно подвергается из-за авантюрных действий его паразитирующего, недавно возникшего двойника.*

Он продолжает:

> *Другой элемент военных неврозов – это травматический невроз, который, как известно, возникает также и в мирное время, после шока или серьезного несчастного случая без всякой связи с внутриличностным конфликтом*[177].

Но война не является единственным обстоятельством, способствующим возникновению описанных симптомов; физическая боль может, сама по себе, вызвать психическую диссоциацию даже в мирное время. Вот отрывок письма, адресованного, по методу Милтона Эриксона, взрослой пациенткой Лорен своей скончавшейся бабушке, жестоко с ней обращавшейся:

Посмертное письмо

> «Я помню этот роковой жест. Диван около двери в гостиную и спрятанная за ним палка, незаметная и смертоносная, всегда под рукой. Я помню движение твоей руки,

[177] З. Фрейд. «Психоанализ военных неврозов» (5-ый Международный конгресс по психоанализу, Будапешт 1918 г.), в Результаты, идеи, проблемы, том 1.

тянущейся за палкой, предвещающее начало пытки. Ты давишь мне на живот, мне трудно дышать, и ты бьешь и бьешь меня по ногам, маленьким и легким. Я должна была кричать, но не от боли; я должна была кричать: «Сжалься, сжалься, я больше не буду!» В эти моменты моя душа покидала мое тело, бесчувственное от боли.»

Вытеснение первых сцен насилия, к которому бабушка регулярно прибегала в обращении со своей восьмилетней внучкой, сопровождается диссоциацией, вызванной болью. В ходе терапии Лорен, справившаяся сегодня со своими проблемами, решит, по предложению своего терапевта, написать (и с каким талантом!) это письмо своей бабушке, скончавшейся за десять лет до этого.

Письмо, написанное умершему человеку, виновному в жестоком обращении, который все еще живет в психике автора письма, - это оригинальная терапевтическая стратегия, оказавшаяся очень действенной. Эта техника эффективна в тех ситуациях, когда необходимо письменно зафиксировать в реальности вытесненные эмоции. Иногда эти письма отправлены пациентом на кладбище с именем умершего обидчика и номером могилы или зачитаны на могиле самой жертвой. Некоторые пациенты закапывают письмо в гравий у надгробия...

Письмо Лорен бабушке дало свои результаты: молодая женщина смогла поставить крест на своем тяжелом детстве, ее кошмары и диссоциации сократились. Благодаря этой терапевтической технике Лорен поняла, что она страдала еще и от последствий удара, нанесенного ей юным обидчиком, в ходе сцены, которая изначально была любовной. В то время как транзиторная психическая диссоциация позволяла маленькой девочке уйти от реальности, в которой ее заставляла жить бабушка, психическая диссоциация, возникшая после удара кулаком ее «возлюбленного», нанесенного, когда она пыталась противиться оральному изнасилованию, вытеснила это воспоминание. С тех

пор Лорен сознательно игнорировала причины своего отказа достаточно широко открывать рот, чтобы есть фрукты...

В случае чрезвычайно сильной боли диссоциация возможна и в более мощной форме и может даже привести к потере сознания, близкой к коме. Это то, что случилось с Уорис Дирие, красавицей топ-моделью родом из пустыни Сомали, ставшей посланником ООН по проблемам женского обрезания. В своей книге «Цветок пустыни» она с ужасающими подробностями описывает обряд обрезания, которому она подверглась, будучи маленькой девочкой:

> *Я почувствовала, как режут мою плоть — отрезают гениталии. Я слышала этот звук: тупое лезвие пилило кожу, туда-сюда, туда-сюда. Вспоминая это теперь, я так и не могу поверить, что это происходило на самом деле. У меня такое чувство, будто я рассказываю о ком-то другом. Никакими словами невозможно объяснить, на что похожа эта операция […]. Когда я очнулась, то подумала было, что все уже позади. На самом деле худшее только начиналось. Повязку с моих глаз сняли, и я увидела, что Живодерка сложила возле себя в кучку колючие веточки акации. Ими она прокалывала отверстия в моей коже, а потом продевала в эти отверстия прочную белую нитку — сшивала меня. […] Болело так сильно, что мне хотелось умереть. Мне показалось, что я отрываюсь от земли и лечу, оставляя боль позади. Я порхала над землей и видела, как эта женщина сшивает плоть, а бедная мама держит меня в своих объятиях. В то мгновение я ощутила полнейшее спокойствие; ничто меня больше не тревожило и не страшило. На этом мои воспоминания обрываются… Когда я пришла в себя и открыла глаза, женщины уже не было*[178].

[178] У. Дирие, Цветок пустыни, в переводе В. Полякова, гл. 12

Своевременная диссоциация маленькой Уорис Дирие вызывает защитную потерю сознания и длительную амнезию, позволяющую избежать боли и воспоминаний о боли.

Когда речь идет о выживании, удивительный феномен психической диссоциации может изменить отношение к реальности. Так, например, бывает в случаях пыток, как в нижеследующем примере пыток Гестапо:

> *Пока Клаус Барби пытал ее, эта женщина-врач представила себе, что она должна, как медик, внимательнейшим образом изучить тело пациента, чтобы запомнить его. Она полностью сосредоточилась на своем наблюдении, запоминая все детали его сложения и его кожи: складки, шрамы и т.д. Эта умственная деятельность настолько поглотила ее, что она смогла не только выносить боль, но и не дала сломить себя морально, поскольку надеялась, что детали, которые она запомнила, помогут узнать мучителя в любом возрасте, даже в далеком будущем. Эта диссоциация и проекция во времени защитили ее. И суд над Барби, наконец, оправдал ее ожидания*[179].

В отсутствие необходимой помощи, будь-то терапия или позитивные последствия встречи с понимающим человеком, например любовным партнером, эта полезная способность жертвы к диссоциации может стать хронической и привести к фиксации на травме, даже если она была получена много лет назад. Жертвам крайне тяжело вспоминать о том, что именно с ними произошло, и рассказать о пережитом. Помочь им в этом и есть цель нашей ежедневной клинической работы с детьми, ставшими жертвами самых серьезных злоупотреблений, сопровождавшихся унижениями и угрозами смерти. Эти дети могут в течение

[179] P. Bellet, G. Pagnard, «L'hypnose», dans G. Lopez и A. Sabouraud-Seguin (dir.), Psychothérapie des victimes, Париж, Dunod, 1998, стр. 211

долгих лет отказываться говорить о пережитом, к недоумению обывателей, и в ущерб своей немедленной безопасности.

DSM-IV И МКБ-10

DSM-IV[180], американский справочник по диагностике и статистике психических расстройств, является, на наш взгляд, наиболее полным источником основных диагностических критериев, необходимых для проведения лечения как взрослых, так и детей, жертв или агрессоров. Вокруг этого справочника ведутся оживленные споры, но его польза при изучении диссоциаций не ставится под сомнение[181].

Как мы увидим, состояние посттравматического стрессового расстройства[182] описано в нем крайне подробно. Этот справочник описывает в своих примечаниях специфику адаптационных реакций ребенка, не уточняя при этом специфику пережитой травмы (понятие сексуальной травмы там отсутствует). Мы, однако, констатируем, что описанные схемы реакции идентичны: состояние ужаса, страх, потрясение, угроза смерти, удивление, избегание и т.д.

DSM-IV

F-43.1 (309.81)[183] Расстройство.

Состояние посттравматического стрессового расстройства.

A. Больной находился под воздействием травмирующего события, при котором имели место следующие явления:

1.Больной пережил, был свидетелем или участником со-

---

180 American Psychiatric Association, DSM-IV. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4-ое издание.

181 Как говорится в предисловии к французскому изданию DSM-IV, составленному группой переводчиков произведения на французский язык (Ж.Д.Гвельфи, П, Буае, С.Б. И М.С. Пулл),: «Страсти, разгоревшиеся вокруг DSM-III, начинают утихать».

182 ПТСР. В американской версии PTSD (post-traumatic syndrom disorders).

183 Цифры в скобках отсылают к МКБ-10 (Международная классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, разработанная ВОЗ).

бытия или событий, которые представляли реальную или возможную угрозу смерти, либо серьезного вреда или опасность нарушения физической целостности, угрожавшую самому больному или другим людям.

2.Реакция больного проявлялась в виде страха, беспомощности или ужаса. *Примечание: У детей вместо указанной аффективной реакции может наблюдаться дезорганизованное поведение или сильное возбуждение.*

Б. Травмирующее событие повторно переживалось в виде одного или нескольких следующих проявлений:

1.Повторные, навязчивые воспоминания о событиях, включая образы, мысли или ощущения. *Примечание: У детей младшего возраста могут наблюдаться игры с повторяющимися сюжетами, которые отражают темы и аспекты психотравмирующего события.*

2.Повторяющиеся и вызывающие значительное беспокойство сны о пережитом событии. *Примечание: У детей это могут быть пугающие сновидения без определенного содержания.*

3.Такие действия или ощущения, как если бы травмирующее событие случилось снова (включая ощущение воссоздания пережитого, иллюзии, галлюцинации и диссоциативные эпизоды, «флэш-бэки», в том числе те, которые возникают при пробуждении или в состоянии опьянения). *Примечание: У детей может происходить разыгрывание поведения, связанного с конкретным психотравмирующим событием.*

4.Сильный психологический дистресс под влиянием внешних или внутренних раздражителей, которые символизируют или напоминают какой-либо аспект травмирующего события.

5.Физиологическая реактивность под влиянием внешних или внутренних раздражителей, которые символизируют

или напоминают какой-либо аспект травмирующего события.

В. Постоянное избегание стимулов, связанных с травмой, и общее оцепенение (отсутствовавшие до травмы), о которых свидетельствуют, по меньшей мере, 3 из следующих симптомов:

1.Попытки избежать мыслей, ощущений или разговоров, связанных с травмой.

2.Попытки избежать действий, мести или людей, которые вызывают воспоминания о травме.

3.Частичная или полная амнезия важных аспектов травмы.

4.Выраженное снижение интереса к ранее значимым видам деятельности или к участию в них.

5.Чувство отрешенности или отчужденности от окружающих.

6.Сужение диапазона аффективной реакции (например, неспособность испытывать нежные чувства).

7.Неспособность ориентироваться на длительную жизненную перспективу (например, больной не планирует заниматься карьерой, жениться, иметь детей или строить нормальную жизнь).

Г. Устойчивые проявления повышенного возбуждения (отсутствовавшие до травмы), о которых свидетельствуют не менее двух из следующих симптомов:

1.Трудности при засыпании или нарушение продолжительности сна;

2.Раздражительность или вспышки гнева;

3.Трудность концентрации внимания;

4.Сверхнастороженность;

5.Усиленная реакция на испуг.

Д. Продолжительность расстройства (симптомов, описанных в рамках критериев Б, В и Г) более 1месяца.

E. Расстройство вызывает клинически значимый дистресс или нарушения в социальной, трудовой или в других сферах жизнедеятельности.

Уточните тип расстройства:

Острое, если симптомы сохраняются менее 3месяцев.

Хроническое, если симптомы сохраняются 3месяца и более.

Отсроченное, если симптомы возникают, по меньшей мере, через 6месяцев после окончания воздействия фактора стресса.

Отсроченное появление острого эпизода - посттравматического стрессового расстройства, редко наблюдаемое в нашей клинике, также должно быть учтено при рассмотрении истории болезни.

Под кушеткой

Фелиция, умная и полная решимости 25-летняя женщина, прошла несколько лет назад терапию в связи со случаями сексуального насилия, имевших место в раннем детстве. Насильник, бывший несовершеннолетним в момент совершения этих действий, регулярно подвергал девочку насилию в форме сексуальных прикосновений во время воскресных обедов и дневного сна в семье. По мнению терапевта, лечение дало отличные результаты. Но однажды, во время поездки в поезде вместе с отцом, с Фелицией случилось неожиданное, потрясшее ее происшествие. Они находились недалеко от границы; проводник разложил кушетки для пассажиров, и Фелиция захотела достать из-под кушетки свой чемодан. Нагнувшись, она увидела, что там прячется нелегал! Поняв, что он обнаружен, мужчина резко выскочил из тайника. В ужасе Фелиция, не думая, кинулась бежать, чтобы вызвать дежурно-

го по поезду, но отец остановил ее, удержав на месте. «Оставь его!», сказал он. С удивлением Фелиция повиновалась.

Вскоре после этого неприятного происшествия Фелиция стала замечать, что она часто ударяется о различные предметы, подворачивает щиколотки, натыкается на препятствия. Как-то ее подруга сказала ей в связи с этими ушибами: «Да перестань же, наконец, ударяться!» К своему собственному изумлению Фелиция зло ей ответила: «Да не лезь ты мне в трусы!»В этот момент она поняла, что с ней творится что-то неладное и что она не управляет собой. Она вернулась к своему психотерапевту.

Вопреки мнению терапевта, один из аспектов ее травмы, а именно физическое насилие агрессора, не был достаточно проработан. Удивление в связи с неожиданным появлением нелегала, удвоенное «физическим насильственным действием» со стороны отца, вызвало в ее памяти фрагмент травмы.

> *У лица, ранее не страдавшего от навязчивых и беспокоящих воспоминаний, могут появиться после другого травмирующего события, воспоминания, связанные с предшествующим этому событию опытом*[184].

Этот фрагмент вновь возникает, значительно позже и в необычной форме, причем двояко. Сначала, когда она начинает ударяться о предметы - обращение импульса против себя, затем, когда она резко и неуместно отвечает своей подруге, которая сочувственно замечает, увидев ее синяки: «Да перестань же наконец, ударяться!» Это вызывает у нее возбуждение, напоми-

[184] «Traumatic stress», стр. 9-10

нание о первом психосексуальном возбуждении в момент насилия – то, что Фрейд называл «истерия страха» -, в сочетании с бессознательным насилием, связанным, разумеется, с ранней травмой. Это то, что имел в виду Фрейд, говоря о «неискаженной части травмирующего воспоминания, пограничного представления, принадлежащего сознательному «Я»»[185]. Возможно в моменты насилия Фелиция так и не смогла ответить своему кузену: «Не лезь мне в трусы!» Эти две стороны фрагментов идентичности, одновременно жертвы и агрессора, складываются в этой фразе в парадоксальный комплексный ансамбль, часто нами наблюдаемый.

ДИССОЦИАТИВНЫЕ РАССТРОЙСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ

> *Основным признаком диссоциативных расстройств является изменение или нарушение, в результате стрессового события, ряда психических функций, обычно интегрированных в психике: - сознания, памяти, чувства личностной идентичности, восприятия окружающей среды. Нарушение может быть неожиданным или постепенным, транзиторным или хроническим[186].*

Перечислены следующие виды расстройств: диссоциативная амнезия, диссоциативная фуга, диссоциативное расстройство идентичности, деперсонализация и неопределенное диссоциативное расстройство.

Из всех вышеперечисленных нарушений диссоциативное расстройство личности является одним из самых явных и са-

---

[185] З. Фрейд, Рождение психоанализа. Письма Вильгельму Флиссу, заметки и планы (1887-1902). Немецкое выражение, используемое Фрейдом: Grenzvorstellung.

[186] DSM-IV.

мых видимых последствий ранней сексуальной травмы. В одном лице сосуществуют две или несколько идентичностей или личностных состояний.

Вот определение диссоциативного расстройства идентичности, даваемое DSM-IV:

> ***DSM-IV***
>
> *F 44.81 (300.14) Диссоциативное расстройство идентичности (ранее называемое расстройство множественной личности).*
>
> Наличие двух или более различных идентичностей или личностных состояний (при этом каждая обладает собственной постоянной моделью восприятия, мысли и взаимоотношения с окружающей средой и самим собой).
>
> По меньшей мере, две из этих идентичностей или личностных состояний захватывают контроль над поведением человека.
>
> Индивид не способен вспомнить важную персональную информацию, что выходит за пределы обыкновенной забывчивости.
>
> Само расстройство не вызвано прямыми физиологическими эффектами какого-либо вещества (как, к примеру, умопомрачение или хаотичное поведение при алкогольной интоксикации) или общим медицинским состоянием (например, комплексными эпилептическими припадками).
>
> *Примечание:* у детей данные симптомы не следует относить к видам игр с применением фантазии или упоминанию о вымышленных друзьях.

Последнее замечание касательно диссоциативных расстройств у детей интересно по ряду причин. Оно помогает предотвратить принятие посттравматической адаптации, проявляемой в играх с применением воображения, за обычную детскую игровую фантазию. Детская игра может рассматриваться и даже

истолковываться как проявление воображения, не имеющее отношения к пережитому ребенком опыту, тогда как на деле она напрямую связана с травмирующим событием. Языковые игры, сознательные фантазии, спонтанные рисунки, аналогичные послания в ходе сеансов, оскорбления или нападения на терапевта должны рассматриваться как звено, необходимое для восстановления истории травмы.

ВЫМЫШЛЕННЫЕ ДРУЗЬЯ

Так это была маленькая фея?

В три с половиной года Каролине удается объяснить матери — испанке по происхождению -, что она стала жертвой сексуального насилия со стороны мужа своей няни. Она говорит, что этот мужчина сделал больно ее «puta». С раннего детства она страдает от кошмаров и вспышек гнева, а также подвержена регулярной компульсивной мастурбации. Во время первого визита терапевт крайне удивлена тем, как девочка идет, прижимая левую руку к телу, как будто она держит кого-то за руку... «Ты держишься за руку?» Мать опережает дочь в ответе и говорит, что она очень недовольна ее последним капризом: Каролина требует, чтобы в машине мать пристегивала ремнем безопасности другую невидимую маленькую девочку, с которой дочь неразлучна. «Сегодня она здесь, в кабинете?» «Кто эта девочка? […] «Как ее зовут?» Каролина замирает без ответа, как будто она получила внутренний приказ молчать. Без слов терапевт идет за «волшебной палочкой», которая всегда под рукой в медицинском кабинете, и кладет ее рядом с девочкой. С этой минуты между ними завязывается беседа о стране фей и их мире.

«Так это маленькая фея?» Каролина кивает. Терапевт просит девочку нарисовать, что с ней произошло, и го-

ворит, что фея разрешила сделать рисунок. Тогда Каролина делает рисунок, где она рисует розовым цветом себя совсем маленькой, лежащей с раздвинутыми ногами. Жестами она показывает, что произошло. Ее агрессор изображен стоя, с подобием гениталий и лобковых волос. После беседы с терапевтом грустная и усталая Каролина уходит, взяв за руку свою вымышленную подругу. Когда терапевт настоятельно советует родителям прекратить способствовать диссоциации в реальности и пристегивать ремнем пустое кресло, на ее лице появляется заговорщическая улыбка.

В ходе второй встречи с врачом родители рассказывают, что по дороге домой, в машине, им пришлось тяжело: Каролина была в ярости, но они последовали указанию врача. Слушая этот разговор, девочка улыбается и сжимает кулачок. «Так маленькая фея по-прежнему с тобой?» «Конечно», - отвечает та торжествующе. Во время беседы врач очень сочувственно отзывается о маленькой фее, которая так много помогает Каролине. «Ей, наверное, очень одиноко в мире людей, ведь дома ее ждет ее семья!» Каролина удивлена. По выражению ее умного личика понятно, что она ищет решение этой новой проблемы. Родители замирают, впервые осознавая, благодаря этой терапевтической метафоре, какой внутренний конфликт терзает их дочь.

И только в ходе третьей консультации Каролина спонтанно заявляет: «Знаешь, она ушла из дома. Она случайно не здесь?» Незадолго до этого, девочка, наконец, дала показания полиции по делам несовершеннолетних.

Эта вымышленная фея была полезна как фрагмент личности Каролины, пока та не была защищена в реальной жизни. Она

смогла освободиться от этой идентичности, захватывающей над ней контроль, только после вмешательства полиции, опираясь, как и ее родители, на терапевтическую сказку. Терапевт, приняв участие в этой, полезной для ребенка, сказке-галлюцинации, предложила положить ей конец и позволить Каролине отпустить свою вымышленную подругу. Это пример превентивного лечения возможного детского психоза. Эрик Эриксон[187] (которого не нужно путать с Милтоном Эриксоном) одним из первых использовал психоанализ для лечения детей в Бостоне. Он утверждает:

> *Идентичность поддерживает у индивида чувство внутренней солидарности с идеалами и социальными группами. «Я» играет уравновешивающую роль: оно ориентирует на перспективу и готовит к действию[188].*

Каролина дождалась встречи с полицией в реальной жизни, чтобы самой перейти к словесному действию. Это произошло после долгих колебаний, которые она оправдывала тем, что решения за нее принимала маленькая фея. Будучи ребенком-жертвой, она смогла восстановить свою личностную целостность, собрав воедино фрагменты своей личности. Это транзиторное вспомогательное «я» - маленькая всемогущая фея - сыграло свою роль, поддержав травмированного ребенка.

В известном фильме «Торжество. Догма №1.[189]» также упоминается этот детский посттравматический синдром. Фабула фильма состоит в постепенном драматическом раскрытии истории инцеста в ходе празднования дня рождения отца,

---

[187] Пациент и друг Анны Фрейд, автор портрета детей «интимной» подруги Анны Фрейд, Дороти Берлингэм.

[188] Dictionnaire international de psychanalyse, стр. 786

[189] Festen. Торжество. Догма №1. Фильм Томаса Винтерберга. См. также фильм Ларса фон Триера «Догвилль», где одной из тем является власть инцестуозного отца над своей дочерью.

виновника насилия. Мать, пораженная обвинениями сына, немедленно оборачивается против него, злорадно напоминая всем собравшимися, что в детстве у сына был вымышленный приятель, о важности которого знала вся прислуга. Однако ее попытка представить сына сумасшедшим терпит неудачу; скандальное заявление никем не ставится под сомнение. Как бы признавая свою вину, отец в одиночестве покидает семейное сборище.

ЛИЧНОСТНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Если ранние детские травмы были очень глубокими и не были излечены, диссоциативные расстройства, выполняющие роль защитного механизма, могут сохраняться во взрослом возрасте. Они могут даже обостриться в результате каких-то новых происшествий - войны, теракта, стихийного бедствия -, которые выходят за рамки личной истории больного.

«Я - американка!»

Катрин, взрослая пациентка скромного социального происхождения, страдающая то анорексией, то различными фобиями, была подвержена серьезным соматическим конверсиям. Вследствие попыток суицида, эпизодов бреда и дискордантного психоза она неоднократно помещалась в психиатрическую клинику (с пятнадцатью различными диагнозами), но так и не была признана жертвой инцеста и насилия со стороны ее отца-садиста. Сегодня, за давностью событий, любые судебные преследования против него невозможны, и Катрин до сих пор живет в родительском доме.

11 сентября 2001 года она была потрясена атакой против башен-близнецов. С тех пор она начала произносить слова по-английски и даже обращается

по-английски к продавцу в булочной! Произносимые ей фразы очень примитивны, как и те, что она изучала в младшей школе, когда она подвергалась непрестанному сексуальному насилию и эксгибиционизму со стороны отца. Катрин изучает все карты Нью-Йорка и собирается туда отправиться, что, учитывая ее агорафобию, невообразимо. Отныне она не может изъясняться на своем родном французском без акцента, как будто с ней произошла мистическая трансформация личности после увиденных ей изображений «самолетов-фаллосов», врезающихся в башни Манхэттена. Они напоминают ей о ее собственных сексуальных травмах, пережитых ею в этой же гостиной, перед этим же телеэкраном. Она прониклась сочувствием к отчаянию тех, кто бросился из окон в пустоту, к трагедии всей страны. Планетарный масштаб драмы, постоянно повторяющиеся изображения на экране стали для нее навязчивой идеей, из которой родилась ее новая идентичность: «Я – американка!»

Начиная с этого дня, к ее многообразным патологиям добавилась дополнительная идентичность, которая реорганизовала все предыдущие патологические грани ее личности.

Раскрытие новой, «американской», идентичности связывается в терапии с воспоминаниями об унизительных изнасилованиях, которым она подвергалась в этой гостиной перед ее запуганными матерью и сестрами. Эта интерпретация позволяет достигнуть очередного полезного этапа в ее терапии: поменять имя и фамилию, отказавшись, наконец, от ненавистной фамилии ее мучителя и ее матери; фамилии, которую она никогда не произносит вслух. «Он мне не отец!»

Символически превратившись в американку, Катрин становится жертвой по совместительству. Она строит планы на будущее и намеревается соединить в единое целое все грани своей личности. Три ее будущих имени начинаются с инициалов N.Y.C., инициалов города, атакованного 11 сентября, чья трагедия может быть признана и разделена, вопреки трагедии ее детства, на которую не обращали внимания ни ее мать, ни правосудие, ни и психиатры.

Став жертвами сексуального насилия со стороны отца, некоторые дети спонтанно ищут различные возможности отказа от позорящей их фамилии. Иногда они начинают использовать материнскую фамилию, вписывая ее в школьные тетради, иногда тайком от матери. Они больше не хотят произносить свою официальную фамилию, они не могут слышать, когда им говорят: «Это твой отец». «Меня зовут Симон Х», напишет на доске Симон во время терапии, отчаянно пытаясь отринуть ужасающее родство. Мы прочли отрывок с другого сеанса, «Ugly family», с этим ребенком, его братом и сестрой, когда Симон пытался бороться против последствий его идентификации с агрессором[190], выбраться из этого внутреннего мира, полного отвращения.

Движимые законным гневом, травмированные дети иногда пишут свою фамилию со всеми возможными ошибками, перечеркивают ее, меняют местами буквы, пишут ее крошечными буквами, оставляя имя нормального размера. Так восьмилетний мальчик подписывал свои рисунки «АРНО дюбуа».

Позже, став взрослыми, травмированные дети предпринимают административные действия для изменения фамилии. Некоторые, подобно Эве Томас, меняют и имя, чтобы символически очиститься, приняв новое крещение…

[190]«Ugly Family», глава «Примеры сеансов терапии».

ПОДВЕРЖЕННОСТЬ РИСКУ

Доктор Марк Шелли[191] из госпиталя Фернан-Видаль привлек к себе внимание газеты Либерасьон[192] благодаря своему исследованию, проведенному с 802 женщинами в возрасте от 18 до 22 лет и 631 мужчиной в возрасте от 19 до 25 лет и озаглавленному «Когда сексуальные злоупотребления приводят к несчастным случаям». В нем утверждается, что молодые женщины, бывшие в детстве жертвами сексуального насилия, особенно часто попадают в дорожно-транспортные происшествия. Если они сохранили факт насилия в тайне, этот риск в восемь раз больше, чем у остальных. Если смогли довериться окружению – он больше в два с половиной раза[193].

Как пишет AREVI[194]:

> *Мы не можем дать четкое логическое объяснение особой подверженности несчастным случаям молодых женщин, бывших в детстве жертвами сексуальных злоупотреблений. Связана ли она с импульсивностью, неспособностью избегать опасности и притяжением к ней? Или это попытка вновь стать жертвой травмы вследствие бессознательного стремления нанести себе видимые увечья, символически напомнив о психических травмах, которые они пережили в секрете от окружающих? Они сами направляют насилие против себя, что скорее свойственно женщинам. Это подтверждают и опрошенные нами жертвы…*

---

[191] M. Shelly, C. Gendre, M. Choquet, «Young Women Sexually Abused During Childhood Are Involved in Road-Traffic Accidents», Paris,, 2003. Марк Шелли сообщил нам, что чтение нашей книги «La Violence impensable» (Немыслимое насилие) было одним из первых стимулов его исследования

[192] B. Grosjean, «Quand l'abus sexuel mène au crash, Libération, 11 avril 2003.

[193] Тамже.

[194] AREVI (Action recherche échanges entre victimes de l'inceste), Espace Aremédia, 59, bd de Strasbourg, 75010 Paris. «Abus sexuels précoces, conduites à risque et accidents de la voie publique, quand les victimes sont des experts pour les professionnels», avril 2003, e-mail: contact@aremedia.org.

Журналистка «Либерасьон» приводит объяснение доктора Шелли:

> *Опрошенные нами молодые женщины говорят о бессознательном стремлении подвергнуть себя социально приемлемому страданию, желая добиться сочувствия и выявить скрытые травмы.*

Мы также ознакомились с работами Жаклин Корне, блестящего врача (в прошлом терапевта), которая решила разобраться «Является ли несчастный случай симптомом и, если да, то какой этиологии?» Она провела статистическую корреляцию между ударами, полученными в детстве, и количеством дорожно-транспортных происшествий и прочих несчастных случаев, происходящих с индивидом впоследствии. Ее заключения сходны с нашими врачебными констатациями:

> *Несчастный случай, особенно если он не единичен, может рассматриваться как симптом системы воспитания, травмировавшей ребенка*[195].

Таким образом, в ходе первых консультаций следует спросить пациентов о несчастных случаях, произошедших с ними, даже малозначительных. Мы получаем таким образом достоверное представление о наказаниях, которым они подвергались в детстве.

ВНУТРЕННИЕ ГОЛОСА

Мы знаем, что большинство наших пациентов, бывших в детстве жертвами крайне жестокого обращения, развивают само-

[195] J. Cornet, Faut-il battre les enfants? Relations entre les accidents et la violence éducative, Paris, Hommes et perspectives/ Martin média, 1997, pp.. 22-23 (лауреатНаучнойпремии 1996 г. Фонда в защиту детства).

разрушительное поведение, которое они не всегда контролируют. Особенно это относится к тем, кто страдает от агрессивных и губительных слуховых галлюцинаций, в которых звучат призывы к самоубийству.

Вот что говорится в DSM-IV:

Индивиды, страдающие этим расстройством, часто имеют провалы в памяти касательно их личной жизни, как прошлой, так и недавней. Амнезия, как правило, «асимметрична». Пассивные лица обычно имеют более ограниченные воспоминания, тогда как более враждебно настроенные, авторитарные или «защищающие» лица имеют более полные воспоминания. Не имеющая контроля идентичность может, тем не менее, получить доступ к сознанию, производя слуховые или визуальные галлюцинации (в форме голосов, дающих наставления)[196].

Эти звучащие в голове фразы преследуют пациентов, и им крайне сложно избавиться от них или говорить об этом с окружающими. Возвращаясь к исследованию AREVI, возможно, что в какие-то моменты пребывания за рулем диссоциированная часть идентичности этих жертв захватывает над ними контроль, заставляя их подвергать себя опасности, что приводит к несчастному случаю, порой смертельному.

При терапии мы систематически составляем список подобных травмирующих фраз, которые в течение длительного времени способствуют психической неуравновешенности пациентов. Надо отметить, что, как спонтанно уточняет большинство наших пациентов, эти голоса звучат «в голове». Они подчеркивают этот факт, так как прекрасно осознают разницу между голосом из внешнего мира[197] и этими типо-

[196] DSM-IV. стр. 568

[197] Шизофрения, хронический галлюцинаторный психоз и другие состояния острого или хронического бреда...

выми однообразными фразами, которые зачастую повторяют насильственные приказы, полученные ими в детстве. Когда мы анализируем эти фразы подробнее, оказывается, что они часто произносятся голосом агрессора, его словами. Это внутреннее повторение переживания жестокого обращения, от которого сохраняется приказ умереть: «убей себя», которое звучит в голове как следствие первой угрозы: «Если ты проговоришься, я убью тебя». Начало терапии влечет за собой временное воссоздание этого феномена; поэтому следует внимательно проанализировать силу внутреннего сопротивления, степень идентификации с агрессором. Нельзя довольствоваться заключением, что речь идет о садическом «сверх-я» или о «пограничном» состоянии... С другой стороны, внутренний помощник (inner self-helper), нетронутая часть личности, оказывает непосредственное и жизненно важное сопротивление деструктивным импульсам; это начало мы регулярно поддерживаем при терапевтической работе. Чтобы положить конец активным проявлениям прячущегося внутри агрессора, мы предлагаем пациенту обращаться к самому себе очень твердо, приказывая молчать этому опасному личностному состоянию. «Вы можете восстановить контроль над вашими мыслями, так как злоупотребления остались в прошлом...»

Работа по истолкованию происходящего, терапевтические предписания и вера в психотерапевта помогут пациенту прекратить процесс воспроизводства скрыто присутствующих садических импульсов против себя.

С облегчением уяснив всю странность симптомов, серьезно препятствовавших нормальному течению его жизни, этот воспитатель, прекрасно интегрированный в общество, пользуется возможностью лучше понять самого себя, благодаря адресованному нам длинному письму, отрывок из которого приводится ниже:

«Скажем, что это я»

«Антуан - Вымышленный друг, к которому я был очень привязан, появился во сне, когда мне было 7 лет, и оставался со мной почти 12 лет. Мы много беседовали, он поощрял меня, он был моим чувством доверия. А также моей памятью. Я представлял его себе в комнате-компьютере, где он хранил всю информацию о моей жизни. Живопись и литературное творчество пришли ему на смену.

Тинтин - так звали меня в детстве. Слабый, беспомощный, одинокий.

Множество голосов у меня в голове - отдельные люди или группы людей говорили со мной или говорили между собой обо мне - скорее позитивные вещи, чтобы вернуть мне веру в себя, помочь бороться с депрессией.

Когда мне было около 14 лет, я начал слышать, вопреки своей воле, голос мужчины, который комментировал мои действия в прошлом времени литературным языком: «И выпил он стакан воды».

Около 15-16 лет я слышал два внутренних голоса, которые внезапно говорили во мне. Один: «Тонио, я люблю тебя!» Другой: «А я тебя не люблю!» Я решительно покончил со всем этим.

Эта последняя фраза показывает спонтанную силу воли этого мужчины, подкрепленную новыми теориями, развиваемыми нами в процессе профессиональной подготовки, которые подтолкнули его нам написать.

Мы не ищем ранние травмы там, где есть только игра фантазии или случаи бреда. Но наш опыт работы с взрослыми, подростками и детьми доказывает, что благодаря признанию этой оригинальной психической реальности, мы сможем судить о наличии или отсутствии подспудного страха и дистресса, которые невозможно выразить иначе.

ПОГРАНИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Фрейдовское понятие пограничного представления может пригодиться при уточнении тонких отличий между памятью и представлением, в форме идей, образов или не визуальных телесных представлений, характерных для посттравматических патологий. Фрейд пишет:

> *Вытеснение осуществляется не посредством формирования противоположной, более мощной идеи, а посредством укрепления пограничного представления*[198]*, которое отныне представляет вытесненное воспоминание в умственной деятельности. Если мы называем это представление пограничным представлением, это, с одной стороны, по той причине, что оно принадлежит сознательному «Я» и что оно является частью неискаженного травмирующего воспоминания. […] Когда травмирующее происшествие высвобождает двигательные реакции, именно последние и превращаются в пограничное представление и в первый символ вытесненных элементов. Это необязательно означает, что при каждом проявлении первичного приступа мысль о нем оказывается заглушенной. В первую очередь речь идет о лакуне в психике.*

Пограничное представление, упомянутое Фрейдом, может возникнуть в ходе терапии – это очень сильный момент осознания реальности. Серван-Шрейбер называет его «телесная кодировка воспоминаний»[199].

---

198 З.Фрейд, Рождение психоанализа. См. также английский перевод, предложенный J.M. Masson: «boundery idea», в Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887-1904, Cambrige (Mass.) and London, TheBalknap Press of Harvard University Press, 1985, стр. 169

199 D. Servan-Schreiber, Guérir le stress, l'anxiété et la dépression sans médicaments, ni psychanalyse, Paris, Robert Laffont, 2003, p. 99-100

Неожиданное нападение

Молодая женщина, чья бисексуальность не была прояснена в ходе предыдущего анализа, жалуется на судороги в кистях рук, выворачивающихся в непроизвольном движении крайнего неконтролируемого напряжения. Во время консультации она делает подобное движение, когда речь заходит о сексуальных злоупотреблениях со стороны ее деда, которым она подверглась в возрасте 2-3 лет. Терапевт спрашивает у нее, когда появился этот симптом. Пациентка задумывается и вспоминает о давней истории, когда в возрасте 5 лет ее застал в туалете мальчик-ровесник, раздевшийся перед ней. Она отреагировала ударом по гениталиям мальчика, резко выбросив вперед обе руки. Эта специфическая двигательная реакция была прямым последствием инцестуозных фелляций, которые она должна была переносить. Благодаря этому импульсивному нападению на мальчика она смогла косвенно отомстить представителю мужского пола, каким бы маленьким он не был. Во взрослом возрасте она так и не установила связь между чувством разрушительной кастрационной ненависти, испытываемой в детстве, и компульсивными судорогами в руках. Вопрос терапевта помог выявить «неискаженную часть травмирующего воспоминания», пограничным представлением которого была эта специфическая двигательная реакция.

Любители психоаналитической теории с интересом отметят, что определение импульса вводит это понятие пограничного представления как границы между психикой и соматикой. Чтобы дополнить фрейдовскую концепцию пограничного представления, Серж Леклер обращается к лакановскому понятию «означающего»: «Можно сказать, что значащее состоит из

одной буквы (gramma) и что оно, по сути, возвращает к движению тела [...][200].» Мы видим здесь заимствование фрейдовской идеи, описанной выше: «когда травмирующее происшествие высвобождает двигательные реакции[201]»...

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОМА И ДРУГИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ИСТЕРИЧЕСКИХ КОНВЕРСИЙ

Мертвенная бледность

Первый сеанс каждой терапии дает возможность для наблюдения целого ряда физиопатологических проявлений, которые мы обязательно учитываем при общении с пациентом и при постановке диагноза. Одним из таких проявлений, напоминающих об анемии или анорексии, является так называемая «мертвенная бледность» пациентов, будь-то дети, подростки или взрослые. Их кожа имеет тусклый восковой оттенок, который невозможно скрыть под макияжем и который исчезает только после многомесячного лечения. Когда терапевт узнает о масштабах пережитых пациентом драм и об отсутствии признания этих страданий, он, наконец, понимает, почему у пациентов такой вид, будто они находятся на краю могилы и напоминают жертв Дракулы из романа Брэма Стокера. В нашей работе «La Violence impensable» («Немыслимая жестокость»)[202] мы уже развивали эту мысль о «вампиризации» жертв. Психиатр-виктимолог Жерар Лопез блестяще продолжил ее в своем недавней работе[203].

Румянец на детские лица возвращается только тогда, когда наша настойчивость приводит к озвучиванию ими своих

---

[200] S. Leclaire, Rompre les charmes. Recueil pour les enchantés de la psychanalyse, Paris, Le Seuil, 1999, p.121

[201] З. Фрейд, Рождение психоанализа.

[202] F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence impensable, Paris, Nathan, 1991, 2004.

[203] G. Lopez, Les Vampires, Paris, PUF, 2002.

страданий и подаче жалобы. Они, наконец, возрождаются для нормальной психической жизни. У подростков это видимое изменение происходит в тот момент, когда благодаря поддержке взрослых они могут бороться со злоупотреблениями и добиться признания своей правоты; у взрослых – когда эти тайны разоблачаются перед всей семьей, которая до тех пор не знала о глубине и тяжести испытанных страданий. У подростков и взрослых естественный цвет лица восстанавливается, когда в их жизни возникает любовная история.

Каким бы ни был цвет кожи человека, любое человеческое существо, страдающее от последствий вампирического захвата личности, отражает на своем лице, не отдавая себе в этом отчета, данный симптом утраты контроля над собой.

Невидимые слезы

Иногда, в ходе первых сеансов, у пациентов возникают на лице красные следы, как будто от потоков слез, при этом без слез как таковых. Следы находятся под глазами или возле носа. Лицо может приобрести неравномерную двухцветную окраску в момент, когда пациент говорит о своей двойственности. При этом пациенты, кажется, совсем не отдают себе отчета в этих невербальных проявлениях.

Веласкес

Изабелль, подвергавшаяся в раннем детстве сексуальному насилию со стороны своей матери, бросает полный презрения взгляд на терапевта, которая только что предложила ей толкование ее поведения. Несколько дней назад пациентке позвонила ее мать, что ввергло ее в многодневную депрессию, приковавшую ее к постели. При этом девушка была неспособна провести прямую связь между этим звонком и своим подавленным состоянием.

Реакция Изабелль на толкование настолько ярка, что терапевт вслух отмечает ее сходство с изображением высокомерной инфанты Испании, увековеченной Веласкесом. Терапевт только что вернулась из музея Гуггенхайма в Бильбао, где она видела целую серию изображений инфанты Испании: бронзовые и деревянные скульптуры, а также картины современного художника Маноло Вальдеса, создавшего их по мотивам произведений Веласкеса. Пациентка легко соглашается с зеркальной идентификацией[204] с этим образом высокомерной инфанты Испании: «Это неудивительно, ведь эта картина висела над моей кроватью все мое раннее детство!...» «В комнате, где имели место злоупотребления, не так ли?»

На следующей консультации пациентка не так спокойна: она задается вопросом, как терапевт смогла обнаружить скрытый пласт ее жизни, наблюдая за ее невербальными проявлениями. Все предыдущие сеансы у психоаналитиков не смогли заставить ее упомянуть об инцесте со стороны матери.

Переключения

Другой пациент, как верно описано в DSM-IV, говорит о немедленном воздействии на психическое состояние страха или паники, которые приводят к резкому изменению личностного состояния:

> *Переход от одной идентичности к другой часто вызван психосоциальным стрессом. Для подобного перехода требуется лишь несколько секунд*[205].
>
> Обычно он называется переключение (switch)[206].

---

[204] Зеркальная идентификация: одно из фундаментальных понятий лаканизма, обозначающее отчуждение субъекта в отношении к своему образу-двойнику.

[205] DSM-IV, стр. 568

«Как будто у меня было много жизней...»

Уго, преподаватель с отличной профессиональной репутацией, хотя порой эксцентричный, коллекционирует редкие произведения. После 30 лет психоанализа во Франции и в Англии он начинает, наконец, осознавать всю важность воздействия на его психику посттравматических диссоциаций. Его мать скончалась несколько дней назад, и он испытывает потребность отправить факс своему психоаналитику сразу после похорон. Он страдает от нескольких видов саморазрушительного поведения, временной утраты идентичности и других хронических расстройств психики, хотя речь не идет о явном психозе. В его случае оправдан диагноз «защитного психоневроза», описанный Фрейдом до того, как приверженцы так называемых структуралистских позиций — зачастую редукционистских — четко развели психоз, невроз и перверсии. При диссоциативном расстройстве личности с чередующимися личностными состояниями эти структурные различия не являются взаимоисключающими. Пациенты, подобные Уго, поочередно страдают от комплексных и нестабильных личностных состояний, которые не исключают моменты перверсии.

Однажды Уго отправляет факсом письмо, где пишет о новом восприятии своих расстройств, продолжая, таким образом, свою терапию: «Страх? Моя паника! Столкнувшись с очень сильными эмоциями, моя голова перестает работать, я вхожу в ступор и ничего не ощущаю. Как мне справиться с этим маразмом? Я

[206] Switch: англо-американский термин, используемый для обозначения этого неожиданного изменения личностного состояния (switch on в переводе означает «включить свет»; switch off - «выключить свет»).

испытываю смешанные чувства. Похоже, что у меня было много жизней, но я ничего не контролирую.»

Уго отдает себе отчет в том, что он «забыл» не только детские годы, но и важные события из взрослой жизни. Он продолжает непосредственную коммуникацию, возможную благодаря факсу:

«Забыть целые пласты {моей/нашей жизни? В 1972 году я прекрасно себя чувствовал и физически, и морально благодаря моему первому психоаналитику.» В сноске к этой фразе он добавляет: «который ошибся сам и обманывал меня более 6 лет, ничего не говоря мне о жестокостях моего отца.»

Уго продолжает: «Я вовсе не был слишком эмоциональным или чувствительным, но я действительно забыл целые пласты моей жизни из 60-ых. Я был как новый и чувствовал себя хорошо ценой утраты из памяти более 10 лет. [..] Это настоящая лобовая атака против моей памяти! Я никогда не видел ничего подобного. Если я теряю память, я становлюсь беззащитным.»

После потрясения, вызванного смертью матери, Уго, используя два притяжательных местоимения - сначала «нашей», затем «моей», которые он связывает скобкой -, графически демонстрирует свои личностные состояния, нуждающиеся, вследствие шока, открыться все вместе психоаналитику. Это начало долгожданного воссоединения в единое целое... «И это после 34 лет психоанализа с аналитиками, которые сбивали меня с толку и не слышали меня», - уточняет он...

Как можно прочесть в работе Давида Серван-Шрейбера:

Доступ к воспоминанию в мозгу человека действует по принципу аналогии: любая ситуация, напоминающая нам о каком-то переживании, может вызвать в памяти вос-

поминание в полном объеме. Эти свойства мозга хорошо известны: они называются «доступ через содержание и доступ через частичные связи». Они особенно важны в случае травмирующих воспоминаний. Благодаря этим свойствам любое изображение, звук, запах, эмоция, мысль и даже физическое ощущение, схожее с обстоятельствами травмирующего происшествия, может напомнить о переживании, хранящемся в памяти в исковерканном виде. Мучительное воспоминание часто возникает посредством телесного ощущения[207].

Стробоскопическая память[208]

Мы увидим, насколько трагичными могут быть последствия стробоскопической памяти, которая часто ставит под сомнение отношения жертв с их окружением, в особенности с их адвокатом, то есть их представителем в суде. Таков случай этой пациентки-отцеубийцы, которая смогла вспомнить об изнасилованиях, которым она подвергалась в детстве, только после нескольких месяцев предварительного заключения. Подробнее ее случай будет рассматриваться в последней главе.

Дождь на могиле

От ее преступного жеста в ее памяти сохранился лишь запах пороха отцовского ружья, неизменно лежавшего у подножия кровати, где происходили изнасилования. Того самого ружья, которым отец так часто угрожал Вирджини, грозясь к тому же покончить с собой,

---

[207] D. Servan-Schreiber, Guérir le stress, l'anxiété et la dépression, p. 99

[208] Стробоскоп:»(1886), происходит от strobo и skope. - В прошлом так называли ротационный прибор (диск или цилиндр), создающий иллюзию движения благодаря чередующимся картинкам [...] предшественник кинематографа и мультипликации. Аппарат, пускающий световые вспышки с определенной частотой, для того чтобы представить неподвижным или медленно движущимся объект, движущийся быстро и размеренно» (Словарь французского языка Petit Robert, Париж, VUEF, 2001, электронная версия).

и о котором она скажет в суде: «Это ружье – все мое детство…»

Через несколько дней после освобождения из предварительного заключения Вирджини «очнулась» в полном смятении у могилы своего отца. Она совершенно не помнила, как она оказалась на кладбище перед ненавистной могилой. Лил проливной дождь, она насквозь промокла, и ей абсолютно не хотелось находиться в этом месте. Она не понимала, почему она туда попала в состоянии некого самогипноза. Испугавшись возврата этих бессознательных действий – подобных обстоятельствам убийства отца –, она решила обратиться за помощью[209].

Доступ к наиболее травмирующим воспоминаниям не происходит в одночасье; порой проходят годы, прежде чем пациент будет в состоянии переносить это мучительное восстановление памяти. В случае этой девушки возврат к прошлому происходил постепенно, и, хотя в ходе защиты она должна была говорить в суде о бесчисленных истязаниях со стороны инцестуозного отца, она не смогла этого сделать.

Лишь через некоторое время после суда и своего оправдания, в ходе памятного для нее самой и для ее терапевта сеанса, она воскликнула, будто при галлюцинации: «Невероятно, все движется! Я только что увидела всю сцену в движении.» До этого переломного момента все ее воспоминания были застывшими, как при стробоскопическом освещении, и черно-белыми.

Сцена, описанная ею в движении, была хуже всего того, что можно себе представить; она была не менее ужасающей, чем сцены военных пыток. Пациентка пережила этот терапев-

[209] M. Nisse, L'enfance victime, Orléans, L'Atelier de l'archer, 1999, p. 49

тический момент как победу над собой, над фрагментациями личности, утратой целых пластов своего существования, провалами в памяти. Что бы ни говорили изобличители «ложных обвинений», Вирджини – чье настоящее имя Сандрин – не могла получить никакой выгоды от этих воспоминаний: она уже была оправдана в деле об убийстве. Мы даем в другой главе описание суда над Сандрин, получившего широкий резонанс в прессе, так как это был первый во Франции случай судебного оправдания отцеубийцы.

10. Несовершеннолетние сексуальные агрессоры

«Прикосновение обозначает начало всякого обладания, всякой попытки подчинить себе человека или предмет, извлечь из него эксклюзивную личную пользу.»

Зигмунд Фрейд[210].

До 1989 года никто в нашей исследовательской группе Центра Бют-Шомон не догадывался о том, какую важность примет проблема несовершеннолетних сексуальных агрессоров. Наши первые подобные случаи появились в 1995 году, и с тех пор их число неуклонно растет, поскольку и социальные службы, и семьи знают теперь о необходимости как можно быстрее принимать адекватные меры для решения этих тревожных дел. Табу на поведение сексуального характера этих детей исчезло не сразу. Постепенно социальные службы стали сообщать нам об опасном поведении этих несовершеннолетних в отношении младших детей. Инцест между братьями и сестрами был принят во внимание некоторыми судьями, которые направили к нам на прием семьи высокого социального происхождения с проблемами суицидов, наркомании и связанной с ней преступности. Сегодня преступления подобного характера получили широкую огласку по причине так называ-

[210] З. Фрейд. Тотем и табу. СПб.: Азбука-классика, 2005 (1911-1912). Гл. 2

емых «групповух», вульгарного обозначения групповых изнасилований.

В международной нозографии (описании болезней) при определении сексуального насилия одного несовершеннолетнего в отношении другого обычно принимаются следующие критерии: 4-5 лет разницы между детьми, принуждение и насилие, применяемое для получения сексуального удовлетворения[211]. Эти критерии схожи с определением изнасилования, данным французским уголовным кодексом: оно подразумевает «насилие, угрозы, принуждение или неожиданность».

Редчайшим исключением в нашей практике был случай маленькой девочки (шести лет), которая принуждала другую девочку (девяти лет) к многократным действиям сексуального характера. В подобных случаях правосудие не может наказывать несовершеннолетнего агрессора, так как он не достиг возраста уголовной ответственности, а именно 13 лет. В таком случае в отношении агрессора могут быть приняты предохранительные меры, если суд знает о таковых, что бывает редко.

Нужно также различать изнасилование и сексуальные отношения между несовершеннолетними, которые не запрещены.

> *Гетеросексуальные или гомосексуальные отношения между несовершеннолетними любого возраста совершенно законны, как указано в официальном печатном органе Франции Journal Officiel в 1991 году*[212].

Разумеется, можно продолжать спорить о том, насколько обосновано определение законом «сексуального совершеннолетия»; во Франции это 15 лет, в других странах Европы – мень-

---

[211] M. Nisse, Enfant maltraité, du bon usage de l'indiscrétion, Ramsay, 2004.

[212] G. Antonowicz, Agressions sexuelles, la réponse judiciaire, Paris, Odile Jacob, 2002, p. 43, citation du Journal officiel, Assemblée nationale, rapport, 1991, p. 3565.

ше (в некоторых из них - 13 лет). Стоит отметить, что во Франции этот возраст разнился в зависимости от эпохи: в 1832 году его понизили до 11 лет, в 1863 году подняли до 13 лет, а в 1945 году он был доведен до 15 лет[213].

ИНЦЕСТ МЕЖДУ БРАТОМ И СЕСТРОЙ

Сексуальные отношения между братом и сестрой инцестуозны по определению и запрещены в несовершеннолетнем возрасте. По достижении совершеннолетия они допустимы де факто. В истории есть много примеров связи между братом и сестрой. Иногда вместе их сводит случай после того, как оба выросли в приемных семьях. Для других решение жить в паре было, видимым образом, принято по обоюдному согласию. Не имея подобных примеров в нашем Центре, мы не знаем, как чувствуют себя дети, рожденные в таких семьях. Если мы и узнали о детях, рожденных от брата с сестрой, история их появления было выявлена именно в ходе терапии, так как эта семейная тайна тщательно скрывалась участниками. Можно предположить, что эти отношения не были лишены ни насилия, ни принуждения, так как они долго скрывались от окружающих, порой на протяжении жизни нескольких поколений. Подобные отношения составляют психологическую интригу многих романов и фильмов.

Два примера, о которых мы рассказываем ниже, выходят из описанных здесь и обычно принятых нозографических рамок. В обоих случаях разница в возрасте между детьми составляет всего два года.

Семейный контекст этих историй очень разный. В первом случае речь идет о крайне обеспеченной семье высокого социально-культурного уровня; во втором дети выросли в условиях бедности и садической жестокости и были, по решению суда, помещены в приемную семью или приют. Несмотря на все раз-

[213] Там же. Стр. 44

личия, вступившие в инцестуозную связь подростки и в том, и в другом случае любили друг друга. Тем не менее, в первом случае насилие присутствовало в связи с употреблением наркотиков, а во втором брат прибегал к физическому и моральному принуждению в отношениях с сестрой. Счастливых инцестов не бывает.

Beautiful people[214] или отравленная любовь

Анри-Пьер и Ева – два «взрослых подростка»[215]; ему 25, ей 27 лет, и они вращаются в самых избранных кругах. Их мать Виктория – это «мать-звезда»[216] с блестящей профессиональной карьерой. Она обратилась к нам за помощью, чтобы справиться с наркотической зависимостью детей: уже много лет они употребляют героин. Все вместе они являются на семейную терапию как на модный светский раут. Также ведут себя и другие взрослые этой семьи: Анри, холеный мужчина 50 лет, и Камий, друг семьи, который окажется наименее фальшивым из всех этих светских персонажей, похожих друг на друга своей «ложной самостью».

История матери, Виктории, весьма оригинальна. В 15 лет она узнает, что беременна от Ришара, 40-летнего промышленника миллиардера. Чтобы избежать скандала в связи с растлением несовершеннолетней, Ришар с помощью своего старого друга Камия покупает втайне от всех «подставного мужа» для Виктории - Раймона. Родители Виктории являются соучастни-

---

214 M. Nisse, P. Sabourin, выдержки из «Братья, сестры: непризнанные герои семейного романа» (выступление на коллоквиуме Центра семейной терапии Монсо 24 марта 1990, исправленная и дополненная версия)

215 В оригинальном тексте использован термин «adulescent», гибрид между adolescent (подросток) и adulte (взрослый), употребляемый в социологии для обозначения молодых людей, вышедших из подросткового возраста, но не повзрослевших. Герой фильма «Танги» (2001 г.) Этьена Шатиеза является воплощением подобного типажа.

216 C. Eliacheff, N. Heinrich, Mères-filles, une relation à trois, Paris, Albin Michel, 2002, p. 89-105

ками этой сделки. Таким образом, ребенок, которого она ждет, дочь Ева, будет в первые годы жизни носить фамилию Раймона, подставного мужа ее матери.

Когда Еве исполнится 2 года, ее мать с ним разводится и выходит замуж за любимого ею мужчину - Анри, другого приятеля Ришара, входящего в его «придворное окружение». Перед рождением их собственного сына, Анри-Пьера, Анри удочеряет Еву, дочь Виктории.

Дети растут в атмосфере шаловливой инцестуозной близости, сознательно поощряемой их матерью, легкомысленности и беспечности. Взрослые не обращают на это внимания и подталкивают детей к бесконечным привычным играм с эротической окраской в ванной.

В 10 лет Ева узнает, что, будучи маленьким ребенком, она носила незнакомую ей фамилию. Неожиданно все символические позиции меняются местами. Прижатая к стене Виктория вынуждена познакомить Ришара с его дочерью. Еву начинают приглашать на роскошные праздники, устраиваемые во дворце ее биологического отца. Но, несмотря на куртуазное обращение, она воспринимает себя как незаконнорожденного ребенка. Неожиданно она решает по непонятной причине именовать себя «Эв». Благодаря этой спонтанной и срочно потребовавшейся перемене, Ева пытается начать новое существование, в котором она не была бы предметом сделки между взрослыми. Теперь у «Эв» три сменивших друг друга отца, три друга, три сообщника: Ришар, ее биологический отец; Раймон, ее подставной отец, и Анри, ее приемный отец. Тем временем Виктория продолжает свое профессиональное восхождение и любовные завоевания. Она разводится с Анри и решает оставить «Эв», которой исполнилось 15 лет, на его попечении, чтобы ничто не мешало ей вести светскую жизнь. Анри любит ходить в клубы, где он представляет «Эв» как свою новую подружку, о чем Виктории, конечно же, известно. В ситуации инцестуозных отношений,

инициированных Викторией, - способствование инцесту второго типа[217] -, оставленная матерью девочка начинает употреблять алкоголь и наркотики. На этом этапе жизни ее тринадцатилетний полубрат Анри-Пьер - это ее единственный родственник, отношения с которым носят стабильный характер.

Едва достигнув совершеннолетия, девушка выходит замуж за молодого человека по имени Брис, которого она, конечно же, встретила в окружении Ришара. Ева помнит, как она вошла в церковь, держа под руку своих двух отцов под изумленными взглядами избранной публики...

Начинается долгий период героиновой зависимости, в которую она впадает вместе с Анри-Пьером и своим временным мужем Брисом. Их постоянно растущая потребность в наркотиках вскоре приводит к преступным действиям в рамках семейного круга: краже чековых книжек, банковских карт и т.д. Это поведение стимулируется попустительством, царящим в этой семье, где один родственник не знает о том, что дал другой, или, что было украдено. Порочность самой Виктории не имеет границ: на восемнадцатилетие дочери она в тайне дарит ей дозу кокаина!

Викторию охватывает страх

Начинается терапия. «Эв» приходит на первый прием с матерью и десятимесячной дочерью Бэби, рожденной от случайной связи. Чтобы получить очередную дозу наркотика, девушка совершила физическое нападение на Викторию, которая, наконец, испугалась.

Крайне важно, чтобы на приеме присутствовали и мужчины семьи. Анри-Пьер принимает наше приглашение, и мы поражены его сходством с ребенком его полу-сестры. Зная насколько безгранична их близость, мы начинаем догадываться об инце-

[217] F. Héritier, Les Deux Soeurs et leur mère. Anthropologie de l'inceste, Paris, Odile Jacob, 1994.

стуозной связи между братом и сестрой. Анри-Пьер, пришедший с Камием, с гордостью рассказывает нам семейный миф, полный мегаломании: они чувствуют себя самыми красивыми, самыми образованными и, главное, самыми неуязвимыми в мире. Они – это участники нескончаемых ночных празднеств в самых модных заведениях. Для них все, что они делают, – лишь новая игра, в том числе и сеансы терапии. И хотя состояние «Эв» постоянно ухудшается (попытки самоубийства, госпитализация в психиатрическом отделении), каждый сеанс парадоксальным образом открывается долгими манерными и ироничными приветствиями, а также насмешливыми заигрываниями с терапевтами.

Учитывая всю серьезность ситуации и следуя нашим требованиям, Камию удается преодолеть изначальное сопротивление Ришара (которому сейчас 85 лет) и привести его на прием. Он показывает свою тираническую сущность и пытается навязать нам свое философско-эзотерическое видение мира. Но, несмотря на все, он здесь, чтобы спасти свою дочь. Виктория созерцает происходящее с безучастным выражением, о котором Ингмар Бергман говорил: «Неужели несчастье дочери – это триумф матери? Мама, неужели моя боль – твое тайное наслаждение?[218]»

Праведный гнев

Тогда Камий идет ва-банк, рискуя пожизненной рентой, которую он получает от Ришара, и призывает к пересмотру семейных правил. В самый критический момент, когда «Эв» приходится госпитализировать, он один выступает против порочной и губительной системы мышления, царящей в этой семье. Он настоятельно требует, чтобы Анри вместе с ним подал жалобу на торговца наркотиками, чья идентичность всем известна и который продолжает обращаться к «Эв», несмотря на ее тревожное состояние здоровья. Лицом к лицу с Ришаром Анри дает,

[218] Осенняя соната, фильм Ингмара Бергмана, цитируемый C.Eliacheff et N. Heinich dans Mères-filles, une relation à trois, p. 317

наконец, волю настоящему отцовскому гневу, перед которым патриарх вынужден отступить от своих догм. Виктория в оцепенении. Впервые в жизни она видит защитное проявление отцовского начала. Ее разрушительные импульсы, наконец, приостановлены.

После подачи жалобы для Евы начинается трудный процесс возврата к мучительной, но менее зыбкой реальности. Она выбирает специальность, не имеющую ни малейшей связи с ее окружением, по которой работает и по сей день. Ее мать частично отказывается от своих классовых привилегий и меняет образ жизни; появление настоящей отцовской роли в семье идет ей на пользу.

На заключительный сеанс терапии Анри-Пьер и Ева приходят вдвоем. С молчаливого согласия сестры брат с большим волнением сообщает нам, как бы на прощание: «Ева и я лишились девственности вместе». Таким образом, наша гипотеза подтверждается; речь идет о реальном событии в жизни этих двух детей, покинутых матерью и подвергнутых риску инцеста в разной форме.

Тогда как «инцест второго типа», судя по всему, не произошел – для приемного отца это была скорее игра –, сами брат с сестрой имели редко встречающийся инцест с отношениями влюбленности, чьи последствия «отравленной любви» сохранялись в течение долгих лет. Инцест между братом и сестрой кажется нам в данном случае симптомом, неосознанной попыткой исцеления от многочисленных трансгрессий их «родителей».

Наиболее же явный симптом, наркомания Евы, был, наконец, проанализирован в контексте трансгрессивных отношений между поколениями. Эта девушка, передававшаяся от одного отца другому, жила с чувством абсолютной идеализации семейного патриарха. Арест торговца наркотиками был метафорой отцовского действия, которое позволило Еве покончить с семейным мифом и выйти из спирали саморазрушения.

Посттравматическое инцестуозное слияние

Лео и Сандра[219] - жертвы крайне жестокого обращения со стороны обоих родителей; они были избиты и оставлены без медицинской помощи в стенных шкафах. В результате страшных побоев Лео лишился глаза. Его сестра и он сам были изнасилованы отцом. Решением суда они были отданы на воспитание в приемную семью. Когда Сандра рассказывает об инцестуозной связи между ней и братом, им соответственно 11 и 13 лет. Воспитатели потрясены; они как будто забыли о мире насилия и трансгрессии, в котором долгие годы жили эти дети. В ходе консультации, при упоминании о сексуальных отношениях между братом и сестрой, в глазах социальных работников читаются отвращение, отторжение и гнев. В нашем присутствии Лео и Сандра ведут себя как близнецы: они обмениваются быстрыми сообщническими взглядами, общаются друг с другом с помощью едва заметных жестов пальцами, бровями, ртом; при этом, с нами они говорить отказываются. Для них мы - новые враги, препятствующие их посттравматическому слиянию. Социальные службы приняли решение разлучить их. С давних пор, в целях самозащиты, Лео и Сандра научились общаться между собой без слов; взглядами, которые, как правило, ускользают от внимания взрослых и непонятны им. В семьях, где практикуется жестокое обращение, идет война, и дети вынуждены общаться тайно, чтобы избежать наказания. Они учатся моментально повиноваться взрослым, которые жестоко с ними обращаются, и выживают благодаря своим секретным кодам.

Лео, чье тело сексуализировано гомосексуальным инцестом, постоянно чувствует себя униженным; он действительно искалечен побоями. Его львиное лицо крайне обезображено. Сандра, лишенная девственности отцом, знает о безусловной

[219] M. Nisse, P. Sabourin, «Corps incesté – rêve de vie», dans Cahiers critiques de thérapie familiale et de pratiques de réseaux, 1999, № 22, (исправленнная и дополненная версия).

любви своего брата, которому она отвечает взаимностью, хотя и признает, что он принудил ее к сексуальным отношениям. Вместе они образуют близнецовую пару, не признающую никакого авторитета. Будучи жертвами инцестуозного отцовского садизма, они вместе открыли сексуальность и сексуальное удовольствие, что еще больше сплотило их в их бедственной ситуации. Разумеется, этому новому инцесту следует положить конец, но он должен расцениваться иначе, чем пережитое ими бесчеловечное унижение преступным отцом. Брат и сестра действительно любят друг друга.

Судебный процесс в суде для несовершеннолетних и верный тон речи ювенального судьи позволяют Лео смириться с наказанием: ему вынесено предупреждение, и он должен выплатить своей сестре компенсацию. Будучи сам жертвой насилия, искалеченный отцовскими побоями, за которые тот не был по-настоящему наказан, Лео понимает смысл санкций и соглашается с законом, отличающимся от садистских правил мучителя-отца. По той же причине Сандра принимает болезненную разлуку, навязанную им.

Сандра, которой исполнилось 13,5 лет, по-прежнему живет в своей приемной семье, тогда как 15-летний Лео, с момента их разлучения, ведет себя все хуже и хуже. Он играет с ножом, был задержан полицией, и ему запрещено посещать деревню, где он совершил нападение на другого мальчика. Это произошло вскоре после того, как у него началась любовная история с девочкой ровесницей. Но она насмехалась над его обезображенным лицом... «Я был весь на нервах», - говорит он.

Влюблена?

В приюте, куда, в конце концов, была помещена Сандра, она сталкивается с педофилом, бежит оттуда, вскрывает себе вены и влюбляется в 20-летнего юношу. В ходе одной из консультаций, после всех этих перипетий, она пытается жестами объ-

яснить брату, что возможно беременна. Лео меняется в лице, краснеет от ярости, сжимает кулаки, и все его тело сжимается. Юноше, с которым встречается Сандра, было предъявлено обвинение в растлении малолетних (сексуальное покушение на 15-летнюю девочку). Лео немного успокаивается. Сандра замечает это и быстро говорит ему: «Я имею право на мечту». Лео бледнеет и стучит себя по груди, давая понять, насколько он взволнован ее признанием. В его голове немедленно возникает фантам убийства-инфантицида-аборта, который он выражает следующим образом: «Вскрыть ей живот и уничтожить то, что внутри, вытащив его сзади», - говорит он, делая убийственный жест вскрывания живота сестры, которая ускользает из-под его контроля. Этот фантазм возвращает Лео к жестокой реальности. Образ искалеченного тела сестры напоминает ему о садизме его отца, который действительно лишил его глаза, избивая палкой. В этот момент Лео идентифицирует себя со своим агрессором...

«Она не будет портить нам радостную новость»

«Мечта» Сандры позволяет ей избавиться от мыслей об отцовском инцесте, ненависти ее биологических родителей, а также об инцесте с братом, из которого не может получиться ничего хорошего, как она понимает, несмотря на переживания.

Пойдет ли она на аборт? «Я не убийца», - отвечает она. В их жизни секс и возможное убийство связаны фигурой их инцестуозного отца. Бессознательно Сандра избавляет брата от этой патологической связи. Он тоже может ждать этого ребенка, которому он будет дядей. К всеобщему изумлению, при упоминании аборта Лео отвечает ей следующее: «Ты не можешь так со мной поступить!» и обращаясь ко всем с полуулыбкой: «Она не будет портить нам радостную новость...». Этот исключительный момент – важный этап освобождения от их инцестуозного посттравматического слияния.

В отличие от этих двух примеров, где в основе любовных отношений между подростками лежала нежность, как правило, в инцестуозных отношениях брат-сестра разница в возрасте более существенна и сексуальное насилие со стороны брата сопровождается угрозами, заточением, физическим насилием, запугиванием и использованием разного рода предметов: щетки для волос, карандашей и т.д. В недавнем североамериканском исследовании авторы из Квебека[220] определяют разные формы инцеста, в зависимости от того, кто является виновником: братья, отцы или приемные отцы. Для 75 жертв в возрасте от 5 до 16 лет характер злоупотреблений во многом схож; при этом, пенетрация чаще происходит в категории инцестов брат-сестра, чем в категории отец-дочь (34,8%), и ее частота опускается до 27,3% в категории приемный отец-приемная дочь.

Поиск законности

Вваливаясь в терапевтический кабинет, 14-летний Адонис с порога делает, представляясь нам, ошеломительное заявление: «Я – сын моего деда». Социальные работники догадывались об инцестуозном происхождении Адониса, но до сих пор никаких доказательств его не было. Тем не менее, кажется, все знают о том, что Адонис – сын своего деда по материнской линии, т.е. одновременно сын и брат своей матери Угетты. Адонис носит фамилию мужа своей матери, отца его брата Мишеля, который младше Адониса и полностью ему подвластен, зачарованный его разрушительным потенциалом. Адонис проверяет, насколько мы чувствительны к шокирующим заявлениям, и в ходе последующих сеансов больше не говорит о своем происхождении.

---

[220] M. Cyr, J. Wright, P. McDuff, A. Peron (отделение психологии, Монреальский университет, Центр Молодежи Морисии – Центр Квебека), «Intra familial sexual abuse: brother-sister incest does not differ from father-daughter and step-father-step-daughter incest», Child Abuse and Neglect. The international journal, Official publication of the International Child Abuse Society for Prevention of Child Abuse and Neglect, v. 26, n°9, New York, Free Press, sept. 2002, стр.957

История семьи Адониса и Мишеля драматична. Семья живет в автомобильном прицепе за счет подачек и мелкой преступности. Подозрительная смерть одного из старших братьев и рождение другого ребенка, больного детским церебральным параличом, дополняют эту картину социального и психологического убожества. Учитывая лишения социального и воспитательного характера, все дети этой семьи были рано отданы в приюты и приемные семьи. Адонис впервые оказался в приюте, еще будучи младенцем. И он, и его брат Мишель демонстрируют ярчайшие симптомы целого ряда аффективных расстройств: психомоторная нестабильность, психическая фрагментация, отставание в школе, клептомания, большие сложности при интеграции в коллектив, сексуализированное поведение, сильное заикание и дискордантные улыбки у младшего из детей. Физическое насилие между детьми – привычная вещь. Адонис и его брат не могут считаться душевно больными, но у них есть для этого все предпосылки. Адонис вывел из терпения свою последнюю приемную семью и переведен в новое место. Через три месяца после устройства в новую семью он совершил сексуальное нападение на семилетнюю девочку, растущую у тех же приемных родителей, жертву инцестуозного обращения в ее родной семье[221].

Муж матери

По предварительным данным, подросток принуждал девочку к куннилингусам. На этой стадии лечения встает важнейший вопрос: какова причина всех этих трансгрессивных поступков? Мы знаем, что за полгода до этого Адонис написал письмо, где он рассказал о том, что когда был маленьким, подвергался сексуальным злоупотреблениям со стороны мужа матери. Это

[221] Мы хотим выразить здесь сожаление в связи с постоянной нехваткой приемных семей, что приводит к соседству детей с тяжелыми симптомами, которые, напротив, нуждаются в персональном уходе и защите. Во Франции недостаточно приемных семей. Это - обращение ко всем людям доброй воли...

письмо было доставлено со всей бюрократической неспешностью, да еще и с ошибкой в адресе. Тем временем приют, куда был помещен один из его младших братьев, пошел на сближение с родителями, не посоветовавшись со всеми сторонами. В результате Адонис стал вести себя более буйно и провокационно, забыв о своем письме, где он говорил о себе как о жертве сексуального насилия. После отправления этого важнейшего послания его психическая фрагментация достигла своего пика. Его воспитатель, кажется обиженный тем, что Адонис написал напрямую прокурору, косвенно мстит ему, заявляя, что бригада по делам несовершеннолетних «некомпетентна, чтобы выслушать его заявление». И зло сделано. На бессознательном уровне Адонис понимает это сообщение буквально, как отказ прислушиваться к нему как к жертве. Когда становится известно о его сексуальной агрессии в отношении маленькой девочки, его референт напоминает ему о письме прокурору, но Адонис резко отвечает: «Я никогда этого не писал». Теперь он полностью идентифицирует себя с агрессором и впадает в амнезию.

Выйти из лабиринта

Как помочь этому несовершеннолетнему агрессору выбраться из этого порочного круга? Мы восстанавливаем вместе с ним цепь событий и упоминаем о другом важном элементе, присутствующем с самого начала терапии: его беспокойстве о его маленькой сестре Кароль, единственном ребенке, не помещенном в приемную семью.

На деле социальные службы имеют основания подозревать, что девочка, как и все остальные дети, подвергается жестокому обращению. Они наивно начинают свое расследование и спрашивают у матери Адониса, действительно ли неоднократные госпитализации Кароль - следствие «падения с лестницы», как заявляет она сама и ее муж. Как и следовало ожидать, родители ретируются: они исчезают, не оставив адреса, что приво-

дит к новому обращению к прокурору со стороны терапевтов. Это оповещение, равно как и все предыдущие, не дает никаких результатов...

При работе с пациентами - сексуальными агрессорами необходимо помочь им восстановить в памяти события, которые предшествовали поступку сексуального характера, и проследить с ними шаг за шагом череду эмоций и импульсов.

Как говорит наш коллега и друг Арнон Бентовим в своем исследовании о детях- жертвах и авторах злоупотреблений:

> *Многие мальчики агрессоры признают, что их действия заслуживают порицания, и хотят, чтобы им помогли контролировать их поведение. Обычно нам не попадаются мальчики с извращенным поведением или полностью аморальные*[222].

Хотя последнее утверждение должно быть серьезно нюансировано, поведение Адониса в ходе терапии действительно свидетельствует о его глубокой заинтересованности в поиске причин своих поступков. Он никогда не отрицал факты. Хотя он и делал вид, что не слушал нас, свернувшись калачиком на диване и заткнув уши наушниками, он не терял ни крохи из нашего восстановления цепи событий, и, в конце концов, он, к изумлению социальных работников, спонтанно дал номера мобильных телефонов своих родителей, чтобы расследование могло продолжиться. Хотя Адонис уверен в том, что он будет преследоваться за свои преступные сексуальные действия, – что мы подтвердили ему на консультации – он резонно желает, чтобы его приемный отец также ответил за свои деяния перед судом.

---

[222] A. Bentovim, «L'influence des expériences précoces d'abus sexuels sur la formation des choix sexuels à l'adolescence», dans Les atteintes sexuelles sur les enfants. Quels soins pour les auteurs? Исследовательский день 24 ноября 1997 в Кане (ассоциация «Echanger autrement», Neuilly-le-Malherbe), стр. 11

Смешение чувств, ощущение покинутости, непонятости и ранняя подверженность семейному насилию – таковы критерии, которые систематически обнаруживаются при анамнезе несовершеннолетних сексуальных агрессоров. Для их терапии и, в первую очередь, ради их будущего крайне важно дать им ключи для понимания их импульсивных действий. Именно благодаря этому новому пониманию их глубоко скрытых, запутанных импульсов, они смогут постепенно воссоздать психическое единство, расколотое до терапии. Они также смогут научиться обращаться за помощью, чтобы избежать рецидива. Адонис признает, что его поиск законности был полезен, хотя он должен будет понести наказание. Именно поэтому мы можем прогнозировать, что этот мальчик, несмотря на его возможное инцестуозное происхождение и все то, что он перенес, не движется в сторону перверсии или психоза. Он может научиться просить о помощи, чтобы избежать рецидива.

СМЕШАННАЯ СЕМЬЯ

Вилли достиг совершеннолетия, когда обнаруживается, что несколькими годами ранее он применял насилие в отношении двух дочерей своей мачехи. Девочки были на 10 лет младше его. Школа, обеспокоенная нарушениями в поведении девочек, оповестила родителей. Вилли немедленно сознается в своих поступках, но отрицает тяжесть содеянного. Он говорит: «Они прекрасно знали, что произойдет, когда хотели спать в моей комнате. Они были согласны.»

В ходе терапии он начинает с рассказа об особой атмосфере в доме его отца и его мачехи. Тогда как его собственная мать имела склонность его инфантилизировать, мачеха, напротив, выглядела очень сексуально и вызывающе. Вилли рассказывает, что в первые же выходные, проведенные с отцом и его новой женой, он был ошарашен видом многочисленных предметов женского белья, которыми был усеян пол гостиной. Он говорит,

что мачеха ходила по дому обнаженной. Злоупотребления в отношении сводных сестер начались сразу же, как только он стал приходить в дом отца. Вилли заявляет, что он не насильник, но не помнит точно, что именно он с ними делал. Он сознается в эксгибиоционистском поведении, компульсивном вуайеризме и постоянной мастурбации. Мальчик также говорит о тревожащих его мыслях о суициде, но мы констатируем, что они эффективно снимаются компульсивным генитальным и анальным аутоэротизмом. Он совершенно не помнит о какой-либо прямой сексуальной агрессии против него. Пик его полового созревания пришелся на тот момент, когда он познакомился с новой возбуждающей и чувственной мачехой; таким образом, все ранее существовавшие невротические барьеры оказались сняты и перверсивные импульсы освободились. При общении с терапевтом он сразу говорит, явно сконфуженный: «Вы видите, я не могу смотреть на ваши ноги!»

Врач подключает мать к сеансам терапии и способствует эволюции отношений матери с сыном. Вилли крайне разочарован тем, что его до сих пор не судили за его поступки. Он совершенно справедливо замечает, что долю ответственности несет его отец, в какой-то степени оставивший его на попечении двух матерей. Он с волнением ждет, когда отец согласится встретиться с ним; с тех пор как стало известно о сексуальной агрессии Вилли против дочерей его жены, тот отказывается видеть сына. Почему отец отказывается помочь сыну? Последующие сеансы терапии помогут нам ответить на этот вопрос.

Немного позже, желая возобновить отношения хотя бы с маленьким братом, оставшимся у отца, Вилли отправляет ребенку рождественский подарок. Однако отец, не желая прощать Вилли, возвращает посылку и пишет ему письмо, в котором он призывает сына продолжить размышлять о своем поведении. Он настаивает на необходимости наказания за совершенные им поступки и говорит о страшных последствиях его преступного

поведения для девочек и для его жены. Парадоксальным образом, этот унизительный возврат подарка становится для Вилли долгожданным переломным моментом: он, наконец, решается спросить у своих бабушки с дедушкой о причинах разрыва с его отцом.

Чтение этого письма и напоминание отцом о законе стали для него событием, вернувшим ему надежду и давшим возможность продолжить терапию.

Сегодня Вилли и его отец наконец начинают конструктивную терапевтическую работу по взаимному признанию.

ГРУППОВЫЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

В последние годы мы много слышим о коллективных изнасилованиях, совершаемых группами молодых преступников, так называемых «групповухах».

> *Между собой некоторые юные обитатели бедных пригородов […] называют это место «лофтом». Это обжитые и «с комфортом» обустроенные подвалы, где они собираются вместе, вдали от взглядов посторонних. […] Л. хорошо знала «лофт», но с самой невинной стороны. Она провела там несколько часов с приятелем из лицея на спокойной вечеринке, участники которой возможно выпили немного алкоголя. Несмотря на некоторые развязные замечания в ее адрес, Л. спокойно вернулась домой […]. Трагедией это обернулось на следующий день. Один из подростков заставил Л. сесть в машину. Зажатая на заднем сиденье […], она попала в ловушку. Один из пассажиров был пьян, поездка на машине закончилась в «лофте» […]. Напряжение росло; выкурив несколько «косяков», агрессоры становились более настойчивыми и начали лапать девушку. Неожиданно, ситуация полностью выходит из-под контроля, агрессоры насилуют ее, прижав лицом к стене. После агрессии мучители осво-*

бодили терроризированную девушку, которая блуждала по улицам; ей удалось одолжить телефонную карту у прохожего. Три дня она находилась в состоянии шока[223].

Такова обычная схема агрессий подобного типа, страшное описание которой, дает Самира Беллил:

Мы находимся в мусорном отсеке. Рядом стоят огромные зеленые мусорные баки, на полу громоздятся пакеты с мусором, из-под крана течет вода. Стоит ужасная вонь. Если я буду дышать, меня стошнит. Мою голову наполняют видения последнего раза. Меня подкашивают страх, ненависть и чувство бессилия […]. Я чувствую как пол леденит мне спину, но его я не чувствую. Я неподвижна, я не ощущаю своего тела. Как и в прошлый раз, я спасаюсь оттуда, я ухожу в свои мысли[224].

Изначально девушка ни о чем не подозревает, так как приглашается юношей, которому она симпатизирует; в первый раз она следует за ним по собственному желанию, он же загоняет ее в ловушку, чтобы она могла использоваться как сексуальный объект всей группой подростков. Подобная схема действий хороша тем, что она стирает внутреннее понятие ответственности у насильников. Группа соучастников действует как механизм, освобождающий садические сексуальные импульсы каждого.

В случае Л.:

Быстро уведомленная полиция конфискует машину подозреваемых. Владелец машины задержан в тот момент, когда он звонит из телефонной кабины в участок, чтобы узнать, в чем дело […]. Заключенный под стражу в том

---

223 Le Républicain, 18 juillet 2002.

224 S. Bellil, Dans l'enfer des tournantes, Paris, Denoël, coll. «Impacts», 2002, p. 43-44

же отделении, он встретит там свою жертву, которая официально его опознает[225].

Во время предварительного заключения несовершеннолетних агрессоров Л. неоднократно угрожали смертью. Эта чудовищная ситуация вводила ее в панику. Поскольку двое из агрессоров были быстро отпущены, хотя им и было предъявлено обвинение, девушка попыталась покончить с собой на следующий же день.

В то время судьи еще не располагали новой мерой, альтернативной тюремному заключению, а именно знаменитыми «открыто-закрытыми центрами», о которых говорит судья, описывающий случаи этих «несовершеннолетних нигилистов[226]», в отношении которых, до недавних пор, применялись лишь «криминогенные» меры, то есть тюрьма.

В случаях групповых изнасилований, даже после осуждения, близкие этих несовершеннолетних агрессоров отрицают тяжесть содеянного и особенно ответственность их детей, утверждая, что девушка была согласна, поскольку была знакома с ними. Как скажет мать одного из подростков:

Он не мог этого сделать, мы никогда не говорим дома о половых отношениях. У него были школьные тетради, где я прочла, что ему объяснили размножение и тому подобное...[227].

Эти родители, чтобы защитить своего сына, явно смешивают теорию размножения, преподаваемую в школе, и изнасилование. Подобная путаница только поддерживает у этих подростков

---

[225] Le Républicain, там же.

[226] Закон от 9 сентября 2002. П. Мартен, интервью Жан-Пьера Розенцвейга, председателя детского суда Бобиньи, радиостанция France Inter, 20 октября 2003.

[227] Интервью с родителями одного из насильников Самиры (так называемое дело «каменной плиты Аржантея»), P. Clark, Tam-Tam, etc. радиостанция France Inter, 20 декабря 2002.

иллюзию вседозволенности и отрицание их действий. Будем надеяться, что санкции и новое правило общественно-правового контроля, о котором речь пойдет ниже, помогут им избежать рецидива по выходу из тюрьмы. Наш большой друг, адвокат Пьер-Оливье Сюр, много лет бьющийся вместе с нами за изменение законов в пользу жертв и улучшение их судебной защиты, успешно защищал Самиру, несмотря на явное насилие групп приятелей насильников при выходе с заседаний. Одна из девушек, столкнувшись с насильниками, отодвинула камеру телеканала TF1, как мог заметить или не заметить каждый из зрителей...

ИНТЕРНЕТ-ПЕДОФИЛИЯ

В 1999 году стало известно о существовании компакт-диска, содержащего изображения педофильского характера: на ужасающих снимках дети, возможно находящиеся под воздействием наркотиков, предстают как жертвы сексуального порабощения, в порнографических позах[228].

По окончании своей миссии во Франции в 2002 году спецдокладчик ООН заявляет в своих настоятельных рекомендациях:

> *Французское правительство должно официально передать компакт-диск Zandvoort Интерполу, чтобы последний изучил снимки, в нем содержащиеся, и установил, когда они были сделаны. […] Спецдокладчик призывает французское правительство и членов гражданского общества страны продолжать сообщать ему информацию о новых важных фактах в данном деле*[229].

В апреле 2004 года это будет сделано[230].

[228] Э. Люсе, Передача редакции, FR3, приглашенные F. Bredin, G. Glatz, M. Bouillon, M. Nisse и представитель национальной полиции.

[229] Хуан Мигуэль Пети, Доклад о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии, миссия во Францию с 25 по 29 ноября 2002, Комиссия по правам человека, 60-ая сессия, пункт 13 временной повестки дня, стр. 88 и 90.

[230] J.-M. Rouart, «Dominique Perben veut briser le sceau du secret. Un entretien avec Jean-Marie Rouart de l'Académie française», Paris Match, 22 avril 2004, №2866.

Вскоре после обнаружения в Интернете первых подобных снимков ассоциациями по борьбе с интернет-педофилией[231] было сделано еще несколько страшных открытий: в Европе было найдено еще двадцать аналогичных компакт-дисков. На этих снимках запечатлены тысячи детских лиц (личность большинства из них не установлена)[232], ставших помимо своей воли агрессорами в отношении других детей-жертв. Как пишет Бернар Валадон, с 1996 года[233] в мире регулярно обновляется 260 000 педофильских сайтов.

Как объясняет комиссар полиции Марсель Фор в интервью телепередаче «Pièces à convictions» (Улики) на канале FR3[234], интернет-педофилия организована по системе «дорожной пошлины»: каждый потенциальный посетитель педофильского сайта получает право доступа только после того, как он сам предоставит сайту множество детских порнографических фотографий. Известно, что европейская и международная полиция ведет борьбу с этим явлением. Судя по всему, немаловажную роль здесь играют прямые инициативы отдельных представителей правящих элит. Так, шведская королева Сильвия объясняла на пресс-конференции, организованной Фондом в защиту детства (основанным Анн-Эймон Жискар д'Эстен[235]), что ни одна страна не избежала этого современного бедствия, быстро распространяющегося по планете:

> *В отличие от наркотиков, дети могут быть проданы многократно; [...] по приблизительным подсчетам, каждый день в мире жертвами такой торговли становится 3000 детей, т.е. 125 детей в час.*

---

[231] Источник: ассоциация Le Bouclier: www.bouclier.org

[232] S. Garde, L. Beneux, Le livre de la honte. Les réseaux pédophiles, Paris, Le Cherche-Midi, 2001.

[233] Источник: ассоциация Le Bouclier, 2003.

[234] Передача Pièces à conviction, FR3, ведущая Элиз Люсе, 2002.

[235] Пресс-конференция по случаю 25-ой годовщины Фонда в защиту детства, 2 декабря 2002, Париж.

Недавно ФБР применило новые методы в борьбе с растущей интернет-педофилией:

> *Четырнадцатилетние Карен и Мэри – недавно нанятые агенты ФБР. В офисах Бюро в Балтиморе, где собраны все досье на педофилов, действующих на американской территории, девочки должны знакомить взрослых сотрудников с кодами молодежной культуры и, особенно с особенностями подросткового общения в Интернете. В «чатах» или телефонных сообщениях первое правило – это лаконичность: каждое слово обозначается одной буквой. Сообщения настолько сжаты, что для их расшифровки требуется быть посвященным. Многие извращенцы находят своих жертв, внедряясь в «чаты», где они представляются эмансипированными подростками*[236].

Так, например, они используют инициалы, изобретенные подростками, желающими предупредить своих друзей, когда в комнату входит кто-то из родителей. Обозначение POS, срочно отправленное собеседнику, позволяет ему понять: parents over shoulders (родители за спиной)[237]. Подобная изобретательность характерна для педофилов, экспертов в мистификациях...

Возмущенный ростом подобной преступности, полицейский Жарлоф создал программное обеспечение по защите детей LogProtect, которое он бескорыстно передает родителям, озабоченным безопасностью их детей в Интернете. На следующий день после обнародования этой радостной новости французским телеканалом TF1 по случаю «Международного дня детей, пропавших без вести», Николь Гедж, госсекретарь по правам жертв, сообщила, что будет активно содействовать продвижению этой инициативы.

---

[236] R. Le Sommier, «Les Lolitas du FBI», Paris Match, le 30 octobre 2003.
[237] Там же.

На конференции Фонда в защиту детства судья Ивон Таллек, глава прокуратуры по делам несовершеннолетних при Высоком суде Парижа, подчеркнул важность содействия Фонда программе европейского сотрудничества в сфере защиты несовершеннолетних: Европейскому бюро по проблемам детей, находящихся в опасности, исчезнувших или подвергающихся эксплуатации - OEEDDE. Он также сообщил о скорой встрече между представителями судебных систем европейских стран в рамках программы Уголовный Grotius[238] по теме «Детская порнография в Интернете и сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в коммерческих целях». Эта встреча, проходившая в Афинах в марте 2003 года, и на которой присутствовал министр юстиции Франции, позволила прояснить некоторые конкретные случаи, благодаря контакту между европейскими судебными работниками, инициированному французскими «связными» сотрудниками, находящимися в разных точках Европы. Французская национальная школа магистратуры является одним из партнеров по внедрению этой новой сети защиты.

ПРОСТИТУЦИЯ В СЕТИ МИНИТЕЛ[239]

Четырнадцатилетний Усин, родившийся от неизвестного отца, удивляет, обескураживает и беспокоит всех опекающих его социальных работников. Уже много лет Усин проводит долгие часы в семейном Минителе в поисках «настоящего мужчины». Таким образом, он попадает в сообщества гомосексуалистов и педофилов, где потенциальные партнеры назначают ему тайные свидания, на которые он является в секрете от родителей. Он предоставляет сексуальные услуги в обмен на деньги и наркотики (гашиш), и, кажется, вполне трезво оценивает свою ситуацию малолетней проститутки. Но это только видимость: на

[238] Бюджетная линия Grotius европейских инстанций за совмещение национальных законов и правовых и административных мер в сфере детской преступности и защиты детства в странах ЕС.

[239] Французская абонентская телеинформационная сеть.

деле его растущему отчуждению способствуют отвращение к себе, мысли о самоубийстве, уход из школы и аффективная изоляция, не говоря уже о риске заражения СПИДом, от которого он «не знает, как уберечься». Нам известно, что в этом типе сексуального порабощения требование незащищенных половых отношений обыденно. Его мать - тридцатилетняя женщина, похожая на подростка - живет с пожилым мужчиной, которому более 75 лет. Они догадались о том, что происходит с Усином, только получив крайне высокий счет за телефон!

С тех пор как ему исполнилось 6 лет, Усин считает себя гомосексуалистом от рождения; анализ, однако, позволяет понять, что мальчик находится в бессознательном поиске отца, но делает это, принимая позицию сексуального раба. К сожалению, в этом случае терапия невозможна.

С 2002 года проституция несовершеннолетних во Франции запрещена, и несовершеннолетние проститутки, которые по определению подвергаются опасности, защищаются ювенальным судьей[240]. Взрослые «клиенты» преследуются по закону[241]. В нашей книге «La Violence impensable» («Немыслимое насилие») мы уже установили связь между проституцией и ранними сексуальными злоупотреблениями. В 2002 году Национальная комиссия по борьбе с насилием в отношении женщин провела исследование на эту тему: доля жертв изнасилований в детстве среди проституток очень показательна. Очень многие из них, девочки и мальчики, в детстве уже эксплуатировались в сексуальных целях[242].

Повсюду в Европе девочки и мальчики, растущие в неблагоприятных семьях, бывшие жертвы инцестов и изнаси-

---

[240] Ст. 13 закона от 4 марта 2002 года о правах родителей.

[241] Там же, секция 2-бис, «Об использовании услуг детской проституции», ст. «225-12-1 и последующие.

[242] М. Маркович (докладчик), «Система проституции: насилие в отношении женщин», Национальная комиссия по борьбе с насилием в отношении женщин, Париж, 2002.

лований, пополняют резервы «свежей плоти» для подглядывающих за ними монстров. Продюсеры порнофильмов и сутенеры поджидают их на выходе из дома. Из огня да в полымя! Зачем тратить время, зачем терять уже готовых рабов. Уже изнасилованные тела утилизируются для коллективного изнасилования, бесплодный социальный организм воспроизводится с абсолютной точностью, равно как и ужасающая память... Но мы этого не замечаем[243].

Сексуальное насилие в сектах

Доклад, принятый 22 декабря 1995 года Национальным Собранием и озаглавленный о «Сектах во Франции», дает определение принуждению в «рамках секты» с помощью десяти следующих критериев: моральная дестабилизация, разрыв с привычной средой, покушение на физическую целостность, вербовка детей, антисоциальный дискурс, нарушения общественного порядка, конфликты с правосудием, обход экономических правил, чрезмерные финансовые требования, внедрение в государственные службы[244].

В 1996-1997 году мы начали получать звонки от семейных психологов, пораженных степенью насилия и методичностью сексуальных агрессий, которым подверглись доверенные им дети. Эти психологи не справлялись с ситуацией, не зная, что думать о трагических описаниях коллективных сексуальных злоупотреблений, о детях, обращенных в рабство, и убийствах детей. Никто никогда не говорил им о подобных явлениях, а в прессе еще не появилась информация о компакт-дисках с подобным содержанием. Они не догадывались о существовании так назы-

[243] I. Sorente, Le cœur de l'ogre, Париж, J.-C. Lattès, стр.188
[244] G. Antonowicz, там же, стр. 155.

ваемых snuff movies: продаваемых в Интернете видеозаписей, где засняты настоящие убийства.

Мы знали почти так же мало, как они, но наш клинический опыт приучил нас к тому, что не следует систематически ставить под сомнение шокирующие признания. Мы были готовы принять на веру возможную реальность этих жестоких, видимо организованных актов в условиях, когда нажива и мегаломанический бред оправдывают любые бесчинства.

Вскоре ситуация начала проясняться, некоторые изолированные случаи стали доходить до нашего Центра. Это были дети, подростки и взрослые различных социальных категорий и из самых разных регионов, которые доносили до нас сходные, леденящие кровь факты. Они говорили о том, как трудно им привлечь внимание судебных органов, а их физические и психические травмы были сродни тем, что получили узники концлагерей... Кто мог им поверить? Как говорить о пережитых ужасах, не возвращаясь к ним мысленно всякий раз при упоминании о них? О тех ужасах, которые они заставили пережить других детей ради удовольствия взрослых вуайеристов и под страхом еще более извращенных пыток, одно упоминание о которых снова возвращает их в ад? До, во время и после изнасилований их принуждали смотреть кровавые видеозаписи садического умерщвления детей.

Ужас, читающийся на лицах и в жестах детей-свидетелей-жертв слишком нашумевшего дела Утро[245], – один из способов выражения детей в суде. Жюри присяжных должно принимать во внимание невербальную коммуникацию – язык телодвижений правдив.

Юная Летиция Делез, жертва бельгийского педофила Марка Дютру, не захотевшая обратиться за помощью к терапевтам

[245] Дело Утро́ (по названию французского города Outreau): суд 2004-2005 гг. над 17 взрослыми, заключенными под стражу по обвинению в актах педофилии, предъявленнымиесколькими детьми. Впоследствии все обвиняемые были оправданы, поскольку показания детей были признаны ложными.

в момент суда над своим мучителем, мужественно объясняет в интервью журналу ELLE:

> *Лишь те, кто пережил то, что пережили мы с Сабин (Дарденн), могут действительно понять. Другие могут вообразить, но они не знают, что мы чувствуем*[246].

Некоторые из жертв говорят о применении наркотиков, которые заставляют их делать все, что от них требуется и бояться худшего, особенно если им были показаны сцены из фильмов с убийствами и пытками. Другие описывают ритуальные организации, где мужчины и женщины переодеты в костюмы, иногда с масками и крестами на плечах; порой тело жертв покрывалось эзотерическими символами перед каждым актом насилия, они слышали непонятное пение и видели гипнотические манипуляции. Самые маленькие из жертв изображают в форме комиксов, ребусов или загадок тайные агрессии, которые должны были гарантировать их молчание. Книга Реджины Луф «Тихо: здесь убивают детей»[247] о ее месте в организации детской проституции в связи с делом Марка Дютру является редким и ценным свидетельством.

Если дети помещены судьей в приюты и приемные семьи, их легче защитить, хотя их запутанные истории приводят в недоумение многих опекунов. С недавних пор детские свидетельства в делах об инцесте, жестоком обращении или педофилии в семейном кругу имеют намного больший вес, чем раньше, и это не может не радовать, однако реальность агрессий в рамках сект еще с трудом поддается пониманию.

Мы констатировали, что редкие пациенты, подобные Реджине Луф, не находились ни в состоянии бреда, ни в смешанных чувствах, и не были ни мифоманами, ни шизофрениками. Идет

[246] C. Laurent, «Laetitia Delhez, revivre après l'horreur», Elle, 17 мая 2004.
[247] R. Louf, Silence, on tue les enfants, Бьерж (Бельгия), Mols, 2002.

ли речь об измышлениях и ложных обвинениях? Мы наблюдали скорее тенденцию минимизировать пережитый ужас благодаря фрагментации идентичности и истерическим конверсиям. Эти защитные механизмы очень эффективны, так как позволяют оказывать долгосрочное сопротивление, которое позволяет им избежать более драматичного исхода, такого как самоубийство или психическая декомпенсация. В рассказах этих жертв с многочисленными, глубокими и страшными травмами, схожими с симптомами жертв войн, сохраняется идеализация взрослого – как правило, члена их семьи, втянувшего их в секту, что приводит к фрагментарным свидетельствам исключительной сложности. Однако лишь терпеливая работа по вербализации произошедшего может дать картине проявиться как изначальному палимпсесту[248].

Учитывая опасность этих новых общественных явлений, мы можем только радоваться тому, что ювенальные судьи 25 европейских стран сотрудничают в целях реализации новой единой политики настоящего «европейского правового блока семьи и детства[249]» и движутся в направлении, заданным докладчиком ООН.

[248] Палимпсест: «Рукописный пергамент, где изначальная надпись была соскоблена, и поверх нее написан новый текст. - Переносный смысл: «Весь огромный и сложный палимпсест нашей памяти» (Бодлер), словарь Le Robert, 2000.

[249] Отрывок из речи, произнесенной Ивоном Таллеком, главой прокуратуры по делам несовершеннолетних Высокого суда Парижа, в ходе пресс-конференции Фонда в защиту детства, декабрь 2002.

11.Женская педофилия

Федра: Тесей, преступное молчанье я нарушу.
Неправда мне давно обременяет душу.
Невинен был твой сын.

Тесей: О, горе! Горе мне!
Но сына проклял я, доверившись жене!
Убийца!.. Или мнишь ты получить прощенье?..

Федра: О, выслушай, Тесей! Мне дороги мгновенья.
Твой сын был чист душой. На мне лежит вина.
По воле высших сил была я зажжена
Кровосмесительной неодолимой страстью.
[…]

Расин[250]
(пер. М.А. Донского)

«НЕУЖЕЛИ ТАК БЫВАЕТ?»

Какое недоверие и отвращение видим мы в глазах наших собеседников, когда рассказываем об этом недавно приобретенном терапевтическом опыте. «Разве бывают… женщины-педофилки?» - слышим мы одну и ту же фразу, сопровождаемую выразительной гримасой.

[250] Расин. «Федра», действие V, явление последнее.

В самом деле, хотя действительность примирила нас с неудобной мыслью о том, что дети являются объектом многочисленных сексуальных домогательств, которые могут происходить в семье, в школе, в детском лагере, мы в то же время пришли к лукавому убеждению, что эти посягательства исходят в основном от мужчин.

Во Франции практически отсутствует статистика по этому вопросу; данные о масштабах женской педофилии встречаются редко. Для этого следует обратиться к работам врачей, работающих в тюрьмах. На сегодняшний день существует единственное исследование по теме – это работа Филиппа Женю и Жан-Марка Дешакта[251].

ПЕРВЫЕ ФАКТЫ

Несколько цифр

Исследование проводилось между 1985 и 1995 годами в тюрьме города Ренн среди 69 женщин, отбывающих наказание за деликты или преступления, совершенные в отношении детей, чаще всего своих собственных… Они были осуждены как сообщницы или основные исполнительницы преступлений. Жан-Марк Дешакт и Филипп Женю отметили, что с 1995 года таких заключенных в Ренне стало больше. Им обычно лет тридцать, они замужем или живут в гражданском браке. Имеют низкий уровень образования. В их анамнезе нет ни психиатрических заболеваний, ни психозов, ни глубоких депрессий, вследствие чего они были признаны вменяемыми. Такой этиологический фактор, как тяжелое и хроническое алкогольное отравление, был признан у 36% женщин. Многие в прошлом подвергались насилию: 40% испытали на себе в детстве физическое насилие со стороны матери и / или отца,

[251] Ph. Genuyt, J.-M. Deschacht, «Femmes agresseuses sexuelles en France», inA. Ciavaldini et C. Balier, Agressionssexuelles: pathologies, suivis thérapeutiques et cadre judiciaire, Paris, Masson, 2000, p. 47-56.

а 34% из них – сексуальное насилие со стороны члена семьи мужского пола.

Большая часть осужденных женщин – 64% – полностью или частично признают свою вину, а 36% абсолютно не осознают, что нарушили запрет, и, разумеется, неспособны прочувствовать страдание другого человека. Часто таких женщин признают виновными в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетних, если члены семьи все вместе смотрят фильмы порнографического содержания. Дети этих женщин могут иногда стать свидетелями их любовных утех… Авторы исследования приходят к выводу о садомазохистской составляющей личности осужденных, покорных и с низкой самооценкой.

Число женщин, осужденных за изнасилование с 1996 по 2000 гг., увеличилось с 19 до 52. За этот же период возросло с 48 до 84 и количество осужденных за насильственные действия сексуального характера. Число осужденных за сводничество не изменилось: 93[252].

4,3% звонков на номер 119

После принятия закона от 10 июля 1989 г., во Франции существует бесплатная анонимная круглосуточная телефонная служба, цель которой – помочь людям, взрослым и детям, жертвам и насильникам, свидетелям и случайным свидетелям, всем, кто не знает, как себя вести в ситуациях жестокого обращения. Ежегодно эта служба, которую уже более десяти лет возглавляет наш друг Анни Годьер, публикует эпидемиологическое исследование о том, как обстоят дела с жестоким обращением во Франции. Заинтересовавшись работой службы 119, глава государства даже нанес туда частный визит.

Хотя в службу поступает большое число звонков по наду-

[252] Annuaire statistique de la justice (édition 2002), ministère de la Justice, La Documentation française, avril 2002.

манным поводам, которые перенаправляются на специальную платформу и с которыми, тем не менее, терпеливо работают, операторам часто приходится слышать патетические речи вроде этой:

> *Вам я могу об этом рассказать, потому что вас нет, я вас никогда не увижу*[253].

Согласно исследованию 1999 г., в службу поступило 238 анонимных звонков, в которых выказывалась обеспокоенность по поводу женщин-насильниц.

90% из этих 238 звонков сообщали о фактах сексуальных домогательств со стороны матерей, половина из которых жила без мужа. О фактах сексуального насилия чаще всего сообщали люди из окружения ребенка или соседи; в 10% случаев это были друзья жертв.

В 2002 г. 4,3% всех телефонных звонков, сообщавших о случаях жестокого обращения на сексуальной почве, касались матерей. Рост цифр свидетельствует, на наш взгляд, о том, что общество перестало мириться с проблемой, осознало ее, и что отношение к такого рода нарушениям стало меняться.

Измерить реальные масштабы женского насилия еще сложнее, чем масштабы мужского насилия. Частично сложность связана с тем, что́ именно называть преступлением на сексуальной почве. В решении Кассационного суда от 1998 г. уточняется, что нельзя квалифицировать деяние как изнасилование, если женщина заставила мальчика совершить с ней половой акт. Суд считает, что в данном случае речь идет «только» о насильственных действиях сексуального характера, то есть о деликте, который подлежит рассмотрению не в уголовном судопроизводстве, а в исправительном.

---

[253] SNATEM (Service national d'accueil téléphonique pour l'enfance maltraitée), Rapport d'activité 2002, p. 16.

Мальчик-потерпевший не может подать заявление об изнасиловании, даже если он чувствует себя изнасилованным, а последствия оказались для него разрушительными, как любое совращение, сопряженное с принуждением и насилием, и дают о себе знать спустя долгое время.

Оливье стал жертвой насилия со стороны матери в пятилетнем возрасте. Он не знает, как выразить свои чувства после изнасилования. Он говорит: «Это черная дыра», затем спохватывается, смущенный невольной и ужасной «игрой слов». После этого насилия-изнасилования, он страдает раздвоением личности с непреодолимым влечением к педофилии, с которым ему удается справляться благодаря семейной терапии, в которой участвует и его мать. Она признала факты, что является минимальным условием для начала работы с любым насильником.

Подобная переквалификация судом преступного деяния, которым является инцест, совершенный матерью, вызывает у мальчика непреходящее чувство вины. Помимо его воли, материнские ласки вызывают рефлекторную эрекцию, которая заставляет потерпевшего молчать о происшедшем, а в некоторых случаях, никогда не решиться заговорить об этом, и являются причиной серьезных сексуальных расстройств. Точно так же, изнасилованным девочкам, испытавшим оргазм во время акта, трудно считать себя «невиновной жертвой», чем часто пользуются адвокаты насильников.

Девятилетнего мальчика Иоакима мать ласкала на людях. Об этом сообщил на номер 119 обеспокоенный случайный свидетель. Когда мать допросили, она легко созналась: «Когда у него все затвердевает, я прекращаю, иначе это грех!» Ей было предъявлено обви-

нение, ребенка забрали из семьи… Старшая сестра подтвердила, что в их семье всегда так было: «Мне тоже мама так делала». Мальчик постоянно требовал от социальных работников, которые занимались его ситуацией, чтобы ему разрешили увидеться с матерью. Она же с не меньшим упорством хотела видеть сына. В день суда мать, которая не могла себя контролировать и все время хотела потрогать адвоката, без колебаний во всем созналась и настойчиво потребовала вернуть ей сына. К всеобщему удивлению, прокурор попросил отпустить эту женщину с кровосмесительными наклонностями со словами: «Эта мать любит своего сына, до десяти лет мать для ребенка все, отпустите ее! Она любит сына и выражает любовь с помощью рук» (sic). Но и это еще не все. Прежде чем удалиться в совещательную комнату, председатель суда заявил: «Возражает ли кто-либо из присутствующих в зале против того, чтобы ребенок сидел на коленях у матери?»

Насколько нам известно, это решение не было обжаловано. Несмотря на признательные показания матери, было принято решение о возвращении ей сына…

Не желая комментировать это судебное решение, мы позволим себе привлечь внимание к все большей инструментализации избитой психологической мысли: до десяти лет мать является для ребенка всем! Ему было девять.

Маловероятно, чтобы в подобных обстоятельствах отца, признавшегося в таких же действиях и таких же последствиях для сына, отпустили бы на свободу после того как он «выразил ему свою любовь с помощью рук!..».

Чтобы распознать преступление на сексуальной почве, совершенное женщиной, специалист должен заранее примириться с мыслью, что женщина может совершить насильственные

действия сексуального характера. Жаки Этертон из Бирмингемского университета уточняет, что это «целиком» зависит от его способности принять этот факт[254].

В исследовании, проведенном в Англии в 1984 г.[255], указывается, что на долю женщин-педофилок приходится от 5 до 20% всех преступлений на сексуальной почве, совершенных в отношении детей, девочек или мальчиков.

На примере Центра Бют-Шомон мы наблюдаем за последние несколько лет рост числа женщин, изобличенных в совершении насильственных действий сексуального характера.

Малолетние дети

Очень часто жертвами подобных действий становятся малолетние дети. Женщины ведут себя так, прежде всего, для себя, для собственного удовольствия, для наслаждения, используя принуждение и злоупотребляя родительской властью. Иногда сожитель или муж участвует в сексуальных посягательствах или изнасилованиях по инициативе самой женщины.

> Жюли едва исполнилось три года, когда ее мать «подарила» ее своему любовнику. Чтобы облегчить задачу, она сама с особой жестокостью лишила дочь девственности и подложила ее в постель любовнику-педофилу… Став взрослой, Жюли попытается рассказать о своей немыслимой драме на сеансах психоанализа, однако психоаналитик не поймет сути этого трудного признания, и дальнейшее лечение ока-

---

254 Child Abuse and Neglect. The international journal, Official publication of the International Child Abuse Society for Prevention of Child Abuse and Neglect, vol. 23, n°2, New York, Free Press, 1999, p. 161-174: «60% всехсовершенныхдеянийпроисходитвсемье, утверждают Рисини Косс в работе 1987 г.и сближаются по форме с инцестными действиями, совершаемыми мужчинами».

255 D. Finkhelor, «Child sexual abuse. New theory and research», ibid., p. 161-174.

жется неэффективным. Когда эта деликатная и умная пациентка впервые попала на сеанс индивидуальной терапии в Бют-Шомон, она была похожа на маленького настороженного зверька, готового убежать из терапевтического кабинета, если бы врач не услышала того, что она нашла в себе смелость сказать в самом начале: «Меня изнасиловала моя мать». «Сколько вам было лет?» - ответила терапевт. Услышав вопрос, Жюли поняла, что она, наконец, сможет рассказать женщине о своих детских страданиях и, может быть, преодолеть их последствия.

Путь к исцелению и справедливости весьма тернист, поскольку до сих пор трудно побороть всеобщее недоверие. Один из руководителей службы 119 рассказывал нам недавно, с каким сомнением отнеслись в управлении жандармерии к его рассказу о преобладании преступлений на сексуальной почве среди женщин.

Восьмилетняя Магда проявляла все признаки сильного возбуждения, в школе на переменах несколько детей подверглись нападкам сексуального характера с ее стороны. Этот симптом стал поводом для первого уведомления соответствующих органов. После многочисленных слушаний в социальных, медицинских, полицейских и судебных органах, было принято решение, что, проживая вместе с родителями, ребенок находится вне опасности. Лишь спустя несколько лет, когда мать ворвалась в школу и публично призналась, что вновь стала насиловать свою дочь, девочку взяли под защиту, и насильственные действия прекратились. Вопрос о наказании матери даже не пришел в голову участникам дела, так как полицейские подумали, что

раз она призналась, то она сумасшедшая и, следовательно, невменяемая.

Многие специалисты не до конца понимают, какую роль играет при этом бред, в то время как Фрейд указывал, что «безумие не только действует последовательно, но и заключает в себе часть исторической правды». Он справедливо добавлял: «Терапевтическую работу надо скорее строить на том, чтобы распознать вместе с ним (с пациентом) ядро правды, которое есть в его бреде[256]».

Как же полицейские, судьи, а иногда и журналисты могут отличить одно от другого?

«НЕ ОЧЕРНИМ ЛИ МЫ ОБРАЗ МАТЕРИ?»

Первые случаи женской педофилии, о которых нам стало известно, произошли в семье. Все дела, информация о которых поступила в Национальную телефонную службу помощи детям, подвергнувшимся жестокому обращению (SNATEM), являются внутрисемейными. Статистика, недавно собранная в Великобритании, подтверждает семейное происхождение инцестов. Но в нашей практике есть также и дети, ставшие жертвами женщин-педофилок, которые работают воспитательницами, материнскими помощницами или нянями в семьях.

Христианское общество пронизано идеологией, где мать изначально рассматривается как абсолютный идеал. Поставить под сомнение священные основы нашей культуры мучительно. Когда речь идет о женщинах, которые занимаются такой трудной профессией как воспитательницы в патронажных семьях, – профессией, к которой мы к тому же испытываем огромное уважение, – то специалисты, незнакомые с проблемой жестокого обращения с детьми, не могут даже допустить возможность сексуальной агрессии с их стороны. Даже если

[256] S. Freud, «Constructions dans l'analyse», in Résultats, Idées, Problèmes, t. II, p. 279-280.

у ребенка присутствуют симптомы, позволяющие сделать подобное предположение.

> Четырехлетняя Ванда, которую забрали из семьи, в первый же день сказала воспитательнице, что ее мама «вставляла ей палец в писю и крутила им». Во время сеанса сетевой терапии, в разговор внезапно вмешалась присутствовавшая при этом психолог: «Ну, знаете… Это же мать ребенка». И она продолжила, побледнев: «Ради ее будущего не надо ей напоминать об этих фактах во время сеансов терапии…» Резкость тона свидетельствовала о психологическом шоке этой участницы сеанса. Она назвала нас «слишком грубыми», покинула терапевтическое поле и впоследствии стала дискредитировать сетевую терапию в глазах других сотрудников учреждения, куда была помещена девочка. Мы считаем, что эта психолог была растеряна и отказывалась осознать реальность в ущерб этому ребенку из-за фобии, связанной с понятием инцеста.

Когда люди, занимающиеся защитой детей, прошли необходимое обучение, они принимают эту трагическую реальность, оказываются способны распознавать ситуации, связанные с применением насилия, преодолевать боязнь перед непроизвольной реакцией отторжения со стороны других специалистов. В противном случае, подобные фобии одерживают верх и прикрываются иллюзорным будущим ребенка, где последний якобы может обойтись без исторической правды и судебного возмещения ущерба.

Мы заметили, что женщины, проходящие лечение в Бют-Шомон, легче, чем мужчины, признаются в совершении такого рода деяний. Сделав признание, они тем самым вновь обретают способность испытывать какие-то материнские чув-

ства, что необходимо им для восстановления уверенности в себе и помогает их жертвам.

Хищницы

Специальные службы, занимающиеся устройством детей, передали нам некоторое число очень тяжелых дел, где приемные матери-педофилки воспользовались отчаянным положением их подопечных несовершеннолетних, чтобы совершить с ними сексуальные действия. Эти женщины очень организованны и осторожны в действиях по соблазнению, чтобы усыпить недоверие специалистов по защите детей. Когда разоблачения детей услышаны взрослыми, эти женщины с помощью социальных работников быстро организуют, например, петицию в свою защиту или заранее обращаются в жандармерию с заявлением, что они стали жертвой интриг, что может сбить с толку неопытных специалистов. Эти манипулятивные стратегии ни в чем не уступают самым извращенным уловкам мужчин-педофилов, для которых настоящие защитники детей являются врагами, бдительность которых надо срочно усыпить. Поэтому нельзя недооценивать их хищнические наклонности.

Во Франции мы находимся лишь в начале пути, когда начинает приподниматься завеса над сексуальными злоупотреблениями некоторых женщин. Средства массовой информации только начинают интересоваться этой темой. В апреле 2001 г. женский журнал Marie-Claire опубликовал первый репортаж по этой сложной проблеме[257]. В майском номере было напечатано письмо одного из читателей, озаглавленное «Глаза тоже могут убить». Это было письмо мужчины, который в детстве подвергался сексуальному насилию со стороны матери.

В статье о матерях-педофилах вы справедливо пишите: признаться, что вас изнасиловала собственная мать, не-

[257] M. Mairesse, «Femmes pédophiles: l'ultime tabou», Marie Claire, avril 2001, n° 584.

возможно, об этом не говорят. А что сказать о матери, которая «укрощает» вас взглядом, жутким взглядом больного человека, молча, не притрагиваясь к вам? Этому нет названия, об этом никому не расскажешь. Ты остаешься один на один с этим взглядом свихнувшейся женщины, безмолвным зовущим взглядом, который уничтожает тебя. Спасибо, что прочитали мое письмо.

Вопрос, который волновал одного из самых известных редакторов журнала в тот момент, когда принималось решение о публикации репортажа: «Не очерним ли мы образ Матери?» Эта реакция наглядно свидетельствует о боязни затронуть новое табу. Но этот репортаж позволил преодолеть определенную эмоциональную цензуру. С тех пор, El Tempo[258] и L'Express[259] поднимали эту важную для общества тему, а позднее, и передача Zone interdite («Запретная зона»), которая показала первых женщин-педофилок, заключенных под стражу в США. Французские же власти отказались допустить журналистов в тюрьму[260].

Привлечение внимание общественности к женщинам-педофилкам сначала было воспринято, как попытка отвлечь внимание той же общественности от мужчин-педофилов. В 1986 г. французские феминистки с большим сомнением встретили информацию о том, что матери часто бывают сообщницами в делах, связанных с инцестом.

Во Франции первая конференция о женщинах-педофилках была организована Институтом семьи города Тулуза, которым руководит наш друг Эрик Траппенье в 1998 в Лилле.. Одна из приглашенных, Хилари Элдридж, точно очертила категории женщин-педофилок. Это исследование было проведено среди 50 жен-

[258] E. Mesquida, «El drama de las mujeres pedofilas», El Tempo, 23 avril 2001, n° 990.

[259] D. Saubaber, «Pédophilie: les femmes aussi», L'Express, n° 2664, 25 juillet 2002.

[260] A. Poiré, «Secret d'actualité», Zone interdite, M6, 7 mars 2004.

щин, добровольно согласившихся пройти лечение. 20% насильниц – девушки, совершившие сексуальное насилие по отношению к детям, нянями которых они были. В исследовании выделяются взрослые насильницы и насильницы-подростки. Последние нередко добавляют к сексуальному насилию физическое.

Горчица?

В 1990 г., в первые дни стажировки врачей общей практики, организованной Министерством здравоохранения, психиатр из Лиона Лилиана Далиган, эксперт в судебных инстанциях, тихим голосом рассказывала внимательной, но несколько шокированной аудитории, о случае, когда юная няня намазала половой член маленького мальчика горчицей, а затем вступила с ним в орогенитальный контакт. Можно представить, в каком беспокойном и подавленном состоянии нашли ребенка родители по возвращении… И можно представить себе изумление врачей, не знакомых с этой сферой…

29 женщин из 50, которых изучала Хилари Элдридж, признались, что у них ранее были садистские фантазии в отношении детей или фантазии об актах жестокости… Треть из них сами пострадали в детстве от сексуального насилия либо их половая жизнь во взрослом возрасте началась с изнасилования. Это акты насилия, о которых никто не узнал, которые не были наказаны, и, разумеется, ни одна из этих женщин не прошла соответствующего лечения.

Самооправдание

Как и мужчины, большинство женщин-педофилок не испытывают никакого сострадания к своим маленьким жертвам и используют разного рода логические объяснения, чтобы обосновать или преуменьшить значение и тяжесть своих деяний. Женщины, которые совершили насилие над младенцами (от месяца до двух лет), поступили так в силу сложившихся отно-

шений с ребенком, наличия или отсутствия привязанности. При этом пол ребенка не имеет значения. Напротив, женщины, которые подвергают насилию мальчиков-подростков, считают, что мальчикам повезло быть «избранными» ими… Если речь идет о контакте с ребенком младшего возраста, который не сопротивляется, они объясняют это тем, что «ребенок желает этого полового контакта» с ними, что является типичным извращенным оправданием педофилов[261]. Сексуальное насилие занимает важное место в жизни женщины-педофилки: через эротизацию контакта с телом ребенка удовлетворяется целая гамма эмоциональных потребностей. Такое извращенное поведение становится навязчивым и эгоистически оправдывается самой насильницей.

> Вупи, мигрантка африканского происхождения, которой не удалось завершить медицинское образование у себя на родине, взяла в привычку «следить» за тем, как растут дети, воспитание которых было ей поручено. Например, она делала фотографии развивающейся груди или проверяла пальцем целостность девственной плевы. Любая «процедура», как например бесконечное плетение косичек, предполагала, что на ребенке не будет одежды… Когда потерпевшие давали свидетельские показания в суде, она была очень удивлена, услышав вопрос председателя, что она думает об услышанном в зале. Она ответила изменившимся голосом, с театральным шепотом: «Мне кажется, я грежу». Изменение голоса свидетельствовало о раздвоении личности в момент, когда потерпевшие рассказывали о ее собственных деяниях, и возможном раздвоении во время актов насилия.

[261] H. Eldridge, Fondation Lucy Faithfull, Institut de la famille de Toulouse, congrès 2000.

В историях женщин, наблюдаемых в Центре, можно найти повторяющиеся ситуации, когда их бросали мать, отец, любовники. В прошлом они сами были жертвами жестокого обращения, и эти факты никогда не были ни поводом для лечения, ни даже не были признаны их собственными матерями. Если их спутники бросали таких женщин или применяли к ним насилие, то это становилось пусковым механизмом для насилия над ребенком.

В 47,4%[262] случаев физическое насилие над малолетними детьми (от 0 до 3 лет) совершается матерями, и эти акты насилия происходят в трудные для пары периоды, нередко, когда она стоит на пороге разрыва. Мы предполагаем, что в моменты супружеских кризисов, партнер, который в силу своего травматического прошлого чувствует себя брошенным, может перенести на ребенка и выместить на нем неосознаваемую ненависть.

Дженнифер, мама Оливье, который рассказывал о «черной дыре» и о котором мы недавно упоминали, стала алкоголичкой после того, как ее бросил муж, отец ее детей. Ее собственное детство было чередой расставаний с матерью и отцом на фоне психического заболевания матери, а именно бредовой депрессии, сопровождаемой низкой самооценкой, тревожными навязчивыми идеями, ступором и попыткой суицида.
Однажды, находясь в состоянии сильной психологической растерянности и сумятицы чувств, Дженнифер вызвала одного за другим своих детей к себе в комнату и принудила их к сексуальным ласкам. Эта предумышленная организованная сексуальная атака произошла на следующий день после того, как ее снова изнасиловал муж. Как когда-то уход матери, сейчас уход мужа и предшествующее ему изнасилование стали доста-

[262] SNATEM, Rapport d'activité 2002, op. cit.

точной причиной, чтобы она совершила сексуальное посягательство на сына и дочь. Дженнифер сказала своему терапевту: «Я была другой». Ранее она сказала сыну: «Я тебя трахну»…

Часто приходится слышать от специалистов по защите детей, что женщины, совершающие подобные деяния, психически больны, находятся под воздействием наркотиков или зависимы от мужчины. Но нам кажется, что это не относится к матерям, совершившим инцест и наблюдающимся в Центре Бют-Шомон. Они, разумеется, страдают раздвоением личности, но это не означает, что они психически больны, в строгом смысле слова. В ходе сетевой терапии они меняются в лучшую сторону, хотя нет никакой уверенности в том, что они перестанут быть опасными для своего окружения.

КАК РАСПОЗНАТЬ РЕБЕНКА, СТАВШЕГО ЖЕРТВОЙ ЖЕНЩИНЫ?

Мы заметили, что рисунки детей, ставших жертвами женщин, имеют особые черты, отличающие их от рисунков детей, ставших жертвами мужчин.

Обычно дети препубертатного возраста, мальчики и девочки, изнасилованные мужчинами, спонтанно рисуют дома, которые мы назвали «фаллическими» с учетом особенностей крыши и трубы. Они напоминают по форме особенности мужской эрекции[263]. Здесь мы вспомним маленькую Сабину и ее рисунки, изображающие морковки, увеличивающиеся в размере.

Пиктограмма

Опытный глаз без труда увидит на рисунках детей, подвергшихся насилию со стороны женщин, растерянность и пси-

[263] F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence Impensable, Paris, Nathan, 1991, 2004, p. 132-133.

хическую подавленность, которые дети чувствуют во время акта. Мы стали называть такие рисунки «вульварными пиктограммами». Иногда они представляют собой женские половые органы спереди с лобковыми волосами или без. Иногда они более стилизованы и напоминают раздвинутые ноги, как на медицинских изображениях по гинекологии, либо как на наскальных рисунках эпохи неолита. Иногда это лобковый треугольник, который нарисован вместо рта. Как сказала одна наша маленькая пациентка: «нижний рот». Такое «письмо с помощью рисунков», как назвал его Фрейд, - не только рисунок, но и язык.

> *[У Пьера Оланье пиктограмма представляет собой не предмет, а] некий опыт, где сенсорная зона встречается с предметом, который способен ее дополнить, то есть устранить состояние потребности*[264].

Понятие потребности понимается только в модели, где встречаются рот-грудь при грудном вскармливании.

Поведенческое подражание

В следующем примере, против обыкновения, помощь двум семьям стали оказывать две женщины-терапевта. Возможно, это позволило лучше передать впечатляющие сцены насилия.

> Четырехлетние Юбер и Клоэ – дети двух супружеских пар, дружащих между собой. Обе семьи очень обрадовались, когда нашли по соседству няню. Няня подружилась с обеими семьями. Однажды мама Клоэ замечает у дочери красные следы на ушках и вырванные волосы. Мама Юбера обнаруживает то же самое

[264] S. de Mijolla-Mellor, Penser la psychose. Une lecture de l'œuvre de Piera Aulagnier, Paris, Dunod, 1998, p. 95.

у сына. Обеспокоенные и растерянные мамы решают расспросить няню, которая отвечает, что дети обычно дерутся друг с другом. Мама Клоэ, которую не удовлетворили объяснения, решает обратиться к врачу, который, увы, подтверждает слова няни: дети дерутся между собой. Что он об этом знает? Этот псевдодиагноз только отсрочил меры по защите обоих детей. Но с каждым днем поведение детей меняется, оба начинают заниматься эксгибиционизмом, мастурбировать на людях, страдают кошмарами, плохо едят и выглядят очень грустными. В конце концов, мама Юбера, вновь увидев, как сын мастурбирует на диване в гостиной, лежа на спине, согнув ноги и делая характерные движения тазом, спрашивает у него, что не так. Она с удивлением слышит от малолетнего сына, что няня делает им больно, ему и Клоэ. Она держит их за волосы в душе, где она «совсем голая делает с ними это», объясняет он, двигая тазом! Тогда обе пары приходят на консультацию. Во время сеанса терапии, мы понимаем, благодаря воспоминаниям детей, что «няня» использовала Клоэ и Юбера по очереди в роли «фаллоимитаторов». Они прижимала их лицом к своим половым органам и силой удерживала их в этом положении, схватив детей за волосы и уши, чтобы добиться своего. Во время беседы оба ребенка спонтанно нарисовали одинаковую вульварную пиктограмму, что для нас очень показательно. В процессе выполнения задания они уткнули носы во флипчарт, осуществляя перенос ситуации по аналогии, и шумно дышали, пока рисовали вульву с отверстиями. Дыхательное поведение Юбера и Клоэ, – частое прерывистое дыхание, которое они не могли контролировать, – является поведенческим подра-

жанием[265]. Они воспроизвели во время сеанса момент оргазма насильницы, которая их использовала, сформировала у них условный рефлекс и для которой они были орудием. Как всегда после выполнения рисунков такого типа, обе маленькие жертвы выглядели очень уставшими и, чтобы почувствовать себя в безопасности, они попросились на руки к ошеломленным родителям.

Мы считаем, что у очень маленького ребенка проще узнать, как все было, поскольку насильник еще не успел внушить ему, что он сам согласился. Чем младше дети, тем меньше они способны придумать историю о сексуальном насилии. Но следует также знать, что, чем младше дети, тем легче насильнице, благодаря процедурам личной гигиены, будет утвердить их во мнении, что сексуальные действия с взрослым – обычное дело. Разоблачение таких действий может повлечь за собой неоднозначное отношение к взрослому, вмешавшемуся в ситуацию. Нужно уметь быстро реагировать на это, как было описано выше.

Маленький мальчик трех с половиной лет, подвижный и страдающий посттравматическим ранним созреванием, сказал своему отцу, когда тот подмывал его: «Папа, не болит попа». Отец рассказал об этом социальному работнику, та сообщила дальше. Отца заподозрили в изнасиловании сына, он познал муки временного заключения под стражу и всеобщее недоверие, прежде чем на консультации не стало понятно, что в реальности насилие над ребенком совершила няня. Даже в таком раннем возрасте ребенок нарисовал

[265] F. Gruyer, M. Nisse, «Le témoignage comportemental du petit enfant victime d'abus sexuel», Victimologie, 1995, n° 2.

серию вульварных пиктограмм, а потом залез верхом на плюшевого мишку и стал об него тереться половым членом. Напоминание во время сеанса о сексуальных действиях вызвало у него возбуждение, аналогичное тому, что он испытал ранее, и свидетельствующее о пережитом сексуальном насилии. Такое возбуждение является другой, более распространенной, формой поведенческого подражания.

Когда ребенок находится в пубертатном периоде, поведенческое подражание идет по линии воспроизведения поведения при любовном соблазнении, как в следующем примере:

Лионель, одиннадцать лет, томно отвечает воспитательнице, которая спрашивает у него, который час: «Я вижу время в твоих прекрасных глазах…» Когда во время сеанса ему объясняют, что такое поведение некорректно и проистекает из пережитого им опыта, он отвечает одновременно удивленно и с возмущением: «А почему же мне никто не сказал об этом раньше?» Эти симптоматические реакции быстро прошли, как только он осознал их. Замечательная воспитательница не смогла правильно интерпретировать характерное поведение ребенка, настолько это нежное, почти любовное соблазнение со стороны очаровательного и утонченного мальчика должно быть было ей приятно. Такой перенос с оттенком обольщения должен быть сразу же замечен и разъяснен. Этот мальчик воспринял разъяснения немедленно и с неподдельной искренностью.

Очевидно, что у подростков такого подражания нет. Им сложнее открыться в том, что они пережили сексуальные посяга-

тельства со стороны женщин. Им часто кажется, что они смогли контролировать произошедшее, особенно, если насильница купила молчание подарками, деньгами, обещаниями. Тем самым, их чувство вины усугубляется ощущением того, что их купили.

> Семнадцатилетний Альфред, несовершеннолетний сексуальный насильник, с трудом соглашается прийти на консультацию. Он делает это под давлением социальных работников, которые хорошо его знают и предполагают, что в детстве с ним случилась похожая травмирующая ситуация. Действительно, молодой человек, несколько отстающий в психическом развитии, сознался в совершении сексуальных действий с маленькой девочкой, помещенной в ту же патронатную семью, что и он. Социальные работники, с которыми мы регулярно сотрудничаем, привыкли систематически изучать биографии несовершеннолетних сексуальных насильников и находить подобные факты в их собственном прошлом.
>
> Хотя Альфред признает факт насильственных действий в отношении маленькой девочки, он не выносит, когда с ним говорят об отношениях между ним и патронажной матерью. Он неловко защищает ее, соглашаясь, что она «очень его любила» и что он мог «просить у нее все, что угодно». Он ведет себя вызывающе, бахвалится, когда его расспрашивают о повседневной жизни дома. Но волнение выдает его, и, в конце концов, мы узнаем, что патронажная мать продолжала его купать, а он не осмеливался сейчас, в семнадцать лет, воспротивиться этому!

«Супертравматично»

В силу «супертравматичного[266]» прошлого женщин-сексуальных насильниц, необходимо подчеркнуть несомненную поль-

зу судебной процедуры в психическом созревании этих травм. Для женщин это абсолютно ясно, они сами невольно говорят об этом.

Одна из них, Юдит, экзальтированно влюбленная в своих детей, как Федра в своего пасынка Ипполита, изливала на двоих из трех приемных детей потоки признаний в любви. В ходе открытых визитов, она не могла удержаться от того, чтобы не запустить руку в трусы сыновей и под футболку дочери. В качестве последнего трагического оправдания своих действий она все время жаловалась: «Мне нужно знать, что там все растет! Вам не понять! Я имею право, я их мать. Мне никто никогда не говорил, что так не делается».

Вот уже полгода ее двенадцатилетняя дочь Сара мучительно пытается понять на сеансах сетевой терапии глубинные причины кровосмесительных наклонностей матери. Несмотря на свой страх, она соглашается на встречу с ней вместе с нами в порядке исключения, чувствуя себя в безопасности в нашем присутствии и в присутствии своего воспитателя. С самого начала сеанса Юдит пытается побороть сексуальную тягу к Саре, она поворачивает голову к терапевтам, но неудержимо ее взгляд, как магнитом, притягивается к телу дочери. Сеанс не оправдал ожиданий Сары, так как эгоистические цели Юдит слишком губительны для Сары, которая не увидела в матери никаких изменений. Сара продолжает скорбеть о матери, не выполняющей своих обязанностей и представляющей для нее угрозу. Терапевтическая работа продолжается то с дочерью, то с матерью. Благодаря разлуке, мать

[266] S. Ferenczi, Journal clinique (janvier-octobre 1932), Paris, Payot, 1985: «Ur-ur-traumatische-mutterlische-kindlische Narbe»

уже не боится взглянуть на свое магически-религиозное, словно заколдованное, детство, влияние которого понемногу уменьшается. Этот сеанс оказался очень трудным для всех участников, в том числе для юной слушательницы национальной школы судебных работников, присутствовавшей на нем, настолько явным было возбуждение матери.

Я, глядя на него, краснела и бледнела,
То пламень, то озноб мое терзали тело,
Покинули меня и зрение и слух,
В смятенье тягостном затрепетал мой дух[267].
(пер. М.А. Донского)

Трагедия отношений Юдит и Сары еще не стала предметом разбирательства уголовного суда. Несмотря на меры по обеспечению безопасности ребенка, принятые ювенальным судьей, бремя отказа от встреч с матерью лежит на плечах ребенка и неминуемо усугубляет виновность матери.

[267] Расин, «Федра», акт I, явление 3.

12.Правосудие в действии

«Сколько судей, столько мнений, столько же трудностей, столько же смелости, потому что вынести приговор означает также сказать правду. Прекращение судопроизводства, продолжение судопроизводства, - верю, не верю, - правосудие отбрасывает длинную тень неравенства».

Мишель Редон, Генеральный прокурор

Вынося судебное решение, судья говорит правду. Не всем судьям хватает таланта, чтобы сказать об этом столь поэтично, как это сделал наш друг Мишель Редон в приведенном отрывке из книги, которая готовится к печати… Его взгляд на вещи, судебный опыт и эмпатия являются для нас, клиницистов, основным вкладом, который вновь наглядно свидетельствует о том, что судья может внести простоту и ясность в ситуацию, когда одна профессиональная логика вступает в противоречие с другой. Мы убедимся в этом в нижеследующих главах.

Снова несколько цифр

Хотите знать реалии жизни дворцов правосудия? Это более 5 миллионов разнообразных протоколов, жалоб или заявлений о совершении преступлений всех типов, в которых тонут дела о жестоком обращении[268].

Во Французской метрополии и заморских департаментах, включая Гвиану, откуда нам пишет Мишель Редон, в 2000 г. было всего лишь 6539 действующих судебных чинов, в том числе прокуроров, которым пришлось не единожды задаться вопросом о том, какой ход дать этим 5 миллионам документов[269].

Во-первых, действительно ли дело, о котором были уведомлены органы правопорядка, является правонарушением? Судьи решили, что в 7% случаев это не так, то есть что правонарушения не было, либо оно было неправильно квалифицировано, либо обвинений оказалось недостаточно для продолжения судебного процесса. 65% оставшихся дел было отказано в возбуждении за невозможностью их раскрыть.

В итоге только 28% дел, рассматриваемых прокуратурой, стали правонарушениями, подлежащими судебному преследованию. И среди них в 67,9% случаев решения выносятся в рамках уголовного дела.

В конечном счете, из приблизительно 5 миллионов протоколов, заявлений и жалоб примерно 600 000 дел закончились решением в рамках уголовного дела[270].

Эти цифры отражают степень загруженности судей. Необходимо следить за правильным ходом процедуры, чтобы быть услышанным в нужный момент, правильным образом, нужным человеком и в правильное время. Также не следует забывать, что прокуроры круглосуточно находятся на дежурстве, и они гораздо более доступны, чем люди привыкли считать.

В предыдущих главах мы регулярно упоминали о ключевой роли судебной составляющей в делах о жестоком обращении. Это нужно для того, чтобы терапевтическая помощь потерпевшим была системной и непрерывной. Что касается

---

[268] Annuaire statistique de la justice (édition 2002), ministère de la Justice, La Documentation française, avril 2002.

[269] Ibid., p. 13.

[270] Ibid., p. 101.

насильников, будь они несовершеннолетними или совершеннолетними, уголовное наказание кажется нам таким же важным для их лечения.

Следует знать, что существуют альтернативные меры уголовного наказания: медиация, возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними, например, письмо с извинениями в адрес жертвы, принудительное лечение, напоминание о законе, предупреждение. В случае правильного использования, они могут оказаться действительно полезными.

Мы попытаемся шаг за шагом описать, какие уровни защиты участвуют в правовом сопровождении потерпевшего ребенка. Для этого необходимо без лишних колебаний разобраться в том, что принято называть юридической казуистикой.

Все могло бы проясниться без дополнительных сложностей, если бы мы согласились с очень простой мыслью, что любые меры по защите ребенка, в строгом смысле слова, относятся к исключительной компетенции гражданских судов. Ювенальные судьи и судьи по семейным делам являются основными собеседниками в этой сфере. Но все усложняется, когда мы начинаем размышлять об уголовной, преступной стороне насильственных действий сексуального характера или случаев жестокого обращения с потерпевшими, которые иногда являются несовершеннолетними. Обязательно нужно провести четкую границу и понять следующее: гражданское судопроизводство и уголовное судопроизводство – разные вещи.

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО – НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Часть проблем, с которой приходится иметь дело социальным работникам, проистекает из общего непонимания разницы между этими двумя категориями судов. Между тем, отличие между потерпевшим и виновным не должно представлять сложности. Но создается впечатление, что большинство людей,

столкнувшихся с ситуацией, где есть ребенок-потерпевший, не в состоянии понять, что, например, после того, как инцест был разоблачен, проблема сразу же переходит в репрессивную сферу, в область уголовного права. Это территория прокуроров, следственных судей и полицейских. Здесь уже не идет речь ни о мерах по защите неблагополучных детей, ни о сохранении любой ценой родственных связей, ни о взаимодействии и передаче информации между различными социальными службами. Здесь другие правила, поскольку меняются обязательные требования. В своих действиях (обыски, временные заключения под стражу, телефонные прослушивания, наложение ареста на имущество) судьи руководствуются предписаниями и тайной следствия[271]. Здесь наказание является целью.

Мы всегда с удивлением отмечаем легкомысленность и чрезмерную чувствительность, которые отличают некоторых социальных работников при соприкосновении с этой новой для них сферой: «Я попытался связаться со следственным судьей, а он мне даже не ответил! Я привел ребенка, а судья не позволил мне войти в кабинет!»

На этапе предварительного следствия, которое ведут полицейские или жандармы[272], возникают и другие вопросы: «Жандармы сказали, чтобы я пришел, но не предупреждал мать ребенка о начатом расследовании. Эта мать – моя подопечная, представляете!..»

Работа по восстановлению связи мать-ребенок является главной частью миссии соцработников. Но в данном случае, именно мать находится под подозрением! Как же быть с «до-

---

[271] «Следствие: этап в уголовном процессе, во время которого следственный судья использует все средства, позволяющие собрать все необходимые для установления истины данные, чтобы суд мог вынести решение со знанием дела», LesGuidesdelaJustice, ministèredelaJustice, avril 2001.

[272] Ibid., «Предварительное следствие: расследование, проводимое судебной полицией, с целью найти преступника и установить условия, при которых правонарушение было совершено».

верительными отношениями», основой работы с подопечными родителями, оказавшимися в трудной ситуации?

Взаимодействуя с самого начала карьеры с ювенальным судьей, эти специалисты не улавливают кардинальных изменений перспективы, о которых идет речь в настоящий момент и которые касаются длительного периода. Происходит переход от помощи к возможным санкциям.

В силу этого, с началом расследования характер социальной работы неизбежно меняется. Они же не вполне отдают себе в этом отчет. Им зачастую неизвестно, что жандармы и полицейские должны постоянно информировать управление Генерального прокурора. Теперь ходом расследования руководит не ювенальный судья, обычно назначающий меры по защите неблагополучных детей.

Как остаться профессионалом и сохранить тайну, как об этом просят полицейские, чтобы начало предварительного расследования оставалось неожиданностью до тех пор, пока один из родителей не будет допрошен? Такой вопрос часто встает перед социальными работниками, когда они планируют контакты с семьей. С этой точки зрения, необходимо пересмотреть все техники проведения бесед и посещений на дому.

Логика уголовного права, которая отныне накладывается на логику защиты ребенка, – а это область гражданского права, – обязывает каждого заново изучить содержание бесед. Характер деяния, правонарушения или преступления, на которое пожаловался ребенок, – а это область уголовного права, – должен изменить содержание того, что говорится.

Например, вот что Мишель Редон напоминает нам о ситуации, в контексте которой было совершено деяние:

> *Уголовный кодекс устанавливает, что насильственные действия сексуального характера, в том числе изнасилование, должны были быть совершены путем «насилия,*

принуждения, угрозы или обмана». Эти положения закона применяются как к несовершеннолетним, так и к совершеннолетним, без учета возраста потерпевшего, родственных или иерархических отношений. Возраст и родственные отношения являются при этом отягчающими обстоятельствами преступления. В случае совершения деяния без применения насилия, принуждения, угрозы и обмана, и если потерпевший является несовершеннолетним, оно является лишь правонарушением, которое наказывается гораздо мягче, даже если его исполнитель является родственником жертвы или имеет над ней власть[273].

Мало кто из социальных работников или психоаналитиков знаком с этими нюансами.

Инцест инцесту рознь

В логике уголовного права:

Деяния, совершенные «без насилия, принуждения, угрозы или обмана» являются сексуальными посягательствами, независимо от природы акта. «Так, спать со своей дочерью, не достигшей пятнадцати лет, - изнасилование (преступление), подсудное суду присяжных и наказываемое лишением свободы на двадцать лет, если будет доказано, что сексуальное проникновение было совершено путем насилия, принуждения, угрозы или обмана. В противном случае, то же самое деяние является сексуальным посягательством (правонарушением), подсудным исправительному суду и подлежащим наказанию в виде лишения свободы сроком на

[273] Ст. 222-23 уголовного кодекса: «Любое половое сношение всякого рода, совершенное в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана, является изнасилованием. Изнасилование наказывается лишением свободы на пятнадцать лет».

десять лет. Если ребенок старше пятнадцати лет, разница становится еще более существенной: двадцать лет заключения в случае насилия, принуждения, угрозы или обмана, два года заключения без применения таковых»[274].

Все это говорит о том, что ситуации с инцестом могут получать разную судебную трактовку… До тех пор, пока законодатель не заявит, что любой акт сексуального характера между несовершеннолетним и его родственником по восходящей линии или взрослым, имеющим власть, является сексуальным насилием, как это предлагает Мишель Редон, эти судебные решения не будут учитывать такой существенный фактор, лежащий в основе всех подобных дел, как воздействие на ребенка. Мы вернемся к этой теме позже.

Несколько цифр

В 2000 г. было вынесено 1358 приговоров по делам об изнасилованиях несовершеннолетних, инцестах и педофилии[275]. Уточним, что число приговоров по всем делам о сексуальных посягательствах (на взрослых и детей) составило 10800. Кроме этого, было вынесено 17 приговоров по делам об убийствах детей, 31 – об умышленном нанесении ударов и применении насилия, повлекших смерть несовершеннолетнего или его инвалидность, либо по делам, связанным с пытками или актами жестокости и/или незаконным лишением свободы, 1961[276] при-

---

[274] М. Редон (в печати).

[275] Annuaire statistique de la Justice, op. cit., p. 159; мы сложили случаи изнасилований, совершенных с отягчающими обстоятельствами (755), против несовершеннолетних, не достигших пятнадцатилетнего возраста (508), родственником по восходящей линии или лицом, имеющим власть над несовершеннолетним (95).

[276] Ibid. Эта цифра включает побои и акты насилия, совершенные против несовершеннолетних и повлекшие за собой расстройство здоровья до 8 дней (839), расстройство здоровья свыше 8 дней (787) и другие побои и акты насилия над несовершеннолетними.

говор по делам о правонарушениях, связанных с умышленным нанесением побоев и травм несовершеннолетним.

Эти цифры впечатляют, но, когда знаешь, насколько умело скрывается семейное насилие, понимаешь, что количество неучтенных случаев жестокого обращения должно быть огромным… Что касается, например, незаконного лишения свободы, то мы в Центре пришли к выводу, что эта составляющая насильственных действий часто вообще не расследуется в делах с участием несовершеннолетних. Нам действительно кажется, что эта статистика не отражает реальную ситуацию с жестоким обращением во Франции и ее заморских департаментах и территориях, о которой мы слышим регулярно во время многочисленных стажировок.

Уровень рецидивов по всем делам вместе взятым составляет 50%[277]. Это постоянный показатель. Что касается дел об инцестах, то эта цифра могла бы быть ниже, если бы соучастие матерей, зачастую неосознанное, их попустительство, двоедушие, психологическая связь с правонарушителем, принимались во внимание в рамках гражданского разбирательства и наказывались в уголовном порядке.

Мы искали, но не нашли в статистике ни одного приговора за недонесение о преступлении. Однако же, нам известно, что такое соучастие очень распространено. Можно, вероятно, вспомнить поразительный репортаж в «Специальном корреспонденте» о работе бригады по делам несовершеннолетних. Мать, находящаяся в момент съемки в изоляторе временного содержания, необдуманно выбирала себе одного за другим шестерых сожителей, каждый из которых совершал акты инцеста или педофилии в отношении детей, которых прижил с ней, или детей предшественника…[278]

---

[277] B. Chabert, P.-O. Sur, Droit pénal général, Paris, Dalloz, 1996.
[278] Envoyé spécial, FR2, 17 mai 2001.

С уголовной точки зрения, действия матерей, не осознающих свое соучастие, чаще всего квалифицируются как «оставление без помощи человека, находящегося в опасности». Это определение применяется как к правонарушениям, так и к преступлениям, которые наказываются строже, чем недонесение о преступлении…[279]

Даже если социальные работники и психотерапевты воспринимают переход дела в плоскость уголовного права как полный провал своих усилий по оказанию помощи, что свидетельствует о недопонимании проблемы, тем не менее, необходимо, чтобы такой переход совершался максимально быстро после обнаружения фактов, учитывая положение ребенка, подвергающемуся жестокому обращению: он – заложник семьи.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ ПРОЦЕДУРЫ (67,7 МЕСЯЦА)

Известно, что судебная процедура очень продолжительна. Известно также, что суды перегружены работой. Недавно судьи вышли на улицу в мантиях и с кодексами, чтобы потребовать большего финансирования и большего количества судей для ускорения процедур. Это была первая публичная демонстрация недовольства и обеспокоенности всех участников судебного процесса, которые шли из самого сердца судебного аппарата.

Закон о финансировании 2003 г. позволил набрать дополнительных сотрудников, чтобы начать решать эту сложную проблему. Важно отметить, что в 2000 г. средняя продолжительность процедуры между совершением правонарушения и вынесением решения превышала пять лет и составляла 67,7 месяца…

[279] Ст. 223-6 уголовного кодекса, неоказание помощи человеку, находящемуся в опасности: пять лет тюремного заключения и штраф в размере 75 000 €; ст. 434-1 уголовного кодекса, недонесение о преступлении: три года тюремного заключения и штраф в размере 50 000 €.

Продолжительность процедуры является ключевым моментом, когда известно, как сильно в этот период может замедлиться физическое и психическое развитие детей-потерпевших, ожидающих решения, от которого зависит их равновесие. Длительная процедура может усложнить оказание как социальной, так и терапевтической помощи жертвам и несовершеннолетним насильникам, тем более, когда они не находятся под полной защитой. Но, в случае, если их действительно защищают от давления насильника и, естественно, от возможности рецидива насилия, совершенного вследствие недооценки опасности, это время позволяет им вырасти. Дети могут воспользоваться этим длительным периодом для успешного продвижения в лечении.

И здесь может возникнуть новая проблема: они проходят лечение и больше не проявляют основных симптомов перенесенного ими насилия. Не один эксперт был сбит с толку такими быстрыми положительными изменениями. Можно подумать, что ничего не было!

Закон от 17 июня 1998 г. еще больше расширил возможности, предоставленные законом от 10 июля 1989 г. Учитывая специфический характер страданий взрослых, изнасилованных в детстве родственниками по восходящей линии или людьми, имевшими над ними власть, они могут подать заявление спустя долгое время после совершения фактов, и добиться справедливости. В законе сохранилось положение о переносе начала отсчета срока исковой давности на момент совершеннолетия[280] и продлен срок привлечения к ответственности как для правонарушений (срок составляет десять лет, как при совершении преступлений), так и для гражданских исков (срок продлен с десяти до двадцати лет). Недавно принятый закон Пербена-2 от 9 марта 2004 г. увеличивает до двадцати лет (начиная с момента совершеннолетия) срок исковой давности по уголовным делам об изнасиловании несовершеннолетних, а

[281] Закон от 10 июля 1989 г.

также по делам о сексуальных посягательствах и насильственных действиях сексуального характера с отягчающими обстоятельствами (в том числе совершенных родственником по восходящей линии или лицом, имеющим власть)[281]. Важно помнить, что пропущенные сроки исковой давности не восстанавливаются.

Несмотря на кажущуюся прозрачность, комментарии о сроках требуют сложных расчетов (имели ли факты место в период действия закона 1989, 1995 или 1998 г.?) Для этого требуется мнение профессионального юриста, а часто и двух, чтобы избежать разочарования относительно возможности подачи иска. Это основной момент, подлежащий оценке в ходе первых консультаций взрослых пациентов. Служба SNATEM, о которой мы говорили ранее, разработала для своих сотрудников внутренний пояснительный документ, помогающий быстро и по существу ответить при первом же телефонном звонке на сложный вопрос, касающийся сроков давности по иску. Этот национальный телефонный номер известен более чем 73% населения во Франции. Это вселяет надежду, что случаи жестокого обращения будут лучше выявляться. Национальный наблюдательный совет по делам детей, находящихся в опасности (ONED)[282], о создании которого было объявлено 20 ноября 2003 г. (в День прав ребенка), начал работу 2 января 2004 г. В пункте 82 доклада о правах ребенка ООН говорится, что

> *эта информация воспринята с удовлетворением, так как в результате на национальном уровне будет создана организация помощи детям, которая позволит координировать работу сотрудников полиции, врачей и других необходимых специалистов.*

[281] Ст.72 закона от 9 марта 2004 г., вносящая изменения в статьи 7 и 8 УПК.

[282] Его задача: сбор и анализ данных о случаях жестокого обращения с несовершеннолетними, предоставленных всеми государственными службами и органами местного самоуправления, государственными учреждениями и общественными организациями.

КОГДА ИСТЕК СРОК ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Некоторые взрослые, давно пропустившие срок давности для подачи заявления (истекший срок исковой давности) решаются однажды пойти в комиссариат полиции или жандармерию, чтобы рассказать, что им пришлось пережить в детстве. Они парадоксальным образом питают тайную надежду, что насильник, может быть, совершил рецидив и его личность уже известна судебным органам. Эта последняя возможность спонтанно дать показания помогает сбросить груз, подобно тому, как это делают дети, когда им приходится облекать события в слова, рассказывая о происшедшем представителям правопорядка. Следует отметить, что дети никогда не испытывают страха, видя форму жандармов или оружие у полицейских. Для детей полиция, жандармы – защитники, «они ловят злых людей». Кроме случаев, когда сам насильник – представитель этой профессии, и ребенок привык видеть в доме оружие…

Взрослые люди, пропустившие срок исковой давности, но, тем не менее, давшие показания в полиции, чувствуют бóльшую связь с обществом, они солидаризируются с другими жертвами. Они испытывают большее самоуважение, и, зачастую, результаты доказывают обоснованность их предчувствия, когда они узнают, что тот или иной насильник из их семьи уже находится в тюрьме за совершение подобных фактов… Поскольку большинство из них ранее окончательно порвали с семьей, чтобы отгородиться от тяжелых воспоминаний, неудивительно, что они не в курсе таких событий, информация о которых обычно распространяется с быстротой молнии. В семьях, где все поставлено с ног на голову, связь между членами семьи нарушена.

> Сорокапятилетний Паоло был изнасилован братьями и отцом. Он никогда никому не рассказывал об этом до тех пор, пока не стал отцом. Потом он оставил жену, с которой сохранил хорошие отношения, и про-

должает воспитывать детей. Сейчас у него гомосексуальные отношения, которые он не афиширует, но из-за которых он может подхватить СПИД. Он понимает, что играет в смертельную игру. Его любовники говорят ему: «Никаких презервативов…», и он покорно подчиняется. Однажды, благодаря телепередаче он узнает, что некоторые жертвы, изнасилованные в детском возрасте, рассказали об этом органам правосудия. Для него это стало озарением. На следующий день он отправляется в комиссариат полиции. Ему повезло, его приняли и поняли. Несмотря на пропущенный срок исковой давности, начинается расследование, в ходе которого выясняется, что кто-то из его насильников уже был осужден за преступления против нравственности, кто-то в ходе следствия признается в совершении других правонарушений на сексуальной почве и немедленно попадает за решетку. Благодаря результативности расследования, Паоло начинает мечтать о другой жизни, возобновляет учебу, увлеченно читает Алис Миллер, Бориса Цирюльника, в то время как до этого он занимался монотонным и унизительным физическим трудом.

Его шаги дали конкретные результаты, а признание его в качестве потерпевшего положительно повлияло на его лечение.

МЕЖДУ ДВУМЯ КРИЗИСАМИ

Кризис разоблачения

Разоблачение – это внезапное сообщение потерпевшим или свидетелем фактов, могущих обосновать следственные мероприятия. Разоблачение может быть сделано в тиши терапевтического кабинета или в школе, случайно во время семейного разговора или откровенной беседы с другом… Невероятные

разоблачения, которые иногда их адресаты ошибочно называют признаниями. Признания делаются виновными…

Во всех случаях, разоблачение вызывает гомеостатическое нарушение состояния равновесия, каким бы патологическим оно ни было. Произносится скандальное слово, реакции должны измениться. Неизбежно мы все оказываемся вместе с потерпевшим в мире, где логика мысли меняется коренным образом.

Именно в этот момент все мы, психотерапевт, социальный работник, друг семьи и/или родственник, оказывающий помощь, должны осознать, что есть два поля деятельности: защита потерпевших и наказание насильников, кем бы они ни были…

Юридически подтвердить историческую правду, скрытую в каждой семье, где есть случаи жестокого обращения, - таким будет новое обязательное условие. Социальные работники и психотерапевты являются хранителями этих разоблачений. Историческая правда, какой бы запутанной она ни была, должна выйти наружу, независимо от того, было ли злоупотребление или нет, было ли насилие или нет. Для этого гражданская позиция должна взять верх над привычным страхом перед судьями. Имеется в виду, что не надо бояться прибегнуть к помощи судебной системы, когда ситуация вышла за пределы переговоров о взаимоотношениях. А социальный работник не должен воспринимать этот шаг как неопровержимое свидетельство провала своей миссии. Тем не менее, полезно соблюдать иерархию профессиональных обязанностей и не смешивать разные сферы деятельности. Например, инспектор службы социальной помощи детям в периоды относительного «семейного мира» договаривается о посещениях, а в периоды острой фазы конфликта ювенальный судья принимает решение о продолжении или запрете этих самых визитов. Его решение будет в этом случае основываться на других критериях, неявно подразумевающих уголовное «будущее» дела, в то время как расследование в рамках уголовного дела еще даже не начато.

Этот промежуточный период трений нарушил спокойствие многих участников, социальных работников, врачей или психотерапевтов, не слишком готовых к требованиям судебной процедуры. На этом промежуточном этапе между разоблачением деяния и уведомлением о деянии не следует недооценивать принудительный и репрессивный характер целей, стоящих на разных этапах перед полицейским или судебным расследованием. Надо подумать о том, что́ было бы полезным для уголовного судопроизводства, которое, надо надеяться, не замедлит начаться, чтобы этот момент стал поворотным в достижении высшей цели системы правосудия в действии. Что является краеугольным камнем в системе защиты ребенка?

Кризис уведомления о деянии

Разница между гражданским и уголовным судопроизводством наиболее ощутимо проявляется в способах сбора доказательств и бремени доказывания. Именно доказательства позволят при необходимости добиться осуждения преступника в исправительном или уголовном суде. Уведомление о деянии, исходящее от терапевтов, которые всерьез отнеслись к словам потерпевшего, подростка или ребенка, еще больше усиливает кризис разоблачения как на семейном уровне, так и на уровне специалистов, и превращает его в кризис уведомления о деянии. Это второе ответвление проблемы, возникающее из-за положения терапевта перед лицом закона. С момента утверждения закона от 2 января 2004 г. о помощи и защите детей, можно направить уведомление о преступлении против любого несовершеннолетнего[283]. Чтобы заявить о совершении преступления, теперь не требуется обязательное предварительное разрешение несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста. И еще одно изменение.

[283] Закон от 2 января 2004 г., раздел IV, ст. 11 226-14.

Закон обязывает нас без промедления сообщать судебным властям о предполагаемых случаях жестокого обращения. С 1998 г., помимо общего правонарушения[284], которым является недонесение о преступлении, существует специфическое правонарушение, связанное с лишениями, жестоким обращением или сексуальными посягательствами против несовершеннолетних, не достигших пятнадцатилетнего возраста, или людей в беспомощном состоянии[285], о которых не были уведомлены судебные или административные власти.

Понятие высших интересов ребенка[286] – основополагающий правовой принцип. Это открытое понятие, которое интерпретируется судьей в самом широком смысле так, чтобы обеспечить наилучшую защиту прав ребенка. В делах о жестоком обращении, как в никакой другой отрасли, правовая максима «Уголовное производство приостанавливает гражданское» обретает свой полный смысл. Эта фраза предполагает, что гражданское производство приостанавливается в текущем состоянии, пока идет уголовное производство. Это должно быть очевидным. Но часто происходит наоборот.

«Боюсь, что меня уже нельзя удивить»

Молодая женщина-инспектор Службы социальной помощи детям согласилась принять участие в сеансе сетевой терапии, чтобы лучше узнать Корантена, подростка, переданного в ее службу, потому что он стал,

---

[284] Ст. 434-3 УК, закон от 17 июня 1998 г.

[285] Лицо в беспомощном состоянии: тот, кто не может защитить себя в силу возраста, болезни, увечья, физического или психического недостатка либо беременности.

[286] Международная Конвенция о правах ребенка, принятая ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицированная во Франции 7 августа 1990 г. Ст. 3, 1°: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». С тех пор, 20 ноября стал в Европе «Днем прав ребенка».

кроме всего прочего, жертвой инцеста, совершенного его матерью, которая находилась под безусловным влиянием мужа. Ему нужно было определиться с решением относительно договора «молодого совершеннолетнего», заключаемого со Службой социальной помощи детям[287]. В этот день обсуждался вопрос о совместном решении относительно нового иска по фактам, имевшим место ранее, когда Корантен подвергся также насилию со стороны отца, но не ставшим предметом уголовного разбирательства. Оценив работу, проведенную с мальчиком и его окружением, инспектор упомянула о другом похожем деле. Недавно работая в этой сфере, она удивлялась, что ювенальный судья недавно принял решение о передаче несовершеннолетнего, о котором она направила уведомление прокурору как о предполагаемой жертве сексуального насилия, родителю, на которого ребенок указал как на насильника!

Беспокоясь о судьбе ребенка и о возможных дальнейших посягательствах на него, она была неприятно удивлена отсутствием реакции со стороны ювенального судьи на ее письмо, где она предупреждала его об уведомлении, направленном прокурору. Обычно молчаливый и заторможенный Корантен не упустил ни слова из разговора терапевтов и инспектора о незнакомом ему ребенке. Он впервые видел, как внимательно задумываются уполномоченные сотрудники о судь-

[287] Договор молодого совершеннолетнего: молодые люди, находящиеся под опекой Службы социальной помощи детям могут, по достижении совершеннолетия, попросить о продолжении получения государственной помощи до 21 года. Инспектор Службы регулярно отслеживает ситуацию и удостоверяется, что молодой человек соблюдает условия договора, который он подписал в момент совершеннолетия (обязательство продолжать учебу, поиск жилья, работы, и т.д.).

бе ребенка, порученного заботам социальной службы. Стоя на пороге, инспектор закончила разговор, произнеся почти про себя: «Боюсь, что однажды я перестану удивляться и буду считать все это нормальным: жестокое обращение и непоследовательные судебные решения!» Корантен, жертва инцеста со стороны матери, смотрел на нее с удивлением, проникнувшись ее внутренней борьбой, которую видели и оценили все. Впервые этот грустный надломленный подросток смог забыть о своей покорности матери, которая сама полностью подчинялась отцу, и увидеть своими глазами, как ведется работа по защите детей в юридическом, социальном и терапевтическом плане. Он начал выходить из зеркальной связи с матерью-насильницей.

С момента сообщения о деянии, очень важно собрать и сохранить материальные доказательства и свидетельские показания, необходимые для уголовного разбирательства. Психологический настрой социальных работников в борьбе за то, чтобы слова ребенка, инициировавшие расследование, дошли до судебной системы, оказывается определяющим для того, чтобы делу дали ход или чинили препятствия. На примере Корантена мы увидели, что глубокое проникновение в тему женщины-инспектора, еще не находящейся в плену штампов, может стать настоящей основой для того, чтобы будущие разоблачения превратились в уведомления о деяниях.

Опасные выходные

Согласно статистическому ежегоднику Министерства юстиции, в 2000 г. было вынесено 385 приговоров за неоказание помощи лицу, находящемуся в опасности[288]. Гражданин, который

[288] Ст. 223-6 УК.

знал о готовящемся или о совершающемся преступлении и который не сообщил о нем в судебные органы, тоже является правонарушителем для французской уголовной системы. Это еще одно правонарушение, связанное с неоказанием помощи лицу, находящемуся в опасности[289]. В нашей профессии иногда надо быть готовым к крайним ситуациям такого типа!

Красный уровень опасности

На первой встрече поначалу подавленная и краснеющая молодая женщина спокойно рассказывает терапевту, что она уже пыталась убить своего отца, совершившего инцест. Она не разговаривает с ним уже несколько лет. Она говорит: «Я снова попробую в следующие выходные». Она уже говорила с одним психотерапевтом, который никак на это не отреагировал. Кто она? Безумная мифоманка, страдающая паранойей, шизофренией, или психопатка, собирающаяся совершить преступление или повторить покушение на убийство? Опасная истеричка, находящаяся в трансе, или просто фанатичная поклонница Виолетты Нозьер? Детали, которые она сообщила о пережитом инцесте, показательны и убедительны. Она наносит себе телесные повреждения на протяжении многих лет. Она не стремится понравиться терапевту, делая такие провокационные заявления. Вопрос лежит не только в области психиатрии: с уголовной точки зрения, специалист знает о возможном преступлении. Что делать?

Как эта молодая женщина взялась за дело? Она спокойным тоном дает точные технические пояснения. Называет смертельные дозы медикаментов, которые ей хорошо известны. Она также упоминает, что несколь-

[289] Ст. 434-1 УК.

ко раз подавляла желание совершить убийство на работе. Налицо высший уровень опасности. В отличие от первого опыта общения с терапевтом, на этот раз ей рассказывают, что есть закон о неоказании помощи лицу, находящемуся в опасности. Терапевт сообщает ей, что сейчас же уведомит обо всем прокурора. Для пациентки это тяжелый шок и одновременно реальное облегчение, даже если она очень бурно реагирует на такую возможность и отказывается вновь прийти на беседу.

После сеанса группа специалистов обсуждает ситуацию вместе с адвокатом по уголовным делам. Направляется уведомление в суд по месту, где, возможно, уже произошли какие-то факты. Реакция судьи не заставила себя ждать: полицейское расследование начато незамедлительно. Дочь и отец допрошены, оба отрицают, что такие факты имели место. Каждый отказывается от своего предполагаемого преступления. Расследование продолжается, допрашивают психотерапевта. Через несколько месяцев, он получает благодарственное письмо. Молодой женщине удалось, наконец, поговорить с отцом, семейный кризис временно разрешился, обошлось без убийства…

Читая об этом случае, некоторые психоаналитики могут подумать, что всякое сообщение о желании причинить смерть, о намерении убить или отомстить, влечет за собой уведомление о деянии в прокуратуру… Это означало бы неправильное понимание вопроса… Речь о том, чтобы точно поставить диагноз молодой женщине со склонностью к отцеубийству, намерение которой отнюдь не надуманно. Это была не просто провокация, это был замысел преступления.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТАЙНА

Понятие профессиональной тайны отменяется в случаях, когда есть предположение о жестоком обращении сексуального или физического характера в отношении несовершеннолетних. Действительно, уголовный кодекс разрешает не соблюдать тайну любому специалисту,

> *который информирует судебные, медицинские или административные органы о жестоком обращении, включая сексуальные посягательства, о которых ему стало известно и которые были направлены против несовершеннолетнего или против лица, которое не в состоянии себя защитить в силу своего возраста или своего физического или психического состояния*[290].

Кроме того, уголовный кодекс разрешает не соблюдать профессиональную тайну «врачу, извещающему с согласия потерпевшего, прокурора республики о жестоком обращении, которое он констатировал при исполнении своих профессиональных обязанностей, что позволяет ему предположить совершение насильственных действий сексуального характера[291]». Закон от 2 января 2004 г. о помощи и защите детей вносит изменения в статью 226-14 уголовного кодекса и устанавливает, что «уведомление о жестоком обращении, сделанное врачом в компетентные органы, не может быть предметом дисциплинарного взыскания»… Давно пора!

Преследование врачей за «вмешательство в дела семьи», в соответствии с формулировкой, закрепленной в медицинской профессиональной этике, отныне невозможно. Докладчик ООН, в статье 59

> *рекомендовал Национальному совету врачей Франции срочно пересмотреть эти процедуры с целью оказания*

[290] Ст. 226-14 1° УК.
[291] Ст. 226-14 2° УК.

поддержки и не наказывать врачей, которые сообщают о своих подозрениях на жестокое обращение с детьми[292].

Мы с удовлетворением отмечаем рекомендацию «срочно пересмотреть эти процедуры…», поскольку негативные последствия таких преследований еще ощущаются во Франции.

НЕДЕЕСПОСОБНОСТЬ

Несовершеннолетний не может подать заявление самостоятельно, поскольку с юридической точки зрения он является недееспособным. От его имени может действовать законный представитель. Быстро становится понятным противоречие, когда законным представителем или представителями на этом этапе процедуры являются предполагаемые насильники. Чтобы разрешить проблему конфликта интересов, законом предусмотрены положения, позволяющие, чтобы интересы несовершеннолетнего были представлены в суде. В этом случае, гражданский иск от имени ребенка, с целью получения возмещения понесенного ущерба, предъявляет специальный администратор, юридическое или физическое лицо. Предъявить гражданский иск означает попросить разрешения участвовать в уголовном процессе в качестве стороны (в деле) для получения возмещения понесенного ущерба. Как этого добиться?

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТОР

Это испытание. В настоящее время наблюдается определенная нерешительность, даже заторможенность в использовании этого механизма, предусмотренного, однако, законом. Пример: маленькая девочка, помещенная в приемную семью, несколько месяцев назад рассказала, что в выходные дни ее изнасиловал

[292] Хуан-Мигель Пети, специальный докладчик ООН, «Визит во Францию 25-29 ноября 2002 г. Торговля детьми, детская проституция, порнография с вовлечением детей».

отец. Социальные работники сообщили об этом в соответствующие органы: до сих пор все идет как надо. Иногда, но не всегда, получателем письма, имеющего столь решающее значение для будущего ребенка, является прокурор. На этом этапе прокурор может принять решение о начале уголовной процедуры, при этом даже не требуется подавать заявление. Чаще всего, такое уведомление о деянии получает инспектор Службы социальной помощи детям либо ювенальный судья. Напомним, что у них нет возможности начать преследование против человека, на которого указал несовершеннолетний. Первый не может это сделать, потому что иногда ему претит обращаться к помощи правосудия, он может отсеять информацию и посчитать, что нет необходимости передавать ее судебным органам. А перегруженному работой инспектору может понадобиться много времени для этого или он может попросту забыть передать информацию в прокуратуру. Тогда ситуация ухудшается. Все идет не так гладко. Заявление не готово к подаче, поскольку те, кто может назначить специального администратора, а именно ювенальный судья или следственный судья, еще толком не уведомлены.

Тогда социальные службы начинают бесконечно затягивать дело на каждом уровне. Им очень трудно увидеть проблему в двух измерениях, гражданском и уголовном. Когда во время сеансов терапии мы предлагаем им попросить о назначении специального администратора, все застопоривается. Нам отвечают: «Мы отправили уведомление и ждем ответа». Разумеется, есть исключения, как например департаменты Воклюз или Эр, где обращение к помощи специального администратора стало обычной практикой Генерального совета, при котором созданы группы специалистов, наделенных именно этой функцией. В этом случае, все идет, как следует: специальный администратор, член Генерального совета, предъявляет гражданский иск. Такая практика благотворно влияет на про-

цедуру рассмотрения, кроме случаев, когда ребенок случайно находится в конфликтных отношениях с Генеральным советом, например из-за злоупотреблений, совершенных сотрудниками служб по работе с детьми… Тогда, все может пойти по наихудшему пути…

В семьях, которые не находятся под опекой социальных служб, ребенка обычно представляет один из родителей, например в делах об инцестах, или оба родителя в делах о педофилии, ибо условия подачи заявления являются такими же, поскольку несовершеннолетний недееспособен с правовой точки зрения.

Необходимо уточнить, что любой потерпевший гражданин может подать заявление без помощи адвоката либо в комиссариат, либо в жандармерию, либо написав письмо в прокуратуру. Если он хочет быть уверен в том, что уголовное преследование будет начато, он может подать заявление с предъявлением гражданского иска старейшине следственных судей. Для составления простого заявления адвокат не обязателен, но его наличие настоятельно рекомендуется в случае подачи заявления с предъявлением гражданского иска. Некоторым растерянным и обеспокоенным мамам нужна методичность юриста для того, чтобы заявление на бывшего спутника жизни было принято во внимание или чтобы они не дали себя переубедить уставшему или заваленному делами полицейскому, который предложит им вместо подачи заявления внести информацию в книгу учета[293]. Такая запись не является заявлением.

ПОДАЧА ЗАЯВЛЕНИЯ

С этого действия начинается уголовное судопроизводство; это очень торжественный момент для потерпевших. Этот шаг не всегда свободен от опасений, что могут не поверить или станут

[293] Книга учета: термин, используемый для обозначения системы хранения малозначительной информации, которая доводится до сведения полиции, но не влечет за собой подачу заявления.

мстить. Иногда требуется несколько лет лечения, прежде чем некоторые девушки, изнасилованные в детстве, согласятся при поддержке и защите родителей и/или терапевтов, составить подробное описание пережитого, необходимое для квалификации деяний. Женщины, достигшие совершеннолетия, долго не смогут решиться подписать письмо – в высшей степени символический жест – чтобы опустить его в ящик, предварительно наклеив марку и надписав нужный адрес…

Запасная копия

Психически подавленному отцу семейства и двум его дочерям понадобился год, чтобы найти силы рассказать друг другу о кровосмесительных изнасилованиях, совершенных одним и тем же насильником, дедушкой со стороны отца. Когда они все вместе решились написать письмо адвокату, чтобы запустить судебную машину, терапевт предупредила их: «Регулярно делайте запасные копии написанного!» Действительно, часто из-за неправильных действий с зависшими компьютерами исчезают все тщательно составленные тексты. На следующей встрече, любезно улыбаясь, отец сказал: «Мы вспоминали вас дома, потому что компьютеры оказались несовместимы, мы чуть было все не потеряли. Но поскольку вы нас предупредили, мы сделали кучу запасных копий». Они, наконец, были готовы отправиться к адвокату.

Вернемся к описанию пути, который проделывает заявление, поданное специальным администратором, действующим в интересах ребенка, временно устроенного в другую семью. В отличие от того, что происходит в обычных семейных ситуациях, именно администратору надлежит теперь выбрать адвоката для ребенка, чтобы дать ход его разоблачительным показаниям.

АДВОКАТ РЕБЕНКА

Вот пример совместной работы специального администратора, адвоката и воспитателя ребенка.

В деле ничего нет!

Одиннадцатилетняя Амели пережила сексуальное насилие дома у дедушки-сутенера и, возможно, стала жертвой сексуального насилия со стороны взбалмошной и развратной матери. Чтобы ее защитить, ее забрали из семьи. В прокуратуру и административные органы направлялись, как положено, сообщения об этих фактах. Интересы девочки представляет специальный администратор, у нее опытный адвокат. В мире прав ребенка все могло бы быть хорошо. Но в кабинете адвоката назначена встреча для подготовки слушания у следственного судьи. Девушку сопровождает ее воспитатель, которому она обо всем рассказала. Сначала Амели входит одна. Когда приглашают войти воспитателя, он видит улыбающегося адвоката и улыбающуюся Амели. Сняла груз с души? По-видимому, все прошло прекрасно. И тогда адвокат объясняет, что дело наверняка быстро прекратят, поскольку в нем нет никаких материалов! Воспитатель не может прийти в себя от изумления. Он предусмотрительно захватил копии разнообразных уведомлений о деяниях, которые направлял в свое время. Адвокат горячится и ведет беседу без участия воспитателя. Застигнутый врасплох, озадаченный воспитатель, тем не менее, ловко подсовывает эти бумаги «предполагаемому защитнику». Адвокат сразу смягчается и наконец-то начинается конструктивный разговор.

Вопрос: Как оказалось, что адвокат не ознакомился с этими документами, имеющими решающее значение?

Ответ: такая ошибка встречается чаще, чем кажется.

> Удивительно, сколько документов очень некстати исчезает из дел… Подобная невнимательность адвокатов изумляет в тем большей степени, что жизнь этих детей действительно находится в руках правосудия. Судьи не смогут вынести справедливых решений без состязательных прений между адвокатами обвиняемого и гражданского истца. Если бы осведомленный и осторожный воспитатель предусмотрительно не взял бы с собой копии сообщений, Амели никогда бы не смогла присутствовать на первых прениях о своих правах. То есть воспитатель принял на себя роль специального администратора, чтобы убедить юриста исполнить свой профессиональный долг!

Благодаря этому примеру мы можем выразить свое восхищение социальным работникам, делающим все от них возможное и творчески подходящих к своей работе. Несмотря на сложности, эти люди продолжают защищать будущее детей и никогда не опускают руки. Именно в их честь наш друг, режиссер Алина Иссерманн, придумала в фильме «Тень сомнения» (L'Ombre du doute) героиню, энергичную воспитательницу, талантливо сыгранную Жозиан Баласко и противопоставленную коварному Алену Башунгу, мужественно исполнившему неоднозначную роль отца-кровосмесителя[294].

Бюрократизация адвоката

Упомянем о другой трудности, возникшей, впрочем, относительно недавно и связанной с бюрократизацией функции адвоката, гонорар которому выплачивает Служба социальной помо-

[294] L'Ombre du doute: фильм Алины Иссерманн, триллер об инцесте, участвовал в официальном конкурсе Венецианского фестиваля в 1993 г. и фестивалей в Нью-Йорке и Филадельфии 1994 г., сценарий А. Иссерманн совместно с Ф. Грюйе, М. Нисс (готовится к выходу DVD).

щи детям. Это неизбежно приводит к установлению зависимых отношений с Генеральным советом как с клиентом, оплачивающим услуги, а не с ребенком.

Существует институт, занимающийся защитой детей, о котором мы еще не говорили: детский омбудсмен. С момента принятия закона от 6 марта 2000 г. защита и пропаганда прав детей в том виде, в каком они были определены в законе или в Международной конвенции о правах ребенка, принятой ООН 20 ноября 1989 г., поручены независимому административному органу.

Клер Бриссе, нынешнему детскому омбудсмену, поручено заниматься разбирательством индивидуальных жалоб, вносить в органы государственной власти предложения о внесении изменений в текст законов, пропагандировать права детей, организовывать информационные акции об этих правах. Ежегодно уполномоченные по правам детей принимают участие в составлении отчета, тема которого определяется омбудсменом.

Во время визита Клер Бриссе в центр Бют-Шомон в 2002 г. мы убедились в ее пристальном интересе к реально существующей проблеме детских адвокатов. Ранее мы с беспокойством отметили намечающееся отклонение от главной функции адвоката, которая состоит в том, чтобы быть глашатаем слов клиента, в данном случае ребенка. Мы стали задаваться вопросом, нет ли во взгляде адвоката на ситуацию определенной деформации, вызванной тем, что он часто общается с социальными службами, основная задача которых, как и задача специального администратора, состоит том, чтобы стоять на страже и представлять интересы ребенка. Поясним свою мысль.

Парадокс интересов ребенка

Интересы ребенка могут абсолютно противоречить его словам, отражающим истину или спровоцированным иногда посттравматическими диссоциациями. Эти диссоциации наносят ре-

бенку вред, требуют от него жертв и могут повлечь ошибочную интерпретацию его слов взрослыми.

Интересы ребенка всегда определяются взрослым, это понятие намеренно имеет широкое толкование. Напротив, права ребенка точно определены кодексами, и только адвокат может представлять их во всех судебных инстанциях, гражданских и/или уголовных. Слова ребенка интегрированы в понятие его прав. Специальный администратор несет основную нагрузку по представлению интересов ребенка в суде в отсутствие родителей или в случае неисполнения ими своих обязанностей.

Посттравматическая диссоциация и подсознательная лояльность по отношению к сексуальной насильнице, его приемной матери, заставят Алена, рассказ о котором впереди, солидаризироваться с ней из жертвенных соображений с эротическим подтекстом.

Няня и трансвестит

Алену шесть лет. Его жизнь – череда катастроф. Его отца с рождения воспитывала та же женщина, которая сегодня воспитывает мальчика. Его отец стал трансвеститом… Мать Алена страдает слабоумием средней степени с мазохистским подчинением любому авторитету. Ален страдает компульсивными мастурбациями, перепадами настроения, бессонницей, кошмарами. К тому же у него наблюдается пролапс[295] ануса, что, учитывая ситуацию, отнюдь не безобидно. Но у Алена наблюдаются и такие признаки раздвоения личности, благодаря которым можно подумать, что он совершенно приспособленный к жизни счастливый мальчуган.

Во время сеанса терапии он рассказывает о фактах сексуального насилия, совершенных группой лиц, и

[295] Пролапс: «Ненормальное опущение органа или части органа» (Petit Robert)

называет других детей, подвергнувшихся насилию. Клиническая картина позволяет предположить насильственные действия сексуального характера, в которые вовлечены взрослые из его окружения. Оба его родителя, хотя и давно не проживающие совместно, всегда поддерживали постоянные тесные отношения с няней. Поскольку была выдвинута гипотеза, что вместе с няней, личностью авторитарной, они втянуты в запретные деяния, описанные Аленом, в прокуратуру направляются первые уведомления об этом. В ожидании ответа, из предосторожности, социальная служба помещает ребенка в другую приемную семью. Ален и тогда продолжает рассказывать о все более серьезных фактах, которые указывают на приемную мать и родителей. Уведомления о деяниях, специальный администратор, подача заявления и адвокат - таковы меры, принятые для защиты ребенка.

Ален находится вне этого водоворота событий. Мы знаем, что в новой семье пролапс ануса постепенно начинает проходить. Странным образом, этот ключевой клинический фактор нельзя принять во внимание с юридической точки зрения.

И тут начинается хоровод четырех адвокатов всех участников семейной драмы: адвокат няни, адвокат мамы, адвокат папы и адвокат ребенка.

С логической точки зрения можно было бы ожидать, что Ален, находящийся сейчас под защитой, продолжит рассказывать о том, что с ним произошло. Слишком поздно. Ведь говорил же он, неприлично и томно извиваясь на софе, своей новой приемной матери, не верящей ни своим глазам, ни своим ушам: «Ты можешь любить меня, как моя няня?» Требование сексуального наслаждения у такого маленького мальчика было

явным признаком высокой степени его идентификации с многочисленными насильниками. Столь ранняя постоянная эротизация эмоциональных контактов внесла неразбериху в его представления о чувствах: нежности, любви, эротизме, чувственности, близости, доверии. Для Алена сексуальность обязательно присутствует в любых отношениях. Поэтому перед любым новым взрослым, адвокатом, следственным судьей, экспертом, он сразу же демонстрирует обратную логику, результат давнего смешения и смещения регистров. Эта логика заставляет его требовать возвращения к своей няне. По нашему мнению, это связано с эффектом абстинентного синдрома, – здесь сексуальное возбуждение сродни токсическому воздействию, – с организованным совращением и столь ранним приобщением к сексуальной жизни.

Эти неожиданные слова в кабинете у адвоката: «Я хочу к няне» доведены, как и положено, до сведения судьи по делам несовершеннолетних. И они играют определяющую роль. Судья принимает фатальное решение: Ален возвращается к главной насильнице!

Мы ждали худшего, и оно произошло. Ален снова рассказывает воспитателям, что в первые же выходные над ним опять совершили насилие. Новое уведомление направлено прокурору, а трагедия Алена продолжается, несмотря на наши предупреждения и разговоры с судьей по душам. Хотя судья, кажется, готов нас слушать и уважает нашу работу клиницистов, пока защита ребенка заканчивается запрограммированной неудачей. Из Алена получится в будущем сексуальный насильник, если ничто не остановит дальнейших злоупотреблений и формирования извращенных сексуальных установок, которые мальчик испытал на себе.

> Если найти взаимопонимание по поводу вероятных насильственных действий, совершенных родителями, еще оказалось возможным, то допустить вдобавок к этому, что их инициатором является няня, - няня отца, ставшего трансвеститом, - вот этого судья не смог принять психологически, несмотря на нашу помощь.

В этой драматической истории второе слово ребенка противоречило первым разоблачениям, которые сначала запустили машину уголовного судопроизводства. Отказ мальчика от своих слов у адвоката «Это тети – социальные и медицинские работники – велели мне так сказать» был воспринят буквально адвокатом и ювенальным судьей, который принял решение о продолжении проживания у «няни». Судья не принял во внимание бросающиеся в глаза симптомы, которые должны были бы вызвать его беспокойство и утвердить его во мнении, что речь шла о внешнем воздействии на мальчика: «Я хочу к няне». Ален произносил эту фразу заученным тоном, как загипнотизированный, с выражением безразличия на лице, которое следовало бы интерпретировать как знак подчинения насильнице. Нам известно по опыту, что речь маленького ребенка составлена из несвязных отрывков. Однократный отказ от своих слов не должен иметь такого значения при принятии решения, когда налицо состояние сильной ревиктимизации[296] у названного ребенка. Ален продолжал проявлять те же посттравматические симптомы. Следует напомнить: когда насильственные действия прекращаются или их опасность исчезает, сексуальное возбуждение спадает. Сказанное не относится к данному ребенку. Его патология не имела ничего общего с психозом,

[296] Ревиктимизация: термин, используемый в виктимологии, неосознанное поведение жертвы, которая безотчетно и многократно воспроизводит опасные ситуации, ставшие первичной причиной ее травматизации. Противоположное значение: травмофилия.

ему нужно было медицинское лечение транквилизаторами, чтобы уменьшить степень выраженности сексуальных расстройств, снять тревожность и возбуждение. Нужно признать, что в этом случае задача адвоката чрезвычайно трудна. Отказ ребенка от своих слов[297] надо было истолковать правильно, без спешки, с учетом контекста, и не принимать неуместных решений, вредных для будущего Алена. Можно ли говорить о преступлениях по шаблону? Когда судьи и адвокаты встречаются с несоответствием между интересами ребенка и тем, что он говорит, только специальная подготовка поможет им не ошибиться.

Сомнение в достоверности

Есть существенная разница в представлении прав ребенка-потерпевшего по сравнению с взрослыми. В настоящее время устраивается целая процедура вокруг пресловутой убедительности заявлений ребенка. Для судей этот вопрос вполне закономерен, но для адвоката он даже не должен существовать. Однако сейчас детские адвокаты, прежде всего, задаются вопросом, правду ли он говорит. Это нарушение профессиональной этики. Если они соглашаются на эту работу, они не должны рассуждать о правдивости или лживости ребенка-клиента, они должны выиграть процесс, как они сделали бы это для самого одиозного бандита или насильника-садиста. В этом заключается адвокатская этика, и мы не всегда наблюдаем ее в делах, где интересы ребенка представляются в суде.

Вероятно, решить проблему могло бы существенное повышение адвокатских гонораров, а также передача этой функции другому органу, чем тот, который уже не справился с защитой детей: вспомним детей, подвергающихся жестокому обраще-

[297] Жиль Антонович и канадские авторы настаивают на том, что такой отказ вызван давлением и является дополнительным фактором, свидетельствующем о реальности насилия.

нию в приемных семьях, которые выбраны и одобрены теми же самыми службами в Генеральных советах.

В главе «Суд, а дальше?» мы рассмотрим, насколько представление прав ребенка в суде адвокатом, сомневающимся в достоверности его слов, играет на руку стороне защиты, которая неизбежно этим пользуется и добивается прекращения дела либо оправдательного приговора.

Верить или быть убежденным?

Предоставим слово опытному судье:

> *В основе судебного решения лежит истинность фактов, а не убедительность потерпевшего. Впрочем, оценить истинность могут лишь дознаватели и судьи. Не может быть поручено третьему лицу определить, можно ли верить ребенку. Это означает, что судья отказывается от собственного убеждения и соглашается с тем, что решение по делу будет основано не на совокупности объективных данных и выводов, которые приведут его к формулировке «я убежден, что», а просто на «думаю, что». Иными словами, если в принципе сомневаться в словах ребенка, то нам придется выносить решение, не будучи в нем убежденными!* [298]

Сомнение в достоверности слов ребенка льет воду на мельницу адвоката обвиняемого еще до начала процесса. Печать сомнения будет лежать на всех действиях, направленных на защиту ребенка.

---

[298] М. Редон (в печати).

13.До судебного процесса

«Вы все еще верите в правосудие? Правосудие - как дева Мария: тот, кто его давно не видел, начинает сомневаться.»[299]

Мишель Одиар

ЖЕРТВА, СЛЕДСТВИЕ В ПОЛИЦИИ И В ЖАНДАРМЕРИИ

В городах следствие, проводится бригадой по делам несовершеннолетних, даже если его возбудил прокурор; в сельской местности следствие ведет жандармерия.

Законодатель, под влиянием представителей ассоциаций помощи жертвам преступлений[300], позволяет потерпевшим, пришедшим подать заявление, узнать в письменной форме о своих правах от офицеров и сотрудников судебной полиции, а также жандармов. Это вызвано необходимостью напомнить, что уголовный кодекс и уголовно-процессуальный кодекс разработаны с целью наказания виновных в преступлениях, а не помочь жертвам. Такое нововведение говорит о том, что со-

[299] «Орел или решка», фильм Робера Энрико, 1980 г.

[300] Ассоциации помощи жертвам преступлений принимают потерпевших и членов их семьи, выслушивают их и информируют об их правах. Ассоциациям, основанным пять и более лет назад и имеющим соответствующий статус, разрешено подавать гражданские иски; они также могут вмешиваться в процесс от имени и в интересах потерпевших с их разрешения. Большинство ассоциаций помощи жертвам преступлений объединены в рамках Национального института помощи жертвам преступлений (INAVEM).

временный судебный мир озабочен облегчением страданий потерпевших. Новый закон позволяет уже в полиции информировать потерпевших сразу после того, как они рассказали, как смогли, о том, что пережили. Одновременно с подачей заявления они узнают, что могут требовать возмещения причиненного им ущерба, подать гражданский иск, получить помощь адвоката, которого выберут сами или которого назначит председатель коллегии адвокатов, получить поддержку ассоциации и, наконец, получить возмещение ущерба. Таким образом, потерпевший сразу же чувствует облегчение, особенно, если ему пришлось настоять, чтобы заявление приняли, что случается достаточно часто.

Примером деятельности бригады по делам несовершеннолетних могут стать цифры, опубликованные комиссаром бригады по делам несовершеннолетних Парижа госпожой Иветт Бертран[301], в чьей юрисдикции с 1985 года находятся все без исключения дела о сексуальном насилии. В 2002 году ее бригада из 80 полицейских, в результате оповещений из организаций социальной помощи или от самих детей, расследовала 1700 дел о бездомных детях, находящихся в опасности, 65% из которых были «подобраны» ночью; 138 дел о физическом насилии, что подразумевает 168 жертв; 597 случаев сексуального насилия, совершенного над 664 жертвами.

ДОПРОС

Допрос - видео и невербальный язык

Первоначальное дознание в полиции или жандармерии зачастую начинается с допроса ребенка-потерпевшего. С 1998[302] года под давлением семейных терапевтов, допрос несовершен-

---

[301] «Насилие на улице и в семье», конференция от 18 марта 2003 г., «Les mardis du Derpad», Париж.

[302] Закон от 17 июня 1998 г. о предупреждении и снижении сексуального насилия, а также о защите несовершеннолетних.

нолетних жертв сексуальных преступлений стали записывать на видео. В законе прописано, что

> *в ходе дознания [...] допрос несовершеннолетних жертв сексуальных преступлений подлежит (с их согласия или, если они не в состоянии дать согласие, с согласия их законных представителей) аудио- и видеозаписи*[303].

Предполагается, что видеозапись освобождает офицера полиции от письменного протоколирования дознания. Однако мы знаем, что пока в немногих отделениях жандармерии и бригадах по делам несовершеннолетних не установлены видеокамеры по причине нехватки денег или персонала.

Выше мы прочитали, что запись может иметь место только с согласия самого несовершеннолетнего или его законного представителя. Тем временем, представители судебной власти, в чьем ведении находится дело, также могут обоснованно воспротивиться записи допроса. Причиной часто является риск спровоцировать новую «травму» самим процессом записи - результат абсолютного непонимания пользы, которую жертве приносит потрясение от воспоминания о пережитой травме. Здесь речь ни в коем случае не идет о повторной травме, но, напротив, об эмоциональном возрождении, оказывающем положительное влияние на психологическое восстановление жертвы. Единственное возможное ограничение, как мы считаем, касается детей, которых фотографировали или снимали на камеру во время совершения насильственных действий. Когда дети, наблюдающиеся в Центре, приходят на дознание, они не пугаются видеокамеры, будучи подготовленными на этот случай, и лишь редко противятся ведению записи. Подростки, напротив, могут стесняться камеры, и в этом случае умеют отказаться от нее.

303 Ст. 706-52 п. 1 УПК.

Видеозапись позволяет зафиксировать невербальный язык жертвы, что является огромным шагом вперед, и нам повезло, что комиссар-докладчик госпожа Фредерик Бреден приняла нас по вопросу о разработке этого нового законопроекта.

В ходе своей конференции, вышеупомянутая комиссар полиции Бертран подчеркнула: «Видеозапись положительно влияет на манеру следователя задавать вопросы, дарит ему бóльшую свободу». Достаточно уточнить, что полицейским не нужно полностью переписывать записи, за исключением случаев, когда они считают это крайне необходимым[304].Кроме того, похоже, обсуждается проект широкого внедрения данного метода в другие сферы. Кстати, запись может быть использована на очной ставке с обвиняемым. Что касается бесконечных повторных допросов потерпевших, «нам не повезло», призналась она. Неужели в рамках этой формулы главная задача видеокамеры - запись невербального языка - была забыта? На это комиссар Бертран отвечает, что, действительно, одна девочка, не знавшая слова «фелляция», но принужденная к этому насильником, имитировала этот жест на камеру при помощи бутылки воды, стоявшей на столе. «Как бы мы смогли адекватно записать этот эпизод без камеры?» - вопрошала она.

Маркер

Двенадцатью годами ранее, в самом начале работы Центра Бют-Шомон, во времена, когда законом еще не было предусмотрено ничего, чтобы облегчить детям-жертвам преступлений процесс дачи показаний, а бригадой по делам несовершеннолетних Парижа руководил Шнайдер, один из нас отправился в Ке-де-Жевр[305] с видеозаписью сеанса терапии, чтобы показать спонтанные жесты несовершеннолетнего потерпевшего и тем

[304] Тем не менее, не стоит путать протокол допроса потерпевшего и необязательную полную расшифровку видеозаписи.

[305] Штаб-квартира бригады по делам несовершеннолетних Парижа.

самым помочь следствию. На записи, на вопрос терапевта: «Что он с тобой делал?» ребенок медленно взял маркер, затем резким движением направил его на свой половой орган: «Вот так!» Увидев это спонтанное действие, полицейские, не видевшие до этого ни одного сеанса детской терапии, единодушно согласились, что «такому не могли научить» (имелось в виду, ни мать, ни терапевт).

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ РЕБЕНКА

Сегодня представители судебной власти, признают, в целях защиты ребенка, его право иметь сопровождающего в ходе процесса и получать моральную поддержку[306]. Тем не менее, присутствие этого третьего лица (члена семьи, специального руководителя, психолога или специализированного детского врача, лица, уполномоченного ювенальным судьей) необязательно[307].

> Наконец,
> *роль этих людей должна быть абсолютно пассивной, они не должны отвечать следователям вместо несовершеннолетнего или задавать последнему вопросы вместо следователя*[308].

Здесь необходимо упомянуть о наивности некоторых социальных работников, о которых мы говорили выше, неспособных вести себя иначе, чем во время обычной беседы. Пройти процедуру допроса в суде, в полиции или жандармерии бывает очень тяжело. Ребенок или подросток часто уже говорил своему сопровождающему все то, что он пытается рассказать дознавателю или следователю. Зачастую сложно удержаться от того, чтобы подсказать ему, особенно если ребенок гово-

306 Ср. циркуляр от 20 апреля 1999 г. в ст. 706-52 УПК.
307 Ст. 706-53 УПК.
308 Ibid.

рит неохотно или впал в ступор, что периодически случается. Некоторые социальные работники инстинктивно отвечают за ребенка, что является серьезным нарушением с точки зрения закона. Впоследствии адвокат обвиняемого не преминет воспользоваться этим фактом, чтобы дискредитировать показания ребенка. Другим же профессионалам, особенно тем, кто имеет специальное образование, удается указать следователю на жест или намек на жест, сделанный потерпевшим, или на изменение выражения его лица, что и задаст направление допроса. В ужасном так называемом деле Утро́, разбиравшемся в Сент-Омере, недалеко от границы с Бельгией, видеозапись, судя по всему, производилась не на каждом допросе. Еще одно упущение - что они говорили в те моменты, когда не велась запись? Этот пробел всегда будет использован против детей. В деле Утро́ им пришлось отвечать на вопросы семнадцати адвокатов обвиняемого о фактах, имевших место четыре или более лет назад. Как пройти это испытание?

Защитница пишет в газете «Le Monde»:

> *Неужели ребенок не выиграет от того, что его слова будут фиксироваться в условиях, максимально приближенных к реальности, к его реальности, так, чтобы избежать допросов, превращающихся в скандальные спектакли?*

Она также протестует против этого «нездорового показательного выступления», напоминая, что

> *… постепенно была приобретена аппаратура для видеозаписи, были выделены кабинеты, был обучен персонал. Таким образом, можно было отменить или ограничить мучительные очные ставки, многочисленные допросы, вновь пережитые психологические травмы. Да… но эти видеозаписи, в случае их наличия, используются судом лишь*

в исключительных случаях: согласно последнему и единственному исследованию, проведенному в этой области министерством юстиции (2001 г.), суды и суды присяжных просматривают записи, если последние существуют, только в 7% случаев[309].

Сознательный возраст

В ходе III конференции «Дни гинекологии и педиатрии»[310], организованной на острове Реюньон, прокурор, господин П.Л. Рабезандратана, с ностальгией говорил о знаменитом «процессе Мелани», эта ностальгия исходит из различных межпрофессиональных судебных протоколов, в том числе и нашего. Данный прецедент позволил ребенку проходить допрос с психологом, гораздо ранее закона от 1998 года. Психолог должен был иметь соответствующее специальное образование и он проводил допрос в присутствии полицейского или жандарма, которому было вверено расследование и который также имел специальную подготовку, нацеленную на понимание сложности данного типа сбора информации. По причине отмены описанной процедуры законом от 1998 года прокурор посчитал себя обязанным поделиться с ассамблеей врачей своим ужасным открытием: 98% дел на острове были прекращены за отсутствием состава преступления… Эта информация вызвала беспокойство среди присутствующих, и ведущей пришлось вмешаться. Мы, действительно, знаем, что в департаменте Воклюз существует «бригада» специально обученных социаль-

309 Cl. Brisset, «Pitié pour les enfants Outreau», Le Monde, 30-31 mai 2004.

310 III Конференция «Дни гинекологии и педиатрии» 7-8 июня 2003 г., выступление М. Нисс, ведущей семинара, с энергичной и доброжелательной женщиной- педиатром Эдвиж Антье.

ных работников, знакомых с логикой уголовных процессов. В этом департаменте говорят совсем о других цифрах: прекращаются лишь 20% дел, заведенных после заявления от тех же самых служб. В этом случае более половины детей меньше шести лет[311]… Этот возраст представляет собой границу, до которой пока очень сложно заставить службы услышать жалобу ребенка, будто бы достижение сознательного возраста автоматически позволяло ребенку действительно стать жертвой насилия в глазах судей и полицейских…

В ходе наших командировок по повышению квалификации на другом континенте мы записали две местных поговорки на тему инцеста. «Чем больше гуся кормишь, тем он вкуснее[312]» - метафора с острова Бурбон, означающая, что с собственным ребенком можно делать все, что угодно. Полинезийская поговорка, «Я хлебное дерево посадил, мне первому и урожай собирать» (на таитянском языке: «Na'uitanuitetumuuru, na'ueamuitema'amatamua», в переводе Леноры Беннетт, таитянского психолога).

Обе людоедские поговорки оправдывают извращения и отсылают к разложению нравов с момента, когда исчезает табу на инцест.

На Таити, с тех пор, как недавно скончавшийся Филипп Надо[313] занял свою смелую позицию, были достигнуты реальные изменения в пользу детей-жертв насилия. Его ассоциация «PipiriMa» вместе с недавно основанной экономической палатой приняла Ф. Грюйе

---

311 С. Рюиз, университетская дипломная работа по виктимологии, 2002 г., под научным руководством А. д'Отвиля.

312 Здесь поговорка приведена на французском разговорном диалекте острова Бурбон с переводом на нормативный французский язык.

313 Филипп Надо, детский психиатр, директор Управления социальной помощи Таити.

и М. Нисс на этих величественных островах в рамках проекта «Помогите нам помочь им». С точки зрения одного местного уполномоченного, история защиты детей-жертв насилия на Таити разделилась на «до» и «после» Надо, ставшего основателем новой школы этого движения.

ОЧНЫЕ СТАВКИ

При первоначальном дознании

На этапе первоначального дознания нередко проводятся очные ставки. Насколько последние могут быть полезны и эффективны для подростков, которые часто ждут их с нетерпением, несмотря на страх, настолько они представляют проблему для детей более младшего возраста. Несмотря на то, что чаще всего очные ставки организованы таким образом, чтобы не задеть чувств жертвы, чтобы та не видела взгляда обвиняемого, которого, сажают лицом к полицейскому, запретив оборачиваться, - все равно иногда очная ставка может превратиться в настоящий кошмар. Вот один из примеров - мы надеемся, последний.

Линейка

Была принята жалоба от девочки о групповом сексуальном насилии в секте. Помимо прочего, ее принуждали к орогенитальному контакту с человеком, сидевшим в кресле, на которого она впоследствии указала как на своего насильника. После многочасовой очной ставки, один из членов бригады по делам несовершеннолетних попросил ее опуститься на колени перед обвиняемым, чтобы полицейские проверили линейкой точное расстояние до полового органа последнего, когда тот сидит. Достает ли голова ребенка до «нужного места»? Долгое время спустя девочка еще вспоминала откровенную усмешку насильника в присутствии

полицейских и перенесенное унижение, напомнившее ей об обстоятельствах групповых изнасилований «на собраниях», которые ей пришлось пережить.

Видеозапись как новое средство следствия освободила бы ребенка от необходимости прямого физического контакта с насильником, избавила бы его от повторного травматизма, вызванного речью насильника, его дыханием, его запахом, его оправданиями, а также от воспоминаний о скрытых угрозах, содержащихся в одних лишь звуках его голоса. Мы знаем, что в условиях психологической травмы воспоминания имеют беспорядочный характер, и случайный образ, звук, запах или переживание могут вновь ухудшить состояние ребенка. Угроза убить, если ребенок заговорит, вновь оживает. Становится понятнее, почему некоторые очные ставки не дают ожидаемого результата относительно словесного подтверждения фактов преступления.

Полицейские службы или жандармерия регулярно делают доклады Генеральному прокурору относительно результатов следствия и собранных данных, учитывая которые последний решает дать делу дальнейшее развитие или остановить следствие, в случае недостаточности улик. Это знаменитое приостановление производства по делу, о котором мы постоянно слышим в процессе терапии, позволяет, тем не менее, заново открыть досье в любой момент, если возникает новый факт, тем самым возобновив следствие[314]. Нельзя путать приостановление с прекращением следствия ввиду отсутствия состава преступления, что оправдывает обвиняемого, но предусматривает возможность апелляции.

Мы посвящаем много времени попыткам объяснить этот аспект судопроизводства социальным работникам, которые за-

[314] При новой подаче гражданского иска старшему следователю.

частую чувствуют себя неспособными продолжать борьбу после первого решения о приостановлении следствия. Очень важно не упускать из виду тот факт, что судебный марафон только начинается.

ДОПРОС У СЛЕДОВАТЕЛЯ

Прошел добрый десяток лет с момента появления первых рекомендаций, прежде чем роль видеозаписи стала очевидной в глазах законодательной власти, в том числе в процессе расследования, несмотря на тот факт, о котором с сожалением говорит прокурор Мишель Редон:

> *Многие забывают, что статья 706-52 Уголовно-процессуального кодекса также предусматривает аудио- и видеозапись показаний потерпевших и очных ставок в кабинете следователя. Можно ли считать, что запись на пленку того, о чем говорится, и того, о чем умалчивается, всего, что происходит в этот момент, сама по себе является обвинением? Давайте лучше говорить об определенной лени […] Очень многие - часто те же самые - забывают и о том, что статья 706-53 предусматривает, что на допросе и очной ставке ребенок также может иметь сопровождающего, как и во время первоначального дознания.*

Пример, который он приводит, нам кажется особенно ярким:

> *Десятилетний Кристоф немного нервно, но внимательно слушает объяснения следователя о том, что все будет записано на видео. Он спокойно улыбается: «Знаю, это как с Тьерри!» Тьерри - жандарм, допрашивавший Кристофа несколькими неделями ранее. Сопровождающий Кристофа что-то шепчет ему на ухо, тот смеется. На допросе также присутствовала его психолог. «Я тебя узнал!»*

Они здороваются. Следователь приглашает всех сесть на свои места: «Хорошо, начинаем». Включает камеру. Входит любвеобильный дядюшка… Кристоф с интересом смотрит на наручники, которые жандарм снимает с обвиняемого, заметно напрягается, но успокаивается, когда сопровождающий подмигивает ему. «Итак, - произносит следователь, - я пригласил вас на очную ставку. В прошлый раз я услышал то, что вы хотели мне сказать, и подумал, что теперь вы сможете повторить это в присутствии Кристофа. Да, я также должен вам сказать, что, в соответствии с законом, наше… хм… собрание записывается на видео.» Было записано, как входит дядя, как Сопровождающий подбодрил Кристофа, как дядя замялся, узнав, что его снимают на камеру, как слушает, тоже немного храбрясь, Кристоф, как он внезапно с гневом и слезами кричит: «Ты же знаешь, что это - правда!», и обвиняемый опускает глаза… Кто больше боялся очной ставки?

Не было записано то, что было сказано после «собрания». Следователь говорит храбрящемуся мальчику: «Видишь, было не так уж и долго.» «Ну, не очень… У тебя есть дети?» «Да, у меня есть сын - почти твой ровесник.» «Знаешь, а ему повезло…» Психолог пишет собственный отчет о наблюдении за ребенком, который будет приложен к делу. Сопровождающий провожает Кристофа к родителям. Теперь ему придется помочь им пережить это вместе[315].

Психологи и педагоги, привыкшие к такому типу сотрудничества, рассказывают, что каждый раз наблюдают видимое облегчение, потому что этот тип сопровождения в то же время оказывает профессионалам «моральную поддержку». Сопровождающий должен понять новую логику, в рамках которой он

[315] Отрывок из книги, готовящейся к печати.

действует вместе с ребенком, и в этом случае нет ничего ценнее предварительного анализа… Именно по этой причине мы готовим наших пациентов к этому новому испытанию с присутствующим адвокатом в ходе сетевой терапии. Необходимо предусмотреть неизбежные ошибки, которые впоследствии будут определенным образом истолкованы адвокатом обвиняемого в ходе следствия или суда, чтобы предупредить многие оплошности.

ПОДГОТОВКА К ОЧНОЙ СТАВКЕ

Чтобы подготовить потерпевшего к самому тяжелому моменту процесса - очной ставке с насильником, мы детально объясняем ему организацию этого заседания. Сначала он наотрез отказывается вновь встречаться с насильником, впадает в панику: «Я не смогу», «Я не хочу его видеть», «Мне слишком страшно». Тогда, чтобы предупредить возможные панические атаки и риск самоубийства, мы готовим их. Вот один из примеров:

Три сестры

> Дело было запутанным, адвокат только что получил точную дату очной ставки, а три сестры переживали сложный момент. Старшей казалось, что две младшие ее используют, младшей - что старшие ее не понимают. Средняя колебалась от одной версии к другой. Педагогу, терапевтам и адвокату казалось невозможным провести очную ставку у следователя без проблем. Насильник, особенно извращенный и презрительный, продолжал на расстоянии терроризировать девочек, несмотря на предварительное тюремное заключение, настолько сильным оказалось его психологическое давление. Раскол в большой семье также не давал напряжению ослабиться, так как мать приняла сторону насильника. Отсюда нель-

зя было ждать помощи, скорее наоборот. Педагог, адвокат и терапевты единогласно решают организовать что-то вроде репетиции очной ставки в условиях терапии.

Начинается сеанс, напряжение очевидно: психологическое влияние насильника до сих пор дает о себе знать, разобщая сестер. Вначале невозможно даже упомянуть о том, что всех объединяет. Вдруг адвокат спокойным, неподражаемым тоном бросает в сторону: «Вы врете!» Разражается драма, старшая убегает, хлопнув дверью, из консультационного кабинета. Младшая, поспокойнее, вопросительно смотрит на адвоката: она сомневается, не понимает, что происходит, и падает на ковер в душераздирающих рыданиях. Средняя сидит в ступоре. Педагог с терапевтами идут за старшей, успокаивают младшую, затем с участием и сочувствием ждут, пока все успокоятся. Затем адвокат все так же спокойно говорит девочкам: «Ну вот, все позади, теперь на очной ставке истерики не будет.»

Девочки мгновенно понимают: их адвокат предвосхитил неизбежный приступ, который случился бы у них в день очной ставки, а также срежиссировал эмоциональную разрядку. Приходит время очной ставки. Все трое, помирившись и сплотившись, прошли через очную ставку вместе, что было невозможно представить несколькими месяцами ранее.

В тот день их отчим перевернул судейский стол, набросившись на следователя! Девочки оставались спокойными. Они выиграли этот раунд, выиграют и следующий, и их отчим получил суровый приговор за отвратительные акты насилия в их отношении, включая акты зоофилии и пытки.

Другой шаг вперед, еще не набравший эффективность, заключается в установленном времени допроса потерпевших, не ограниченным законом[316], как в случае задержанных и обвиняемых. Несмотря на отсутствие травмирующего эффекта, допрос может длиться очень, очень долго, становясь тяжелым испытанием для потерпевших. Мы даже встречали детей, которых допрашивали несколько дней подряд, без всякой психологической помощи, вследствие чего они часто замыкались в себе.

Напротив, если первый допрос прошел хорошо, пациенты - и взрослые, и дети - удивляются появившейся физической легкости. Если полицейский или жандарм вел себя по-человечески, в то же время, оставаясь сдержанным, приобретенный опыт становится незабываемым и внушает доверие, наилучшим образом подготавливая к следующему этапу процесса.

СО СТОРОНЫ ОБВИНЯЕМОГО

Обыск, изъятие

> *Обыск на дому и изъятие вещественных доказательств не могут проводиться без согласия (письменного) лица, в доме которого проводится операция*[317].

Эффект неожиданности - важный момент, которым часто пренебрегают социальные службы, - необходим для сбора вещественных доказательств. Действительно, предупреждая семью о начале расследования, мы снижаем возможность обнаружения кассет или CD-дисков с детской порнографией, предметов эротического предназначения, фотографий, оружия или жесткого диска,

---

[316] Закон предусматривает лишь то, что «лица, которые не подозреватся в совершении или попытке совершения правонарушения, могут быть задержаны только на время, необходимое для их допроса» (ст. 78 УПК). Авторам нравится это парадоксальное определение… свидетеля. Особенно, когда речь идет о ребенке-жертве преступления.

[317] Ст. 76 УПК.

если преступник предпочитает интернет, и т.д. Таким образом, предупредить семью означает совершить тактическую ошибку, несущую в себе огромный вред для прав ребенка, не говоря уже о выразительном понятии оказания препятствия следствию.

Удары маркером

Сеанс сетевой терапии с детьми из одной семьи в возрасте от трех до шестнадцати лет. Старшая была жестоко изнасилована отчимом, от которого и забеременела. В настоящий момент мать, как сообщница, также находится в предварительном тюремном заключении. Пока педагог рассказывает о проблемах каждого из детей после внезапного вмешательства правосудия, младшая агрессивно и без остановки стучит маркером по доске. Терапевт комментирует ее действия:

-Ты бьешь по доске…

- Да, - отвечает ее брат, - как по потолку.

- Почему «как по потолку»?

- Как папа, когда он стрелял по коту.

- Из чего?

- Из ружья, которое он где-то достал.

- В доме есть оружие?

- Да, - продолжает мальчик, - я знаю, где оно спрятано.

- Следователь знает об этом? - спрашивает терапевт у ошеломленной женщины-педагога.

- Эээ… Нет, не знаю.

- Вы видели следы от пуль на потолке, когда посещали детей на дому?

- Эээ… Нет.

Последовавший за беседой обыск выявил целый бандитский арсенал[318]…

[318] «О помехах действиям правосудия», IV, глава 4 УК.

Без нашей поддержки педагог не узнала бы о том, что отчим угрожал детям с оружием в руках, и следователь, возможно, очень не скоро обнаружил бы существование потайного склада незаконно приобретенного оружия - источника страха в семье. Приговор матери-сообщницы был смягчен по причине постоянных угроз убийством со стороны отчима.

Временное задержание

Презумпция невиновности составляет один из главных принципов уголовного процесса:

> *Лицо, обвиненное в правонарушении, считается невиновным до тех пор, пока его причастность к правонарушению не будет доказана*[319].

Тем не менее, следователи имеют право допросить подозреваемого и затем, на основании полученных данных, получить разрешение на временное задержание последнего. С другой стороны, необходимо четко объяснить процедуру задержанному, иначе она будет признана незаконной. Протокол ясно описывает порядок действий: подозреваемому необходимо сообщить о его праве на врачебную консультацию, на консультацию адвоката[320], выбранного самим подозреваемым или назначенного судом.

Достаточно уточнить, что права задержанного лица являются лишь компенсацией ограничения свободы[321].

---

[319] Ст. 6 Европейской конвенции по правам человека.

[320] Одно из главных положений закона от 15 июня 2000 г. теперь предусматривает право задержанного (ст. 63-4 УПК, в которую внесла изменения ст. 11 закона) на помощь адвоката с начала срока ограничения свободы, а также по истечении 20 и 36 часов, проведенных под стражей.

[321] Отрывок из циркуляра CRIM 00-13 F1 от 4 декабря 2000 г., представляющего положения закона от 15 июня 2000 г. о закреплении принципа презумпции невиновности и гарантий прав потерпевших, касающихся временного задержания и следствия в судебной полиции.

Стандартное временное задержание может длиться не более 24 часов, если нет «письменного разрешения прокурора на продление задержания еще на 24 часа[322]». Закон от 9 марта 2004 года позволяет продлить эти сроки «в исключительном порядке, если этого требует следствие[323]», в особенности, если речь идет о делах, касающихся сутенерства и торговли людьми.

Полученное в этот момент признание рассматривается как достаточно твердое основание для расследования. Адвокату ребенка будет легче представлять своего маленького клиента, хотя нередки случаи, когда подозреваемый впоследствии отказывается от сделанных показаний.

Для некоторых несовершеннолетних насильников временное задержание - это тяжелое испытание, становится своеобразным началом пути раскаяния. Недавно достигший совершеннолетия Вилли[324], сказал, выйдя на свободу: «Мне это помогло, мне пришлось в полной мере осознать, что я был насильником.» С тех пор главные симптомы его проблемы исчезли.

Средства следствия

> *Следственный судья в ходе следствия выступает и за, и против обвиняемого, потому что он обязан собрать все необходимые для следствия доказательства независимо от интересов обвиняемого или потерпевшего[325].*

С этой целью он может проводить допрос как подозреваемого в административных или уголовных правонарушениях, так и

---

322 Ст. 63 УПК от 15 июня 2000 г., ст. 5.

323 Ст. 706-88 УПК.

324 Мы рассказывали историю Вилли в главе «Несовершеннолетние агрессоры».

325 «Ребенок, пострадавший от сексуального насилия, справочник для взрослых», в серии «Судебные справочники», Министерство юстиции, сентябрь 2001 г.

потерпевшего, если в этом есть необходимость, а также любого лица, которое предположительно может помочь следствию. К слову, свидетель не имеет права отказаться от дачи показаний[326]. Задача представляется сложной, особенно если приходится допрашивать детей. «Говорит ли ребенок правду, или же сочиняет? Чтобы ответить на этот вопрос, следователи и судьи обычно придираются к рассказу ребенка, ищут ему доказательства и зачастую ждут дольше, чем следовало бы. […] Обычные критерии анализа достоверности показаний взрослого (ясность, точность, повторение от допроса к допросу) часто не работают в отношении детей[327]».

«Здесь выбирают слова»

Дети не владеют гипотетически-дедуктивной логикой, их мысль нерациональна. Состояние жертвы подсознательно мешает им объективно оценивать произошедшее и излагать факты. Воспоминания о перенесенном насилии отрывочны, время установить невозможно, но они обычно помнят одну маленькую, точную, часто уникальную подробность, например, родинку или татуировку на половом органе. Их память фрагментарна, а иногда все осложняется продолжительной амнезией.

Мы помогаем пациентам разобраться в своих отрывочных воспоминаниях до допроса, вместе с ними восстанавливая контекст перенесенного насилия: время года, обстановку в помещении, одежду, и т.д., надеясь, что такой совместный поиск приведет нас к важной для восстановления произошедшего подробности, благодаря которой жертва сможет сознательно вспомнить обстоятельства случившегося и рассказать правду. Мы не проводим расследование, не ведем пациента к определенному выводу, но помогаем объятому страхом человеку собрать вое-

[326] Ст. 101 УПК.

[327] G. Antonowicz, Agressions sexuelles, la réponse judiciaire, Paris, Odile Jacob, 2002, p. 87, 90

дино отрывки воспоминаний, разрозненных вследствие травмы и физических страданий. Сделать вывод, что психологическая травма имеет одинаковый эффект на запоминание событий, а следовательно, на память о фактах, нам позволили клинические опыты над взрослыми, перенесшими насилие в детстве. В некотором роде человеку становится понятной хронология событий, а значит, он может рассказать о ней доброжелательно настроенному и внимательному к деталям третьему лицу. Эти беседы в рамках сеанса сетевой терапии часто трудны для социальных работников, однако жертвы чувствуют поддержку благодаря точности наших высказываний: «Здесь выбирают слова», - сказала на выходе семилетняя Глория своему педагогу, которая, в свою очередь, чувствовала себя, «как выжатый лимон», по окончании эмоционально тяжелого сеанса.

Этот поиск уточнений, важных подробностей событий важен для получения решения судьи, которое будет основываться на своем личном убеждении. Поскольку бювет очень сложно собрать вещественные доказательства, часто слово одного взвешивается против слова другого. Однако, статус одного не равен статусу другого.

> *Слово ребенка проверяют, взвешивают, и, чтобы не обвинять его во лжи открыто, предпочитают удостовериться, что он не «выдумывает», вплоть до проверки его на «достоверность», чего не делают с взрослыми, которые, конечно, не выдумывают никогда. […] Эти допросы необязательно продиктованы лишь профессиональными соображениями об объективном и действенном следствии, но они также выявляют популярное представление о ребенке, как о «неспособном», «маленьком» человеке, которому не хватает здравого смысла, разума, вследствие чего он не может оценить важность своих слов. Они также говорят о желании взрослого защититься от*

того, что невыносимо ему в словах ребенка, защищаясь от горькой правды за ширмой убежденности в их несоответствии истине[328].

Мы хорошо знаем механизм воспоминаний о прошлом у взрослого. Иногда они приходят в виде ежедневных образов, когда человек бессознательно регулярно страдает от приступов тревоги, что обусловлено особенным поведением насильника в прошлом. Часто боль приходит с наступлением ночи, реже днем, как в случае Шарля, о котором речь пойдет дальше и у которого точное время наступления приступа душевных страданий особенно показательно. Впоследствии, благодаря показаниям насильника, стало возможным понять механизм воспоминаний, запустившийся посредством особого типа маниакальной фобии Шарля.

В котором часу?

Шарлю тридцать пять лет. В подростковом возрасте он стал жертвой сексуального насилия со стороны тренера по легкой атлетике. Он следовал жесткой дисциплине, чтобы стать олимпийским чемпионом, жил по плотному расписанию. Во взрослом возрасте он подал гражданский иск[329] благодаря продлению сроков исковой давности[330] для возмещения нанесенного ему ущерба и выиграл дело. Насильник во всем признался, экспертиза выявила определенные психологические последствия перенесенного Шарлем насилия, но забыла о сексологических последствиях… На сеансах психотерапии он пытается из-

[328] М. Редон (готовится к печати).

[329] Ст. 1385 Гражданского кодекса: «Любое действие человека, наносящее ущерб другому человеку, обязывает виновного возместить этот ущерб».

[330] Ст. 2270-1 п. 2 Гражданского кодекса.

бавиться от посттравматических проблем, которые до сих пор мешают ему жить нормально, несмотря на публичное признание его потерпевшим. Шарль жалуется на ежедневные приступы тревоги. «В котором часу?» - спрашивает терапевт. Он удивленно, но довольно точно отвечает, что приступы начинаются около 15:30 и заканчиваются обычно к 18 часам! «Что Вы обычно делали в это время?» «В это время я уходил из школы и шел на тренировку. Чтобы отдохнуть, я шел пешком по сельской дороге, не зная, что насильник едет за мной на машине. На одном из поворотов он внезапно появлялся передо мной и спрашивал: «Тебе нечего делать? Поехали ко мне домой!» Шарль ни разу не смог убежать, и до сих пор стыдился этого физического подчинения, даже после процесса.

Столь точная временная подробность помогла терапевту установить связь между прошлым и настоящим. «Я об этом и не подумал,» - признался Шарль. За осознанием пришло и успокоение. Следует еще один вывод: качественная медицинская экспертиза не смогла выявить неизбежные последствия для сексуальности потерпевшего, что явилось крайне нелогичным в контексте дела об изнасиловании, причинило вред Шарлю и, несомненно, поспособствовало развитию его расстройства.

Напомним, что несогласие потерпевшего может быть по-разному истолковано законом, что ясно отражено в следующем постановлении:

Отказ от подчинения насильнику может быть выявлен при анализе обстоятельств; так, находясь в состоянии

оцепенения, жертва физически не может воспротивиться и убежать[331].

Нельзя обвинять потерпевшего в пассивности, если эта пассивность является результатом серьезного расстройства[332].

Ребенок тяжелее, чем взрослый, переживает отсутствие «новостей» по своему процессу, воспринимая это как отказ от помощи в его горе. На сайте Министерства юстиции советуют объяснить ему, что следствие может длиться долго, зачастую несколько лет, а также, что «еще один допрос не означает, что на первом ему не поверили[333]». Следователь имеет право на любое действие, которое прольет свет на природу и размеры причиненного ущерба. С этими целями он часто отправляет несовершеннолетнего потерпевшего на медико-психологические обследования, а обвиняемого - на психологическую и психиатрическую экспертизу. Он также может прибегнуть к реконструкции событий, но в контексте сексуального насилия это случается реже. Мы были свидетелями данной процедуры исключительно в случаях связи несовершеннолетнего с делом об убийстве.

Мы покажем вам интересное описание этой процедуры в одном американском бестселлере.

Энн Рул, инспектор органов правопорядка в отставке, сотрудничающая с ФБР в Квантико по делам серийных убийц, - известный писатель. В одной из последних книг, «Маленькие жертвы», она рассказывает о процессе над Дайан Даунс, осужденной за убийство одного из своих детей и покушение на убийство двух других. В книге также говорится о том, как служ-

[331] Ним, 9 декабря 1983 г., подтверждено уголовной палатой 13 марта 1984 г., «Бюллетень палаты по уголовным делам Кассационного суда» №107.

[332] Уголовная палата 8 июня 1994 г., «Бюллетень палаты по уголовным делам Кассационного суда» №226.

[333] «Судебные справочники», op. cit.

ба защиты детей с согласия прокурора и терапевтов помогает выжившим детям вспомнить ход событий, используя похожие на них куклы в ходе лечебной игры. Приемная семья, предупрежденная о процедуре, также оказывает помощь. Идея работает - старшая сестра осмеливается показать неслыханное: как ее мать стреляет в трех своих детей.

> *Она воспроизвела движение невероятно точно, - вспоминает Бродерик (следователь). Кристи (старшая девочка) вышла из задней двери машины, направилась к передней двери, наклонилась вперед и ткнула пальцем в Шерил (куклу, представлявшую собой Шерил), в себя саму (idem.) и в Денни (idem.). Конечно, у дивана, изображавшего автомобиль, не было крыши, но Кристи наклонилась, как будто она там была. Паф! Паф! Паф! Кристи по очереди указывала пальцем на каждую из кукол. Наконец ее охватили чувства, она разразилась рыданиями, с трудом проговорив, что больше не может ничего добавить. Я успокоил ее, сказав, что от нее больше ничего не нужно*[334].

Показания Кристи являются главным козырем обвинения.

В случае нехватки вещественных доказательств, что случается чаще всего, задача следователя состоит в сборе ряда косвенных доказательств, улик, позволяющих компенсировать отсутствие неопровержимых доказательств.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Согласно прагматичной судебной логике, исследовать личность жертвы насилия абсолютно не обязательно - последняя, возможно, мертва, - однако

---

[334] A. Rule, On a tué mes enfants, Paris, Michel Lafon, 2003, p. 287

если жертвами сексуального насилия являются несовершеннолетние, то обязательно проведение экспертизы, направленной на установление природы и значительности причиненного им вреда и на выяснение необходимости в лечении и в соответствующей терапии[335].

Мы можем лишь подписаться под следующим высказыванием прокурора:

Действенная экспертиза - это та, которая вместо того, чтобы компенсировать отсутствие убежденности, дает объективные сведения о личности ребенка, исследует, описывает и анализирует последствия травматического воздействия расследуемых фактов, обнаруживает и объясняет функционирование механизмов выживания и оценивает их влияние на его физическое и социальное развитие. Таким образом, она становится источником информации о внутреннем переживании ребенка, которую можно сравнить с его внешним выражением[336].

Должна ли экспертиза быть проведена сразу после преступления, или, допустим, три года спустя? Этот вопрос имеет решающее значение: мы знаем, что получим существенные и значимые изменения, предоставив потерпевшим специализированное лечение. Нужно ли дожидаться проведения экспертизы перед тем, как начинать терапию, чтобы сохранить свежесть переживаний? По причине длительных сроков судопроизводства часто происходит так, что дети получают терапию в течение нескольких лет к моменту проведения

[335] По ст. 81-1 УПК из циркуляра CRIM 00-16 F от 20 декабря 2000 г., представляющего положения закона от 15 июня 2000 г. о презумпции невиновности и правах потерпевших.

[336] М. Редон (готовится к печати).

экспертизы. В этом случае эксперты абсолютно не в состоянии определить следы травмы, так как терапия уже возымела эффект! Они могут также совершенно искренне считать, что, если дети так хорошо себя чувствуют, то их травма не так значительна, как они говорят. Особенно часто это происходит в случаях, когда эксперты пренебрегают беседой с терапевтом, работающим с этими детьми.

Старые следы

После прекращения следствия в запутанном деле вследствие неубедительности результатов экспертизы, перспектива вновь встретиться с насильником вызвала ухудшение состояния двух сестер, одной из которых было девять, а другой тринадцать лет. Медэксперт не учел тот факт, что дети уже более двух лет работали с терапевтами в, и постановил, что их показания не полностью достоверны. Это постановление тут же посеяло сомнение среди представителей прокуратуры, а в случае сомнений дело решается в пользу подозреваемого. Сомнение повлекло за собой прекращение следствия, которое, в свою очередь, стало причиной резкого возвращения старых симптомов: появилась новая ориентировка. Тогда началось новое расследование, в ходе которого судебно-медицинская экспертиза установила старые шрамы в области ануса, которые могли бы объяснить обстоятельства, будучи замеченными в течение первого следствия… Следствие продолжается…

Процедура экспертизы изначально не пугает наших пациентов, ни взрослых, ни детей. Они уже привыкли общаться с психологами. Результаты данной следственной процедуры зависят в основном от профессиональной подготовки эксперта, знакомо-

го или не знакомого с этой детской патологией, с невербальным языком ребенка и с описываемой здесь травмой.

В отличие от законодательства, ребенок чаще всего думает, что речь идет о проверке достоверности его показаний, и это для него тяжелое испытание.

> *Взрослые потерпевшие не проходят подобную процедуру. Сомневаюсь, что кто-либо осмелится провести ее не с ребенком или в рамках дела, не связанного с сексуальным насилием. Такого не бывает. Дело в том, что сексуальное насилие над ребенком так шокирует, что некоторые следователи вообще теряют способность анализировать. Все забывают, что согласно закону от 17 июня 1998 года[337] подобная проверка может проводиться исключительно для того, чтобы лучше узнать личность ребенка и определить характер его травмы и перспективы лечения, а не достоверность его слов[338].*

Вот почему формулировка «проверка достоверности» бессмысленна.

Перспектива судебно-медицинской экспертизы неизбежно пугает так же, как обязательный гинекологический или проктологический осмотр. Ребенок пытается избежать процедуры, так как для него речь идет, прежде всего, о воспроизведении - естественно, с медицинской точки зрения - насильственного проникновения в его тело через половые органы и анальное отверстие.

> *Сексуальное насилие может повлечь за собой физиологические нарушения, которые может подтвердить медицинское обследование. Простое в теории, на деле оказывается крайне сложным. Существуют практически невидимые по-*

[337] Ст. 706-48 УПК.
[338] М. Редон (готовится к печати).

вреждения, свидетельствующие о проникновении пальцем, особенно при определенном расположении девственной плевы. Существует также особый эластичный, не разрывающийся тип плевы. Например, анальные микротрещины часто не видны невооруженным глазом, и для их обнаружения требуется усовершенствованный эндоскоп. Как различить старые и недавние повреждения? Все подобные обследования должны быть поручены специалисту. Как признаться, что потерпевшие всего лишь направляются в местный больничный центр, где их осматривает интерн, и то в случаях, когда у них не просят всего-навсего «принести медицинскую справку", как будто они берут больничный на три дня[339]*!*

Перинеальный коитус

К предостережению выше можно добавить и крайне быстро исчезающие следы того, что уже в 1886 году доктор Поль Бернар назвал перинеальным коитусом[340]. Врач, современник Фрейда, исследовал покраснения в области промежности, возникшие вследствие трения полового члена насильника об эту хрупкую часть тела ребенка. Для врачей общего профиля, педиатров и гинекологов, не знакомых с трудами этого их предшественника, обнаружение подобных следов является проблемой. «Если подумать, - задумчиво говорят они, - я их уже видел, но мне это не пришло в голову. Вы думаете, что в случае таких малышей это возможно?» К сожалению, да.

Такт

Некоторым судмедэкспертам просто не хватает такта, так необходимого во взаимоотношениях врача и больного, как реко-

---

339 Там же.

340 P. Berbard, «Des attentats à la pudeur sur les petites filles», thèse de la faculté de médecine de Lyon, 1886, in F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence impensable, Paris,Nathan, 1991, 2004.

мендовали Ференци и Балинт: «Такт - это способность сопереживать[341]».

Приведем шокирующий пример:

Играть марионетку

Педагог сопровождает в больницу на судебно-медицинскую экспертизу мальчика, изнасилованного отчимом. Перед осмотром врач, надев перчатку, помахал перед ним рукой: «Смотри, вот рука твоего отчима!» Ни катастрофический эффект, который это действие произвело на мальчика, ни шок сопровождавшей его воспитательницы не нуждаются в описании. Врачу кажется, что «игрой в марионетки» он расположит к себе ребенка. Напротив, таким образом он, сам того не подозревая, еще больше ранил пострадавшего мальчика.

Мы предложили социальному работнику узнавать у коллег, компетентен ли эксперт относительно подобных случаев и, при необходимости, решать с судом вопиющую проблему отсутствия такта.

Флоранс Фероэ[342], изнасилованная летней ночью неизвестным, пробравшимся к ней в открытое окно, в своем качественном труде описывает «свою бесконечную борьбу в бюрократическом лабиринте и практически полное отсутствие человеческих взаимоотношений, отводящих место рассуждениям о насилии со стороны человека и общества и о месте, которое в них занимает слово». По случаю публикации книги, радиоканал Europe 1 пригласил автора и Мартин Нисс на беседу со слушателями, оказавшуюся весьма информативной, как

[341] A. de Mijola (dir.), Dictionnaire international de psychanalyse, Paris, Calmann-Lévy, 2002, t. II, p. 1695. «Tact», voir S. Ferenczi, Œuvres complètes, t. 4, Psychanalyse (1927-1933), Paris, Payot, 1985, p. 53

[342] F. Féroé, De l'inconvénient d'avoir été violée, Paris, Albin Michel, 2002, p. 37.

и каждый раз, когда терапевт беседует с потерпевшим, способным рассказать свою историю от имени всех жертв подобных преступлений[343]. В данном случае взрослая потерпевшая, учитель музыки, имела несчастье быть осмотренной таким же бестактным врачом:

> *Перейдя к гинекологическому осмотру, он, наверно, вспомнил о рекомендациях, полученных во время учебы: говорить с пациентом. Тогда он стал спрашивать меня о моих любимых музыкантах (так как мне пришлось предоставить информацию о себе: фамилию, дату рождения, профессию, и так далее). Этот вопрос показался мне невероятно бестактным в контексте вынужденного гинекологического осмотра. Полная бестактность. В некотором роде второе изнасилование - не менее извращенное, чем первое - но на этот раз в контексте учреждения-Минотавра[344].*

К счастью, не все врачи ведут себя подобным образом. Есть и положительные примеры:

«Мне кажется, я стал чище»

> Этот подросток, симпатичный и умный - средний балл 19 по всем предметам - категорически отказывался от проктологического осмотра. Потребовался полный сеанс психотерапии, чтобы убедить его согласиться и помочь узнать правду. Подросток помнил о боли и ректальных кровотечениях, от которых страдал в раннем детстве. Мысль о возможности разоблачить насильника путем медицинского подтверждения наличия шрамов в анальном отверстии позволила ему перебороть себя. В день осмотра он был спокойнее, и общение с врачом прошло очень

[343] B. Milhau, «Revivre après un viol», Europe 1, 29 mars 2002.
[344] Там же.

хорошо. Выйдя из кабинета, он сказал матери: «Мне кажется, я стал чище.» Эксперт подтвердил наличие старых внутренних ректальных шрамов, сумев не оскорбить стыдливого, умного и чувствительного мальчика.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Время от времени, по требованию следователя по делам несовершеннолетних, мы осуществляем экспертизу члена семьи, ранее подозревавшегося в инцесте и отпущенного на свободу за отсутствием состава преступления или вследствие прекращения судебного дела. Однако если подозрения не исчезли, а социальные работники обеспокоены устойчивостью симптомов у детей, суд пытается разобраться в ситуации в семье, в том числе и в случае развода.

Наше системное исследование касается подсознательного участия каждого члена семьи в конфликтах, происходящих в настоящее время, в частности на почве опеки над детьми. Чтобы лучше осведомить суд, мы хотим осветить порядочность каждого по отношению к своим детям[345]. Таким образом, мы пытаемся получить наибольший объем информации о предыдущих поколениях и их сокровенных тайнах. Мы стараемся понять в контексте системы, с чем связан хронический симптом, часто проявляющийся в нарушенном половом поведении и влекущий за собой несвоевременные судебные преследования, целью которых становится обвинение другого поколения во всех бедах и в злом умысле. Эти родители часто оказываются,

[345] Профессор Бузормени-Надь писал в работе «Невидимая лояльность: преемственность поколений в семейной терапии», И. Бузормени-Надь, Дж.М. Спарк, Нью-Йорк, Brunner/Mazel, 1984, каждый член семьи ожидает от другого доверия. Однако «ребенок не может быть в курсе всех семейных взаимоотношений и долгов. В этом заключается одна из причин появления психических расстройств», в «Клиническом словаре системной семейной терапии», Ж.-К. Бенуа, Ж.-А. Маларевич, Ж. Божан, И. Кола, С. Канна, Париж, ESF, 1988, с. 300 (Здесь речь идет также о детстве родителей).

по определению психиатрии, «склонными к сутяжническому помешательству[346]».

Постоянно повторяются два невысказанных вопроса: кому принадлежит ребенок? Кто главный в семье? Конфликты в сексуальной сфере взаимодействуют со старыми ссорами, связанными с главенством в семье и финансовыми интересами. Мы внимательно отмечаем признаки расстройства личности у обоих взрослых, следы старой травмы, облегчающие нам понимание сегодняшних конфликтов. Эта патология может оказаться подоплекой прошлых действий, предполагавшихся, но не доказанных. Они в высокой степени интересуют суд, решающий будущее детей, так как подобные поступки могут повториться.

Противоречия в мыслях и поступках, явная привязанность к другому, сочетающаяся с яростной ненавистью, становятся предпосылками к извращенному нарциссизму, который имеет негативные последствия для окружающих, пытающихся вмешаться - шок и замешательство - и на детей - замедление в развитии и депрессию. Именно поэтому, так важны точность и внимательность в составлении отчетов об этих экспертизах, на которые суд будет опираться при принятии важных решений.

Оспаривание экспертизы

После объявления результатов экспертизы истец или обвиняемый может требовать дополнительной или повторной экспертизы в сроки, установленные судом. Судья не обязан принимать во внимание мнение эксперта.

Упростим: в самых показательных случаях ошибки рассказ ребенка казался эксперту недостоверным. Если ребенок говорил о половых склонностях взрослого, его показания обобщались или отвергались как ложные. Эксперт также мог посчитать, что ребенок находится под влиянием второго взрослого члена семьи. Упростим

[346] Особый вид параноидального расстройства.

и далее: мать могут счесть излишне тревожной, непоследовательной, нерешительной или, наоборот, мстительной, навязывающей собственное мнение, взволнованной, словом, не внушающей доверия. В одном из экспертных заключений можно было прочесть следующее: «Мать категорически против любых контактов дочери и отца…» Здесь налицо обесценивание рассказа матери - обычный принцип проведения подобных экспертиз. Отца, в свою очередь, оправдывают с первого взгляда, так как в рамках данной идеологии отцовские права любого мужчины должны быть защищены как права необходимого, авторитетного третьего лица.

Автора заключения не смущают возможные значительные противоречия. Например, можно прочитать и такое: «Взаимоотношения этого человека с дочерью нельзя назвать близкими в духовном плане». При этом в заключении содержится прямо противоположная информация: «Взаимоотношения отца и дочери можно описать как очень хорошие, находящиеся в полной гармонии с вариантами поведения дочери».

При помощи подобных противоречий в своих собственных выводах эксперт хочет сохранить образ идеального отца, говоря о его «несомненно хороших отношениях с дочерью».

Случилось так, что данное экспертное заключение было аннулировано судом по причине несоблюдения формы. На сей раз повезло, но даже этот карикатурный пример дает нам представление о нежелании эксперта видеть правду. Некоторые эксперты на самом деле ведут себя так, как будто конкретное и извращенное поведение насильника - лишь иллюзия, рожденная фантазиями взрослого-обвинителя и ребенка. Такие случаи могут иметь место, однако право на обобщение - лишь устойчивый и опасный миф, а право на апелляцию - необходимая реальность.

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ

Свидетель-психотерапевт может оказать положительное влияние на следователя. Некоторые психологи и психиатры прячутся за

понятием о служебной тайне, так как закон разрешает им отказаться от дачи показаний. Что парадоксально, иногда сам следователь, вызвав их для дачи показаний, предупреждает их о праве на отказ. Потом, если они соглашаются, с них берут присягу[347].

Следователь, ребенок, адвокат и психотерапевт

Он маленький, светловолосый, терпеливый. Ему пять лет. Он спокойно ждет встречи со следователем, сидя на скамье во Дворце правосудия со своим адвокатом. Следователь сам выходит проводить его по коридору. Джефф храбро поднимается и следует за ним. Следом идет адвокат, за ним - терапевт. Коридор длинный и темный, и Джефф оборачивается, проверяя, где его знакомые взрослые. В кабинете следователя секретарь суда уже поставила три стула. Ребенок инстинктивно занимает тот, что посередине. Адвокат садится чуть поодаль. Психотерапевт должен дать показания до того, как это будет делать сам мальчик. Признание, сделанное два года назад терапевту, которое тот должен был хранить в тайне, повторяется перед Джеффом, но он остается спокоен. После показаний терапевта следователь спрашивает у ребенка, как его зовут, понял ли он, о чем говорил терапевт, и согласен ли он со сказанным: «Ты подтверждаешь то, что нам рассказал твой терапевт?» Джефф уверенно отвечает: «Да.» «Ты хочешь что-нибудь добавить?» «Нет.» «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Не раздумывая, отвечает: «Полицейским.» Следователь улыбается. Ребенок, усталый, но спокойный, тут же засыпает прямо на стуле.

---

[347] Ст. 103 УПК: «Свидетели приносят присягу, следователь уточняет их имя, фамилию, возраст, семейное положение, профессию и место жительства, определяет степень родства или близости с одной из сторон или факт оказания ей услуг, разъясняет функцию вопроса и ответа».

Следователи, допрашивающие нас, часто внимательно относятся к нашим теоретическим выкладкам. Они прислушиваются к нашим замечаниям относительно кажущегося правдоподобия доводов других экспертов, например, о следующих педантичных формулировках: «девочка с фрейдистскими характеристиками», «ребенок с ярко выраженным комплексом Эдипа», «развитый комплекс Эдипа», «под влиянием комплекса Эдипа» и тому подобное. Такие следователи пытаются найти в этих битвах теоретиков, в которых комплекс Эдипа используется без зазрения совести, информацию, необходимую для расследования.

КАБИНЕТ СЛЕДОВАТЕЛЯ

«Все ли правдоподобно?»

Вот вопрос, который постоянно задают себе следователи во время дознания:

> *Выяснить, имеются ли в составе действий подследственного доказательства совершения преступного деяния, и классифицировать их*[348].
>
> *Если следственный судья считает, что совершенное деяние является проступком, он направляет дело в исправительный суд*[349].
>
> *Если следственный судья считает, что деяния подозреваемого представляют собой правонарушение, определяемое законом как уголовное преступление он ходатайствует о привлечении подозреваемого к ответственности в суде присяжных*[350].

---

348 Ст. 176 УПК.

349 Ст. 179 УПК.

350 Ст. 181 УПК: «Судья обязан точно указать причины, указывающие на достаточность доказательств, позволяющих слушать дело обвиняемого в суде присяжных».

Следователь осуществляет ходатайства только после того, как прокурор составит окончательный вариант заключения. Уголовно-процессуальный кодекс требует, чтобы прокурор с особым вниманием отнесся к составлению заключения. Классификация преступных действий, определяя положения ходатайства о принятии дела к производству и служа основой для составления вопросов, которые будут заданы на суде, также должна быть осуществлена с предельной точностью[351].

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЯНИЯ КАК УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Необходимо затронуть серьезную для потерпевших проблему переклассификации деяний. Нам неоднократно приходится констатировать, что изнасилование, которому несовершеннолетние подвергаются орально, вагинально или анально, классифицируются как сексуальные действия насильственного характера. Чтобы это произошло, в идеале необходимо согласие всех сторон, включая адвоката ребенка. Это решение, являющееся contra legem[352], является нарушением прав ребенка, основанным на следующих доводах: «профессиональные судьи примут лучшее решение», «так будет быстрее», «так мы уверены в результате, а в суде присяжных еще неизвестно», «Вы же понимаете, присяжные - обычные люди, так что…», «с этими доказательствами мы точно выиграем, а вот изнасилование доказать сложнее, уже хорошо, что мы доказали, что преступление имело место». Вспомним подростков из скоростного поезда в главе «Терапевтические моменты.»

ОТСУТСТВИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АПЕЛЛЯЦИЯ

Следователь принимает решение об отсутствии состава преступления, когда считает, что состав преступления не определен

[351] Циркуляр CRIM 00-14 F1 от 11 декабря 2000 г. (ст. 181 УПК).
[352] Противозаконное решение.

или что доказательств последнего недостаточно для обвинения подозреваемого. Данное решение прекращает производство по делу[353]. В случае, когда речь идет о несовершеннолетних подозреваемых, решение принимает следователь по делам несовершеннолетних.

Решение о прекращении дела в связи с отсутствием состава преступление может быть обжаловано прокурором (в случае, если решение не соответствует заключению прокурора) или истцом. На этом этапе важно предупредить ребенка, что ему предстоит длительный процесс, результат которого не может быть гарантирован. Ребенок успеет подрасти. Если следователь по делам несовершеннолетних или следователь по семейным делам верит его слову и хочет защитить его, будут приняты защитные меры, например, посещения под наблюдением. В любом случае, необходимо удостовериться, что принятые меры действительно эффективны.

Известно, что Францию недавно осудили в Комиссии по правам человека ООН за «бездеятельность правосудия в отношении детей, пострадавших от сексуального насилия, и тех, кто пытается их защитить[354]». Вспомним вместе с защитницей детей, что «70 процентов дел о несовершеннолетних, ставших жертвами насилия или сексуального преступления, не доходят до суда»[355].

---

[353] «Если следственный судья считает, что совершенное деяние не составляет ни проступок, ни нарушение, ни преступление, если виновный не найден, а также если доказательств вины подозреваемого недостаточно, он заявляет о прекращении дела.» (ст. 177 УПК).

[354] Ж. М. Пети, специальный докладчик ООН, «Миссия во Францию от 25-29 ноября 2002 г. Торговля детьми, детская проституция и детская порнография», пункт 89, «Выводы и рекомендации».

[355] C. Brisset, «Pitié pour les enfants d'Outreau»,op. cit.

14. Что делать в суде?

«Речь идет не о том, чтобы поддаться эмоциям, а о том, чтобы слышать, уважать и признавать страдания жертв. Речь идет о том, чтобы выявить факты, которые предотвратить может только проницательное общество, превратить реформу закона в этой сфере в одно из судебных преимуществ в стране.[356]*»*

Мари-Пьер Порши

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ СУД

Исправительный суд состоит из судьи и двух заседателей, без присяжных, размер наказания для обвиняемого определяет прокурор. Часто за день по очереди рассматривается несколько не связанных между собой дел, поэтому в зале заседания людно. Нередко дело о сексуальном насилии над несовершеннолетним может рассматриваться между двумя делами о краже со взломом. Суды буквально перегружены. В них принимаются решения по всем видам преступлений.

Присутствие детей на заседаниях исправительного суда

Людям, не знакомым с этими вопросами, даже профессионалам, иногда непонятно, почему для нас столь важно активное

[356] M.-P. Porchy, Les Silences de la loi. Un juge face à l'inceste, Paris, HachetteLittératures, 2004, p. 20.

присутствие детей на процессах над насильниками, от которых они пострадали. Некоторые даже возмущены подобным, по их словам, испытанием, которое должен пройти и так достаточно пострадавший ребенок. Это очередное заблуждение. Дети, получившие необходимую подготовку к официальной процедуре, чувствуют психологическое облегчение с устойчивым эффектом вследствие возросшей уверенности в себе. В этом и заключается терапевтическое воздействие, столь очевидное для некоторых судей, что они благодарят наших юных пациентов за достоинство, проявленное при выступлении. Достоинство, связанное с трауром по идеальному родителю и/или исчезновением страха, позволяет им говорить в суде без мстительной ненависти в сердце. Иногда и молчаливое их присутствие позволяет судье принять правильное решение.

Люсиль, 6 лет, пришла со всей семьей на суд над своим насильником, мужем ее воспитательницы в детском саду. Она обвинила его в принуждении к фелляции, когда ей было четыре года. Девочка-златовласка стоит перед судьей, сжимая в руках плюшевого мишку и облизывая леденец, и смотрит то на судью, то на насильника. Ее терапевт Мартин Нисс тоже присутствует. Судьи смотрят на нее, на ребенка, им не по себе, им сложно сосредоточиться. Судьи молоды, и в их практике это, несомненно, первый раз, когда ребенок сам обращается к правосудию. "Девочке в самом деле нужно быть на суде?" - спрашивает один из них тоном, каким обычно просят вызвать врача. Возможно, они впервые получают показания таким шокирующим образом, от бессознательного к бессознательному, как будто в зал суда внесли труп жертвы. Вдруг они начинают понимать, что девочка хочет им показать: Златовласка с плюшевым медвежонком, сосущая леденец, глядит на насильника. Один из судей сопоставляет реалистичное до

предела зрелище и букву закона, и вопрошает: "Почему это дело слушается в исправительном суде, а не в суде присяжных?" Ребенок убедительнее любого ходатайства призывает к исполнению правосудия. Эти судьи никогда не забудут Люсиль. Скорее всего, каждый раз, когда они будут рассматривать дело о принуждении ребенка к фелляции, образ девочки с медвежонком будет стоять у них перед глазами как напоминание о том, что речь идет о преступлении и что дети могут требовать правосудия не только словами[357].

По причине того, что исправительный суд отказался от рассмотрения данного дела, «Златовласка» участвовала в суде присяжных над насильником, и его признали виновным. Ее рисунки, жесты и посттравматические симптомы были признаны не менее вескими, чем слова.

Желание Златовласки присутствовать на процессе было столь же велико, как нежелание Мюриэль, героини следующего примера.

АПЕЛЛЯЦИЯ К СУДУ (РАССМОТРЕНИЕ ИЛИ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА)

Право на апелляцию имеет в основном подследственный или обвиняемый. В случае отсутствия апелляции со стороны прокурора потерпевший имеет право только на гражданский иск (ходатайство о возмещении ущерба). В данном случае суд может признать факт совершения преступления и принять соответствующее решение относительно ущерба и его возмещения.

«Я не пойду!»

Мюриэль одиннадцать лет. По решению суда эта умная девочка находится под опекой приемной семьи

[357] F. Gruyer, M. Nisse, « Le témoignage comportemental du petit enfant vicitime d'abus sexuel », Victimologie, 1995, №2, p. 22.

ввиду опасности, которую представляли для нее родители. Ее мать - проститутка, бродяга, алкоголичка. Мюриэль должна присутствовать на процессе по делу отчима, которое слушается в исправительном суде, несмотря на изнасилования, о которых она заявляла (принуждение к фелляции). Эта перспектива ужасает ее, но мы не понимаем, почему. В конце концов, после всех уговоров, она реагирует все с большим презрением. Мы говорим ей об этом, и тогда она заходится в рыданиях: «Мой отчим над судьей только посмеется, он на нее набросится, последнее слово будет за ним.»

Чтобы переживания не помешали девочке давать показания в суде, мы предложили ей изобразить сцену суда, как она ее представляет. Та рисует ее в виде комикса с репликами, потихоньку успокаивается, но под конец заявляет: «Я не пойду.» Девочка была права, ее отчима оправдали в обстоятельствах, которые она представляла себе лучше, чем ее адвокат.

Мюриэль знала силу этого изворотливого человека, от которой страдала раньше, чем кто-либо понял, что происходит. К сожалению, ASE (*организация социальной помощи детям - прим. пер.*), не будучи истцом, не смогла воспользоваться правом на апелляцию после очевидно ошибочного решения суда. Мать не была лишена родительских прав, но вследствие своего психического состояния не могла подать апелляцию. Ничего не предпринял и прокурор. Ситуация могла измениться только в случае, если Мюриэль расскажет о новых фактах в процессе терапии, и сможет таким образом подать жалобу от собственного имени, если у нее будут на то силы, смелость и возможности.

СУД ПРИСЯЖНЫХ

Суд присяжных состоит из председателя, двух заседателей и коллегии присяжных из девяти человек, случайно выбранных из избирательных списков. Присяжным должно быть не менее двадцати трех лет, они должны уметь читать и писать по-французски и иметь политические и гражданские права. Судебный процесс с участием присяжных - очень торжественная процедура, трогающая даже самого черствого из присутствующих.

> *В этом зале, где вершится правосудие, каждая сторона занимает определенное место или пространство в соответствии с принятым порядком: невозможно представить, чтобы обвиняемый занял место потерпевшего или истца, или чтобы адвокат сел там, где должен сидеть прокурор. […] Хаосу и грязи, возникшему из преступления, противостоит порядок, установленный в суде, помещающий в центр действия фигурантов процесса. Каждый выскажется со своего места по очереди, установленной правосудием*[358].

Детей и подростков, поступающих к нам сейчас, педагог и адвокат заранее готовят к официальной процедуре, отводя их непосредственно в зал суда, чтобы показать царящую там атмосферу. Они также могут освоиться a minima с отведенными каждому местами. Место истца - рядом с помощником Генерального прокурора, требующего приговора от имени французского народа. Этот ритуал производит неизгладимое впечатление на детей, раздавленных диктаторской властью взрослого.

Обвиняемый со своим адвокатом будет сидеть напротив. Мать, зачастую обвиняемая в умышленном неоказании помощи потерпевшему, сидит под местом для подсудимых, но не содержится под стражей. Крайне необходимо выбрать время и

[358] X. Lameyre, « Une poétique des soins pénalement ordonnés » (conférence ALCAS, Lyon, 13 novembre 2002), Forensic, n°13, p. 20.

объяснить им все это, так как пострадавшим от жестокого обращения детям важно не испугаться и не отвлечься при виде этой церемониальной сцены. Особенно это важно для детей из "четвертого мира", не привыкших к дворцам Французской республики и ее "одеяниям": красным мантиям прокурора и председателя, черным - заседателей и двух адвокатов, а также секретаря. "Кто этот шут?" - спрашивал хрупкий подросток, удивленный торжественной речью некоего судьи.

Сначала появляется страх, но постепенно он заменяется новой умственной задачей: понять, что происходит, хочет каждый из детей, даже самый несчастный. Они задают вопросы своему адвокату, сердятся на адвоката обвиняемого. Иногда они в последний момент решают заговорить, несмотря ни на что. В случае дел об изнасилованиях и сексуальных принуждениях истец имеет право требовать закрытого судебного заседания[359]. До дела Утро́ этим правом пользовались все меньше и меньше, что было выгодно журналистам при условии сохранения анонимности несовершеннолетних жертв. Зачастую социальные работники приносили нам вырезку из газеты, которую мы с детьми обсуждали на сеансах терапии. Однако после излишнего освещения в прессе описанных событий, возможно возвращение к закрытым заседаниям, наиболее безопасным для несовершеннолетних.

> *Многочисленные жертвы переживают суд присяжных как особенный момент, момент, в который к ним возвращается право голоса. Они ценят отведенные им время и место. Их, наконец, признали потерпевшими и теперь они могут восстановиться при помощи правосудия, выйти из изоляции, в которую попали, пережив нападение, и вернуться в общество в качестве его новых членов[360].*

---

[359] Ст. 306 УПК, ст. 400 УПК.

[360] L. Daligand, Bien traitance des victimes, rapport de mission, mars 2002, ministère de la Justice, p.8.

Стать жандармом

Седрику семь лет, он страдает легкой задержкой психического развития и неврологическими нарушениями, возможно, вызванными физическим насилием, которое он пережил помимо сексуального насилия: его били головой о стену. Он присутствует на заседании, но остается в зале ожидания. Его братья и сестра присутствуют в зале суда и готовы давать показания, а Седрик дрожит от страха. В дверях появляются два жандарма, они ласково говорят с ним и наконец убеждают его. Он соглашается постоять в дверях, чтобы все слышать, но оставаться невидимым. Больше всего Седрик боится встретиться взглядом с мужчиной, сидящим на скамье подсудимых - своим отчимом. Председатель вызывает Седрика, и он решается, взяв за руку одного из жандармов, войти в это странное место. Он кратко отвечает на вопросы доброжелательной председателя суда и под конец говорит, что хотел бы стать жандармом. Присутствующие улыбаются. На сеансе сетевой терапии он удивляет всех, с ходу нарисовав зал суда и находившихся там людей, ничего не забыв, и себя перед судьей. Таким образом, он проявил свое эмоциональное участие, сосредоточенность и неожиданную способность абстрагироваться.

Мы следим за тем, чтобы социальные работники защищали несовершеннолетних своим физическим присутствием во время слушания и перерывов - потенциально опасных, нежелательных и унизительных встреч с адвокатом и семьей обвиняемого. Автомат с напитками, туалет и зал ожидания становятся местами повышенной опасности. Чтобы предотвратить эти предсказуемые нарушения спокойствия, мы объясняем им принципы «свидания вслепую» по парадоксальной терапевтической стра-

тегии Карла Уитакера. Мы рассказываем детям и их представителям о том, что жертва имеет право на защиту от взгляда преступника и даже его адвоката. Мы объясняем заранее, что преступник не имеет права задавать им вопросы напрямую, а все вопросы задает председатель. Мы основываемся на хрупкости, возникшей вследствие травмы - один лишь взгляд, и насильник снова имеет над ними власть[361]. Мы объясняем, что насильник будет в наручниках, что он не сможет спрыгнуть со скамьи и наброситься на них и отомстить, ведь они боятся именно этого. Они узнают, что обвиняемый будет обязан вежливо отвечать на вопросы судьи. Больше всего их восхищает именно то, что насильнику тоже придется повиноваться авторитету.

Все эти детали уже имеют терапевтический эффект на детей и подростков, еще до заседания. Для них, переживших сильные страдания, день слушания станет «сценой победы над насилием», по точному определению Бернара Лемпера.

Не всегда, однако, все идет по этому сценарию. «Сцена победы» иногда превращается в сцену настоящего институционального насилия. Социальные работники, ставшие беспомощными свидетелями подобного, не смогут забыть вредоносное воздействие такого вопиюще неверного поведения:

Прямо в глаза

Жилю одиннадцать, его сестре Лу двенадцать. Их отец сидит на скамье подсудимых. Они оба боятся насильника. Сопровождающие детей терапевты, лечившие их с момента обнаружения факта инцеста, с ужасом видят, как их адвокат, размахивая руками, призывает их подойти к скамье подсудимых и посмотреть в глаза отцу! Дети рыдают, услышав слова «своего» адвоката:

[361] P. Sabourin, « Si tu parles je te tue », Le Monde, 12 juin 2004.

«А теперь вы будете говорить правду!» Дрожа и заливаясь слезами, они прячутся и бормочут, что солгали, действительно солгав на этот раз.

К сожалению, обвиняемого, которого, к тому же, защищал гениальный адвокат, оправдали по причине отказа детей от показаний в условиях угрозы и нарушения защитного барьера. Результат, до сих пор огорчающий нас, оказался следствием неуважения к общему мнению социальных работников и терапевтов. Перефразируя сказанное итальянским судьей, прокурором города Милана, мы ставим вопрос следующим образом: был ли детский адвокат «педофилофилом»[362], и поэтому не соблюдал правила расположения потерпевших даже в день заседания? Этот так называемый детский адвокат разоблачает себя техникой гипноза, к которой прибегает: «А теперь вы будете говорить правду!», словно адвокат обвиняемого. Здесь имеет место злоупотребление обязанностями, невозможное, если речь идет о взрослых. Нам кажется, что в день слушания взяли верх его бессознательные садистские наклонности по отношению к детям. Об этой технике мы услышали от адвокатов знаменитого Ги Жоржа, пытавшихся немного разжалобить присяжных, потому что его клиент не произнес ни слова. Ужас преступлений, совершенных этим серийным убийцей, обусловил данную стратегию защиты. Однако когда речь идет о гражданской защите прав детей, начинается кошмар, который закончится для них не скоро. Как мы уже подчеркивали, адвокату необязательно верить детям, интересы которых он

[362] Прокурор города Милана Пьеро Форно и директор «Центра защиты детей, пострадавших от жестокого обращения, и борьбы с семейным кризисом» Маринелла Малакреа во время дружественного визита в Центр Бют-Шомон были возмущены судебным и деонтологическим преследованием французских врачей, заявивших о фактах сексуального насилия. Прокурор предложил нам этот полезный термин по аналогии с «мафия-филом» из терминологии прагматичного итальянского правосудия.

представляет. «Вы можете лгать,» - спокойно говорил адвокат Пьер-Оливье Сюр девушке, которую задержали при попытке угона автомобиля в знаменитом документальном фильме Ремона Депардона «Застигнутые на месте преступления». Невозможно представить, чтобы адвокат сказал подобное своему несовершеннолетнему клиенту и чтобы тот не возмутился. Естественно, преступник и ребенок-свидетель или истец в деле о правонарушении или преступлении, в котором он в первую очередь пострадавший, - не одно и то же. Разумеется, адвокат Жиля и Лу не посчитал нужным взять показания ни у нас, ни у педагогов, которые были полностью в курсе откровений детей на сеансах сетевой терапии. В данном исключительном случае можно предположить, что он был уверен, что все дети лгут. Когда адвокат упускает из виду свои обязанности, он забывает о правосудии и, сам того не подозревая, надевает мантию адвоката обвиняемого. Социальные работники, присутствовавшие на том унизительном процессе, обратились к защитнице детей. К счастью, по этому поводу существует статья 87 отчета ООН[363], в котором ясно прописаны следующие рекомендации:

> *В отношении подозреваемых в насилии должно проводиться полное и беспристрастное расследование, особенно в случае, если медицинские экспертизы, оценки психологов и отчеты социальных работников указывают на сексуальное насилие.*

В противовес этому отвратительному случаю с пагубными последствиями, в котором адвокат истцов находится под влиянием ложных убеждений, вот пример, пусть немного гротескный, того, как ребенка услышали и защитили.

[363] Ж.-М. Пети, специальный докладчик ООН, «Миссия во Франции от 25-29 ноября 2002 г. Торговля детьми, детская проституция и детская порнография».

В зале суда есть врач?

На одном из заседаний суда присяжных давление на подростка-потерпевшую было таким сильным, а обвинения свидетелей обвинения, нацеленные на оправдание обвиняемого, деда пострадавшей, такими невыносимыми для девочки, что ей стало плохо. Началась суматоха, слушание приостановили. Девочка посинела и потеряла сознание, упав прямо на пол зала суда. Единственный врач находился в комнате для свидетелей и ничего не видел. За ним сразу же прибежали жандармы. Пациентка была… в коме. Налицо были признаки спазмофилии. Удушья можно было избежать, плотно приложив обычный полиэтиленовый пакет к лицу девочки, но пакета не нашлось во всем здании суда. Врач-психотерапевт, по совместительству свидетель, просит позвонить пожарным. После их приезда и спасительной внутривенной инъекции принимается решение о госпитализации, и девочку отвозят… в общую палату городской больницы. Таким образом, она проводит вечер и ночь практически рядом с насильником. На следующее утро слушание возобновилось в присутствии всех сторон, и врач свидетельствовал о честности и уязвимости своей пациентки, что было доказано ею самой днем раньше. Этот впечатляющий приступ был ответом на бесстыдный цинизм насильника. Его речь была такой грубой и унизительной, что потерпевшая словно вновь стала тем шестилетним ребенком, над которым впервые было совершено сексуальное насилие. Несмотря на почтенный возраст родственника-извращенца, приговор вполне соответствовал совершенным им многочисленным актам насилия. Терапевт-свидетель на суде сыграл роль нормального ответственного гражданина. Эта роль была усложнена

его врачебным участием, символическим спасением жизни пациентки в самом здании суда, где решались ее слово и будущее. За этот печальный эпизод пострадавшая была вознаграждена радостной свободой, которую почувствовала после того, как правосудие, наконец, свершилось. Она перестала быть лгуньей в собственных глазах, перестала быть вредной девчонкой, настроенной против хорошего, щедрого человека, к тому же слабого сердцем. У нее, наконец, появилось будущее. Чрезмерное чувство вины, владевшее ею в начале терапии, - попытки самоубийства, многочисленные серьезные проявления жертвенности, проблемы с адаптацией в школе - снизились до гораздо более благоприятного уровня благодаря счастливому исходу процесса. После индивидуальной терапии с другим психотерапевтом кошмар ушел навсегда. Восемь лет спустя были подтверждены впечатляющие улучшения психического состояния пострадавшей.

Мы видим, что на суде присяжных часто возникает фактор внезапности. До вызова в зал суда свидетель не имеет права участвовать в прениях. Его приводит секретарь суда, когда судья выберет наилучший момент, чтобы выслушать его показания. Процедура, которая контролируется жандармами, может длиться несколько дней, а меняться местами с другими свидетелями запрещено. Это к слову о том, что нужно заранее найти, чем заняться во время ожидания.

Все подробности!

Почти совершеннолетняя Вивиан высказалась лишь один раз, и то очень кратко, впоследствии отказываясь повторять то, что сказала крайне убедительно. Она также отказывалась говорить с адвокатом, обеспоко-

енным ходом процесса и предложившим терапевту дать показания суду, чтобы объяснить бессознательные причины таинственного молчания. Жандарм идет за терапевтом, который удивляется, увидев улыбки на лицах присутствующих. Странно, место вроде не подходящее для улыбок… Судья просит его дать показания, и он начинает подробно рассказывать о психологических причинах пагубного и упорного молчания Вивиан. Председатель спокойно прерывает его: "Вы знаете, Вивиан только что рассказала нам все подробности!" Благодаря правильному влиянию на публику и внимательности председателю удалось уговорить девочку. Торжественность места и протокола, соответствующая рассматриваемым драмам, позволила ей преодолеть запрет, столь долго довлевший над ней.

Совещание присяжных

Прежде, чем присяжные уйдут на совещание, председатель зачитывает следующую инструкцию, написанную крупными буквами на самом видном месте в совещательной комнате, где присяжные собираются под началом председателя:

> *Закон не требует от присяжных заседателей обосновать свою убежденность, не предписывает правил, по которым они должны проверять достаточность и убедительность доказательств. Закон предписывает им сосредоточиться и задавать вопросы самим себе, пытаясь честно понять, какое впечатление на их рассудок произвели приведенные доказательства вины подсудимого и средства защиты. Закон задает им лишь один вопрос: Имеется ли у Вас внутреннее убеждение?* [364]

[364] Ст. 353 УПК.

Затем черед голосования:

> *Каждый из судей и присяжных получает бюллетень с печатью суда и со следующими словами: «Клянусь моей совестью и честью, мое решение…»*[365]

Необходимо помнить, что любой «незаполненный или признанный большинством недействительным бюллетень засчитывается в пользу обвиняемого»[366], то есть нерешительность или сомнение, отраженные в бюллетене, выгодны подсудимому.

Наш клинический опыт позволил нам вывести фундаментальное различие между исправительным судом и судом присяжных в отношении преступлений против нравственности, которыми мы занимаемся от начала до конца процедуры. За двадцать лет ни один обвиняемый не был оправдан присяжными, в то время как в исправительном суде нередки решения об освобождении.

Апелляция к суду присяжных

Введенное 15 июня 2000 года законом Гигу, новое право на апелляцию тяжело переживается пострадавшими, однако присяжные апелляционного суда в основном подтверждают первый вердикт.

КАССАЦИОННЫЙ СУД

Насилие, угроза, принуждение или нападение

Мы шаг за шагом прошли путь от предварительного следствия до судебного заседания первой инстанции, определяющей процедуру апелляции и кассации, которые могут последовать. Нас обеспокоило наличие права, которое нам, врачам, представляется опасным для наших клиентов. Может показаться

[365] Ст. 357 УПК.
[366] Ст. 358 УПК.

очевидным давление на шестилетнего ребенка со стороны родственника или другого авторитетного взрослого и отсутствие необходимости в доказательствах того, как именно он подвергался «насилию, принуждению, угрозе или нападению». Однако правосудие не дает послаблений и в этом случае, требуя доказательств одного из вышеперечисленных действий, прежде чем признать совершение изнасилования или факт насилия. Недостаточно установить совершение действий сексуальной природы, необходимо также установить факт насилия, принуждения, угрозы или нападения, что Мишель Редон иллюстрирует следующим прецедентом:

> *И. осужден апелляционным судом города Гренобля по заявлению пятнадцатилетней пострадавшей, указавшей, что он лег на нее со спущенными штанами и трусами и терся о ее тело своим половым членом до момента эякуляции. Данные факты были подтверждены ее братом, видевшим, как обнаженный И. расстегивал штаны сестры, а затем вытирал член салфеткой. […] данные утверждения не доказывают, что сексуальные действия были совершены при наличии насилия, принуждения, угрозы или нападения… [Палата по уголовным делам, 14 апреля 1999 г.]*

Согласно предупреждению этого судьи, данное решение Кассационного суда отменяет предыдущий приговор, но дело, тем не менее, передается в другой апелляционный суд на повторное рассмотрение.

> *Не поднимайте панику сразу же! Кассационный суд лишь напоминает о законе. Именно закон решает подобные проблемы, разграничивая понятия сексуального посягательства и сексуального насилия.*

Он также предвосхищает изменение закона, позволяющее «утверждать, что любое действие сексуального характера в отношении несовершеннолетнего со стороны старшего родственника или взрослого, обладающего властью над ребенком, считается сексуальным насилием». Судья по делам несовершеннолетних, впоследствии - следственный судья Мари-Пьер Порши также разделяет надежду на реальное исправление текстов закона, утверждая следующее:

> *Становится сложно исполнять правосудие. Инцест не может быть сведен к изнасилованию и сексуальному насилию. Запрет на любые сексуальные отношения ребенка с взрослым должен стать абсолютной нормой, не приемлющей никаких исключений. Лишь при этом условии закон сможет регулировать сексуальное поведение*[367].

В 1990 году исследовательская группа Центра Бют-Шомон составила протокол социального, судебного и терапевтического вмешательства с целью защиты детей, страдающих от жестокого обращения и сексуального насилия[368]. Некоторые предложения группы стали впоследствии частью законодательства. Почему бы не принять и этот пункт?

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

За уголовным процессом следует гражданский. После приговора на основе ходатайства адвоката истца суд определяет размер возмещения ущерба пострадавшему. Решение принимается быстро. Сумма возмещения ущерба во Франции невысока и может составлять от символического евро до нескольких тысяч.

---

[367] M.-P. Porchy, Les Silences de la loi. Un juge face à l'inceste, op. cit., p. 49.

[368] F. Gruyer, M. Nisse, P. Sabourin, La Violence impensable, Paris, Nathan, 1991, 2004.

В Соединенных Штатах, где, напомним, не существует срока исковой давности, сумма возмещения ущерба пострадавшим от изнасилования может достигать баснословных и, на наш взгляд, неоправданных размеров. По этому поводу Ги Ослос, семейный терапевт с бельгийскими корнями, занимающийся понятием обязанностей семьи и практикующий в Квебеке, имел все основания выступить на конгрессе, организованном «Psycom»[369] в Лилле. Он справедливо высказался против определенных моментов в североамериканском законодательстве, позволяющих присудить пострадавшему до двух миллионов долларов! Сумма возмещения сравнима со стоимостью двух сеансов терапии каждую неделю до достижения истцом семидесяти пяти лет! На наш взгляд, это судебное решение неоднозначно, так как, возмещая жертве нанесенный ущерб, оно в то же время символически заставляет жертву всю жизнь оставаться таковой.

Во Франции же проблемы иного рода. На слушании, проведенном в ее отсутствие, Самире Беллиль вначале присудили, символический франк, выданный некой ассоциацией. Гораздо позже, после восстановления срока давности по ее делу[370] Комиссией по возмещению ущерба жертвам преступлений (CIVI), она получила возмещение в соответствии с размером причиненного ущерба. Однако она пишет:

> *Суд не освободил меня. Меня услышали, мне поверили. Мне даже дали сто тысяч франков. Все могло бы на этом и закончиться. Мне могло бы хватить диплома и этих денег, чтобы начать новую жизнь, но я поняла, что не могу начать все заново, пока не выговорюсь. Только так ко мне*

[369] « Entre résilience et résonance » (congrès), Lille, 6-7 octobre 2003.

[370] Истечение срока исковой давности: для CIVI это срок, по истечении которого невозможно ходатайство (три года с момента совершения преступления или год с момента вынесения последнего судебного решения). Ж. Лакан использует термин в психоанализе, раскрывая фрейдовское понятие отказа.

вернулись мое достоинство, мой путь, моя собственная история. Так родилась моя книга.[371]

Пострадавшим важны в происходящем не деньги, играющие второстепенную роль и не всегда имеющие положительный эффект. Зачастую первое их побуждение - избавиться от «грязных денег». Кто платит? В случае CIVI сумму выплачивает Гарантийный фонд помощи жертвам[372], куда осужденный позже возвращает деньги. Насильникам, бывшим несовершеннолетним в момент совершения преступления, но судимым много позже, суд может предложить взять займ и сразу выплатить ущерб. Это также позволяет жертвам не вспоминать об изнасиловании каждый месяц в неприятный момент получения денег. Такое решение суда только приветствуется, так как оно совмещает исполнение приговора и заботу о самочувствии жертвы[373]. Родители успокаиваются, услышав, что деньги не идут непосредственно от насильника. Однако, в любом случае, «цена» изнасилования остается причиной внутреннего конфликта. Иногда эти деньги жгут пальцы, и зачастую их получает «защитник» с благородными намерениями, нуждающийся член семьи, и т. п.

«Я ненавидела эти деньги»

Хадижа, прелестная кабильская девочка, неграмотная, как и ее мать, потерявшая отца и находившаяся во Франции нелегально, была изнасилована отчимом. Перед этим он заставил ее выпить полный

---

371 S. Bellil, Dans l'enfer des tournantes, Paris, Denoël, coll. «Impacts», 2002, p. 274.

372 Фонд, финансирующийся страховыми компаниями.

373 M.-C. Vergez, « Les enfants victimes de violences sexuelles » (конференция). Департаментский день ребенка 3 декабря 2003 года, Блуа. Председатель ювенального суда хвалила эффективность данной процедуры и признавала возможность творческого подхода ювенальных судей во время слушаний по уголовным делам.

стакан виски. Мужчина ограничивал свободу обеих (матери и дочери), заставлял голодать и угрожал отправить обратно в Алжир. Как и у большинства сексуальных насильников, у него был свой извращенный ритуал, особенно шокирующий в их национально-культурном контексте: перед каждым изнасилованием - полный до краев стакан виски. Он спаивал падчерицу и после каждого акта насилия давал ей немного денег. Благодаря тому, что сеансы сетевой терапии Хадижи финансировались Генеральным советом департамента, в прямой оплате услуг терапевтов не было нужды, и ее состояние улучшалось семимильными шагами. Через два года после вынесенного отчиму сурового приговора, Хадижа, уже совершеннолетняя, окончила курсы французского языка и даже получила свидетельство о профессиональном обучении в области продаж. Тогда она и получает возмещение ущерба, представлявшее для нее значительную сумму. Это оказалось слишком. Социальный работник, которая направила Хадижу к нам, обеспокоилась резким изменением ее поведения. Первым ее побуждением, например, было поменять всю мебель в доме матери, где имели место преступления, несмотря на то, что Хадижа там больше не жила. Девушку очаровывает белая лакированная мебель. Она тут же заказывает мебель для спальни, гостиной, кухни в присутствии озадаченной матери, которой все это было не нужно, и соседей, удивленных внезапным богатством. Некий молодой человек предлагает помочь разгрузить мебель, соблазняет девушку и крадет кредитную карту. Мораль всей истории, по мнению Хадижи: «Я ненавидела эти деньги.» Эти грязные деньги…

Что произошло? Парадоксально, но символический акт очищения места преступления имел положительное, но преходящее действие. Ее психическое состояние начало ухудшаться, у нее начался слабовыраженный бред. Возмещение ущерба не сыграло своей роли, так как бессознательно напомнило ей об изнасилованиях, «оплаченных» преступником. Чтобы вывести ее из гипоманиакального состояния, пришлось обратиться к врачу-психиатру алжирского происхождения, что позволило не упустить из виду культурную подоплеку «болезни»: «Мои маленькие демоны мешают мне заплатить вам.»

Необходимо учитывать, что уголовное дело прекращается в случае смерти обвиняемого. Однако даже в случае, когда обвиняемому не был вынесен приговор, пострадавший, доказавший факт совершения уголовного преступления, может связаться с CIVI. Тогда он может получить возмещение, даже несмотря на смерть преступника. Если интересы несовершеннолетних детей не представляют родители, деньгами распорядится администрация, в ином случае, если потерпевшие еще не достигли совершеннолетия, сумма будет переведена на счет законного представителя. ASE, наблюдая несовершеннолетних, может поручить распоряжение деньгами юридическому отделу, который выберет удачный вариант их вложения.

Во время терапии мы обсуждаем все вопросы, касающиеся жизни детей. К этим вопросам относится и проблема денег: от карманных денег до оплаты за проживание, от зарплаты воспитательницы до стоимости услуг в Центре Бют-Шомон. Когда речь идет об уголовном процессе, наша терапевтическая поддержка ориентирована на конкретную реальность их будущего. Это принципиально важно, так как большинство таких детей знакомы с оборотом денег в проституции, замешанной на

инцесте или педофилии. Последствия давнего инцеста, закрепленного денежными отношениями, проявляются во взрослом возрасте и хорошо нам известны:

Мошеннический контракт

> Ей было четыре года. Ее отец, богатый предприниматель, принуждал ее к фелляции в ванной комнате, после чего давал ей в обмен монету. Она вспоминает, что ее голова находилась под раковиной. Проходя терапию во взрослом возрасте, она однажды принесла на сеанс деревянную шкатулку, полную монет. Она не решалась от них избавиться, пока не доверилась настолько, чтобы рассказать об этом секрете и таким образом разорвать этот символический мошеннический контракт.

В большинстве случаев подростки тратят сумму возмещения ущерба на очевидные вещи: они могут, наконец, позволить себе оплатить курсы вождения, купить первую машину, накопить на учебу и квартиру. Эти деньги действительно служат восстановлению их внутреннего равновесия, дают возможность жить иначе, чем насильники, и сломать механизм добровольного лишения себя благ, позволяя себе удовольствие тратить немного денег, чтобы наконец что-то иметь в жизни.

В ТЮРЬМЕ

Около половины всех заключенных осуждены за сексуальные преступления и изнасилования[374].

«Незавершенность самоопределения»

По инициативе Главного управления Министерства здравоохранения был проведен интересный эксперимент с заключенны-

[374] C. Brisset, défenseure des enfants, « Pitié pour les enfants d'Outreau », LeMonde, 30-31 mai 2004.

ми, осужденными за сексуальное насилие. Эксперимент имел оценочные и терапевтические задачи и был осуществлен врачом-психиатром и психоаналитиком Клодом Балье, автором многочисленных книг о насильниках[375].

Анкета играла роль «организатора терапии», «ее обязательные вопросы служили группам в качестве внешнего супер-эго […]. Вопрос становится необходимым принуждением к речи, даже к определенной степени насилия, символического и неизбежного, без которого не может начаться трудный процесс раскаяния. […]. Детальное описание деяния было кульминационным моментом вопросника. […] Здесь рассказ приносит успокоение, а не возбуждение, как произошло бы в случае экс-гибиционистского описания.»

Исследователи отмечают:

> *Именно начиная с этих искусственных условий исповеди, деяние может быть осмысленно заключенным. Это осмысление сопровождается улучшением психического состояния с одной стороны, а с другой - описанием совершенного, что позволяет поместить преступное деяние в контекст социальной истории.*
>
> *Воспринимая свое деяние через призму речи, […] он воссоздает его и таким образом берет над ним контроль. […] Называние провоцирует эмоциональное переживание. Деяние перестает быть его «гербом», отталкивающим клеймом, брошенным в лицо обществу и делающим его «отбросом». Оно становится символом невысказанного*

[375] C. Balier, A. Galvadini,M. Girard-Khayat, Rapport de recherche sur les agresseurs sexuels, Paris, ministère de la Justice, 1996; по поводу вопросника QIPASS (исследовательский вопросник для сексуальных преступников), протестированного и одобренного в условиях принудительного заключения в восемнадцати SMPR (региональных психологомедицинских службах) или следственных изоляторах французской Метрополии с 176 сексуальными преступниками и 32 осужденными за физическое насилие в отсутствие сексуального преступления.

страдания, в свою очередь ожидающего выражения, «раной, которую необходимо залечить размышлениями». Немыслимое превращается в нарциссическую пустоту, признак незавершенности самоопределения. Когда приходит осознание, начинается работа терапевта.

Эти рассуждения близки понятию «ритуалов вовлечения», введенному врачом-психиатром, психоаналитиком и системным терапевтом Робером Небюрже[376].

СУДЕБНО-СОЦИАЛЬНОЕ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

На наш взгляд, это самая противоречивая часть закона 1998 года. Никто, в общем, не был готов к этому типу "пациентов". У кого есть достаточная профессиональная подготовка для ответа на вопросы, поднимающиеся в рамках данного вида лечения? Количество осужденных наглядно увеличивается: 75 в 1999 году, 265 в 2000 году, 417 в 2001 году[377]. В среде традиционной психологии поднялось возмущение, однако постепенно сформировались терапевтические отделения, основанные врачами-экспертами, интересующимися данным видом отклонения.

С момента создания отделений обязательной терапии, их развитие постоянно ускорялось за счет испытательных санкций. […] Основными пациентами стали осужденные за вождение в нетрезвом виде. Несмотря на то, что количество осужденных за сексуальные преступления незначительно, […] именно их чаще всего направляют на принудительное лечение. Своим решением добавить к приговору психиатрическое лечение, принудительное или дополнительное, законо-

376 R. Neuburger, Les Rituels familiaux, Paris,Payot, 2003.

377 D. Saudaber, « Pédophilie: prévenir la récidive », L'Express, n°2724, 18 septembre 2003.

дательство создало оригинальную связь между совместимыми, но самостоятельными практиками. […] Отчетливое противопоставление логики наказания и логики лечения сегодня кажется все более оторванным от реальности анахронизмом. […] Наблюдая за экзистенциальным, глубоким осознанием совершенного, открывая путь дотерапевтическому вмешательству, до сих пор не получавшему признания, заинтересованные профессионалы преодолевают некоторые формальные конфликты и идеологические пристрастия и стирают парадоксальную границу между обязательным психиатрическим лечением по решению суда и смежными дисциплинами. Появившаяся междисциплинарная практика из противоречивой становится противопоставленной[378]*. […] Осужденный изначально сгибается под тяжестью приговора, но вскоре обнаруживает, что имеет право решиться на лечение и принять его, несмотря на то, что лечение предписано судом. […] Сколько пациентов в результате благодарили нас за помощь, ставшую возможной благодаря судебному приговору, изначально внутренне отторгавшуюся, но позже принятую, несмотря ни на что*[379]*.*

Мы все же относимся с определенным недоверием к терапевтической работе с «отрицателями», то есть с теми, кто после окончания срока наказания и выхода из тюрьмы отказывается признать факты, за которые были осуждены.

Несовершеннолетние насильники, направленные на обязательное лечение, отцы-кровосмесители, немногочисленные взрослые педофилы, наблюдающиеся в нашем центре, полностью признают свою вину. Эти люди, осужденные за педофилию, полностью принимают терапевтические сеансы, пункту-

[378] Противопоставление: «Союз слов, направленный на сравнение двух терминов, смысл которых противоположен» (словарь Le Robert).

[379] X. Lameyre, «Une poétique des soins pénalement ordonnés», op. cit., p. 13.

альны и формально подготовлены к тому, что им предписано. Однако глубинные причины их деяний в большой степени обусловлены нарциссизмом, и потому мешают точному прогнозу изменений в их дефиците самоопределения. Один может отринуть сексуальную жизнь вообще и заняться сублимацией, другой, страдавший серьезным фимозом, наконец, решается на операцию, третий так упрощает серьезность совершенных им деяний, что терапию можно было бы продолжать на протяжении нескольких лет, и безуспешно. На данный момент, во всех случаях принудительного лечения не было ни одной попытки рецидива, закончившейся преступным действием.

В случае матерей, осужденных за инцест (они крайне редко осуждаются) и даже освобожденных, вопрос рецидива встает крайне остро, обязывая особо ответственных ювенальных судей оценивающих опасность близости матери для ребенка, организовывать судебно-социальное наблюдение за всеми членами семьи, в том числе и за ребенком. Перед социальными работниками и терапевтами ставится задача улучшить взаимоотношения матери и ребенка в отсутствие предварительных санкций.

Например, как работать с этими взаимоотношениями или, перефразируя слова эксперта, как улучшить этот так называемый «педагогический стиль» (sic), если сомнительная позиция матери трактуется как «сомнительные культурные обычаи, не позволяющие утверждать о намерениях матери получить сексуальное удовольствие от своего ребенка»!

Если проблема в культуре, значит, нельзя говорить о сексуальных намерениях, и, следовательно, о наказуемом преступлении!

В 1990 году нам доказывали, что пощечина менее ощутима, если допустима культурой народа. Наши стажеры в Северной Африке активно доказывают неправоту подобных измышлений, граничащих с обыкновенным расизмом.

В этих распространенных случаях судебно-социальное наказание предписывает, по закону, постоянную связь со служ-

бами пробации, следящими за исполнением закона. Отметим реальную заинтересованность данных служб в системном освещении нами случаев жестокого обращения. Мы рады помочь этому учреждению лучше понять сложность устройства семей, из которых происходят преступники на сексуальной почве.

Еще рано серьезно судить об эффективности нового вида наблюдения, но мы разделяем мнение судьи, цитировавшегося выше: начать основательную работу возможно даже в рамках принудительной меры.

РИСК РЕЦИДИВА

Согласно отчету сенатора Бембене:

> *Опасность рецидива возрастает с количеством совершенных преступных действий: минимальная в случае совершивших первое преступление, она удваивается при первом рецидиве и может составлять до 40-50% для повторно осужденных*[380].

Возможно, это происходит потому, что перспектива лечения не рассматривалась. Это подтверждает нашу теорию о некой форме сексуальной наркомании у этих насильников. Даже после приговора статистика рецидивов остается высокой, согласно мета-анализу шестидесяти одного исследования, проведенного по всему миру с 23 393 испытуемыми. 13% сексуальных преступников повторяют содеянное в течение четырех-пяти лет после выхода на свободу[381].

С нашей точки зрения, инцест - драма, которую переживают aminima трое: отец, мать и ребенок, на протяжении нескольких поколений. Риск рецидива увеличивается с неверной оценкой

[380] Комиссия по социальным вопросам, заключение №51, 1997-1998 г.

[381] G. Antonowicz,Agressions sexuelles, la réponse judiciaire, Paris, OdileJacob, 2002, p. 183. Процитировано журналом Центра наркомании и психического здоровья (CTMS, признанным ВОЗ центром передовых технологий), университет Торонто, январь-февраль 2000 г.

бессознательного содействия матери. В настоящее время это одна из самых актуальных проблем, быстро набирающих злободневность. Социальные работники просыпаются: «Можно ли срочно начать семейную терапию? Его через месяц выпускают!» Подразумевается, что он возвращается в дом, где его, как ни в чем не бывало, ждут жена и дети. Заранее не предусмотрели никаких мероприятий, с помощью которых можно было бы выяснить реальную, а не выдуманную защитническую позицию матери.

Кстати, именно на первых сеансах терапии эти работники будут больше всего страдать, так как окажутся в центре системы, характеризующейся жестоким обращением, и будут вживую наблюдать признаки тайной связи матери с насильником, а также ее притворства при принятии опеки. Что еще тяжелее, это осознать освобождающий эффект сеансов для жертв, которые, к сожалению, знают об этих двойных связях все. Выше уже упоминалось о некоторых работниках, признававшихся, что сеанс их вымотал. Однако их интеллектуальная честность заставляет их сказать и о своем удивлении относительно того, что мать и дети не восприняли сеанс терапии как посягательство. Это противостояние в центре смерча сметает все их прежние убеждения. Мы безуспешно размышляли над тем, как смягчить шок, но это испытание огнем неизбежно. Мы охотно обсуждаем эту тему каждый раз, отвечая на все вопросы, мучающие их: «Мне действительно необходимо прийти в следующий раз?», «Почему вы так прямо выражаетесь?», «Может быть, можно поговорить в отсутствие детей?», «Мы не можем обсуждать с семьей их личные вопросы, это их дела!», «Какая от нас польза?», «Вы путаете воспитание и терапию!»

Здесь нужно признать, что шок от прямых вопросов, которые терапевт задает при детях, очень важен. Вес каждого слова, впечатление от образов, все вместе имеет целью сформировать ранее отсутствовавшую бдительность, и таким образом предотвратить рецидив, а также рецидив их наивности.

15.От одной эпохи к другой

ДВА СЛУЧАЯ ОТЦЕУБИЙСТВА

Виолетта

Можно будет оценить путь, проделанный в течение семидесяти пяти лет в исследовании данного типа инцеста, рассмотрев исторический пример Виолетты Нозьер, крайне поучительный. Произошло это в 1933 году.

> *Отцеубийство чуть не дополнилось матереубийством. Она к тому же обвиняет в инцесте собственного родителя! Она возмущает общественное мнение, ведь речь идет об уважаемой семье*[382].

Напомним, что Виолетта Нозьер сначала была приговорена к смерти в 1934 году, несмотря на то, что данный вид наказания не применялся к женщинам, а позже амнистирована президентом Республики Альбером Лебреном в 1942. Ее смертный приговор был заменен на пожизненные принудительные работы, позже Петен уменьшил срок до двенадцати лет тюрьмы. В 1945 году генерал де Голль аннулировал постановление о высылке на двадцать лет. Нозьер освободилась в том же году и вышла замуж за секретаря тюрьмы города Ренна. В 1963 году ее, наконец, реабилитировал суд Руана. Она получила все

[382] J. Pierre, « Préface », in Violette Nozière. Poèmes, dessins, correspondance, documents, Paris, Le Terrain Vague, 1991.

гражданские права, с нее была снята судимость. Она умерла три года спустя.

Во время этого знаменитого процесса заместитель прокурора возмущался в обвинительной речи в стиле эпохи:

> *Когда мы проследим ход трагедии, я попрошу вас, уважаемые присяжные, приговорить к высшей мере наказания сию ничтожную девку, которая, не удовольствовавшись убийством, разразилась над могилой жертвы, собственного отца, неслыханной клеветой и ложью, порожденными ее извращенным воображением.*

В сознании прокурора обвинения в инцесте хронологически следуют за убийством, как лишнее доказательство извращенности преступной натуры девушки. Защищаясь от народного возмущения, через несколько месяцев после начала тюремного срока Виолетта написала отказ от данных ею показаний об инцесте. Кроме того, мать девушки тем временем подала против нее гражданский иск. Видимо, юную заключенную сломила атака матери, подтверждающая пассивное содействие последней. В контексте эпохи, можно предположить, что ее адвокат - никогда не подводивший Виолетту - посоветовал ей эту стратегию.

В 1935 году, на пике давления со стороны СМИ, нейропсихиатр парижской больницы Сальпетриер профессор Эйер дал интервью журналу «Intransigeant»[383]:

> *Эта маленькая тигрица-извращенка. Ясно, что Виолетта Нозьер должна исчезнуть… Вы хотите совета? Давайте не будем много говорить о Виолетте Нозьер.*

Он все же задавался следующим вопросом:

---

[383] Так же.

Никакое наказание не помешает ее подражателям. Необходимо принимать предупредительные меры, ставить предварительный диагноз, который в случае Виолетты Нозьер должен был быть поставлен еще в школьном возрасте.

В статье под названием «Демон полового поведения»[384] немецкий сексолог Хиршфельд сравнивал Виолетту Нозьер с Бренвилье, знаменитой отравительницей XVII века[385]. Так он объяснял природу отцеубийства:

Эта восемнадцатилетняя девушка, убив своего отца, обвинила его в насилии над ней с двенадцатилетнего возраста. Однако мы можем утверждать, опираясь на большой опыт в сексологии, что опасно было бы верить заявлениям Виолетты Нозьер, что не исключает необходимости их контролировать. Подобные обвинения сексуального характера часто возникают по причине эротико-истерического воображения юных девушек в конце подросткового возраста и объясняются нуждой объяснить и простить себе некоторые недостатки. […] Несмотря на всю тонкость исполнения преступления, нельзя исключать возможность частичной дебильности.

Эти рассуждения не так далеки от мнения госпожи де Севинье, также уверенной в своей оценке трагедии Бренвилье:

Ее злая душа должна быть изолирована от остальных. Лучше всего - уничтожить ее; мы разделяем ваше мнение:

[384] Там же.

[385] 10 июля 1676 г. Мари-Мадлен Дре д'Абре (супруга А. Гоблена, маркиза де Бренвилье) была осуждена за отравление своего отца и братьев и попытку убийства своей сестры. Она призналась в преступлениях, после чего была обезглавлена и сожжена.

это безделушка по сравнению с тем, как она восемь месяцев кряду убивала собственного родителя, получая от него ласки и нежность, в ответ на которые она все удваивала дозу[386].

Подогревая скандал, поднявшийся по делу Нозьер, сюрреалисты поддержали отцеубийцу[387], опубликовав в Бельгии серию рисунков и текстов в ее защиту. Андре Бретон так высказался по поводу имени Виолетты (во французском языке имя Виолетта созвучно со словами viol, изнасилование, и violence, насилие - *прим. пер.*):

История показала, что господин Нозьер оказался человеком дальновидным: не только потому, что сэкономил шестьдесят пять тысяч франков, но в особенности потому, что выбрал для дочери имя, в первом слоге которого при помощи психоанализа можно угадать ее будущее […][388].

Остаются без ответа многие другие вопросы: как прошло детство ее отца, почему говаривали, что ее дед по отцовской линии имел половую связь с невесткой?

Один из психиатров, не осматривавший юную отцеубийцу, открыто говорит о предшествовавших посттравматических расстройствах, обнаружившихся у нее в начальной школе, которые сегодня, надеемся, многое скажут экспертам: боли в животе, необъяснимые приступы, задержка роста и, позднее, непостоянство в половой жизни и проституция.

---

[386] Mme de Sévigné, « L'exécution d'une empoisonneuse », lettre du 29 juillet 1676. (http://french.chass.utoronto.ca/free180/Empoisonneuse.html)

[387] Breton, Char, Eluard, Messens, Moreau, Péret, Rosey, Dali, Tanguy, MaxErnst, Magritte, Arp, Giacometti, Tracts surréalistes, Paris, Eric Losfeld, 1980 (réédition du t. I de 1934).

[388] Там же.

Сандрин

Шестьдесят пять лет спустя, в 1993 году, другая девушка-отцеубийца была судима в радикально отличающихся условиях. Она стала первой оправданной отцеубийцей. Возможно, дело Нозьер помогло рассматривать отцеубийство иначе, чем непростительное преступление.

> *В XIX веке отцеубийце перед казнью отрубали кисть руки. Потом эту часть наказания убрали из закона[389], но осужденный до сих пор должен был идти к месту казни босым, в рубашке и черном платке, покрывавшем голову. Обвиняемый должен был стоять на эшафоте, пока зачитывался приговор[390].*

Сегодня за отцеубийство приговаривают к пожизненному тюремному заключению. Тем не менее, суд присяжных может уменьшить наказание до двух лет тюрьмы при наличии смягчающих обстоятельств.

Оправдана в убийстве отца-кровосмесителя[391]

Выйдя из предварительного заключения, Сандрин по совету отчима пришла к нам на консультацию. Вначале она готовилась к будущему процессу, то есть с трудом училась формулировать словами перенесенное сексуальное насилие, шантаж и угрозы отцовским ружьем. Она провела несколько месяцев заключения в упорном молчании, после чего все же смогла рассказать о своей двойной тайне, инцесте со стороны отца и отцеубийство.

«Это ружье - все мое детство!»

Ее оправдали после получасового совещания. Старый жандарм, завсегдатай залов суда, угадал и прошептал на ухо свидетелю-те-

---

389 Закон от 28 апреля 1832 г.

390 Georges Levasseur, Éditions Techniques Juris-Classeurs, 1969.

391 D. Conil, « Acuittée du meurtre de son père incestueux », Libération, 9 juillet 1993.

рапевту: «Если вердикт вынесут быстро, он будет оправдательным.» Немного ранее, пользуясь своим исключительным правом, президент попросил психотерапевта, которая с самого начала прений находилась в зале, дать показания. Он спросил: «Имеет ли то, что происходит здесь, влияние на обвиняемую?» Этот необычный вопрос иллюстрирует степень понимания крайне компетентного судьи, и он позволил свидетелю-терапевту рассказать присяжным и зрителям о терапевтическом воздействии уголовной процедуры на человека, совершившего тяжкое преступление, и являющегося, в свою очередь, жертвой морального преступления - инцеста.

«Удивительно справедливый суд»

Процесс корректно освещался в СМИ, и этот особенный его аспект - влияние на подсудимую - не ускользнул от журналистки «Le Monde», которая пишет:

> *Председатель суда присяжных, Ален Дюбрей, даже предполагает возможность «восстановления» личности девушки благодаря процессу.*

Говорить о переживаниях после инцеста больше не кажется немыслимым.

> *Не умалчивается ничего, ни одна подробность, ни одна из перенесенных жестокостей. Дело не в садизме, здесь свершился удивительно справедливый суд над молчанием, над трусостью тех, кто так долго закрывал на все глаза. Публичный рассказ о самых позорных деяниях становится не пищей вуайеристов, а реабилитацией убийцы-жертвы*[392].

Скорее жертва, чем обвиняемая:

> *Заместитель прокурора Эмманюэль Жерар потратил более четырех минут, чтобы объяснить присяжным, что*

[392] A. Logeart, «L'acquittement d'une parricide aux assises du Val-d'Oise, l'amour en trop », Le Monde, 8 juillet 1993.

можно совершить преступление, не будучи за него ответственным[393].

«Libération» откликается публикацией:

Присяжные почти не смотрят на фото убитого и совещаются лишь полчаса. Председатель Дюбрей ругает девушек, аплодирующих оправданию Сандрин, прислоняется к стене и с улыбкой смотрит, как Сандрин обнимает Сандру (еще одну жертву отца)[394].

Действительно, совместный словесный рассказ о преступлениях, об инцесте и отцеубийстве, когда убитый, естественно, больше не мог защищаться, имел большую ценность для понимания данного конкретного дела.

Только в 2002 году можно было наблюдать новое *осознание судом места, занимаемого "моментом процесса" в рамках долгого пути в виде катарсиса*[395]*, в конце которого раны жертвы залечиваются*[396].

Можно лишь приветствовать развитие общества, начинающего, наконец, осознавать, что извращение и инцест не касаются лишь несовершеннолетних. Оправданная, но все равно виновная в преступлении, которое она себе никогда не простит, Сандрин начала новую жизнь с женихом. Этот человек ранее помог ей рассказать о перенесенных актах насилия, особенно отвратительных, происходивших в период, когда мать при разводе оставила ее с отцом. Сандрин было двенадцать, возраст Виолетты Нозьер, когда та впервые пережила инцест.

393 Там же.

394 D. Conil, « Acuittée du meurtre de son père incestueux », op. cit.

395 Катарсис: сильное эмоциональное потрясение, вызванное символическим отображением пережитой травмы.

396 Ж.-О. Виу, Генеральный прокурор апелляционного суда Гренобля, участие в отчете для министра юстиции «Хорошее обращение с жертвами преступлений», март 2002 г., Министерство юстиции, с. 56. Ж.-О. Виу руководил группой, сформированной министерством с целью анализа слушания процесса Утро (условий восприятия присутствовавшими показаний детей и проведения экспертиз) и формулирования предложений о реформе.

Эпилог

Поколение «после откровения»

Сразу после событий 1968 года во Франции постепенно прояснилась царившая ранее путаница в отношении, например, гомосексуальности и педофилии. Ей на смену пришло феминистское движение и планирование семьи. Затем наступил черед публичных выступлений Евы Тома, положивших конец замалчиванию инцеста и сыгравших важную роль в признании насилия над детьми и женщинами и утверждения соответствующего наказания. Борьба еще не окончена. Недавняя трагическая кончина актрисы Мари Трентиньян, возможно, вновь поднимет на поверхность эти до сих пор актуальные проблемы.

Наш системный взгляд дает нам надежду на прекращение повторения одних и тех же несчастий из поколения в поколение. Спустя пятнадцать лет после публикации первого издания «Немыслимой жестокости», мы видим, оглядываясь назад, что у первых маленьких пациенток, чьи рисунки идут друг за другом в этой книге, судьбы сложились по-разному. Одрэ повезло, ее отец признал вину, и был судим. Софи же отдали отцу-кровосмесителю, не признавшему ни одно из вменявшихся ему в вину деяний.

Сейчас они обе достигли совершеннолетия. Одрэ учится в университете и ее встреча с раскаявшимся отцом прошла успешно, несмотря на еще существующую скрытую опасность для ее психики. Она, как и он, осознает серьезность совершен-

ного над ней насилия. Отец Софи до сих пор отрицает вину, результатом чего стала серьезная посттравматическая амнезия Софи и ее увлечение философией и мистикой. Возможно, что ее выбор спутника жизни и манера воспитывать детей окажутся противоречивыми. Мы считаем, что у Одрэ объективно больше шансов не воспроизвести бессознательно схему прошлых извращений, и боимся, что жизнь Софи будет сложной и трудной.

Возможно, Одрэ сможет попросить о помощи, если таковая понадобится, так как она разрушила механизм принуждения. Софи более подвержена риску оставаться в безграничном подчинении. Но мы еще надеемся, что Софи в будущем сможет прийти к терапии.

В отличие от традиционных представлений о том, что развитие детей-жертв застывает, ребенок, подвергавшийся жестокому обращению, необязательно с точностью воспроизводит насилие во взрослом возрасте. Следы пережитого остаются навсегда, но их можно успешно контролировать, в чем мы убеждаемся ежедневно. Именно поэтому возможны браки по любви, рождение детей в нормальных условиях. Потенциально опасные первые годы жизни у этого нового поколения пройдут в идеальной гармонии.

Нам очень приятно регулярно получать благодарности от бывших пациентов, эти непосредственные свидетельства успеха такой трудной терапии. Эти фотографии свадеб, новорожденных и любых других признаков успеха помогают нам нести тяжкий груз мрачных, бесчеловечных предсказаний, обычно окутывающих всех пострадавших детей, пока они не смогут превратить свою печальную судьбу в сияющую победу.

Благодарности

Робер Месле и Терез Буш знают, сколь многим мы им обязаны; без остроумия Робера и его любви к деталям, без терпения и участия Терез мы, может быть, не написали бы эту книгу.

Мы благодарим Сохкну Фолл за годы плодотворного сотрудничества.

Прокурор-поэт Мишель Редон щедро предложил нам позаимствовать его собственные тексты, что мы и сделали. Мы от всей души благодарим его.

Мы также благодарим двух первых слушательниц курса права в Национальной судебной школе, Стефани Иссенлор и Каролин Энок, за свежесть взгляда и способность интегрироваться во время стажировки в Центре Бют-Шомон, наших деятельных «маленьких судей».

Выражаем особую благодарность нашему хорошему другу, мэтру Пьеру-Оливье Сюру из коллегии адвокатов Парижа, бывшего с нами с самого момента основания Центра.

Особое спасибо хотим сказать мэтру Натали Фосса, адвокату из коллегии адвокатов Парижа и члену группы,

уполномоченной Канцелярией на проведение анализа судебного рассмотрения дела Утро́, за ее юридические советы и вычитку рукописи.

Без информации, предоставленной SNATEM, Фонда защиты детей, бюро защитницы детей, бригады по делам несовершеннолетних Парижа, эта книга не была бы подкреплена последними данными.

Мы очень благодарны Жаннин и Анри Месле за теплый прием в их сказочном доме, где мы могли работать во все времена года…

Лоррис, 25 мая 2004 года.

Мартин НИСС, Пьер САБУРЕН

КОГДА У СЕМЬИ ЕДЕТ КРЫША

Инцест, педофилия, жестокое обращение с детьми

Верстка Ольги Петровой

Подписано в печать 30.10.2013.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24. Тираж 2000.
Заказ №3091.

©BICE 2013
BICE – Bureau International Catholique de l'Enfance
(БИСЕ – Международное Католическое Бюро Ребенка)

Отношения с общественностью и донорами
(местонахождение юридического лица)
70, boulevard de Magenta 75010 Paris, France
Тел: (0033)1 53 35 01 00
bice.paris@bice.org

Программы и проекты:
Африка, Латинская Америка, Азия, Европа и СНГ
205, chaussée de Wavre 1050 Bruxelles, Belgique
Тел: (0032)2 629 44 10
bice.bruxelles@bice.org

Исследование и Развитие
Постоянное представительство при ООН
44, rue Lausanne, 1201 Genève, Suisse
Тел: (0041)22 731 32 48
advocacy@bice.org

www.bice.org